

Аргументы и факты

Антуанетта Мэй

ЖЕНА ПИЛАТА, ИЛИ ТАЙНА ПРОКУРАТОРА

Коллекция мировой литературы

OZON.ru

ЖЕНА ПИЛАТА, или ТАЙНА ПРОКУРАТОРА

Антуанетта Мэй

Аннотация
А.
Мэй. ЖЕНА ПИЛАТА, или ТАЙНА ПРОКУРАТОРА
*
К читателю
Пролог
Часть I. МОНОКОС. Второй год правления Тиберия. (16 год н.э.)
Глава 1. Мой чудесный дар
Глава 2. Триумф
Глава 3. Вслед за триумфом
Глава 4. Глас Исиды
Глава 5. Поиски Исиды
Глава 6. Обитель Исиды
Глава 7. Посвящение
Глава 8. После встречи с Исидой
Часть II. АНТИОХИЯ. Восьмой год правления Тиберия. (22 год н.э.)
Глава 9. Заклинание
Глава 10. Гимн Гименею
Глава 11. Два испытания

Глава 12. Проклятие
Глава 13. И благословение
Глава 14. Все дороги ведут в Рим
Глава 15. Тайное средство
Глава 16. Два суда
Глава 17. Целительный сон
Глава 18. Асклений
Глава 19. Служительница Исиды
Часть III. РИМ. Тринадцатый год правления Тиберия. (27 год н.э.)
Глава 20. Выбор Марцеллы
Глава 21. Месть Весты
Глава 22. Моя вторая мать
Глава 23. Титания
Глава 24. Цирк
Глава 25. Голтан
Глава 26. Мой выбор
Глава 27. Последнее свидание
Глава 28. Обитель тайн
Глава 29. Богиня Ливия
Часть IV. КЕСАРИЯ. Шестнадцатый год правления Тиберия. (30 год н.э.)
Глава 30. В Храме Господнем
Глава 31. Каиафа
Глава 32. Дворец Ирода
Глава 33. Служительница Ашторет

Глава 34. Свадьба
Глава 35. Посыльный
Глава 36. Триумф
Глава 37. Просьба Голтана
Глава 38. Мое видение
Глава 39. Мое решение
Эпилог

Аннотация

Клавдия Прокула. Супруга прокуратора Иудеи Понтия Пилата. Женщина, подлинная история жизни которой обросла множеством легенд, переживших века. Жена человека, некогда решившего судьбу безродного философа по имени Иисус из Назарета... Ясновидящая, чьи предсказания неизменно сбывались... Свидетельница, рассказавшая о драматических событиях, которые стали основой Нового Завета.

А. Мэй
ЖЕНА ПИЛАТА, или ТАЙНА ПРОКУРАТОРА

Моему мужу Чарлзу Герндону

*

Что такое истина?
Понтий Пилат

К читателю

Журналистика — прекрасная профессия. Она позволяет мне совать нос везде и всюду, рыться в исторических документах, старых газетах и письмах. Представляется возможность задавать любые вопросы кому угодно. Чаще всего я получаю ответы, которые можно подкрепить беседами с другими людьми или проверить их, сопоставляя с известными фактами. С пятнадцати лет, когда я начала работать на журналистском поприще, я только и делала, что выуживала информацию о том, кто, что, почему и как.

В силу своей любознательности от репортажей я перешла к описанию портретов и жизненного пути людей. Результатом нескольких интервью и архивных исследований стали такие произведения, как «Пылкий пилигрим» — повествование о драме, пережитой археологом Элмой Рид в 1920-е годы, «Свидетель войны» — рассказ о военном корреспонденте, лауреате Пулитцеровской премии Мэгги Хиггинс, и «Приключения экстрасенса» — история жизни современной ясновидящей Сильвии Браун.

Биограф должен быть детективом, писателем

и историком. Я начала работать над романом «Жена Пилата» четырнадцать лет назад, как и над другими книгами, с исследования. Для этого снова пришлось взяться за учебу. Трудно переоценить сведения, полученные за шесть лет на отделении древней истории Стэнфордского университета. Замечательные педагоги раскрыли передо мной мир Рима и Иудеи, каким он был в I веке н.э. Обогащенная знаниями по истории, искусству, философии, литературе, архитектуре и мифологии тех времен, я затем посетила Италию, Турцию, Египет и Святую землю и познакомилась с памятниками старины.

А как же Клавдия Прокула? Она родилась, мечтала, умерла. Неужели больше ничего не известно о призрачной жене Понтия Пилата? Впервые я почувствовала себя стесненной в рамках обычного биографического жанра. Вскоре стало ясно, что мне предстоит проникнуть в менее знакомый мир воображения. И как только я окунулась в него, один за другим стали приходить ответы на вопросы, всегда интересовавшие меня как репортера. Медленно, почти робко, появилась Клавдия, дав мне возможность рассказать историю ее жизни.

Пролог

Прежде всего должна признаться: я не была там, где произошло распятие. Если вы ждете от меня подробностей трагического события, то напрасно. Я приложила немало усилий, чтобы не допустить этого-, и, конечно, рассказала Пилату, какой мне приснился сон. Ничего не зная о подлинных событиях, некоторые считают меня героиней. Сейчас Иисуса, рожденного Марией, называют Богом или по крайней мере Сыном Божьим.

В те дни Иерусалим бурлил как кипящий котел. Пилат не позволил бы мне присутствовать на публичной казни. Но какое значение имеют запреты? И разве остановят меня какие-нибудь опасности, если я на что-то решилась? По правде говоря, не хотелось видеть, как в предсмертной агонии мучается человек. Кем он был на самом деле, я не знаю до сих пор. Некоторые евреи видели в нем мессию, а священники обвиняли его в том, что он возмущает чернь. Если их народ не нашел согласия между собой, то как мы, римляне, могли об этом судить?

Я прекрасно помню Пилата в те дни: как све-

тились его голубые глаза, каким ясным и проницательным умом он обладал! Мы были уверены, что Иудея — лишь начало его блистательной карьеры. Однако Исида распорядилась иначе.

Сюда, в Галлию, нас привел увиденный мной сон. Да, они, как и прежде, одолевают меня. В отличие от других этот сон вызвал приятные ощущения. Мне приснилось, будто я снова в Монокосе, небольшой деревушке на берегу Средиземного моря, будто я маленькая девочка, беззаботная и беспечная, плескаюсь в волнах, строю песочные замки, и Германии здесь, рядом, смотрит на меня, как раньше, а легкий ветер покачивает гребешок из перьев на его шлеме. Я проснулась с мыслью, что в Монокосе нам будет хорошо.

Воспоминания, нахлынувшие на меня здесь, приносят утешение. Часто, когда я сижу на солнце, а у ног плещутся волны, я вспоминаю те дни и произошедшие в последующем события. Сейчас у меня гостит внучка Селена. Она приплыла вчера на римском судне.

— Расскажи мне все, как было, — упрашивала она. — Ничего не скрывая.

Поначалу эта идея показалась мне абсурдной. Стоит ли ворошить прошлое?.. Дни проходят, ве-

тер с моря несет прохладу, ночью слышится шум прибоя. Селена придет ко мне завтра. Я готова начать свой рассказ. Настало время поведать, что случилось. Все по порядку.

Часть I. МОНОКОС
Второй год правления Тиберия (16 год н.э.)
Глава 1
Мой чудесный дар

Не так-то просто иметь двух матерей. Первая, давшая мне жизнь, — Селена—небольшого роста, темноволосая и очень женственная. Вторая — ее кузина Агриппина, высокая, с рыжевато-каштановыми волосами, доводилась внучкой императору Августу.

Мой отец командовал войсками во время покорения рейнских племен и подчинялся лишь мужу Агриппины — Германику, предводителю похода и законному преемнику императора. Мы с сестрой Марцеллой подрастали, живя то в одном армейском лагере, то в другом, и часто наведывались к Агриппине, относившейся к нам как к дочерям. Она обожала сыновей, но все дни они проводили с наставниками, обучавшими юношей владению мечом, копьем, секирой и щитом. А мы, девочки, находились полностью под ее опекой, и она распоряжалась нами как ей

заблагорассудится.

В десять лет мне наскучила бесконечная болтовня старших сестер. Кто из военачальников самый красивый? Какая стола самая изящная? Какое это имеет значение?! Когда я читала Сапфо[1], Агриппина вырвала свиток из моих рук. Глядя на меня в лучах утреннего солнца, она пришла в восторг от моего профиля.

— Твой нос, как у настоящей патрицианки, но эти волосы!

Агриппина схватила со стола золотую расческу и стала то так, то сяк укладывать их. Затем, настойчивым движением руки заставив меня сидеть прямо, она принялась стричь волосы. Рабыни быстро подмели густые локоны, упавшие на пол.

— Ну вот! Так гораздо лучше. Подними выше зеркало, — сказала она Марцелле. — Пусть посмотрит на себя сзади и сбоку.

Агриппину, уверенную в собственной правоте, всегда переполняли идеи. Я взглянула на Марцеллу, кивнувшую в знак одобрения. Непослушные

---

[1] Примечания: 1

Сапфо (Сафо) — древнегреческая поэтесса (VII—VI вв. до н.э.), жила на острове Лесбос, обучала знатных девушек музыке, сочинению песен и пляскам; ей приписывается воспевание лесбийской любви. — Здесь и далее примеч. пер.

волосы укрощены, подстрижены, зачесаны назад и перевязаны лентой так, что они ниспадают каскадом.

Агриппина внимательно окинула меня взглядом:

— Ты в самом деле очаровательна, нет, не красавица, как Мар-целла, но все же... — Она снова посмотрела на мою сестру: — Что и говорить, ты — настоящая роза, а Клавдия... Кто же у нас тогда Клавдия?

Она стала доставать из комода и перебирать какие-то платки, ленты.

— Ну, так и есть! Как это мне раньше не приходило в голову? Ты — наша маленькая колдунья, робкая, неземная. Твой цвет — чистый пурпур. Носи его всегда!

«Носи его всегда!» Агриппина любила повелевать. Куда денешься от ее напора? Мама пришла в ярость.

— Эти локоны были у тебя с младенческих лет! — гневно набросилась она на меня, когда я вернулась домой в пурпурной тунике, украшенная цветами, платками и лентами.

Так у них происходило все время, а я оказывалась как между двух огней.

Но по сей день я обожаю пурпурный цвет и

горжусь своим профилем.

Всегда кто-нибудь считал своим долгом и обязанностью навязать мне свою волю. Вне всякого сомнения, это — мои отец и мать, а также Германии и Агриппина; их я называла дядя и тетя. Моя сестра Марцелла, будучи старше меня всего на два года, пыталась показать свое превосходство, меня поучали и наши богатые кузины Юлия и Друзилла, их братья Друз, Нерон и Калигула. Калигула не упускал случая, чтобы подразнить меня или устроить какую-нибудь каверзу. Он любил засунуть язык мне в ухо и только смеялся, когда я давала ему оплеуху. Неудивительно, что я хотела иметь своих друзей.

Вероятно, в то безмятежное время я обнаружила у себя способность предвидения. Уже в детстве я часто знала, что к нам кто-то идет, еще до того, как раб сообщал о прибывшем. Это происходило вполне естественно, и я не понимала, почему другие удивляются и думают, будто я их разыгрываю. Поскольку такая прозорливость казалась мне пустяком и редко приносила пользу, я не придавала ей особого значения.

Другое дело сны. Они начали одолевать меня, когда мы жили в Монокосе, небольшом городе на юго-западном побережье Галлии. Иногда стоило

мне закрыть глаза, сразу же появлялись различные видения, какие-то обрывки снов. Я мало что помнила и еще меньше понимала, но всегда просыпалась с вызывающим дрожь чувством нависшей опасности. Ночные видения становились все более частыми и захватывающими. Я боялась засыпать и долго лежала в темноте, не смыкая глаз. В десять лет мне приснился сон, ужаснувший меня настолько, что я не могла забыть его и последовавшие затем события.

Мне приснилось, будто я нахожусь в дремучем лесу, куда не проникали лучи солнца. Мокрые листья хлестали меня по лицу, и я, дрожа от холода, вдыхала влажный запах тления. Я тщетно пыталась вырваться из объятий кошмарного сна, но он держал меня, как узника в заточении. Странные, вселявшие страх люди окружали меня, распевая что-то непонятное. Когда они плотным кольцом стали надвигаться на меня, я увидела на них доспехи легионеров — не такие, как у наших воинов. Их лица перекосила злоба и ненависть. Вперед вышел здоровенный детина, страшенный, с изъеденным оспой лицом, а за ним плелся волчонок. На призывные выкрики верзилы толпа отозвалась громким гиканьем, эхом прокатившимся по темному лесу. Громила

выхватил меч и наклонился к волчонку, доверчиво тершемуся у его ног. Одним махом он пронзил ничего не подозревающее животное. Волчонок завизжал, или это была я, закричавшая во сне? В последний момент волчонок превратился в моего дядю. Милый моему сердцу Германии умирал у моих ног.

Отец и мать стали успокаивать меня, но я не могла выбросить из головы ужасную сцену.

— Германика хотят убить, — задыхаясь, прошептала я. — Вы должны спасти его.

— Обсудим это завтра, любовь моя, — сказал отец, нежно поглаживая меня по голове.

Но утром разговор не состоялся. Родители не сочли кошмарный сон ребенка основанием для беспокойства за жизнь полководца. Спустя два дня, когда была получена весть об угрозе бунта в Германии, я видела, что они обмениваются встревоженными взглядами.

В те дни я любила уединяться в укромном местечке среди скал на берегу моря. Во время отлива я пробиралась туда, где меня могли видеть только крошечные морские существа. Вот там и нашел меня Германии. Он лег передо мной на камни, так что мы оказались лицом к лицу.

— Итак, среди нас есть колдунья, — произнес

он.

Я отвернулась.

— Отец не придает этому значения.

— Я отношусь к твоему сну со всей серьезностью и прислушаюсь к этому предостережению. — Рукой он коснулся моего плеча. В карих глазах Германика засветилась улыбка. Он ближе придвинулся ко мне и заговорил серьезным тоном, как со взрослой: — Мы все отправляемся в Германию. Агриппина намерена своим присутствием поднять моральный дух у воинов в этом злополучном уголке империи. Одному Юпитеру известно, что за причина у тамошнего легиона восставать. У некоторых из них родились дети, которых они никогда не видели...

Он умолк.

Что произошло? Я вопросительно посмотрела на него. По красивому, склонившемуся надо мной лицу пробежала тень. Между бровями пролегла складка. Я робко положила свою ладонь в руку Германика. Он улыбнулся:

— Тебе нечего тревожиться, крошка. Все обойдется, вот увидишь. Агриппине нужна спутница. Я попросил Селену сопровождать ее. Поскольку мои дети тоже едут, почему бы вам с сестрой не составить им компанию?

Мама негодовала. В домашнем кругу она называла Агриппину взбалмошной и безрассудной.

— Пускаться в такое путешествие на седьмом месяце беременности! — возмущенно говорила она отцу, не подозревая, что я наблюдаю за ними из алькова. Ее лицо подобрело, когда она обняла его за плечи. — По крайней мере я буду с тобой, не придется сидеть дома и дрожать от страха. Я беспокоюсь больше всего о девочках. Как мы можем оставить их, когда Агриппина берет с собой своих дочерей и устраивает из этого фарс?

Я обвела взглядом знакомую комнату, будто оказалась в ней впервые. Стены темно-красные с глянцевым блеском. Отец видел такие в Помпеях, и они ему очень понравились. Желая сделать ему приятное, мама решила покрасить стены в такой же цвет и настойчиво добивалась от маляров, чтобы они подобрали соответствующий тон краски. В нишах — бюсты предков. Своеобразную живописность и выразительность придавали убранству комнаты сувениры, привезенные из разных мест. В ней стояли кушетки с красочными покрывалами и ярко-зелеными и пурпурными подушками, на стенах развешаны гобелены. Мама создала райский уголок в армейском лагере, и мне не хотелось покидать его.

Я сидела с мамой, Агриппиной и другими девочками в запряженной лошадьми повозке, а мой гнедой Пегас плелся сзади на привязи. Мы играли в слова, чтобы скоротать время. Агриппина бодрым голосом снова и снова повторяла, что все идет хорошо. Мама говорила тихо и бросала на Агриппину сердитые взгляды. В конце концов им надоело играть, и, дав нам свитки, они стали шептаться между собой. То, что я услышала, потрясло меня: мятеж неизбежен. Что теперь делать Германику?

Виноградники и пастбища Галлии сменились густыми лесами Германии. Кусты царапали по бортам повозки. С веток деревьев за нами следили вороны. В высокой траве сновали кабаны. Я слышала волчий вой. Даже в полдень сквозь листву едва пробивались солнечные лучи, и мне казалось, будто мы на дне пропасти. Мои двоюродные братья Друз и Нерон, ехавшие на лошадях рядом с Герма-ником, часто поворачивались к отцу с напряженными лицами, а он ободряюще кивал им. Калигула скакал впереди, замахиваясь мечом на тени.

Дни шли за днями, а проводники продолжали вести нас по заросшим тропам. Колонна пеших солдат, по двое в одном ряду, извивалась подобно

гигантской змее под кронами деревьев. Наигранная веселость мамы и Агриппины пугала меня больше, чем лес. Я настояла на том, чтобы ехать на Пегасе рядом с Друзом, а гадкий Калигула отпускал ехидные шутки.

Поход через Галлию и по лесам Германии продолжался месяц. Наконец мы добрались до лагеря восставшего легиона. Навстречу нам, не произнося ни слова и озираясь по сторонам, вышли несколько бородатых легионеров. Мы не увидели ни одного офицера. Германик соскочил с лошади. Он выглядел спокойным и даже немного беспечным. Дав знак солдатам отойти назад, он один приблизился к вышедшим людям. Губы отца были плотно сжаты, рука лежала на рукоятке меча.

Толпа бунтовщиков наступала, слышались недовольные выкрики. К дяде подошел верзила, закутанный в потертые шкуры, и взял его руку, будто намереваясь поцеловать ее. Вместо этого он засунул пальцы Герм аника в свой беззубый рот. Другие — в тряпье и со шрамами на теле — сгрудились вокруг, пожирая меня глазами. Я подстегнула Пегаса, когда кто-то из толпы схватился за поводья. И тут я увидела копья с насаженными на них разлагающимися головами. Так вот почему нет офицеров! Тошнота подступи-

ла к горлу. Восставшие солдаты окружали нас все более плотным кольцом. Я стиснула зубы, чтобы они не стучали.

Германик приказал:

— Всем назад! Построиться!

Мятежники продолжали наседать. Я увидела, как папа сжал рукоятку меча, и подумала, чувствует ли Пегас, как трясутся мои ноги. Друз и Нерон подъехали ближе к своему отцу. Сердце у меня вырывалось из груди. Да, все так и случится. Отца и Герма-ника сейчас убьют вместе с Друзом и Нероном, которые всегда вели себя как взрослые в отличие от Калигулы. А потом эти свирепые и жестокие люди примутся за меня. Нам суждено 12 вот-вот умереть.

Отец вопросительно посмотрел на Германика. Полководец тряхнул головой, повернулся и легко запрыгнул на большой камень. Он, с высоты обозревавший место события, в своем панцире и поножах, в шлеме с гребешком из перьев, развевавшихся на легком ветру, казался мне преисполненным благородства. Германик начал говорить негромко, чтобы разгневанные люди притихли. Он отдал дань уважения недавно скончавшемуся императору Августу, воздал хвалу победам нового императора Тиберия и восславил

былую доблесть армии.

— Вы — посланцы Рима в мире, — произнес он. — Так где же ваша хваленая воинская дисциплина?

— Ты сейчас увидишь, почему ее не стало.

Вперед вышел седой одноглазый ветеран и сбросил с себя кожаный панцирь.

— Вот это я заработал от германцев. — Он показал шрам на животе. — А этим меня наградили ваши офицеры.

Он повернулся спиной, иссеченной шрамами.

По толпе прокатился злобный ропот, и посыпалась брань в адрес Тиберия.

— Императором должен быть Германик! — выкрикивали зачинщики. — Ты — законный наследник. Веди нас на Рим. Мы будем драться за тебя!

Разгневанные солдаты напирали. Я задрожала, когда они начали мечами стучать по щитам.

Германик выхватил из-за пояса меч и приставил его к своей груди:

— Лучше умереть, чем предать императора.

Высокий, крепкого телосложения человек, весь в шрамах, вышел вперед и обнажил свой меч:

— Возьми мой, он острее!

Когда разъяренная толпа окружила Германика,

Агриппина стала протискиваться к нему. Какой-то солдат, на голову выше ее ростом, попытался преградить дорогу, но она просто выпятила свой большой живот — осмелься кто-нибудь поднять руку. Ветераны со шрамами на лице, стоявшие с поднятыми мечами, медленно опустили их.

Солдаты расступились, и Агриппина гордо прошла к камню, где стоял ее муж. Толпа немного успокоилась, и мы с отцом спешились. Мама с Марцеллой вышли из повозки и встали рядом с нами. Мамины глаза сияли, на ее губах играла приветливая улыбка. Она велела нам взяться за руки.

Все взоры были устремлены на Германика. Он держался уверенно, голос звучал решительно и твердо:

— Именем императора я немедленно отпускаю в увольнение ветеранов, прослуживших в армии двадцать и более лет. Под знаменами остаются те, чей срок службы составляет шестнадцать лет, но их обязанностью будет только защита от нападения. Невыплаченное жалованье вы получите в двойном размере.

Солдаты подняли Агриппину и поставили рядом с мужем. Возвышавшиеся над толпой на большом плоском камне, они смотрелись вели-

колепно.

— Германии — ваш предводитель и мой повелитель, — произнесла она. — Как он скажет — так тому и быть. Он всегда выполняет обещание. Я прекрасно это знаю.

Она стояла с гордым видом, сохраняя невозмутимое спокойствие, хотя ее слова были встречены всеобщим молчанием. Вдруг кто-то выкрикнул:

— Германику слава!

Другие подхватили, в воздух полетели шлемы. От такого неожиданного поворота событий на глаза у меня навернулись слезы.

— Нам здорово повезло, — сказал отец. — А что, если бы они потребовали деньги сейчас?

Германик повлиял на мятежников, и Агриппина тоже, это признала даже мама. Как ни странно, лавры героя достались и Калигуле. Он родился в военном лагере, отец брал его еще ребенком в свои кампании. Мальчик носил сапожки наподобие армейских калиг. Калигула — значит «сапожок». Сейчас мало кто помнит, что его настоящее имя Гай.

Слухи о том, что германцы собрали силы и идут на нас, сплотили людей. Германик решил отправить женщин с детьми в небольшую деревушку Кельн за сорок миль отсюда. Обе наши семьи

поселили в бывшем постоялом дворе, слишком маленьком для всех нас. Я на дух не выносила тесное пыльное жилье и скучала по морю. Со всех сторон деревушку обступал густой сосновый лес, закрывавший вид на Рейн и не пропускавший слабые лучи зимнего солнца. Снег поначалу казался чудом, но от холода и слякоти становилось неуютно. Я чувствовала себя несчастной.

С каждым днем я замечала, как полнеет Агриппина. Все предрекали мальчика. Это придавало ей бодрости и помогало бороться с пронизывающим холодом, перед которым был бессилен любой огонь. Военные действия теперь велись в сотнях миль на северо-восток, и сведения о них приходили все реже и вызывали сомнения в достоверности. В конце концов мы перестали получать их вовсе. Где сейчас армия? Что там происходит?

Однажды среди ночи меня разбудил душераздирающий крик, похожий на вой дикого зверя в предсмертной агонии. Я вскочила на холодный как лед каменный пол, накинула новую волчью шубу и пошла по коридору на этот ужасный звук, доносившийся из комнаты Агриппины. Я остановилась в нерешительности, дрожа от страха и холода, когда дверь распахнулась и на пороге

появилась мама.

— Ой, как же ты меня напугала. — Она чуть не выронила из рук таз. — Ступай к себе, дорогая моя, и ложись спать. У Агриппины начались роды. Кричит, будто раньше никогда не рожала. Это у нее шестой.

Я ничего не ответила, не представляя, как Агриппина может страдать молча. Повитуха, толстая, как гусыня, носилась по коридору с такой быстротой, что за ней не поспевали две ее помощницы. Запыхавшись, одна несла таз, другая — поднос с мазями.

— Все скоро закончится, — уверила меня мама. — Иди спать.

Дверь закрылась. Я покорно повернулась, но таинство, происходившее внутри, не давало мне покоя. Крики Агриппины наконец прекратились. Неужели ребенок уже родился? Запах разогретого масла, сока айвы и мяты потянулся из комнаты, когда я осторожно приоткрыла дверь. Мама и все, кто там находился, с напряженными бледными лицами склонились над лежавшей в кровати Агриппиной.

— Ничего не понимаю, — прошептала мама. — Она идеального телосложения, как сама Венера. Такие женщины созданы, чтобы рожать.

Повитуха покачала головой:

— Хоть она и похожа на Венеру, надо молиться Диане. Все в ее руках.

У меня перехватило дыхание. Неужели состояние Агриппины настолько безнадежно, что только богиня может спасти ее?

Повитуха подняла голову:

— Уходи, детка. Тебе здесь не место.

— А что случилось?

— Ребенок идет попой вперед, — негромко ответила она.

Агриппина вдруг очнулась и дугой выгнула спину. Ее рыжевато-каштановые волосы разметались по подушке, на лице выступили капельки пота, глаза блестели.

— Этот мальчишка убьет меня, — простонала она.

— Нет! Ты не умрешь, — услышала я свой голос, будто донесшийся издалека.

Сама того не сознавая, я пересекла комнату и оказалась подле Агриппины. Перед моим взором возникло расплывчатое изображение, словно я его видела сквозь воду. Я выждала, пока оно стало более четким.

— Я вижу тебя с младенцем на руках. Это девочка.

Мама наклонилась к Агриппине:

— Ты слышала? Пусть эти слова придадут тебе силы.

Вместе с повитухой они приподняли Агриппину, но она бессильно повисла на их руках. Видение пропало. Вдруг тетя напряглась всем телом, подняла голову с взлохмаченными волосами, ее глаза сверкали, как у объятого ужасом зверя.

— Диана! — выкрикнула она. — Помоги мне!

Запах крови, противный и к тому же сладковатый, наполнил комнату, когда повитуха взяла в руки что-то темное и съежившееся. Она пошлепала ребенка по ягодицам. В ответ раздался возмущенный крик.

— Смотрите, госпожа. Девочка была права. У вас чудесная дочь.

Но Агриппина лежала как мертвая. Мама тихо зарыдала. Я тронула ее за руку.

— - Не плачь. Тете станет лучше. Поверь мне.

— Никогда не буду иметь детей, — сказала я маме на следующее утро.

Улыбнувшись, она поправила непослушный локон у меня на лбу.

— Не думай о том, что ты видела вчера. Ты не должна лишать себя самых счастливых момен-

тов в жизни женщины.

— Счастливых? Да это просто ужасно. Зачем только люди рожают?

Мама засмеялась:

— Иначе тебя не было бы на свете. — Немного помолчав, она сказала: — Рождение ребенка — это испытание женской смелости и выносливости, как война для мужчины. Ни одна женщина, когда она начинает рожать, не знает, останется ли она в живых.

Я посмотрела в мамины карие глаза. В ушах продолжали звучать крики Агриппины.

— Растить детей — это наша обязанность перед семьей и империей, — продолжала она. — Почему бы тебе не навестить Агриппину? Может быть, она разрешит подержать новорожденную принцессу?

В голосе мамы послышались нотки раздражения. Я догадалась, что Агриппина чувствует себя лучше и к ней вернулся ее властолюбивый нрав.

Проходили недели, а из армии мы не получали никаких новостей. Но вот прибыл гонец, стройный, совсем юный. Он рассказал, как Германик разбил варваров. Я слушала, затаив дыхание. Преследуя отступающего неприятеля, войска Германика достигли Тевтобургского леса, где ше-

стью годами раньше была уничтожена десятая часть римской армии.

— Мы хоронили наших погибших солдат и всюду находили скелеты и черепа, прибитые к стволам деревьев, — с содроганием рассказывал юноша. — Мы не знали, чьи это останки — своих или чужих. Но какая разница? Их все равно жаль.

Несколькими днями позже я открыла дверь еще одному посыльному. Запыхавшийся, с покрасневшими от бессонных ночей глазами, он рассказал, какая безнадежная сложилась ситуация. Арминий, вождь германского племени и виновник кровавой бойни, устроенной римлянам, скрылся среди непроходимых болот в районе поля битвы. Германик решил во что бы то ни стало захватить изменника.

Вскоре прошел слух, будто армия отрезана и окружена. У наших ворот собирались раненые. По утверждениям дезертиров, силы германцев двинулись на Галлию. А потом повернут на Рим. Охваченные паникой жители деревушки требовали, чтобы мост через Рейн был разрушен. Агриппина, вставшая с постели, положила смуте конец.

— В отсутствие мужа я здесь командую, — за-

явила она. — Мост останется.

Он был необходим для прибывающих с противоположного берега раненых. На свои средства Агриппина устроила полевой госпиталь и призывала всех — и простых крестьян, и аристократов — оказывать посильную помощь. Я охотно делала перевязки, таскала воду, промывала раны и давала пить метавшимся в жару солдатам. Потом у меня начались видения. Без всяких медицинских знаний и опыта, лишь взглянув на раненого, я могла сказать, кто выживет, а кто нет.

На второй день работы в госпитале, поздно вечером, я сидела подле воина едва ли старше меня. Рана у него была не тяжелой, как у многих других. Я улыбнулась и предложила ему воды. Его губы также тронула улыбка, когда он протянул руку за чашкой. Затем медленно красивое овальное лицо в моих глазах превратилось в череп. В ужасе я отпрянула.

— Что случилось? — спросил юноша, сделав глоток и с любопытством глядя на меня.

Передо мной снова возникло обычное лицо. Я пробормотала извинения и выбежала из палатки. Стараясь не думать о страшном случае, я продолжала ухаживать за ранеными. А на следующий день узнала о смерти молодого человека ночью.

Подобные видения повторялись снова и снова. Несмотря на старания милосердных людей, вызвавшихся помогать Агриппине, все те, чьи черепа возникали перед моим взором, непременно умирали. Когда такая участь постигла веселого молодого солдата, вызывавшего у меня симпатию, вся в слезах я убежала из госпиталя.

Сидя на высоком берегу над темными водами реки, я старалась прийти в себя. Здесь-то и обнаружила меня Агриппина. Тетушка, преисполненная царственной самоуверенности, никогда не поняла бы испытываемого мной ежедневного страха и ощущения беспомощности перед предвидениями несчастья. Я встала и вежливо поклонилась, намереваясь уйти.

— Постой, — сказала она, слегка дотронувшись до моей руки и усадив рядом с собой. — Ты чем-то взволнована. Не потому ли, что тебя преследуют всякие видения? Ты обладаешь необыкновенным даром предвидения.

— Это не дар, а проклятие, — прошептала я. — Какой толк — знать о грозящей беде и не уметь предотвратить ее?

— Бедняжка, — попыталась успокоить меня Агриппина. — Но такая прозорливость может дать тебе власть и могущество.

— Нет! Я не хочу знать о плохом, — сказала я, едва сдерживая душившие меня слезы.

— Тогда молись, — посоветовала Агриппина. — Проси избавления от невыносимых видений. Пусть боги дадут тебе мужество, чтобы устоять перед испытаниями судьбы.

— Спасибо за понимание, тетя. Мама и Марцелла не любят говорить на эту тему. Они очень волнуются.

— Я редко волнуюсь. — К Агриппине вернулся ее высокомерный тон. — Давай лучше пойдем в госпиталь. Мы нужны там.

Я вздохнула, вспомнив о приятных молодых людях, не ведающих о грядущих событиях.

— Раненых прибывает все больше. Я боюсь за остальных, за отца и Германика.

— Твой чудесный дар ничего не подсказывает?

Я покачала головой:

— Нет. Он не подвластен моей воле. Я не могу им воспользоваться по своему желанию и узнавать, что будет дальше.

— Ну, тогда я тебе скажу, — улыбнулась она. — Только что прибыл посыльный. Я собиралась оповестить всех о принесенных им новостях, но вдруг ты куда-то исчезла. Ход битвы изменился. Германия выманил противника из болот. Скоро

его армия вернется с победой. Я выйду встречать их на мост.

— А мой отец? С ним ничего не случилось?

Она широко улыбнулась, успокаивая меня.

Мурашки побежали по телу, когда Агриппина говорила о победе. Но что-то еще не давало мне покоя.

— Вы уверены, что дядя Германия жив и невредим?

— Совершенно уверена. — Она встала и собралась идти. — Ты скоро его увидишь.

Агриппина была права. Отец вернулся, а Германика приветствовали как героя-победителя. Между тем меня не оставляли воспоминания о волчонке с застывшими в его глазах удивлением и ужасом.

Глава 2
Триумф

Марцелла то играла в куклы, то кокетничала с мужчинами. Наша старая рабыня Присцилла хихикнула по этому поводу, когда мама не слышала. Но служанка была не права. Марцелла не изменилась. Насколько я помню, на нее всегда обращали внимание и молодые солдаты, и вои-

ны-ветераны, а мальчишки кувыркались перед ней колесом.

Со временем я стала замечать, что Марцелле нравится, когда на нее смотрят с восхищением, и она не скрывала своего восторга. В двенадцать летя понимала: она особенная. Мама тоже была в этом уверена. Хотя она относилась к нам с одинаковой теплотой и любовью, взгляд ее больших карих глаз часто задерживался на сестре. Благодарная за предоставленную мне по невниманию родителей большую свободу, я терялась в догадках, каким будет поведение мамы.

Весной Агриппина отдала Марцелле свою первую девичью одежду — ярко-красную тунику из египетского полотна и фиолетовую столу.

— Не многим идет такое сочетание цвета, — пояснила Агриппина.

Ясно, что ее дочерям — Друзилле и Юлии — они не годились, иначе моя сестра не стала бы счастливой обладательницей такого сокровища.

Восхищенная подарком, Марцелла выбежала на улицу. С балкона маминой комнаты я наблюдала, как она, приплясывая, бежала вдоль ровных рядов армейских палаток, и почти из каждой выходил молодой офицер, улыбался и приветливо махал рукой.

— У Марцеллы столько друзей, — сказала я маме.

Она встала из-за ткацкого станка, посмотрела в окно и нахмурила брови.

— Друзей? Ну-ка позови Присциллу! Пусть она сию же минуту приведет ее домой.

В тот вечер, когда я играла в углу комнаты за кроватью, вошли родители. Не замеченная ими, я увидела, как они сели за низкий стол на кушетки и мама налила отцу вино. Он побрызгал им домашний очаг для богов и поднес бокал к губам.

— Мое любимое и неразбавленное, — улыбнулся отец.

Мама тоже улыбнулась и сказала мягким голосом, как бы между прочим:

— Марцелла становится с каждым днем краше. Ты заметил?19

— Пол-лагеря от нее без ума.

Улыбка исчезла с маминого лица.

— Такое внимание может вскружить девочке голову. И потом, в гарнизоне, где грубые солдаты, всякое может случиться.

Отец стукнул бокалом по столу, так что на скатерть выплеснулось вино.

— Ни один солдат, у которого есть хоть крупица ума, не осмелится...

— Не кипятись, дорогой. Что ты так рассердился?

— Селена! Здесь же не казарма.

— Ты прав. Иначе я говорила бы более привычным для солдата языком.

— На тебя это не похоже, любовь моя. Ты помнишь тот отпуск...

— На Капри? — Мамин голос смягчился. — Конечно, помню. Мы зачали тогда Клавдию.

Я затаила дыхание и навострила уши.

— Ты была восхитительна. Как и сейчас, когда не хмуришься.

— А как же не хмуриться, Марк? Галлия, конечно, лучше треклятых германских лесов, но все же это провинция и так далеко от Рима. Я не думала, что мы надолго застрянем здесь. А потом еще Агриппина. Ты не представляешь...

— Да будет тебе. Она желает добра. Девочки часто показывают мне подаренные ею красивые вещи. Только сегодня Марцелла хвасталась чудной туникой.

— Обноски! Ты — мужчина, солдат. Что ты в этом понимаешь? Иногда мне кажется, что мужчина и женщина — это совершенно разные создания. Не лучше ли жить как соседи и изредка навещать друг друга?

Папа разразился хохотом.

— Нет, так дело не пойдет. У тебя будет дом в Риме.

— А у тебя — армейская палатка. — Мама тоже засмеялась. — Ну ладно, мы это как-нибудь уладим. — Она пересела к папе на кушетку и прижалась к нему. — Послушай. — Она погладила его по щеке. — Мне хочется для девочек чего-то большего. Марцелла ведет себя вызывающе. Нельзя винить мужчин за то, что они обращают на нее внимание. А сейчас, когда она стала женщиной...

— Женщиной? — удивился отец.

— Да, женщиной, — повторила мать. — Пора подумать о ее будущем. Вы, мужчины, не смотрите в корень. Наша девочка очаровывает людей — и мужчин, и женщин. Такая жена будет находкой для кого угодно. Калигулы, например.

— Он мне не нравится. Что-то в нем есть отталкивающее. Он не такой, как братья, и уж тем более отец.

— Вот и хорошо, — возразила мама. — Пусть его братья рискуют всем на войне и возят с собой жен из лагеря в лагерь. Мар-целла могла бы вести интересную жизнь при дворе.

— При дворе Тиберия?

— Ну да. Это центр мира. Почему бы ей не на-

сладиться всеми его прелестями?

— Может быть... если она обожает интриги. А почему мы вдруг об этом заговорили? И кстати, Агриппина захочет кого-нибудь побогаче для своего отпрыска.

— Конечно,— согласилась мама, — но она обожает Марцеллу. Калигула такой испорченный. Придет время, и он женится на ком захочет — с приданым или без него. В конце концов, какое это имеет значение, если он станет императором?

У меня сжалось сердце, перед моими глазами возник образ Калигулы. Да, так и будет. Я увидела его на императорском троне. Но Марцеллы нет поблизости. Где же она? И Друз, и Нерон? Если Калигула — император, где они? Я тряхнула головой, чтобы прогнать видение.

Папа пожал плечами:

— У нас будет время поговорить об этом после весенней кампании. Германик поклялся еще раз перейти Рейн.

Лицо отца посветлело при мысли об этом.

Но ему не пришлось снова обнажить меч. Тиберий помешал ему. Неожиданно император отозвал Германика в Рим.

«Ты многое сделал для страны, — писал он. — Народ желает воздать тебе должное. Триумфом

надлежит восславить твои победы».

Великодушие Тиберия насторожило Рим. Император завидовал военным успехам своего родственника и всеобщей любви, приобретенной благодаря победам. Единственное, что способно остановить преклонение перед героем, — возвращение его в столицу. Нужно устроить пышные чествования, словно бросив кость собаке, а потом назначить на какой-нибудь менее заметный пост на задворках империи.

Германик направлял одно послание за другим и просил дать отсрочку еще на год, чтобы завершить покорение германских племен.

Тиберий оставался непреклонным. «Твой триумф назначен на середину августа», — отвечал он.

Германик, отец, офицеры и большинство солдат пришли в уныние. А женщины не скрывали восторга. Рим представлял собой все, о чем можно только мечтать. Нас с Марцеллой увезли из столицы еще детьми, и сейчас я ко всем приставала с расспросами, но никому не было дела до меня.

Вскоре мы отправились в путь. По дорогам потянулась вереница колесниц, фургонов, повозок, лошадей. Нескончаемой казалась колонна легионеров. Ночью разводили костров не меньше, чем

сверкало звезд на небе. Однажды перед рассветом мы с папой поднялись на вершину высокого холма, чтобы осмотреть окрестности. Глядя на огни в темной долине, я почувствовала, будто очутилась на Олимпе. Только боги могли такой видеть землю.

Ухоженные поля и небольшие города с планировкой по римскому образцу, с форумом, общественными банями, амфитеатром, стадионом сменились необжитыми, труднопроходимыми районами, когда мы начали пересекать Альпы. Даже в конце июля длинные языки снежных лавин спускались с гор. В плотной пелене облаков мы почти на ощупь пробирались у самого края пропасти. Однажды повозка с пленными германцами соскользнула в бездну, увлекая обезумевших от ужаса лошадей. В ушах еще долго звучали крики несчастных людей и животных.

В ту ночь мы разбили лагерь у храма Юпитера.

— Как вы можете жить здесь? — спросила я жреца, стоявшего у входа. — Это же край света.

— Но зато ближе к нашему богу, — ответил он. — Слышишь эти раскаты грома?

Яркая молния осветила полнеба, и земля задрожала. Я дала жрецу монету и вбежала в храм. Я ни на миг не сомневалась, что каждый, кто совер-

шал с нами переход, сделал пожертвование. Упав на колени перед алтарем, я просила Юпитера, чтобы он сберег нас в трудном пути.

Ландшафт постепенно менялся, когда мы стали спускаться с гор. Остались позади заснеженные вершины и ледники. В долинах раскинулись обширные альпийские луга, встречавшие нас яркими красками, теплом и ласковым солнцем. Мы с Марцеллой любовались пейзажами, смеялись и веселились. -

Мама обняла нас:

— Любимые мои, это — Италия. Мы почти дома.

Рим ко многому обязывал, таил в себе соблазны, служил испытанием и сулил большие надежды. Узкие улицы наполнял особенный запах — Смесь ароматических масел, чеснока, специй, пота и фимиама. Они кишели бродячими музыкантами, нищими, писцами и сказителями. Я везде видела торговцев, они нараспев расхваливали свои товары. Носильщики, сгибавшиеся под тяжестью груза, бранили каждого, кто попадался на дороге. Почти все передвигались пешком, через городские ворота редко пропускали колесницы или повозки. Тех, кто мог себе это позволить, переносили в паланкинах, впереди бежали рабы

и расчищали путь.

Даже в двенадцать лет я поражалась высокомерию столичных жителей, считавших себя людьми особого сорта. А как же иначе?

Зловонный, грязный, шумный и великолепный Рим был, по 22 словам мамы, центром мира, и любой человек ничего не представлял собой, если он здесь не жил. Сейчас, когда я увидела Рим, то поняла, почему маме не нравились ни Галлия, ни любое другое место.

Слезы радости текли из глаз, когда мы, как герои, вступали в эту славную столицу, а ее гордые жители приветствовали нас. Это моему дяде, любимому отцу и всем, кто служил под их командованием, воздавали почести. Еще за двадцать миль от города римляне стояли вдоль дороги, восторженно кричали и махали цветами. Мне казалось, что все население вышло встречать нас, У храма Сатурна возвели величественную арку в честь Германика. Толпа неистовствовала, когда наша триумфальная процессия проходила под ней.

Организуя шествие, Германии и отец продумали все до мелочей. Впереди шли гонцы с лавровыми венками, символизирующими многочисленные победы. Следом везли более сотни

платформ, груженных трофеями, щитами и оружием, отобранными у германцев, потом — платформы с красочными полотнищами, на одних были изображены батальные сцены, на других — покорение германских идолов римскими богами. Потом ехала повозка с женой германского вождя и ребенком. Затем шла нескончаемая вереница закованных в кандалы пленников.

Наша семья ехала в украшенной колеснице в сопровождении эскорта всадников. Папины парадные доспехи сверкали в лучах солнца. Мама смотрела на него с нескрываемой гордостью. Она торжествовала еще и потому, что ни на мне, ни на Марцелле не были надеты обноски Агриппины. Шелковая туника и хитон цвета лаванды — моя первая девичья одежда — складками ниспадали с плеч до щиколоток. Серебристая лента перетягивала пурпурную столу под грудью. Я задерживала дыхание и выпячивала грудь, как могла, чтобы она казалась больше. Мою радость разделяла и Геката, маленький котенок, его я время от времени поднимала вверх, ведь, в сущности, я оставалась ребенком.

Завершала процессию самая красивая платформа, на ней ехал Германик. Он смотрелся великолепно в золотистом панцире с чеканным

изображением Геракла, сражающегося со львом. Кроваво-красный плащ развевался на ветру. Агриппина стояла подле мужа, держа на руках подрастающую принцессу Агриппиллу.

На той же платформе находились их старшие дети: Друз, Нерон, Калигула, Друзилла и Юлия.

— Такого триумфа Рим не видел со времени возвращения Августа после победы над Антонием при Акции! — воскликнул отец, преисполненный гордости за своего военачальника.

Сердце вырывалось у меня из груди, когда я повернулась, чтобы помахать всем родственникам. В этот момент из толпы выбежал какой-то человек, поравнялся с платформой и вскочил на нее. У меня захватило дыхание, когда он занес меч над головой Германика и начал что-то ему говорить. Слов не было слышно из-за шума вокруг.

— Кто это? — спросила я отца. — Что он хочет?

— Раб, посланный Тиберием. Таков обычай.

— Но редко соблюдаемый, — объяснила мама. — Раб советует Германику оглянуться назад.

— Но зачем? — удивилась Марцелла. — Я никогда не оборачиваюсь.

— Это своего рода предостережение, — продолжала объяснять мама. — Иногда будущее подкрадывается сзади, заставая нас врасплох. Раб

напоминает Германику, что не следует терять осторожности и быть слишком самоуверенным. Всем смертным неведома их судьба. Сегодня ты в ореоле славы, завтра тебя заклеймят позором, а то ты и вовсе расстанешься с жизнью.

Я никогда не забуду первого посещения Большого цирка. События, произошедшие в тот день, изменили всю мою жизнь.

После триумфального шествия всю нашу семью пригласили разделить ложу с дядей Германика и его приемным отцом — императором Тиберием и неродной бабкой Агриппины — вдовствующей императрицей Ливией. Из дворца мы прошли по подземному тоннелю. Оказавшись в цирке, я поразилась, какой он громадный. Тысячи лиц вокруг. Люди топали ногами, кричали, размахивали руками.

Фанфары возвестили о нашем прибытии, и на какой-то миг стадион замер. Затем толпа взревела, как исполинский дикий зверь. Восторженными возгласами толпа встретила появившихся в ложе Тиберия и Ливию, но Германика и Агриппину приветствовали с еще большим восторгом. «Слава! Слава! Слава!» — прокатилось по всем ярусам амфитеатра. Германик широко улыбался и махал в знак признательности. Агриппина с

сияющими глазами подняла вверх обе руки, как актриса в ответ на аплодисменты зрителей.

Восторженный рев толпы наконец умолк, когда император и сопровождавшие его лица расселись по местам. По рядам передавали коробочки и мешочки с ароматическими травами, чтобы забить плотский дух двухсот пятидесяти тысяч римлян, собравшихся вокруг. Самые высокие ярусы занимали беднейшие из беднейших, а места непосредственно над нами были отведены для тех, кто получил ранения в боях. В этих рядах я узнала одного из воинов, за которым ухаживала в госпитале в Кельне. Я улыбнулась и помахала ему, и в это время снова затрубили фанфары в честь прибытия весталок, девственных жриц Весты — богини домашнего очага. Толпа снова разразилась приветственными возгласами, когда облаченные в белые туники жрицы >ул заняли места в ложе.

У меня опять закружилась голова при виде тысячи людей на трибунах. Какая энергия заключена в них! Каким нетерпением они горят! С тех пор как тремя неделями раньше был убит Вителлий, никто из гладиаторов не завоевал популярности. Фанфары зазвучали снова, и на арене стали появляться участники представле-

ния. Сначала выехали несколько рядов колесниц — по четыре в каждом ряду. За ними вышли гладиаторы. Как они могли непринужденно улыбаться, когда им предстояло драться не на жизнь, а на смерть! В живых останется тот, кто до захода солнца убьет своего товарища.

Первая часть представления была отдана звериным травлям. Никогда раньше не видевшая слонов, я была поражена размерами, силой и умом этих животных. Трубные звуки, издаваемые ими, конечно, слышались за городскими воротами. Все во мне перевернулось, когда погонщики начали колоть несчастных животных раскаленными прутьями, чтобы натравить их друг на друга. Такой ужасной бойни я никогда не видела и не могла представить себе ничего подобного. Всю арену заволокло пылью, от хлещущей крови, экскрементов и вывалившихся внутренностей из вспоротых животов смрад стоял невыносимый. Я зажала уши, чтобы не слышать душераздирающие крики умирающих животных. Наконец среда окровавленных туш остался стоять один слон. Всего, наверное, погибли пятьдесят гигантов. Когда их начали быками оттаскивать о арены, победитель встал на колени перед императорской ложей — так он был надрессирован.

Убийство пантер мне показалось еще более жестоким. Я прикусила губу, чтобы не закричать, когда служители факелами выгнали их на арену. Обожженные, израненные мечами, экзотические животные яростно рычали, нанося друг другу удары огромными когтями. При всей своей ловкости и храбрости, они были обречены. Черные пантеры напоминали мне Гекату. Я не могла вынести этого зрелища и отвернулась, чтобы вытереть слезы. Но дочери солдата нельзя проявлять слабость, и я снова стала смотреть на арену.

Время от времени я украдкой бросала взгляд на Тиберия, развалившегося в кресле под пурпурным навесом. Император был крепкого телосложения, широкоплеч. По моим представлениям, он обладал привлекательной внешностью. Но что испытывает человек, которого узнают на монетах и памятниках повсюду в мире? Все же, несмотря на могущество и привилегированное положение Тиберия, я видела, что его снедает грусть. Он никогда не был счастлив. Его жизнь — трагедия. Но откуда мне это известно? И потом, трудно себе представить, чтобы столь могущественный человек не мог иметь всего, чего захочет.

Тиберий повернул голову, и наши взгляды

встретились. Мной овладело чувство, будто он застал меня в тот момент, когда я за ним подглядывала. Покраснев до корней волос, я отвела глаза и увидела руки Калигулы, скользившие по складкам хитона моей сестры. Удивительно, почему Марцелла не даст ему пощечину?

Звуками фанфар возвестили о начале гладиаторских боев. Во всем своем великолепии бойцы вышли на арену и выстроились перед императорской ложей. Глядя на Тиберия, они в один голос прокричали:

— Идущие на смерть приветствуют тебя!

Отец и Германик переглянулись.

— Такое редко услышишь, — заметил отец.

— Им предстоит биться до последней капли крови, — напомнил ему дядя.

Император равнодушно кивнул. В лучах солнца засверкали кольца на его пальцах, когда он побарабанил ими по подлокотникам кресла. Гладиаторы разбились на пары и приготовились сражаться.

Из рук в руки стали передавать восковые таблички, где зрители писали имена бойцов и поставленные на них суммы. Участие в этом принимали все — не только простолюдины, но и сенаторы, а также всадники и даже весталки.

— А ты знаешь, что среди нас есть провидица? — спросил Германии у Тиберия. — Когда мы проводили военные игры, Клавдия всегда угадывала, кто станет победителем.

— Правда? Этот мышонок? — Императрица оторвалась от таблички. До последнего момента она умудрялась не замечать всю нашу семью. Почему она нас невзлюбила? Зеленые глаза Ливии выдавали презрение, с которым она относилась к нам. — Ты в первый раз в цирке?

— Осмелюсь заверить вас, что она узнает победителя, как только взглянет на него, — сказал Германии императрице.

— Так кто же выиграет на этот раз, госпожа провидица? — Тиберий наклонился вперед, и на его лице, остававшемся бесстрастным всю вступительную часть, появился интерес.

— Я... Я так не умею, — пыталась объяснить я. — По желанию у меня не получается.

— А как у тебя получается? — настаивал Тиберий.

— Иногда я вижу победителей во сне, или они просто возникают в голове сами собой.

Императрица презрительно засмеялась и слегка стукнула сына по руке веером из слоновой кости.

Тиберий не обратил на нее внимания.

— Тогда посмотри на них внимательно, может, кто-то возникнет, — заставлял меня Тиберий, показывая на гладиаторов.

Сгорая от стыда, я закрыла глаза и стала молиться Диане: «Пусть сей миг разверзнется земля и проглотит меня».

— Клавдия иногда делает очень верные предсказания, но мы стараемся не будоражить фантазию ребенка, — поспешила мне на помощь мама.

— Но кое-кому это неплохо удается, — засмеялся Германик. — Нашим парням и мне, например.

Калигула решил подколоть меня в этой щекотливой ситуации:

— Я всегда говорил, ты все выдумываешь.

— Нет, не выдумываю!

— Вероятно, так оно и есть. — Император протянул ко мне руку, на удивление очень нежную, заставил меня встать с места и, немного подвинувшись, усадил рядом с собой. — Посмотри хорошенько на этих людей внизу. Если ты знаешь, кто победит, скажи нам.

— Ничего она не знает. — Калигула оставил Марцеллу и топнул ногой, обутой в сапог.

— Прекрати, Калигула! — оборвал его Германик.

— Изволь разговаривать вежливо с Клавдией или отправляйся туда, где сидит чернь.

Папа ободряюще погладил меня по плечу:

— Мы же знаем, что это для тебя — игра. Почему бы не поиграть к нее сейчас?

— Это не игра, а вранье, — не унимался Калигула, он проигнорировал даже замечание своего отца.

Я пристально посмотрела на кузена. Затем, сердито смахнув со Лба ЛОКОНЫ, я стала внимательно изучать лица бойцов на арене. Напряжение было ужасное. Я старалась глубоко дышать. Различные картины вставали перед моим взором без усилия воли, но сейчас, когда я вглядывалась в этих людей, застывших в ожидании сигнала, я ничего не видела. В отчаянии я зажмурилась. Вдруг... Да, появилось одно лицо. Необычное, с высокими скулами, волосы светлые, очень светлые. Прекрасен, как Аполлон. Радостно улыбается, словно одержал победу. Я открыла глаза, под шлемами не видно волос гладиаторов, но я узнала поразившее меня лицо.

— Вот он, — сказала я. — Третий от конца. Он станет победителем.

— Трудно поверить, — ухмыльнулась Ливия. — Посмотрите, какой он молоденький. Лет два-

дцати, не больше. С ним справиться — пара пустяков.

— Ты уверена, Клавдия? — спросил отец. — Фаворитом считается Аристон. Тот, что позади всех.

Да, действительно, Аристон выглядел устрашающе и был немного выше ростом, чем указанный мной гладиатор, но гораздо шире в плечах. Мой избранник вообще казался тростинкой по сравнению с мускулистыми ветеранами многих битв. Мне оставалось лишь промолчать.

— Ты просто морочишь нам голову, — гнул свое Калигула.

— Молодой человек, у тебя есть какая-нибудь мелочь? — спросил его Тиберий.

— Конечно. Мне уже четырнадцать лет.

— Вот и отлично! Я ставлю сто сестерциев против всей твоей наличности, что гладиатор Клавдии победит.

— Тиберий, мало того что ты не разбираешься в гладиаторах, ты еще и транжира, — пожурила его Ливия.

— Если ты так уверен, давай и мы тоже заключим свое пари, — предложил Германик.

— Идет, — ответил император. — Две сотни сестерциев против твоих пятидесяти.

— Согласен, — кивнул Германик.

Мать и отец в испуге переглянулись. Агриппина вообще рта не раскрыла. Марцелла наклонилась и сжала мою руку:

— Надеюсь, ты права. Этот гладиатор слишком красив, чтобы погибнуть.

— Марцелла! — одернула ее мама, но все засмеялись, и напряжение немного спало.

Произошедшее затем стало легендой. Представление началось по заведенной традиции. Участников поединков подобрали равными друг другу по силе. Ретиарии бросали сеть и кололи трезубцем, а секуторы отбивались мечом и прикрывались щитом. Каждый боец двигался медленно, осторожно, стараясь получить преимущество перед противником. Схватка продолжалась, пока кто-нибудь из двоих не погибал. Тогда победитель вступал в бой с новым соперником. В конце концов оставались только двое единоборцев.

Когда гладиаторы начали сражаться, Тиберий послал раба выяснить что-нибудь о моем избраннике. Секутора звали Голтан, его взяли в плен в Дакии и недавно привезли в Рим. Больше о нем никто ничего не знал, и едва ли он посещал гладиаторскую школу.

С самого начала стало ясно, что он не знаком

с ареной.

— Он не устоит и в первом бою, — ухмыльнулась Ливия.

Я опасалась, что императрица права. Какие у него шансы, если он не проходил никакой подготовки? После нескольких пробных выпадов молодой боец, на миг оторвавший взгляд от соперника и посмотревший на трибуны, был сбит с ног. Тот сразу же набросился на него, чтобы нанести смертельный удар. Тиберий с раздражением мотнул головой и, повернувшись в сторону, приказал принести вина. В этот момент Голтан вскочил на ноги. Он уклонялся от ударов, делал обманные движения, а потом неожиданно вонзил меч в грудь противника. С этого момента он напоминал самого Геркулеса.

По трибунам прокатился гул и возгласы одобрения. Все спрашивали: «Кто это? Кто это?» Тиберий одобрительно похлопал меня по плечу. Заиграл оркестр, под его неистовый аккомпанемент внизу продолжала разыгрываться драма. Из горнов и труб вырывались яростные звуки. Женщина с пунцовым от напряжения лицом вдувала воздух в трубочки водного органа. Служители в обличье Харона добивали распростертых на земле, израненных гладиаторов ударом молота по голове.

Плутон, бог подземного мира, забирал свою добычу. Тела волокли с арены через Врата смерти, в то время как бойня продолжалась. Поначалу я закрывала глаза, чтобы не видеть этого кошмара, но потом я сама обезумела от рева беснующейся толпы.

Через весь амфитеатр протянули полотнище, напоминавшее стяг. Я содрогнулась всем телом, когда прочитала наспех выведенные слова: «Голтан из Дакии». Я сорвала голос, закричав от восторга. И не только я. Тиберий часто вскакивал с места и, стоя рядом со мной, со всеми вместе выкрикивал: «Голтан! Голтан! Голтан!» Трудно поверить, но этот молодой неизвестный боец побеждал одного гладиатора за другим, пока никого, кроме Аристона, не осталось. Они приготовились к схватке. Аристон сделал резкий выпад, набросил сеть на Голтана и повалил его. Он замахнулся трезубцем, чтобы нанести последний удар. Я закрыла глаза. Марцелла завизжала. Зрители взревели. Осторожно приоткрыв глаза, я увидела, как Голтан перекатился в сторону, и смертоносное оружие Аристона прошло на волосок мимо него. Мой избранник оказался снова на ногах, для защиты он уклонялся в сторону и размахивал мечом. И вот сильный рубящий боковой удар — и

все закончилось. Голтан стоял над поверженным противником и ждал вердикта Тиберия.

Император повернулся ко мне:

— Ну, Клавдия, вот твой победитель. Он поступит, как ты скажешь.

Возбуждение толпы дошл о до предела. Многие на трибунах уже решили судьбу Аристона: опустили большой палец вниз.

— Не тяни кота за хвост! Дай народу, чего он хочет, — еще один труп, — подговаривала меня Ливия.

— Действительно, может, сделаешь ему одолжение? Он больше мертв, чем жив, — согласился отец.

В этот момент поверженный гладиатор приоткрыл глаза. Хотя ни один мускул не дрогнул на залитом кровью лице, я почувствовала мольбу о пощаде. Он хотел жить. Сердце рвалось из груди, когда я чувствовала, что взгляды всего стадиона обращены на меня. Застенчиво улыбаясь, я подняла руку — большой палец вверх. Тиберий кивнул и рядом с моим поднял свой большой палец.

Глава 3
Вслед за триумфом

На пиру, устроенном у императора после гладиаторских игр, ко мне относились как к героине, по крайней мере члены нашей семьи. Агриппина и Германик представили меня своим друзьям. Понятно, что наиболее известные люди в Риме любили и уважали их, поскольку чете предстояло занять трон. Как ни приятно было находиться в лучах их славы, я ускользнула от моих именитых родственников, когда разговор зашел о людях и местах, мне не известных, а шуток я не понимала.

Некоторое время я бродила по дворцу, упиваясь окружавшим меня великолепием. Сотни ламп мерцали на стенах и столах, освещая элегантных женщин в римских туниках, экзотических восточных платьях, с прическами в виде пирамид, башен или с заплетенными в волосах цветами. Мужчины тоже по красоте и богатству нарядов не уступали женщинам: на одних надеты тоги с широкой каймой по краю, на других — яркие туники и сандалии с золотыми полумесяцами.

Тиберий из прихоти пригласил и Голтана. Я разыскивала его среди гостей и вдруг увидела в кругу новых почитателей. Он сидел на одной кушетке с женщиной. Она тесно прижималась к гладиатору, ее длинные золотистые волосы ниспадали ему на грудь. Я и не думала, что он заметит меня.

Поодаль я увидела Друза и Нерона. Они завороженно смотрели на двух нубийских полуобнаженных танцовщиц. Я прошла не замеченная ими. Марцелла с раскрасневшимся от возбуждения лицом играла с Калигулой в ладоши. Друзилла и Юлия играли в прятки в зале и помахали мне, приглашая присоединиться.

Никто не обращал на детей ни малейшего внимания, но нам бросалось в глаза то, с чем сталкиваешься впервые. Я неоднократно задумывалась, почему взрослые ставят себя в такое глупое положение. Меня это поражало и забавляло. Я раньше никогда не видела взрослых людей голыми — настоящих взрослых, а не танцовщиц. Часто мы держались за животы от смеха. Вскоре пришла служанка, чтобы увести нас.

Она была небольшого роста и полная, нет, не пухленькая, как обычные рабыни при дворе, и не такая уверенная в себе.

— Где Марцелла и Калигула? — встревоженно спросила рабыня. Она обвела маленькими сощуренными глазами комнату, где собралось много гостей.

— Какое это имеет значение? — огрызнулась я, недовольная ее появлением.

— Ваша мама приказала мне найти всех вас и уложить спать, — робко сказала рабыня. — Она будет сердиться.

Что это маме пришло в голову? Еще не поздно. Стараясь походить на взрослую женщину, я уверенно произнесла:

— Не беспокойся! Марцелла и Калигула уже не дети, чтобы без йяньки лечь спать.

— Почему бы тебе сначала не поискать их, а потом прийти за нами? — предложила Друзилла.

Рабыня явно не хотела испытывать судьбу. Переваливаясь с боку на бок, как утка, она повела нас по длинному коридору, стены его были инкрустированы агатом и лазуритом. Юлию и Друзиллу отвели в комнаты, где их дожидались слуги. Я пожелала спокойной ночи кузинам и пошла дальше за рабыней. В коридоре эхом разносился стук наших сандалий по мраморному полу, а свет от лампы в ее руках отбрасывал тени на мозаичные стены. Казалось, прошла вечность,

прежде чем мы добрались до маленькой, почти без мебели комнаты, предназначенной Марцелле и мне. По крайней мере там стояли две кушетки. Я отпустила рабыню и устроилась на одной из них. Вспомнив, как сверкали искры восторга в глазах Марцеллы, я подумала, где она сейчас.

Когда я наконец уснула, мне начал сниться странный, тревожный сон. Я опускалась все ниже и ниже в таинственный мир, где рыдали какие-то непонятные люди. Кто они? По кому они так убиваются? По мне? Да, по мне, но что я такого сделала? Почему эти призрачные создания отвернулись от меня? Дышать тяжело. Я ловлю ртом воздух, задыхаюсь. Рыдающие люди медленно исчезли. Стало почти темно, горит только одна маленькая свеча. Она отбрасывает зловещие, уродливые тени на шершавые стены. Огонек дрожит, едва теплится. Вот и он погас. Темень, хоть глаза выколи. Я в ловушке. Я отчаянно пытаюсь освободиться, кричу и царапаю влажные, липкие стены. Никто меня не слышит, никто не идет мне на помощь. Потом осознаю, что это не я билась в ужасном склепе, а Марцелла. Во мраке, всеми покинутая, в полном одиночестве.

Меня разбудил мой собственный крик. Солнечный свет струился в небольшое окно. Я

посмотрела на кушетку Марцеллы. Она пуста, постель даже не помята. Я похолодела. Только я встала, как дверь распахнулась. Сестра вбежала в комнату — волосы растрепанные, глаза покрасневшие от слез. В ушах эхом отозвались беспечные слова, сказанные мной накануне вечером. Едва сдерживая рыдания, она начала сбивчиво рассказывать о произошедшем.

— Это ужасно! — говорила Марцелла. — К нам вошла бабушка Калигулы. Она застала нас. Она стояла у кушетки с двумя громадными охранниками, которые ходят за ней по пятам. Теперь весь дворец будет знать. Мама сказала, что я погубила себя. Императрица назвала меня шлюхой. Она ненавидит меня и всю нашу семью. Ливия обвинила во всем меня. Но это не так. Калигула несколько месяцев увивался за мной.

— Калигула? — Я с удивлением уставилась на Марцеллу. — Зачем ты пошла с этим глупым мальчишкой? А из-за чего разгорелся сыр-бор? Мы же всегда спали со своими двоюродными братьями. И что тут такого, если ты спала с Калигулой?

— Мы не спали.

Я поняла не сразу, может быть, я не хотела понимать.

Вы занимались этим? Ты позволила Калигуле... Марцелла! Какая гадость!

— Это не гадость! — Марцелла хихикнула сквозь слезы. — Это даже...

Меня передернуло:

— Никто не посмеет сделать со мной ничего подобного! Пусть только попробует!

Марцелла вздохнула. На ее лице появилось ненавистное мне выражение превосходства.

— Что ты понимаешь! Ты еще ребенок.

— Ты старше меня всего на два года, — напомнила я.

Она снова вздохнула:

— Они-то как раз и имеют значение. — Марцелла ополоснула лицо водой из кувшина. — Ох, сестренка! Что теперь со мной сделают?

Решения долго ждать не пришлось. Через несколько минут вошла Ливия со своими охранниками. В маленькой комнате сразу стало тесно. Следом за ними появились мама, бледная, с опущенным лицом, и Агриппина. На этот раз она не лезла вперед, а с виноватым видом держалась за спинами других. Я догадывалась, что Марцеллу ждет суровое наказание, однако трудно было представить, какой план созрел в голове Ливии.

— Я отправлю ее в монастырь весталок, к дев-

ственницам, — объявила она.

— К девственницам? — У Марцеллы захватило дыхание. Ее глаза округлились, она побледнела как смерть. Я подошла к сестре, боясь, что она сейчас лишится чувств, но Марцелла держалась твердо и не мигая смотрела на императрицу.

На губах Ливии появилась жестокая усмешка:

— Там знают, как поступать с распущенными девчонками.

Мама, не проронив ни слова, обняла Марцеллу за плечи.

— Пойдем, Агриппина! — Императрица поманила ее пальцем. Изумруд сверкнул в лучах солнца. Ливия резко повернулась и удалилась из комнаты в сопровождении двух здоровенных чернокожих охранников. Агриппина поплелась следом за ней, не поднимая ни на кого глаз. Что случилось? Она — наша тетя, наша подруга. Почему она не осмелится возразить Ливии? Мама и Марцелла прижались друг к другу и тихо плакали, забыв о моем присутствии. Я быстро переоделась и выбежала за дверь.

Я всегда считала, что папа может все. Но сейчас я начала сомневаться. Он сидел на садовой скамейке, сгорбленный, закрыв лицо руками.

— Папочка! Неужели ничего...

Он поднял голову, взял меня за руку и усадил рядом с собой.

— Ливия — императрица, ее слово — закон. Идти против нее — значит идти против самого Рима.

— Но Тиберий — император.

— И ее сын. Ты думаешь, он поступит ей наперекор из-за такого пустяка? — Отец нежно приставил палец к моим губам, предвосхищая взрыв негодования. — Пустяка, по его понятиям.

Я сидела молча, перебирая в голове разные варианты. На противоположном конце сада, полыхавшего яркими красками лета, возвышалась статуя императора Августа. На его груди был изображен весь мир, созвездие завоеванных земель — Парфия, Испания, Галлия, Далматия. Отец, любивший рассказывать про войну, настаивал на том, чтобы я все знала про каждую победу. Купидон у ног Августа символизировал происхождение императора от Венеры. Мама объяснила нам этот миф, и мы, как члены семьи, считали, что в нашем роду есть божественный предок.

— Если бы Август был жив, он не допустил бы этого, — осмелилась предположить я. — Он бы остановил Ливию.

Папа с грустью покачал головой:

— Как знать... Когда умер последний верховный жрец, он же глава весталок, все возражали, чтобы его дочерей включили в число претенденток на избрание в весталки. А Август поклялся, что если любая из его внучек будет удовлетворять требованиям, предъявляемым к ним, он предложит ее кандидатуру.

Я услышала ехидный смешок и обернулась. Позади нас стояла мама;

— Он сказал это только потому, что Агриппина и Юлия были Уже замужем, Император провозглашал высокие моральные принципы, а сам, как веем известно, бросил свою жену и малолетнюю дочь и отбил у мужа Ливию, которая с сыном ушла к нему.

— Помолчи, Селена, — сказал отец, посмотрев в мою сторону.

Я старалась не пропустить ни единого слова. Передо мной начала вырисовываться, подобно мозаике, полная картина, становилось понятным, из-за чего в те далекие годы разразился скандал и почему вдовствующая императрица настроена враждебно по отношению к Агриппине, внучке Августа от первого брака. Неужели ей нечем заняться, кроме как допекать бедных

родственников?

— Императрица считает себя такой умной, но у нее ничего не выйдет, — робко возразила я. — Марцеллу в монастырь не примут.

Мама села рядом со мной.

— Высшая весталка не будет возражать, когда Ливия позолотит ей руку.

Я задумалась над ее словами. Марцелла приоткрыла мне окно в мир взрослых. Разговаривать с родителями гораздо труднее.

— Сама идея никуда не годится! Марцелла — не девственница, — выпалила я.

Мама густо покраснела.

— Ты еще слишком мала, чтобы с тобой обсуждать такие вопросы, но ты не по летам много знаешь, — сказала со вздохом мама. — Верно, в монастырь берут только девочек. Их невинность едва ли можно поставить под сомнение. К ним предъявляются лишь три требования: они не должны иметь физических недостатков, например глухоты, их родители должны жить в Италии и не быть рабами. Как видишь, во всех отношениях Марцелла подходит, за исключением одного обстоятельства.

— Но оно — самое главное, — возразила я. — Ливия обманывает богиню.

Мама пожала плечами:

— Хороший аргумент, но императрице до этого нет дела.

— А что же Агриппина? Как она может оставаться равнодушной, когда происходят ужасные события?

— Я думаю, Агриппина в глубине души сожалеет, что дело приняло такой оборот, но Ливия ловко сыграла на ее амбициях, — пояснила мама. — Она обещает найти великолепную пару Калигуле, но грозит учинить грандиозный скандал, если все не будет устроено так, как она задумала. Никто из нас не хочет накалять страсти, кроме нашей бедняжки и глупышки Марцеллы. Ее жизнь кончена. Да, кончена.

Я обняла маму, и она тихо зарыдала.

— Марцелле предстоит провести в монастыре всю жизнь?

— Может быть. Весталки остаются там в течение тридцати лет. Потом они могут вернуться к обычной жизни, но случается это очень редко. Большинство из них предпочитают служить богине до конца своих дней.

— Тридцать лет! — воскликнула я. — Марцелла уже будет пожилой женщиной.

— Конечно.

Я лихорадочно обдумывала варианты. И вдруг меня осенило. Помочь в этой ситуации может только Калигула. В первый же день своего пребывания в Риме я поняла, что он — единственный из внуков, с кем императрица хоть сколько-то считается. От одной мысли о Калигуле мне сделалось дурно. Но иного выхода нет. Все, решено! Надо идти к нему.

У входа в роскошные апартаменты Калигулы сидел раб, я не обратила на него внимания и направилась к спальне. Остановившись на пороге, я сделала глубокий вздох и толкнула дверь. Калигула лежал, развалившись, поперек широкого ложа на подушках из леопардовых шкур. Я почувствовала отвращение при виде помятых простыней из черного шелка.

Увидев меня, Калигула осклабился:

— А, привет, Клавдия. Тебе нравится моя комната? Твоей сестре понравилась.

— То, что ты сделал с ней, — ужасно.

— Марцелле так не показалось. — Он положил руки за голову, продолжая с издевкой улыбаться. — Зачем ты пришла?

— Из-за тебя императрица хочет наказать Марцеллу. Она отправляет ее к весталкам.

— Правда? Вот интересно! — Притворная улыб-

ка не сходила с его губ, пальцами он рассеянно теребил бахрому на подушке. — В первый раз в жизни лишил девушку невинности, а она снова становится девственницей. Оказывается, я обладаю божественной силой.

— Я не шучу. Речь идет о судьбе Марцеллы. Ты же понимал, что кто-нибудь обязательно узнает.

Он рассмеялся:

— Да, я хотел, чтобы Ливии стало все известно. Я послал раба сказать ей. А почему бы и нет? Не так-то просто приобрести репутацию.

Я с ненавистью посмотрела на него. Мне хотелось броситься на Калигулу, расцарапать его, искусать, избить. Я готова была убить его за отвратительную наглость, бездумную жестокость. Я сжимала кулаки с такой силой, что ногти врезались в ладони.

— Но Марцелла тебе нравится. Ты всегда увивался за ней. Мне казалось, ты обязательно захочешь помочь ей сейчас, когда она оказалась в такой беде.

— Да, она мне очень нравится, — сказал он задумчиво.

У меня сильно забилось сердце.

— Тогда все намного проще. Тебе нужно просто жениться на ней.

— Жениться на ней? — Калигула покачал головой. — Едва ли. Она, бесспорно, очаровательная, очень милая девушка, но, на мой взгляд, слишком высокого мнения о себе. Никто из вас, Прокулов, не знает своего места. А ты перещеголяла всех своим тщеславием. Не пойму, отчего мои родители так восторгаются тобой? И кто ты такая, чтобы являться сюда и поучать меня?

Я опустила глаза, поняв, что все испортила. Больше нет никакой надежды.

— А как твои видения? — поддразнил меня Калигула. Рывком он отбросил покрывало. — Что-нибудь вроде этого тебе грезилось?

Я открыла рот от удивления, щеки мои запылали, когда я увидела его обнаженное тело.

Взгляд Калигулы был полон ехидства и гордости.

— Ну как, Клавдия, что скажешь?

Меня чуть не вывернуло наизнанку. Я заскрежетала зубами.

— Ну и что? — выдавила я из себя. — Говорят, они бывают и больше.

Храм Весты, символизирующий домашний очаг, представляет собой массивное округлое здание с позолоченным куполом, поддерживаемым красивыми коринфскими колоннами. В тот

день, когда происходило посвящение Марцеллы в весталки, две жрицы во всем белом встретили нас у входа. Марцелла, не теряя самообладания и присутствия духа, прошла вместе с ними в соседний дворец. Ее мужество наполнило наши сердца гордостью. Никому и в голову не пришло бы, что она всю ночь не сомкнула глаз и заливалась слезами.

Через час она вышла в большую комнату, где мы ее ждали, уже в белой тунике, как все весталки. Отец взял ее дрожащую руку и провел к возвышению перед священным огнем, где с торжественным видом стоял Тиберий. Я еще не видела Марцеллу такой красивой, ее глаза были цвета фиалок, когда она подняла на него свой взор.

Высшая весталка жестом показала, чтобы Марцелла встала на колени, и отец отошел назад. Тиберий, выступавший в роли верховного жреца, шагнул вперед. Положив руки на ее блестевшие черные волосы, произнес ритуальные слова:

— Моя возлюбленная, я принимаю тебя.

Медленно, локон за локоном, он начал обрезать ее длинные густые волосы. Казалось, что этой процедуре не будет конца.

Сидя между родителями и держа их за руки, я

старалась не плакать. Украдкой глядя на маму, я видела, как по ее бледным щекам текли слезы. Черты папиного лица обострились, а глаза блестели. Агриппина приличия ради отвернулась в сторону, а Ливия и Калигула и не пытались скрывать своей радости. Они наслаждались каждой минутой обряда. Иногда они подталкивали друг друга локтем. В какой-то момент даже засмеялись. Сестра казалась ко всему безучастной. Когда упал последний локон и на голову надели повязку, не стало Марцеллы, которую я знала всю жизнь.

Глава 4
Глас Исиды

На следующий день после посвящения Марцеллы в весталки Тиберий поразил всех нас своим сообщением: Германику надлежит совершить турне по империи, а мой отец будет сопровождать его.

Мама начала спешно упаковывать вещи. Она носилась по комнатам, что-то складывала, что-то отбрасывала в сторону.

— Мы правда поедем со всеми?

Замерев на секунду над грудой туник, мама

смахнула со лба завиток волос.

— Ты стала плохо соображать? Думаешь, отец откажется ехать с Германиком?

Нет, я так не думала, как и не представляла, что мама откажется сопровождать отца, хотя дальняя поездка, ограниченное пространство на корабле, неизбежное нахождение в обществе Агриппины казались весьма нерадостной перспективой. Смириться с ее отречением от нас было труднее, чем со злом, причиненным Ливией и Калигулой. Сколько я себя помнила, тетя всегда находилась рядом — властная, великодушная, вызывающая раздражение, любящая. Могла ли я простить ей предательство?

Приготовления к путешествию шли споро, даже чересчур. Я слышала, как отец невзначай сказал маме:

— Тиберий, должно быть, задумал это несколько месяцев назад.

Для встреч с Марцеллой оставалось совсем мало времени. Горько видеть, как тускнеет огонь в ее глазах. Став весталкой, моя сестра должна подавить свойственную ей жизнерадостность и очарование. Однако весталок окружают особым уважением. Они живут в отдельном доме. Все время служения они обязаны сохранять целомуд-

рие, как сама богиня. Сидя с сестрой в большом приемном зале из мрамора, я обратила внимание, что, хотя Веста и священный огонь были олицетворением семейного очага и почитались в каждом доме, каждом городе и больше всего в самом Риме, нигде не было ее статуи. Веста — невидимая.

— Нужно так много выучить, — сетовала Марцелла. — Божественное учение Весты нельзя записывать, мы запоминаем его слово в слово. Самое сложное — это обряды. Если сделаешь хоть малейшее упущение, весь обряд повторяется заново. На усвоение всех премудростей уйдет десять лет.

Как только у Марцеллы хватало духу, чтобы говорить об этом так непринужденно? Я через силу засмеялась:

— А что же все-таки ты делаешь?

— Я тебе уже сказала. — В ее глазах сверкнули знакомые мне огоньки. — Ничего смешного я не нахожу.

Сердце у меня сжалось. Я старалась как можно серьезнее относиться к рассказам Марцеллы о ее новой жизни. Весталки пользовались большим уважением, их ложи в цирке или театре соседствовали исключительно с императорскими. Им

разрешалось принимать посетителей и выходить в город когда захочется. Мне это нравилось. Я восхищалась белой туникой Марцеллы из тончайшего шелка. Я поняла, что неземной облик сестры окружал ореол романтичности только благодаря ее отрешенности от мира. Эта чудовищная несправедливость не давала мне покоя: наша шалунья Марцелла, задорная, неунывающая, потеряна для нас, для мира, приговорена к пожизненному заключению.

— А что потом? — сделав над собой усилие, спросила я.

— Десять лет буду служить в храме.

— Ну а дальше?

— Буду обучать новеньких. — Моя любознательность вызвала у нее грустную улыбку. — Тридцать лет служения богине. — Ее глаза наполнились слезами. — Но это не самое худшее.

— А что же?

— Весталки такие добрые... — Марцелла разрыдалась. — Но это ведь только женский мир.

Когда мы оказались на корабле, отношения между родителями и Агриппиной приняли привычный характер. Это меня потрясло Отец, как всегда, был вежлив и почтителен, а мама негодовала на нее нисколько не больше и не меньше,

чем раньше. Хотя мне и в голову не приходило проявлять открытое неуважение, я вежливо игнорировала попытки Агриппины вернуть прежние дружеские отношения и избегала ее, как только могла.

Поначалу меня пугали ритмичные удары корабельных барабанов, задававших ритм гребцам. Вскоре я почти перестала замечать их и слышала только ночью. Думая о восьмистах рабах, сменявших друг друга на веслах, я отметила сходство между собой и ими. Хотя никто не хлестал меня по спине плетью, разве я не похожа на раба? Рим распоряжался нашими судьбами.

Флагманский корабль Германика — массивная квинкерема с пурпурными парусами на четырех мачтах из ливанского кедра — плыл в окружении почетного эскорта из шести трирем. Гребцы воздавали хвалу Нептуну за попутный ветер, облегчавший их труд.

Я продолжала учиться, занимаясь с одним преподавателем вместе с Юлией и Друзиллой. Мы все скучали по Марцелле. Смышленая, но не очень усердная, она своими остроумными замечаниями оживляла скучные часы занятий. Нерона и Друза с нами не было, они служили младшими офицерами, Нерон — в Карфагене, а Друз — в

Испании. К моей радости, Калигула больше не занимался вместе с нами по просьбе Германика мой отец, единственный мастер ратного дела, находившийся на корабле, обучал Калигулу владению копьем и щитом. Меня коробило при мысли, что он передает воинские навыки соблазнителю Марцеллы. Но могли отец ослушаться и не подчиниться беспрекословно приказу своего командира, отданному даже в мягкой форме?

Раньше в наших общих играх мы с Марцеллой всегда выступали против своих двоюродных сестер и братьев. Сейчас, когда Юлия и Друзилла затевали наши любимые игры, я особенно остро чувствовала отсутствие Марцеллы. Поэтому лучше взять свитки, углубиться в чтение и унестись на крыльях фантазии, чтобы быть недосягаемой даже для Рима.

Лежа на кушетке, на верхней палубе, успокаиваемая легким покачиванием корабля, плеском рассекаемых волн, голубизной моря и неба, я не замечала, как пролетали дни за днями. Я пыталась сочинять стихи, оды, посвященные чудесному рождению Венеры из морской пены. Под мерный бой барабанов мускулистые рабы, в пять рядов сидевшие на скамейках и стоявшие на нижней палубе, гребли гигантскими веслами.

Они одновременно налегали на них изо всех сил, издавая ухающий звук. Время от времени я вставала с кушетки, чтобы посмотреть на них.

Погода неожиданно испортилась. Налетел сильный шторм, заставивший нас уйти с палубы. Хотя почти все страдали морской болезнью, разгул стихии пробудил во мне интерес. Пренебрегая запретами отца, я поднялась по трапу посмотреть, как громадные волны бьют о борт корабля.

Небо прояснилось, когда наш корабль, сильно потрепанный, вошел в порт Никополиса. Рули оказались почти разбиты, и им требовался серьезный ремонт. Германик решил воспользоваться случаем, чтобы побывать на берегу Акцийского залива. Его дед, Марк Антоний, одержал там победу в морском сражении, разбив Августа. Отец организовал экспедицию, в которую вошли многие офицеры с целью разыскать место, где располагался лагерь Антония. Я обрадовалась, что Калигула отправился вместе со всеми. Хотя Германик строго наказал ему относиться ко мне с уважением, он строил жестокие козни. Мне удавалось избегать их, и только накануне я обнаружила дохлую крысу у себя в кровати. Когда я швырнула ее ему в лицо, он крепко схватил меня за запястья, притянул к себе и злобно сверкнул

глазами.

— Ну берегись, сивилла! В следующий раз будет живая.

— Ты не посмеешь! — сказала я с негодованием и вырвалась.

Мне не нравилось находиться в одной тесной каюте с родителями, но сейчас я была рада. Даже Калигула не осмелится навлечь на себя гнев моего отца.

В тот день, когда ушла экспедиция, я проснулась от непривычной боли. Поднявшись с узкой койки, я ужаснулась, увидев кровавые пятна на простыне. В это время вошла в каюту мама. Она улыбнулась, поняв, в чем дело, и обняла меня за плечи.

— Вот и началось. Как ты себя чувствуешь?

— Больно, будто что-то давит.

Мама кивнула:

— Да, так бывает. После рождения первого ребенка ты почти не будешь испытывать неприятных ощущений.

Я нахмурилась: сильная боль избавит от слабой. Мама уговорила меня снова лечь в постель и вышла из каюты, но вскоре возвратилась с рабыней, принесшей свежие простыни и чистую одежду. Пока рабыня меняла постельное белье,

мама объяснила, что нужно делать каждый месяц. Какая досада! Навсегда закончилась моя беспечная жизнь.

— Римлянки должны быть выносливыми, — напомнила мне мама. — Мы всегда превозмогаем боль и исполняем свой долг.

Потом, немного помолчав, словно в нерешительности, сказала:

— Поскольку это у тебя в первый раз...

Она вместе с рабыней вышла из каюты и через несколько минут вернулась с кувшином и двумя кубками. Пригубив один из них, я почувствовала вкус неразбавленного, слегка подогретого вина. Тепло быстро растеклось по всему телу. Я легла в чистую кровать и почувствовала, как меня любят и лелеют.

Мама села рядом и начала рассказывать:

— Мне исполнилось уже шестнадцать лет. И ничего... Я думала, что никогда не стану женщиной. И наконец это случилось. На праздник матроналии. Можешь себе представить! Как назло, я надела белую тунику. Какая-то рабыня шепнула мне на ухо. Я до сих пор сгораю от стыда — сколько народу могли видеть. Твоя бабушка посчитала это хорошим предзнаменованием. Если девушка становится женщиной в самый

священный праздник богини Юноны, то ее ожидает счастливое замужество. Так и вышло.

Мы еще долго разговаривали, шутили и смеялись. Но даже в эти радостные минуты я думала о Марцелле. Если бы только она находилась с нами. Через некоторое время меня стало клонить ко сну. Мама убрала с походного сундука кувшин и кубки и на цыпочках вышла из каюты.

Когда я проснулась, то увидела Агриппину, стоявшую подле койки.

— Доброе утро, юная госпожа!

В одной руке она держала изящную стеклянную вазу с красной розой, а в другой — бусы из кроваво-красных гранатов.

Я отшатнулась от нее. Агриппина приложила к моим плотно сжатым губам два пальца с кольцами:

— Постой, Клавдия. Ты от меня больше никуда не убежишь, как и от самой жизни со всеми ее печалями и радостями. Ты теперь стала женщиной. Но тебе нужно учиться быть взрослой. Впрочем, я тоже продолжаю учиться этому.

Ее слова удивили меня. Она говорила, будто все знала. Молча я наблюдала, как Агриппина поставила розу на полку.

— Я принесла тебе эти подарки, потому что ты

стала женщиной. Я очень рада. — И она надела мне на шею бусы.

Я оставалась непреклонной, стараясь не смотреть ей в глаза.

— Да, я знаю, — вздохнула Агриппина. — Ты винишь меня в том, что случилось с твоей сестрой, но это не так. Марцелла понимала, на какой риск идет. Женщина всегда расплачивается за свои грехи. Ты должна усвоить этот урок, и, слава богам, не на своем опыте.

— А нельзя было помочь? — возразила я. — Вы думали только о Калигуле.

— Какая мать не желает добра своему сыну? Никто не смог бы спасти Марцеллу. Моя мать провела долгие годы в ссылке на крошечном острове за свою неосмотрительность. Представь себе, единственная дочь Августа сидит на хлебе и воде, ей даже не разрешали пользоваться косметикой.

Я кивнула:

— Мама рассказывала мне. Но нужна ли косметика, если никого к тебе не пускают? Ливия раздула из мухи слона и настроила императора против своей собственной дочери. Так говорила мама.

— Да, все верно, — кивнула Агриппина. — Это еще один полезный урок для тебя. С императри-

цей лучше не спорить. Ливия ненавидит меня и, кажется, не очень благосклонна к тебе. Избегай ее во что бы то ни стало.

Я находилась в нерешительности. Как я могла устоять перед чарами Агриппины и ее логикой? Случившегося никак не исправить. Когда Агриппина заключила меня в свои объятия, я тоже обняла ее.

Наше турне по империи продолжалось уже несколько лет. Состоялись государственные визиты в Колофон, Афины, на острова Родос, Самос и Лесбос. Невольно подслушивая разговоры взрослых, я поняла, что снова увидеть Марцеллу доведется очень не скоро. Тиберий вовсе не собирался возвращать в Рим своего харизматического племянника. Агриппина и Германик составляли великолепную супружескую пару. Куда бы мы ни прибывали, они оказывались в окружении подобострастных верноподданных — так мы называли правителей заморских территорий. Эти экзотические местные царьки служили потенциальной опорой власти. Даже я видела это.

— Почему Германик не поднимет восстание? — спросила я отца, когда мы как-то вечером стояли на корме корабля, наблюдая, как удаляются мерцающие огни очередного города, куда мы

нанесли визит.

Папа огляделся по сторонам:

— Будь осторожна, дитя мое. Нас могут подслушивать. И молодость тебя не спасет. — Он накинул мне на плечи плащ, чтобы укрыть от поднявшегося ветра. — Вспомни Германию. Бунтовщики хотели одного — сбросить Тиберия. Но даже ради спасения своей жизни Германик не пошел на это. И сейчас не пойдет. Цезарь — кто бы им ни был — это Рим. Германик исполняет свой долг, и мы тоже.

В чем состоял мой долг, я еще не уяснила, я была молода и находила столько всего интересного, отвлекавшего меня пока от серьезных вещей. Поскольку я входила в императорское окружение, меня представляли каждому из наместников. Некоторые относились ко мне как к женщине. Это нравилось. Весь мир в те дни казался чем-то вроде цирковой арены. Я до сих пор помню представления с участием самых ярких и талантливых исполнителей, имевшихся в этих странах, — акробатов и фокусников, мимов, дрессированных животных. Каждая столица нам показывала все лучшее.

Мы часто переписывались с Марцеллой. Письма доставлялись кораблями, совершавшими

рейсы между Римом и его владениями. Послания Марцеллы напоминали короткие записки: «Высшая весталка заснула во время освящения дворцового очага. Никто не осмелился разбудить ее. Она храпит, как слон». А я не жалела свитков, подробно описывая все виденное, слышанное, запахи в странах, где мы побывали. Но однажды произошло событие, описать которое у меня не нашлось слов даже Марцелле. Это случилось в Египте после осмотра достопримечательностей.

Мы с родителями отправились на Фарос, где находится известный Александрийский маяк. В лучах утреннего света сияла громадная башня, облицованная белым мрамором, а на ее вершине горел яркий огонь. Даже отец тяжело дышал, когда мы поднялись наверх по четыремстам ступеням. Хотя языки пламени, поддерживаемого с заката до восхода солнца, угасали, лучи, отражавшиеся громадными зеркалами, слепили глаза.

— Ничто из творений рук человеческих не сравнится с этим чудом, — сказал мне отец.

Оттуда мы отправились в не менее известный мусейон. Проходя по саду, где растут цветы, какие только есть на свете, и по библиотеке, где собрано больше свитков, чем может прочитать человек за всю жизнь, я думала, что этот центр науки

— настоящий храм муз. Мне бы хотелось остаться здесь навсегда, но отец повел нас к главной достопримечательности.

Все, кто бывает в этом городе, посещают усыпальницу его основателя — Александра Македонского. Останки легендарного полководца покоятся в стеклянном саркофаге, переливающемся всеми цветами радуги. Сгорая от любопытства и дрожа от страха, я подошла ближе к нему. Те, кто бальзамировал тело, были мастерами своего дела. Оно хорошо сохранилось. Высокий лоб, нос с горбинкой и решительный подбородок говорили о красоте этого человека при жизни.

Вокруг саркофага лежали приношения: изображения бога-царя, амулеты из металла, кости и камня, вино, сладости, цветы. Какое почитание правителя, умершего триста лет назад! Во мне вызывал восхищение человек, построивший столицу, соперничавшую с Римом.

— Город спланировал сам Александр, это правда? — спросила я.

Отец откинул назад тяжелые складки шерстяной тоги.

— По преданиям, Александр ходил с архитекторами и размечал на месте растолченным мелом, где сооружать храмы и здания. Когда

мел заканчивался, он сыпал зерно. Слетались птицы и клевали его. По предсказаниям жрецов, Александрии предстояло стать процветающим городом, открытым торговле, и местом, где будут собираться толпы чужеземцев.

— Какая замечательная история! — сказала я, радуясь, что сбываются светлые пророчества, а не только такие мрачные, как мои.

Я ни словом не обмолвилась о сомнениях, одолевавших меня весь день. Александр завоевал полмира, создал великую державу. А чем все кончилось? Она развалилась после его смерти. Давно ушли из жизни люди, построившие маяк и сам город. И эти великолепные памятники тоже исчезнут? И больше ничего не останется? Бросив задумчивый взгляд на саркофаг, я вышла из гробницы следом за родителями.

День близился к закату, когда мы оказались на улице. Отец не взял носильщиков, и мы пошли пешком до снимаемой виллы. Я благодарно ему улыбнулась:

— У нас так мало времени на Александрию, а мне хочется увидеть все.

Казалось, что я объездила весь свет и все видела до того, как мы прибыли в этот город. В возрасте четырнадцати лет я многое знала.

Но в Александрии все не переставало меня удивлять. Ежедневно сотня судов приплывала сюда из заморских стран, о которых я никогда не слышала. Мне доводилось раньше видеть верблюдов — не одного, не двух, принадлежавших семье, — но чтобы в город и из города тянулись бесконечные караваны, управляемые людьми, похожими на принцев в широких халатах и шелковых тюрбанах, — такое производило неизгладимое впечатление. Жизнь вокруг била ключом. Я чувствовала манящую силу свободы и жаждала приключений.

На пути нам попалась темнокожая женщина, прогуливавшаяся с двумя гепардами. Мы остановились посмотреть на заклинателя змей и факира, извергающего огонь изо рта, с волосами цвета пламени. Вокруг слышалась разноязычная речь.

Вдруг сквозь этот гомон прорвался громкий повелительный возглас:

— Расступись! Дорогу Гласу Исиды!

Как по мановению волшебной палочки толпа раздалась, чтобы пропустить процессию. Сначала, вызвав всеобщее замешательство, появились причудливо наряженные комедианты. Впереди, на осле е привязанными к спине крыльями,

будто верхом на Пегасе, ехал старик. Следом за ним, на носилках, — медведь в одеянии римской матроны. Затем обезьяна в обличье Ганимеда, сжимавшая в лапах золотой кубок. Женщина в белой тунике и с гирляндой из цветов разбрасывала по сторонам лепестки роз. Музыканты играли на трубах, флейтах, били в цимбалы и барабаны, а детский хор нежными голосами исполнял гимны «Дочери звезд».

На громадном позолоченном троне в свете ламп, факелов и свечей несли жрицу. Как завороженная я смотрела на эту красавицу в одеянии из белой полупрозрачной ткани. На ней были изумительные драгоценности: золотой полей ножные браслеты, браслеты на запястьях в виде змейки с глазами из изумрудов. На шее — ожерелье из золота, слоновой кости, ляпис-лазури и сердолика. В руках жрица держала крюк и цеп, символы верховной власти.

Окидывая взглядом толпу с выражением спокойствия на лице, она вдруг увидела меня, стоявшую в полном оцепенении. Наши глаза встретились. У меня захватило дыхание, сердце вырывалось из груди. Я почувствовала, что земля уходит из-под ног. Будто узнав меня, жрица улыбнулась.

Я подалась вперед, словно притягиваемая магнитом, но отец удержал меня на месте. Процессия двигалась дальше, звуки гонгов и флейт становились все тише, толпа сомкнулась, и жрица скрылась из виду.

— Кто это? — удивленно спросила я.

— Мерзкая тварь!

Я вздрогнула от того, с каким отвращением отец произнес эти слова.

Мама подняла руки, будто пытаясь защитить нас от несчастий.

— Марк! Она — верховная жрица Исиды.

— Богини царицы Клеопатры, египетской блудницы.

— Ну вот! Ты опять во всем винишь Клеопатру! — воскликнула мама.

— Да! Она околдовала его своими чарами, заставила забыть семью, долг перед Римом, и он изображал из себя Осириса перед новой Исидой.

— Как женщина может заставить мужчину поступать вопреки его желаниям?

— О ком вы говорите? — недоумевала я.

Мама и отец переглянулись.

— Почему бы не рассказать ей? — вздохнула мама.

— Это было давно и быльем поросло.

— Не так уж и давно, — заметила мама. — И Тиберий об этом хорошо помнит. Решение Германика провести здесь отдых не доставило ему удовольствия.

— Да, не доставило, — согласился отец. — Вчера мы получили депешу. Тиберий сердится.

— Неудивительно. Мне кажется, Германик рискует. Никто из наследников престола не осмеливался заглядывать сюда после...

— После чего? О ком вы говорите? Я — не ребенок, — напомнила я им.

— Не ребенок, но ты — дочь Рима и не должна приставать к отцу с ножом к горлу. — Отец говорил строгим голосом. Выражение его лица смягчилось, когда он взглянул на меня. — Кто правит в Египте, тот контролирует поставки зерна в Рим. Император все время относится с недоверием к Германику.

Я внимательно прислушивалась к беседам о политике, которые велись вокруг меня. И сейчас я с нетерпением ждала, что дальше скажет отец. Но он молчал. В наступившей тишине я осмелилась спросить, понизив голос:

— Но это еще не все. Я знаю. Так о ком вы говорите?

Ответила мама:

— Об Антонии. Марке Антонии, дедушке Германика.

Я кивнула:

— Он управлял империей вместе с Августом. Да?

— В течение некоторого времени, — снова заговорил отец. — Пока его не обольстила египетская... любовница.

— А я слышала, здесь его считают ее супругом, — заметала мама.

— Антоний покрыл себя позором, поскольку отрекся от богов наших предков и был рядом, когда ее возвели на трон.

— Все это уму непостижимо, — согласилась мама. — Как можно было забыть Рим, пожертвовав всем?

Я промолчала, вспомнив взгляд жрицы. Я заметила в нем манящий огонь свободы, неведомой мне, почувствовала возможность избавиться от ограничений, налагаемых принадлежностью к знати. Этим взглядом она обещала приключения, какие мне и не снились.

Глава 5

Поиски Исиды

Мама никогда раньше не брала меня на рынок рабов. Сейчас я понимаю почему. Смрад там стоял невыносимый. Многие охваченные страхом рабы перепачкали своими нечистотами одежду и солому под ногами.

— Какая мерзость! — пробормотала мама, приподняв подол столы. — Ни одна римлянка или римлянин не позволили бы себе такого. — Она дала мне хрустальный пузырек с духами: — Вот, нюхай и не отходи от меня ни на шаг.

Держа у носа пузырек, я шла за мамой от одной группы рабов к другой. Зловоние — лишь часть потрясшего меня. Отовсюду доносились крики, брань, вопли. Рабы были цепями прикованы за шею к столбам. Некоторые неистовствовали и ругались, хотя в их глазах я видела страх. Более пожилые стояли спокойно, но выглядели они болезненно. Кто их купит? Мама потянула меня за руку, когда мы проходили мимо рабыни, прижимавшей к себе троих малолетних детей. Все они плакали.

— Ужасно, мама! Такое я не могла себе даже представить.

— Не буду делать вид, что это не так, — согла-

силась она. — Скоро у тебя будет свой дом, и тебе придется вести хозяйство. Пора знать, что и как. Ты смотри внимательно. Нам надо подыскать кого-нибудь вместо старой Присциллы. На следующей неделе состоится званый обед.

Я огляделась. Никто не привлекал моего внимания. И вдруг среди трясущихся и плачущих мужчин и женщин я увидела стройную девушку, вызвавшую у меня интерес:

— Как насчет той?

Мама, махнув рукой, подозвала работорговца, стоявшего поодаль. Он быстро дал купчую на девушку.

— Юная госпожа сделала хороший выбор. Сегодня Рахиль лучшая из лучших.

Мама повернулась к нему спиной и нахмурилась, начав читать купчую.

— Рахиль, говоришь? Этих торговцев только слушай. Здесь написано, что она свободно говорит по-гречески и на латыни, а ее отец был советником у Ирода Великого. Она старше тебя, Клавдия, всего на четыре года, а ее продавали уже три раза. Интересно знать почему.

Я внимательно посмотрела на красивое умное лицо девушки, и мне понравились ее ясные карие глаза, длинноватый нос и пухлые губы, на них

играла озорная улыбка.

— Может быть, ей просто не везло.

— Мне кажется, у нее маловато силенок, — сказала мама и отвернулась.

На лице рабыни отразилось разочарование.

— Скорее всего она голодна, да и только, — попыталась я убедить маму. — Я думаю, с приготовлением званого обеда она справится.

Еще одним потенциальным покупателем оказался здоровый мужчина с круглым раскрасневшимся лицом и большим животом, выпиравшим над египетской юбкой. Он поднял вверх тонкие руки девушки, успев при этом пощупать ее грудь. Громадной пятерней он взял рабыню за подбородок, чтобы открыть ей рот. Осмотр закончился неожиданно, когда она вонзила острые зубы в его короткие толстые пальцы.

— Ах ты, стерва! — выкрикнул он и сильно ударил девушку по лицу.

Подскочил работорговец:

Ты что делаешь! Она тебе еще не принадлежит.

— Сколько она стоит? — спросила я.

— Тысячу сестерциев, — ответил торговец. — Хотя женщина с таким характером... — он посмотрел на толстого покупателя, снова выру-

гавшегося и засунувшего в рот окровавленные пальцы, — с таким бешеным темпераментом стоит гораздо больше.

— Тысячу сестерциев? Да катись ты! — рявкнул покупатель. — Она и десяти-то не стоит.

— Уж точно, не стоит, — согласилась мама. — Клавдия, о чем ты думаешь?

У меня запылали щеки. Собравшаяся вокруг толпа с любопытством наблюдала за происходившим и смеялась. Хозяин рабыни перевел взгляд на маму и одной рукой с кольцами на каждом пальце поправил складки украшенной вышивкой туники.

— Конечно, юная госпожа с ее очевидной прозорливостью оценила, что молодая девушка культурного происхождения могла бы стать хорошей покупкой за тысячу сестерциев. Я вынужден свернуть свое предприятие, чтобы заняться семейным торговым делом в Этрурии, только поэтому соглашаюсь отдать ее почти задаром.

Мама решительно покачала головой, взяла меня за руку и отвела в сторону от наблюдавших зевак.

— Ты очень хочешь, чтобы к тебе относились как к взрослой, ну так веди себя как взрослая. У меня с собой всего пять сотен, и ни динария

больше. Вон та, — мама показала глазами на дородную женщину, с покорным видом стоявшую позади всех, — выглядит вполне прилично. Я все время присматривалась к ней. А покупать эту молоденькую — все равно что кота в мешке. Видно, из-за своего норова она и сменила столько хозяев

— А если бы тебя вот так схватили? Я бы еще сильнее укусила.

— Не сомневаюсь, — согласилась мама. — Но сравнения сейчас не к месту. Девушка сама нарвалась на неприятности. Торговец рассчитывает заставить толстяка заплатить больше, чем она стоит, а тут ты еще подвернулась.

— Посмотри, этот бугай кипит от злости. Если он купит девушку, то будет ее избивать, — сказала я.

— Такова жизнь, моя дорогая.

— Мамочка... — Глаза мне заволакивали слезы.

— Что «мамочка»? Я тебе не отец. Прибереги для него свои сцены.

Я вытерла слезы.

— Сколько ты собиралась заплатить за рабыню?

— Я же сказала. Не больше пятисот. На этой неделе мы принимаем проконсула. Ты была у

него на приеме, видела всю роскошь. Золотые блюда, шпагоглотатели. — Мама замолчала, вопросительно глядя на меня. — У тебя есть какие-то деньги?

— Пятьдесят сестерциев, — неохотно ответила я. Мне хотелось купить золотое кольцо в виде змейки с зелеными глазами. Ювелир сказал, что оно обладает магическими свойствами. Для этого я копила деньги.

Мы оглянулись на нашего конкурента, продолжавшего торговаться с хозяином, который уже соглашался на девять сотен, а тот не поднимался выше семи. Я посмотрела на рабыню, неподвижно стоявшую, как каменное изваяние с бесстрастным лицом, но ее глаза были устремлены на меня.

Я вздохнула:

— Дома я припрятала еще сотню.

— Ну ладно, — нехотя согласилась мама, — если для тебя это имеет такое значение. Мы даем семьсот пятьдесят, — громко сказала она продавцу.

Толстый покупатель с минуту смотрел на девушку, ругнулся и пошел прочь.

Рахиль, как вскоре убедилась наша семья, знала в Александрии все, что стоило знать. Девушка без особых усилий освоилась с новой обстановкой,

занималась хозяйством и вела себя так, словно служила у нас не один год. Она умела делать прически, была искусной рукодельницей, и мама уже не могла обходиться без нее. Рахиль быстро нашла общий язык с Гебой и Фестом, нашими поварихой и домоправителем, своенравной, но толковой парой. Поначалу лишь за это мама была благодарна фортуне, но вскоре у Рахили обнаружилось еще и умение прекрасно торговаться на рынках города, известного во всем мире разнообразием товаров.

На обед проконсулу подали нежнейшую свиную выло резку. Он наслаждался вареной страусятиной с иерихонскими финиками и измельченными лангустами в остром соусе. Орхидеи, доставленные из районов Верхнего Нила, преобразили наш скромный атриум. Афинянки играли на лютнях, а эфиопские венеры выступали с дрессированными пантерами, послушными, как котята. Все восторгались искусством Митрадита, прослывшего самым известным фокусником в городе волшебников. Но мы с мамой решили меж собой, что настоящая волшебница — это Рахиль. Благодаря ей на званый обед пошла лишь малая толика выделенных денег.

В течение нескольких дней Рахиль была за-

нята подготовкой к приему. Между тем у меня из головы не выходили великая богиня Исида и ее почитательница — царица Клеопатра, экзотическая, интригующая и опальная. После торжественного приема я поспешила в свою комнату, где меня ждала Рахиль. Пусть родители скрывают от меня свои секреты, но я-то знала, чего хотела.

Лампы горели неярким светом. Поперек кушетки лежала розовая ночная рубашка. Рахиль встала, когда я вошла.

— Хотите, я сделаю вам массаж? — спросила она, снимая с меня тунику.

— Да, — ответила я. — Но кроме массажа, мне хотелось бы знать кое-что. Расскажи мне про Клеопатру. Папа назвал ее блудницей. Она была плохой?

Рахиль взяла со столика рядом с кушеткой пузырек с сандаловым маслом.

— Ее почитали как богиню. Жители Александрии до сих пор оплакивают ее. Клеопатра была последней из рода Птолемеев, династии Александра.

— Знаю! — воскликнула я в нетерпении. — Когда мы завоевали Египет, Август назначил здесь проконсула. С тех пор он и правил. Ну а что же

Клеопатра? Она была красивая?

Рахиль растирала мне спину.

— Ее статуи изображают стройную женщину в роскошной египетской одежде.

— А египетская одежда не позволяет представить фигуру. Ну а ее лицо?

Опытными руками Рахиль бесстрастно проводила мне по ягодицам.

— У нее был длинный нос и выступающий подбородок.

— Но Антоний и, как я слышала, до него Юлий Цезарь...

— Дело не только во внешности, — уверенно сказала Рахиль. — Старики говорят, у нее был приятный голос, и все считали ее очень умной. — Рахиль помолчала. — И есть кое-что другое.

— Что именно?

— Ты еще очень молода.

— Мне уже четырнадцать лет. Через год родители будут искать мне мужа. Говори!

— Клеопатра опьяняла, как крепкое вино. Она собиралась объединить мир, заманив сначала Цезаря, а потом Антония...

— В свою постель, — закончила я фразу. — Но это было так давно. Папа никогда не видел Клеопатру, но он ненавидит ее. Должно быть, есть

что-то еще...

Я села на кушетке, подняла руки, и Рахиль надела на меня рубашку. Зевнув, я снова легла на спину. Мои веки отяжелели.

— Кажется, папа сам не знает, почему он ненавидит Клеопатру, — сонно пробормотала я. — Но его страшит это могущество — могущество Исиды.

В ту ночь мне приснилась Исида. Ничего удивительного в этом не было — в конце концов, я думала о ней. Удивила меня реакция Рахили.

— Это знак свыше, — взволнованно сказала она. — Она всегда является во сне своим истинным почитателям.

— Откуда ты так много знаешь про Исиду? — спросила я и перестала есть фиги, поданные к завтраку.

— Я хожу в ее храм, как только появляется возможность.

— Ты, рабыня, ходишь в храм Исиды?

Мое удивление развеселило Рахиль.

— Богиня благоволит ко всем.

— Как интересно. — Я рассеянно потянулась к горшочку с медом. — В твоей купчей сказано, что ты иудейка. Говорят, у вашего народа один бог. Должно быть, он всемогущий. Почему ты

отреклась от него?

Рахиль задумалась.

— Яхве наказывает народ. Одну женщину он превратил в соляной столб только за то, что она оглянулась назад. Любая богиня более великодушна.

— Не все, — заметила я. — Диана превращает мужчин в оленей, если они позволяют себе вольности, например подсматривают за купальщицами. Однако она любит животных. Когда колесница сбила Гекату, никто не верил, что она выживет. Папа хотел завести другую кошку, но Диана услышала мои молитвы. Кость сломанной лапы срослась, и сейчас моя любимица даже не хромает.

— Это просто чудо. Но расскажите, пожалуйста, какой вам приснился сон.

— Рассказывать почти нечего, — ответила я, удивляясь настойчивости Рахили. — Я видела только ее лицо, такое красивое, полное любви и... сострадания. Исида никого ни во что не превращала. Она позвала меня на лазурный берег моря. Мы вместе плавали, и она поддерживала меня. Иногда мы лежали на воде, качаясь на волнах, как в колыбели. Я чувствовала себя... в безопасности.

Рахиль понимающе кивнула:

— Море для нее священно. Да, ты стала ее избранницей. Я уверена.

Но мама была другого мнения. Я подошла к ней, когда она сидела за ткацким станком в освещенном солнцем углу комнаты.

— Не вздумай говорить отцу про Исиду, — предупредила она.

Я покорно кивнула и немного погодя спросила:

— Мама, ты счастлива, что поклоняешься Юноне?

— Счастлива? — удивилась мама. — Я ищу у нее успокоения, и не более того. Когда мне было столько лет, сколько тебе, я поклонялась Диане. Она — девственница, для молоденькой девушки это очень хорошо. Но потом я встретила твоего отца... Венера приняла мои дары. А в последние годы мне стала дорога Юнона. Она бережет наш дом. Я чувствую это.

— Но Юнона... — замялась я.

— Юнона — хранительница брачных союзов, — подсказала мама. Она взяла моток розово-лиловой пряжи. — Что еще нужно женщине?

— Не знаю, — сказала я в нерешительности. — Ее муж — какой-то странный бог. У него столько любовных связей. Но от Юноны пощады не жди.

Она так жестоко карает соперниц, превращая их в коров или в какие-нибудь предметы.

Мама взяла в руки челнок.

— Выйдешь замуж — поймешь.

Рахиль рассказала мне про Исиду, когда мы на следующий день пошли на рыбный рынок. Сначала папа не разрешал отпускать меня, но потом согласился, при условии, что мы возьмем, как посоветовала мама, носильщиков с паланкином. Я отказалась, потому что мне хотелось увидеть город.

— Мне нужно пройтись, — убеждала я родителей.

В конце концов отец сдался, но потом я заметила двух наших рабов, старавшихся незаметно следовать за нами.

— Исида и Осирис были пошлине родственными душами, — сказала Рахиль, слегка размахивая корзиной в руке. — Они встретились и полюбили друг друга еще в чреве матери, как близнецы.

По рассказам, в царских семьях браки по египетскому обычаю заключались между братом и сестрой. Это казалось странным, и все же кого можно лучше знать, если не брата?

— Не иначе, они были счастливы всю жизнь? — спросила я.

— Отнюдь, — продолжала Рахиль. — Завистливый брат Сет заманил Осириса в ловушку. Он приказал тайком снять мерку с Осириса и сделать по ней короб с красивой отделкой. Во время пиршества Сет обещал подарить его тому, кому он придется по росту. Гости на пиру, сообщники Сета, по очереди ложились в него, но никому короб не пришелся впору. Когда Осирис лег в него, заговорщики захлопнули крышку, заперли замок и бросили короб в Нил. Исида отправилась на поиски останков мужа. Ее путешествие оказалось долгим и тяжелым. Она даже выдавала себя за жрицу любви в храме.

— Жрицу любви? — удивилась я.

— Да, поневоле, — объяснила Рахиль. — Только так она смогла получить тело Осириса и достойно похоронить его. Но на этом история не закончилась. Жестокий брат извлек труп из земли, рассек его и разбросал куски по всему миру. Исида отправилась собирать по частям тело мужа. Она соединила их, а бог Анубис набальзамировал тело. Исида в виде соколицы опустилась на мумию Осириса и, чудесным образом зачав от него, родила сына.

Мы дошли до рынка на берегу моря. На волнах раскачивались лодки, выкрашенные в яркие

цвета, а рыбаки выгружали бочонки с трепыхавшейся рыбой. Рахиль переходила от одного лотка к другому, пытаясь найти любимого маминого леща, бывшего редкостью. Облокотившись на парапет, я подносила к носу флакон с духами и рассеянно смотрела на гавань, на возникающий из утренней дымки громадный маяк на Фаросе, который мы посетили неделю назад. Сзади подошла Рахиль и взяла меня за локоть.

— Можно возвращаться домой, — сказала она. — Посмотрите, какие я купила сардины на завтрак. Ваш папа будет рад.

Пока я тут стояла, она купила не только сардин и леща, но и мидий, и крабов.

Вокруг нас, стараясь перекричать галдящую рыночную толпу, торговались и переругивались рабы и продавцы. Но мои мысли сосредоточились на богине, странствовавшей по свету в поисках тела своего мужа. «Это самая прекрасная история из когда-либо слышанных мной, — подумала я. — И самая захватывающая».

— Ты отведешь меня в храм Исиды, — приказала я, повернувшись к Рахили.

Она чуть не уронила с плеча корзину.

— Твои родители убьют меня.

Я от души рассмеялась:

— Мама много шумит, но и мухи не обидит. А папа — солдат. Он все делает для Рима, не для себя. Кроме того, он никогда не поднимет руку на своего раба.

— Я знаю, — сказала Рахиль. — Моя мама такая же, как ваша. Если бы жизнь обернулась иначе и они встретились, то, наверное, подружились бы. Ваш отец — порядочный человек. И даже больше. Он добрый. Но если родители решат, что я дурно на вас влияю, меня продадут. Я этого не вынесу. Хочу навсегда остаться в вашей семье.

— Я тоже хочу, чтобы ты жила у нас, и часто забываю о твоем положении рабыни. Мне было одиноко, после того как Марцеллу отдали... — Я замолчала, пытаясь справиться с нахлынувшими на меня эмоциями. — Мы пойдем в храм сегодня ночью, когда все уснут. Никто ничего не узнает.

Глава 6
Обитель Исиды

Даже при тусклом свете лампы я видела, какое у Рахили бледное и напряженное лицо. Я делала вид, что не замечаю этого, когда мы тайком вышли на ночную улицу. Мы оделись просто. На Рахили была поношенная пала, хотя после бан-

кета мама подарила ей новую, а на мне — некое подобие костюма. Прежде я никогда ночью не выходила из дома без родителей, поэтому сейчас от волнения у меня захватывало дух.

Никем не замеченные, мы быстро дошли до рыночной площади, где продолжала кипеть жизнь. В некоторых лавках шла торговля. Воздух наполняли запахи жареного барашка, храмовых благовоний, человеческой плоти. Озираясь по сторонам, осторожная, как кошка, Рахиль вела меня за собой.

Изрядно поторговавшись, она наняла паланкин. Я опасалась, не развалится ли это непрочное средство передвижения, когда его потащили неуклюжие, медлительные носильщики. За плотной занавеской, сбитая с толку частыми поворотами, я потеряла представление о том, где мы находимся, пока не почувствовала запах моря и не отодвинула занавеску, чтобы посмотреть наружу, но Рахиль задернула ее.

— Что вы делаете? — с тревогой сказала она. — А вдруг вас узнают.

Наконец паланкин небрежно поставили на землю. Мы с Рахилью самостоятельно выбрались из него, так как руки нам не подали. Я расплатилась с носильщиками и с нетерпением

посмотрела вокруг. Широкая лестница вела в сад, освещенный сотнями факелов. Пришлось ахнуть от такого зрелища. Ибисы и павлины разгуливали по зеленым дорожкам, обрамленным разноцветьем роз, а в воздухе витал их изумительный аромат. Я откинула капюшон палы, и мной овладело неожиданно знакомое чувство. До нас все отчетливее доносилось негромкое пение, когда мы проходили мимо рядов резных колонн и потом оказались в преддверии храма. Мозаичные картины на полу изображали тяжелые испытания, выпавшие на долю Исиды. У меня мурашки побежали по телу, когда я прочитала слова, начертанные золотом подле картин:

Я первая и последняя,
Я почитаемая и презираемая,
Я падшая и святая.

За полупрозрачной занавеской, слегка колыхавшейся на ветру, находился проход в следующее помещение. В первый момент меня ослепил свет множества ламп, свисавших со сводчатого потолка, и поразило великолепие росписи в виде кругов, квадратов и дуг.

Люди стояли или сидели на мраморных скамейках небольшими группами и разговаривали.

Мужчины и женщины. Модно или скромно одетые, они выглядели очень опрятно. Многие узнавали Рахиль. К моему удивлению, она обменивалась улыбками и дружественными поклонами с присутствующими в зале, простую рабыню радушно принимали в таком роскошном месте. Такой прием поразил меня.

Изучая людей, собравшихся в этом большом мраморном зале, я почувствовала, что на меня тоже обращают внимание. В одиночестве у колонны сидел молодой человек. Он уронил на пол свиток, когда устремил на меня пристальный взгляд своих больших карих глаз. Я вздрогнула и, распрямив плечи, отвернулась. Кто он такой? Как посмел смотреть на меня так, словно хотел проникнуть в душу?

Не в силах совладать с собой, я искоса взглянула на него. Молодой человек встал, поднял свиток и улыбнулся Рахили. Она приветливо кивнула ему, и он направился к нам легкой походкой. Он был высокий и стройный.

— Мы разве знакомы? — спросила я, подняв подбородок, как иногда это делала мама.

— Мне показалось, я вас где-то видел, — ответил он и низко поклонился. А потом поднял на меня смеющиеся глаза. — Но я обознался. Как простой

скиталец может знать такую важную особу?

Он смеется надо мной! У него скромные манеры, говорит по-гречески с сильным акцентом, но откуда такая уверенность в себе?

Рахиль произнесла что-то на незнакомом мне языке. Он кивнул в знак согласия.

— Что ты ему сказала? — поинтересовалась я. — И на каком языке ты говорила?

— На арамейском, на нем говорят у нас в Иудее, — ответил он. — По просьбе Рахили о вашем высоком положении здесь не должны знать.

— Но вы-то откуда знаете?

Он пожал плечами:

— Глядя на вас, нельзя ошибиться. И простая одежда этого не скроет.

Я с любопытством посмотрела на молодого человека. Он тоже был скромно одет: коричневая домотканая тога и накидка поверх нее. Ничто в нем не бросалось в глаза, и все же он выделялся среди других.

— Зачем вы сюда пришли?

Его вопрос удивил меня.

— А вы?

На вид ему лет двадцать. Я подумала, может, он прав, мы где-то встречались. Мне довелось много путешествовать в последние годы. Но нет,

это невозможно. Я никогда не видела это спокойное, открытое лицо уверенного в себе человека. Прирожденный лидер, его призвание — быть офицером, сказал бы про него отец. Поразившись своей собственной глупости, я ответила:

— Жрица позвала меня. Я хочу знать зачем. А почему вы здесь?

— Я буду учить людей, но мое время еще не пришло.

— Он задает столько вопросов и все ставит под сомнение. Ему в новинку поверья, связанные с богиней, — сказала Рахиль. Я совсем забыла о ее присутствии.

— Меня привезли в Египет еще ребенком, — начал рассказывать молодой человек. — Я помню этот храм. Мама приводила меня сюда против воли отца. Когда мне исполнилось четыре года, семье пришлось вернуться обратно. Мать уже никогда не говорила про Исиду и больше не пела гимны в ее честь вместо колыбельной. Но однажды отец обнаружил небольшую глиняную статуэтку, которую она прятала, изображавшую Исиду со своим сыном Гором на руках. Он разбил ее вдребезги. У нас в Галилее обычаи не такие, как здесь.

— Да уж, — согласилась Рахиль. — Но ведь мы

пришли сюда, к ней.

— Не знаю... — На ясное, спокойное лицо молодого человека набежала тень. — Я постигал учение у других наставников — великих раввинов. Мне предстоит скоро возвращаться домой. Семье трудно обходиться без меня. Здоровье отца пошатнулось. В семье я старший. — Он вздохнул и обвел взглядом зал: — Здесь заключена такая сила и умиротворение! Мой небесный отец тоже милостив, но об этом уже никто не вспоминает.

Раздался звон большого гонга. Перед нами раскрылись массивные золотые двери. Люди устремились вперед. Я хотела войти, но медлила в нерешительности.

— Я — Клавдия Прокула, — представилась я ему. — А вас как зовут?

— Иешуа, или, как говорите вы, римляне, Иисус.

Импульсивно я потянулась к его руке и взглянула в глаза, глубокомысленные и немного погрустневшие.

— Надеюсь, вы нашли, что искали? — спросил он.

— Желаю вам также обрести, что ищете.

Повернувшись, я последовала за толпой.

— Какой интересный молодой человек, — ска-

зала я Рахили, когда мы проходили в святилище.

— Даже трудно себе представить, — таинственно ответила она. — Таких людей я никогда не встречала.

Я забыла об этом случайном знакомстве, захваченная происходившим вокруг. Несмотря на поздний час, верующие заполнили белую алебастровую комнату, освещенную огнями сотен ламп. Продвигаясь вперед, я увидела стройную фигуру, сидящую на золотом троне. Это была верховная жрица, запомнившаяся мне во время шествия. Как и тогда, наши взгляды встретились. Хотя ее глаза были ярко накрашены на египетский манер, в этом не чувствовалось никакой искусственности. Она вздернула брови в знак приветствия, обращенного ко мне, и у меня по спине побежали мурашки.

Жрица отбивала такт золотым систрумом[2], а женщины в белых одеяниях играли на лютнях и пели нежными голосами. Когда музыка стихла и жрица поднялась с золотого трона, я открыла

---

[2] Примечания: 2

Систрум (или систр) — ритуальный музыкальный инструмент, состоящий из грифа с металлической пластиной, изогнутой в виде подковы и унизанной тарелочками или колокольчиками; издает мелодичный звон при встряхивании; впервые появился в Древнем Египте и употреблялся в культе Исиды, в дальнейшем получил распространение в Греции и Риме.

рот от изумления, увидев на ней тунику из тончайшего голубого шелка с вышитыми золотыми звездами и полумесяцами.

— Я — мать природы, — произнесла жрица, являя собой земное воплощение Исиды. — Благодаря мне родит земля, плодятся животные, в чреве женщины начинается новая жизнь. — И голосом, проникнутым нежностью и состраданием, она продолжала:

Иди ко мне, если ты ищешь истину,

Иди ко мне, если ты сбился с пути,

Иди ко мне, если ты болен и жаждешь исцеления,

Иди ко мне, если ты грешен и ждешь прощения.

В моей обители каждый найдет пристанище.

Я всем дарую мир — мужчине и женщине, рабу и господину,бедному и богатому.

Я зову к себе всех, ибо я — ваша любящая мать Исида.

У меня подкашивались ноги. Теперь мне стало ясно, что Исида более могущественная, чем Фор-

туна, она повелительница судьбы.

Она — воплощение всех богинь и богов, какими бы именами их ни называли. «Ты — та единственная!» — кричала моя душа. Люди подались вперед, чтобы прикоснуться к одежде верховной жрицы, увлекая меня за собой. Не сон ли это?

Я пала на колени перед жрицей. Она протянула мне руку и заставила подняться, пристально глядя в глаза. Потом, не говоря ни слова, вручила мне золотой систрум, висевший у нее на согнутой руке.

Я взяла инструмент и удивилась, как удобно его держать. Жрица повернула меня лицом к стоявшим перед ней людям, и я начала потряхивать систрумом в нужном ритме, будто для меня это было привычным делом. Я осознала, что все, к чему стремилась, ждет меня здесь, в обители Исиды.

Глава 7
Посвящение

На следующий день после моего посещения храма от Тиберия пришел приказ, состоящий из четырех слов, его нельзя было не выполнить: «Немедленно отправляйтесь в Антиохию». И весь

дом завертелся, словно в вихре. Большую часть мебели мы взяли в аренду вместе с виллой, но предстояло упаковать личные вещи. Эти лихорадочные сборы не могли развеять мои мысли.

— Как я могу уехать из Александрии? — шепнула я на ухо Рахиль, когда мы перебирали одежду. — Как я могу уехать от Исиды, ведь я только что нашла ее.

— Исида везде, — уверила меня Рахиль.

В сердцах я бросила взятую для упаковки тунику.

— Могущество Исиды здесь, в Египте.

— Нет, оно везде, — повторила рабыня, подняв тунику и начав ее складывать снова. — Если она имеет насчет вас какие-то виды, вы об этом скоро узнаете.

Мои кузины Друзилла и Юлия поддавали пинка рабыням, если они их раздражали. В первый раз я испытала такое же желание.

Вечером за ужином мама безумолчно болтала об Антиохии. Столица Сирии, где протекала бурная политическая и социальная жизнь, уступала только Риму. Мама уже прикидывала, какие можно будет завязать знакомства. Этот город как раз для нее, но и отец казался тоже довольным. Антиохия являлась военным форпостом, зани-

мавшим выгодное стратегическое положение, окном на Восток. Родители строили грандиозные планы и предвкушали предстоящие перемены.

Наша повариха Геба, готовясь к путешествию, весь день закупала египетские травы и специи. Поэтому ужин оказался легким. Мы довольствовались жареным ягненком, сладким перцем, луком и рисом. Мама, просившая принести что-нибудь еще, обратила внимание на мою тарелку, почти не тронутую.

— Тебе нездоровится? — спросила она, пощупав мой лоб. — Температуры нет, но у тебя усталый вид.

— Мама, я за день ни разу не присела, — ответила я, потупив взгляд.

— Тогда иди спать, — вмешался отец. — Мы отплываем завтра на рассвете. Вставать придется рано.

Кивнув родителям, я вышла из-за стола. Их восторг приводил меня в еще большее уныние. Сердце учащенно билось. Тяжелой поступью я ушла в свою спальню. Там меня ждала Рахиль. Щеки ее пылали.

— Что случилось? — спросила я.

Рахиль приложила палец к губам.

— Идемте со мной. Скорее!

Не говоря ни слова, Рахиль повела меня на кухню.

— Не попадайтесь на глаза Гебе. Подождите меня здесь.

Она осторожно открыла дверь и заглянула внутрь. Убедившись, что там никого нет, Рахиль подала мне знак. Мы пересекли кухню и вышли через черный ход.

Двое дюжих носильщиков ждали на улице подле зашторенного паланкина. С факелом в руке подошел еще один человек, наголо бритый и еще большего роста.

— Меня зовут Тот, — представился он. — Верховная жрица просит вас прийти в храм, но только если вы сами желаете этого.

Я вопросительно посмотрела на Рахиль. Она кивнула мне в знак согласия:

— Я хорошо знаю Тота, но вас одну не оставлю.

Я покачала головой:

— Не надо. Стоит ли рисковать из-за меня?

— Вы уверены? — спросила она и пристально посмотрела мне в глаза.

— Да, уверена, — ответила я, стараясь придать решимости голосу.

Рахиль с облегчением вздохнула, когда накинула мне на плечи палу. Тот помог мне войти в

паланкин. Казалось, он слышит, как бьется мое сердце. Я заставила себя улыбнуться и удобно устроилась среди мягких подушек, лежавших на сиденье. Тесную кабину освещала фарфоровая лампа с миндальным маслом. И все же дорога показалась бесконечно долгой, пока я представляла, что меня ждет. Мыслями я часто возвращалась к Марцелле. Она была со вынуждена посвятить себя богине, никогда не покидавшей свои чертоги, а моя богиня странствовала по всему миру. Веста заботилась лишь о том, чтобы горел огонь, а Исида — вездесущая. Стала бы Марцелла завидовать мне, или же она сочла бы меня безумной? Что бы она ни думала, мне недоставало ее в этот ответственный момент моей жизни.

Вдруг носильщики остановились и опустили паланкин. Тот помог мне выйти из него. Величественный храм предстал передо мной во всем своем великолепии. Он показался мне еще больших размеров и очень таинственным. Я ощущала дрожь в коленях, поднимаясь по мраморным ступеням. Верховная жрица встала с трона при моем появлении. Она была прекрасна и казалась не от мира сего. Узнав меня, когда я преклонила перед ней колени, она зажгла ладан в белой алебастровой курильнице, и святилище напол-

нилось сладким ароматом. Откуда-то, вероятно, из соседнего помещения, доносилось пение. Жрица кивнула мне, и я поднялась с колен. Видя мое волнение, жрица спросила:

— Ты не боишься?

— Нет, — ответила я, удивившись, что говорю правду.

— Я вижу. — Улыбка озарила ее лицо. — Богиня позвала тебя. Она предлагает тебе пройти обряд посвящения.

— Неужели? Я очень рада! — воскликнула я, переполняемая эмоциями. Но потом грустно покачала головой: — Это невозможно. Родители отправляются в Антиохию... Я люблю своих родителей, — добавила я извиняющимся тоном, — и не могу их оставить.

— Конечно. Исида знает это. И она никогда не потребовала бы, чтобы ты ушла из семьи. Она не просит такого, чего ты не можешь сделать. Неволить людей не в ее правилах. — Жрица немного помолчала, испытующе глядя на меня, и продолжила: — Если хочешь, твои приготовления могут начаться завтра. На это уйдет десять дней.

— Но мы отплываем завтра.

— Это меняет дело. — Нежная улыбка заиграла на губах жрицы. — Прислушаемся к решению

богини. А ты действительно хочешь стать ее служительницей?

— Да, конечно!

— Ты можешь поклоняться Исиде умом и сердцем. Тебе даже не нужно ходить в храм, хотя в Антиохии он есть. Ты можешь молиться в нем, не подвергая себя риску посвящения.

Риску? Я на мгновение задумалась. Но какое это имеет значение?

— Я буду рада вынести любое испытание, чтобы стать ее служительницей, если это возможно.

— Тогда ты должна подготовиться, — стала объяснять жрица. - С завтрашнего дня начни соблюдать пост. В течение десяти дней никакой еды, ты можешь пить только воду и соки. Каж дый день в одно и то же время ты должна быть наедине с

И силой Это важно59

— Наедине с Исидой?

— Да. Вот что нужно делать. Сидя на полу с вытянутыми вперед ногами, выпрями спину. Соедини руки, чтобы пальцы и ладони соприкасались между собой. Нет, не так, а вот так.

Я кивнула и сложила руки, как она показала, готовая выслушать дальнейшие указания.

— Сосредоточься на богине, мысленно пред-

ставь ее образ. Если будешь думать о чем-то другом, прогони эти мысли. После десяти минут концентраций разомкни руки и положи их на колени ладонями вверх.

Сидеть десять минут в неподвижности — это показалось мне чересчур долго, но я внимательно продолжала слушать.

— Может быть, перед глазами у тебя возникнут картины или образы, появятся странные ощущения, или тебе послышатся голоса. Что бы ни происходило, не бойся. Воспринимай это как ниспослание Исиды. Выполняй мои указания каждый день. Затем на десятую ночь к тебе придет Тот.

Я с удивлением посмотрела на жрицу. Все эти инструкции... Что, она не слышала меня?

— Но я вам сказала, что мы уплываем. В Александрии меня уже не будет. Через десять дней, если пожелает Нептун, наш корабль достигнет Антиохии.

— Ладно, посмотрим.

Мы вышли из храма с Тотом и быстро спустились по мраморным ступеням к ожидавшему нас паланкину. Когда мы добирались сюда, ночь была безоблачной и в небе сверкали звезды, но сейчас, к моему удивлению, начинался дождь.

Носильщики дружно взялись за свое дело. Поднялся сильный ветер, и по крыше застучали тяжелые капли. К тому времени как я оказалась дома, с занавесок в паланкине текла вода, и моя пала намокла.

Я почувствовала, что Рахиль, встретившая меня, чем-то встревожена.

— Старайтесь не шуметь, — прошептала она. — Ваш отец уже встал. Только что пришел слуга господина Германика. Наверное, какие-то последние распоряжения насчет путешествия. Они в библиотеке.

Я сбросила палу и отдала ее Рахили. На цыпочках мы поднялись по лестнице в мою комнату. Все вещи, за исключением некоторых предметов первой необходимости, унесли на корабль. Рахиль убрала мою промокшую одежду. Голова шла кругом от захватывающих событий.

— Все прошло замечательно, — сказала я, развязывая ленту на волосах. — Жрица предложила завтра совершить обряд посвящения, но, конечно, это невозможно.

— Что и говорить. — Рахиль подавила зевок. — Вам лучше пойти спать. Ваш отец сказал, чтобы с рассветом вы уже были на ногах.

Когда рассвело, дождь лил как из ведра и яростт-

ные порывы ветра обрушивались на дом со всех сторон. Отправление отложили, пока не стихнет шторм. Позднее утром в мою спальню вошла Рахиль и отодвинула занавески. Полусонная, я глянула за окно. Небо заволокли тучи, темно, будто сгущались сумерки.

— Завтрак весьма скудный — вас же собирались кормить на корабле, — предупредила Рахиль. — Ваш отец съел последнее яйцо. Он сейчас опять в библиотеке, изучает карты. Госпожа тоже там, пишет письма. По ее словам, ваша мать доест ягненка, если вы откажетесь от своей порции.

— Я бы немного поела. Я вчера так перенервничала, а сейчас умираю с голоду. — Я потянулась, села и вдруг вспомнила. — Нет, не надо ягненка. Жрица сказала, в течение десяти дней ничего, кроме питья. Смешно получается: шторм скоро закончится, и мы отправимся в плавание либо сегодня днем, либо уж точно вечером, а я все равно буду выполнять ее указания.

— Есть апельсины, — вспомнила Рахиль. — Я сделаю вам сок.

Немного погодя я спустилась в гостиную и села рядом с водяными часами — замысловатой конструкцией из большого колеса и поплавков. Эти часы составляли часть интерьера виллы.

Приняв положение, какое мне описала жрица, я попыталась сосредоточиться мыслями на Исиде. Но в голове был полнейший сумбур. Часы издавали раздражающий журчащий звук, который я никогда раньше не замечала. За окном завывал ветер, хлестал дождь, не собираясь переставать.

Рахиль и Фест, несмотря на непогоду, отправились на рынок что-нибудь купить на обед. Они принесли в числе прочего апельсины и виноград для приготовления сока.

Дождь все продолжал лить.

На второй день и на третий тоже погода не улучшилась. Поначалу мне казалась заманчивой идея поста, но потом он стал мне в тягость. Когда родители снова перешли к нормальному питанию, соблазнительные запахи, долетавшие с кухни Гебы, еще больше усилили мои мучения.

Пятый день, наверное, был самым тяжелым. Дождь, неотлучное сидение в четырех стенах действовали всем на нервы. Атмосфера в доме накалилась до предела. Мама, убедившись, что я не больна, сердилась, когда я не притрагивалась к еде. Я не знала, как объяснить причину, и просто молчала, тем самым лишь подливая масла в огонь.

— Перестань ломаться и ешь! — накинулась

она на меня.

— Я не голодна. Сколько можно повторять одно и то же? — закричала я.

Отец не сдержался и прорычал:

— Да вы что, с цепи сорвались? Какая муха вас укусила?

Я вскочила и выбежала из комнаты, хлопнув дверью. Судя по звуку, тотчас донесшемуся до меня, мама сделала то же самое.

Ежедневные медитации не принесли успокоения. Наоборот, они усилили досаду, заставив меня сосредоточить внимание на пустом желудке.

— Сколько же еще может идти этот дождь? — буркнула я Рахили, когда в тот вечер ложилась спать.

— Кто знает, — ответила она. — У моего народа есть предание о человеке по имени Ной. В его времена дождь лил без конца сорок дней и сорок ночей.

— Все, хватит! Погаси лампу, — приказала я и повернулась к стене.

Хотя во время медитации на следующее утро никаких видений у меня не возникало, я утешалась мыслью, что половина поста позади. Дождь шел уже пять дней. Если бы произошло чудо и он продолжался бы еще столько же, я бы могла

пройти обряд посвящения в адепты Исиды.

Все, казалось, изменилось во время буйства природы не только для меня, но и для всего нашего дома. Ливень уже не проклинали просто как досадное природное явление, нарушавшее привычный ход событий. К нему стали относиться как к ужасному бедствию. Слуги приносили домой подробности постигшего людей несчастья:

— Господин, обрушилась вся восточная стена рынка.

— Госпожа, большой корабль из Афин разбился о скалы у Фароса.

Как-то днем прибежала Рахиль и рассказала, что затопило дворец проконсула. Но, несмотря на хаос вокруг, наш дом не пострадал и все его обитатели были живы-здоровы. Все члены семьи занимались своими повседневными делами. А я сочиняла стихи и писала письма Марцелле. Папа распорядился принести ему кое-какие свитки из мусейона. К концу шестого дня он прочитал почти всю историю завоевания Персии Александром Македонским, написанную персидским историком. Маме с корабля доставили обратно ткацкий станок, и она начала ткать новый гобелен на египетские мотивы. Рахиль в порядке эксперимента делала соки из овощей. Некоторые

из них были довольно вкусными.

По мере того как проходили дни, а небеса низвергали потоки воды, мной овладевало нарастающее чувство умиротворения и осознание цели. Без сомнения, этот ливень обрушился на землю по воле Исиды. И он будет продолжаться до тех пор, пока не исполнится желание богини.

На десятый день порывы ветра стихли. К четырем часам погода прояснилась, и дождь прекратился. Люди стали выходить на улицу, некоторые плясали и шлепали босиком по громадным лужам. Папа пошел совещаться с Германиком. Он вернулся домой радостный и объявил об отплытии, назначенном на следующий день.

— Всем быть готовыми, — распорядился он.

Снова собрали и упаковали пожитки. Несомненно, в течение суток мы выйдем в море. Но жрица сказала, что на десятую ночь за мной придет Тот.

Когда служительницы храма снимали с меня одежду, я думала о Диане. Не покарает ли она меня за отступничество? И что скажет папа? Его реакция меня страшила больше, чем кара Дианы. Стоя обнаженной и трясущейся перед жрицей, я озиралась по сторонам, как оказавшийся в ловушке зверь, но усилием воли я подавила в себе

желание удрать.

Множество ламп освещали стоявшую в алтаре большую золотую чашу, из нее жрица отлила немного жидкости в кубок и подала мне. У меня тряслись руки, когда я поднесла его к губам. Сладкая жидкость оказалась неожиданно вкусной. Я пила и пила, пока не осушила кубок. По всему телу разлилась приятная теплота. Мне уже было безразлично, что я стою обнаженной. Через некоторое время я даже не отдавала себе в этом отчета. Окружавшие меня люди запели громче, усилились звуки барабанов и систрумов.

Жрица жестом позвала меня за собой. Через дверь в конце большого зала мы вышли в коридор, казавшийся бесконечно длинным. Голова была ясной, а ноги не слушались меня. Жрица отступила в сторону, и взору открылась лестница, спускающаяся в черную бездну. Жрица показала взглядом, что дальше я должна идти одна. Это — испытание?

Я стараюсь спускаться осторожно. Мраморные ступеньки стертые, влажные и скользкие. Куда они ведут? И сколько Же людей по ним прошло? Под ногами я чувствую воду. С каждым шагом она поднимается все выше, достигает мне до колен, а потом до бедер. Я оглядываюсь, но жрицу

не вижу.

Еще шаг — я теряю равновесие и плюхаюсь в воду. В первый момент кажется, что опускаюсь на самое дно, но меня, как пробку, выталкивает на поверхность. Чтобы не наглотаться воды, задерживаю дыхание, но вода вливается внутрь, жжет горло, заполняет легкие. Снова с головой оказываюсь под черной толщей воды. Три года назад из-за сломанной лодыжки я не смогла со всеми детьми научиться плавать и сейчас кляну за это Фортуну.

Отчаянно барахтаясь, иногда выныривая на поверхность, но потом опять уходя под воду, пытаюсь дотянуться до ступеней. но не нахожу их. Ужас охватывает меня. Легкие готовы разорваться, когда стараюсь не открывать рта, чтобы не захлебнуться. Все, больше нет сил сдерживать дыхание, сейчас я умру. Зачем ты это сделала, Исида? Ты велела подняться ветру, литься дождю в течение десяти дней и ночей подряд только для того, чтобы утопить меня? Не могу и не хочу поверить в это, помня, что во время медитации ко мне пришло осознание цели. Конечно, богиня морей могла бы вызволить меня из этой хляби. Помоги мне, мать Исида, помоги! Ты можешь все, так веди меня сейчас!

Взяв себя в руки, скольжу вперед одной ногой по дну, затем другой. Превозмогая удушающую боль в груди, поднимаю руку над водой, будто протягиваю ее Исиде.

Конечно, здесь должна быть стена, по ней я дойду до ступеней. Дно скользкое, продвигаюсь медленно, боль в груди раздирающая, невыносимая. Инстинктивно делаю вздох и вбираю в себя еще больше воды. В этот момент касаюсь пальцами нош твердой поверхности. Что это? Стена? Нет, ступенька! Задыхаясь, карабкаюсь вверх. Дважды соскальзываю назад и теряю опору под ногами. Наконец наступает незабываемый момент, когда выныриваю из воды. Каждый вздох — наслаждение.

Откашливаясь, держась за живот, скорчившись, дополза́ю до верхней ступени и растягиваюсь на мраморном полу. Ничего не слышу, кроме своего тяжелого дыхания, пока до меня не доносится слабый звук ритмических ударов. С волос по глазам стекает вода. Я оглядываюсь по сторонам. Где же жрица? Где протянутые ко мне руки и поздравления? Ее нет, нет никого. На некотором расстоянии вижу широкую веранду на семи мраморных колоннах. А за ней — море. Медленно, с трудом встаю на ноги.

Босиком спускаюсь сначала по семи невысоким ступеням, а потом иду по песку, мелкому, как пудра. Стоит безоблачная ночь, на небе сверкают мириады звезд, светит полная луна. С наслаждением вдыхаю свежий морской воздух. Вдруг вижу, как из моря появляется сияющая фигура. Сначала лицо, обрамленное пышными волосами огненного цвета, затем точеный торс. На голове — корона, украшенная всевозможными цветами, а поверх длинной белой туники — голубая накидка с мерцающими в лунном свете звездами.

На сей раз Исида — не сон.

Глава 8
После встречи с Исидой

Поднявшаяся из моря богиня стояла передо мной, она была выше Фаросского маяка, о ее ноги разбивались громадные волны. Она внушала благоговейный страх своим величием и вызывала восхищение своим сиянием. Содрогаясь всем телом, я упала на песок, но, к удивлению, не испытывала боязни.

Я подняла голову, когда кто-то слегка дотронулся до моих плеч — сначала до одного, потом до другого. Верховная жрица и ее прислужницы,

появившиеся будто ниоткуда, обступили меня.

— Ты видела ее? — возбужденно спросила молоденькая жрица.

— Да, да! — выпалила я и снова посмотрела в сторону моря, но Исиды уже не было. Я разочарованно вздохнула.

Верховная жрица ласково улыбнулась:

— Если бы она осталась здесь еще какое-то время, ты бы уже не принадлежала этому миру.

— Но как мне жить дальше, если я видела...

— Живи, как и прежде. Впереди у тебя такая долгая жизнь.

Прислужницы смотрели на меня с некоторым удивлением, когда помогали мне встать. Держа меня за руки, они провели меня через зал во внутреннее святилище храма. Пол, стены, сводчатые потолки были позолочены и отделаны ляпис-лазурью. Всюду горели лампы, отделанные драгоценными камнями.

В этом великолепном помещении меня облили священной нильской водой из золотого кувшина, украшенного изумрудами. Храмовые жрицы обтерли меня полотенцами из мягкого полотна и намазали душистыми маслами. На меня надели широкое платье и повесили на шею гирлянду из роз, распространявших сладчайший аромат.

Верховная жрица вручила мне миниатюрный золотой систрум и сказала:

— Он священный. Исида, вечная женщина и покровительница жизни, имеет много символов, но одно оружие. Систрум — инструмент, на котором она играет, когда хочет произвести перемены или постичь истинный смысл вещей, простыми людьми воспринимаемый как данность. Ты, Клавдия, заслуженно получаешь один из них. Возвращайся в мир и возьми его с собой.

Я с сомнением посмотрела на нее.

Верховная жрица снова улыбнулась мне, обняла за плечи и повела по многочисленным коридорам, где я уже проходила. Неожиданно мы оказались в просторном атриуме. Как я могла уйти из этого места? Как я могла расстаться с прислужницами, теперь казавшимися такими же близкими, как Марцелла?

— До посвящения, — сказала верховная жрица, держа меня за плечи, — ты была дочерью своих родителей. Ты и осталась ею. Ничто не изменилось.

— Все изменилось! — воскликнула я.

— Все и ничего. — Она кивнула Тоту, вероятно, тихо поднявшемуся по лестнице и сейчас стоявшему подле меня. — Паланкин у входа. Тебя

доставят домой.

С этими словами верховная жрица набросила мне на плечи накидку из мягкой голубой ткани, повернулась и ушла в храм.

* * *

Конец истории был печальным — я предчувствовала, что никогда не увижу ее снова.

Я покорно позволила Тоту помочь мне сесть в паланкин. А что еще мне оставалось делать? Все и ничего. В чем состоял смысл пережитого мной? Я размышляла об этом, когда рабы несли меня домой. Вне всякого сомнения, я никогда не буду такой, как раньше, вместе с тем я не изменилась. Передо мной открылись секреты мироздания. На миг Исида и я слились воедино, и все же я остаюсь прежней Клавдией Прокулой, возвращающейся сейчас домой к своей обычной жизни, словно ничего не случилось.

Я та же четырнадцатилетняя девушка, и мне предстоит принять важное решение.

Я сжимала в ладони крошечный золотой систрум, подаренный мне верховной жрицей. На какой-то момент я снова ощутила прилив радостного возбуждения, как после посвящения, когда Исида возникла перед моими глазами. Я

вздохнула. Приближаясь к нашей вилле, я почувствовала, несмотря на совершившееся со мной чудо, будто мне нет еще четырнадцати лет. Предстояло держать ответ перед отцом.

Едва начинало светать, когда я вышла из паланкина. В доме было темно, свет горел только в библиотеке. На цыпочках я вошла в атриум и замешкалась, не зная, что лучше сделать. Как просто взять и проскользнуть в свою комнату, снять гирлянду цветов, синюю накидку и спрятать их где-нибудь. Все равно в этой предотъездной суматохе никто их не найдет. Зачем кому-то знать, где я была? И папе тоже. Но если я не буду искренней, если не расскажу ему о замечательном событии, произошедшем со мной, тогда вообще какой во всем этом смысл?

— Кто там? — спросил папа. — Клавдия, это ты?

Я еще крепче сжала в руке систрум и, сделав глубокий вдох, толкнула дверь в библиотеку.

Отец оторвал взгляд от большой карты, лежавшей на столе перед ним, и уставился на мой наряд. Карта начала скручиваться, когда он встал со стула, слегка покачнувшись, и закричал:

— Что ты наделала?

Я подумала о пленных, которых он, должно

быть, допрашивал, и мне стало их жалко. С дрожью в голосе я ответила:

— Исида позвала меня.

— Ты что, рехнулась?

Я опять сделала глубокий вдох:

— Я должна была пойти к ней.

— Что за вздор ты несешь?

— Исида — королева-мать для всех нас, — начала я. Кончик папиного носа побелел. Плохой знак. Это случалось, только когда он очень сердился. — Она охраняет нас здесь, на земле, и когда мы умираем, то не уходим в какое-нибудь ужасное место вроде Гадеса. Исида сулит покой и радость всем и только просит, чтобы мы верили в нее и поступали лучшим образом.

— А римские боги для тебя недостаточно хороши? — взревел отец,

— Нет, недостаточно. — Я перевела дыхание и продолжила: — Старые боги капризные, как дети, а новые лучше, что ли? Или, может быть, Тиберию поклоняться?..

Папа раскрыл рот от изумления. Воспользовавшись его замешательством, я пошла в наступление:

— Наверное, ты тоже так думаешь. Не оттого ли ты так часто ходишь в храм Митры?

— Что ты можешь знать про Митру? — спросил отец, подавшись всем телом вперед, словно хотел лучше разглядеть меня. Своим вопросом я застала его врасплох.

Я думала о Митре, этом мужском боге, о смелости и братстве. Легко понять, почему он импонировал отцу. У отца было сильно развито чувство долга.

— Митра — это бог воинов, мне запрещено поклоняться ему, — продолжала я. — А Исида — для всех. — С этими словами я взяла его за руку. — Папа, после посвящения луна светила так ярко, она казалась такой близкой, что мне почудилось, будто я теряю рассудок. По венам текла не кровь, а свет, исходивший от Исиды. В кратчайший миг я узнала все, что когда-то было или когда-нибудь будет. Я стала крошечной частицей ее всемогущества.

Глазе отца округлились. Он смотрел на меня, словно видел впервые.

— И что произошло потом?

— Почти все куда-то постепенно исчезло. И богиня тоже. Если стану рассказывать тебе подробно, я все растеряю. — Я беспомощно покачала головой, едва сдерживая слезы. — О случившемся невозможно говорить, это надо чувствовать.

Могу лишь сказать, что я видела богиню, как сейчас вижу тебя. Теперь мне ясно, почему Исида привечает бедных, страждущих и больных. Разве не понятно, папа, мы все — частицы друг друга, как листья на одном дереве.

Он довольно долго сидел молча с бесстрастным выражением лица. Потом грустно покачал головой:

— Но почему твой выбор пал на богиню этой блудницы Клеопатры?

— Клеопатра тебе ненавистна, но как бы ты поступил, окажись египтянином, наделенным такой властью, какой она обладала? — Я понизила голос, заметив, как папа покраснел. — Клеопатра считала себя владычицей мира. Разве не естественно было бы для нее взойти на золотой трон при триумфе Антония?

— Естественно? — Отец вздернул густые брови. — Для кого? Она крутила им как хотела. — Он снова повысил голос: — И ты хочешь стать такой же?

— Нет, папа. — Я виновато опустила голову, потом взглянула на него. — Но Антоний любил Клеопатру. Он сделал свой выбор.

— Хватит об этом, — сказал отец, вставая. — Сними эту одежду и иди спать. Слышишь меня?

Через несколько часов мы будем далеко от этого проклятого города. Возможно, мы еще поговорим с тобой об Исиде, но только не о Клеопатре. — Он обнял меня за плечи. — Ну-ну, дорогая. Выспись хорошенько, и ты забудешь об этой чепухе.

— Хорошо, папа, — согласилась я, но даже тогда я понимала, что буду помнить об этом всегда.

Часть II. АНТИОХИЯ
Восьмой год правления Тиберия (22 год н.э.)
Глава 9
Заклинание

Предстоящий прием гостей заставил изрядно поволноваться, мне даже стало немного страшно — впервые я появлялась в обществе как взрослая. Впрочем, я прекрасно знала, что и как говорить. Меня долго обучали, как ходить, сидеть и стоять. Теперь требовалось показать, чему я научилась. Скоро, очень скоро мне нужно будет найти мужа. Аукцион для меня неизбежен, как для любой рабыни.

Что касается гостей... Я никогда не обладала беспечной уверенностью, свойственной Марцелле, однако платье может оказаться хорошим подспорьем. Не для меня бледные пастельные тона, какие подбирали подругам их родители, не годятся и насыщенные красно-коричневые и яркие оранжевые, в которых щеголяли мои двоюродные сестры Юлия и Друзилла. Я хотела выглядеть естественно. Сейчас, рассматривая

себя в зеркале, я не могла понять, что я собой представляю. На мне наряд из светло-кремовой ткани с золотой ниткой, но как он сидит...

— Эту ткань привезли не откуда-нибудь, а из Индии, — напомнила мне мама. — Отец отдал за нее целое состояние.

Папа... Он такой добрый. Я машинально теребила пальцами миниатюрный золотой систрум, что носила на шее, вспоминая посвящение и состоявшийся после него разговор. Египет казался сейчас таким далеким. Неужели прошло всего два года? Хотя никто из нас не вспоминал о той беседе, она сблизила нас. Папа, видимо, постарался забыть обо всем тогда произошедшем как о выходке, совершенной мной по молодости. Наверное, он был прав. Ежедневно я предавалась медитации перед небольшим святилищем Исиды, но очень хотела посетить ее главный храм в Антиохии.

Когда мы поселились в городе-государстве, мама стала поручать мне всевозможные дела. Прежде всего предстояло познакомиться с новой метрополией. Затем требовалось обставить дом и содержать его, поскольку Тиберий распорядился, что отныне на неопределенное время мы должны остаться в Антиохии. Мама принялась учить меня вести хозяйство. На это уходило немало

времени, а я еще занималась танцами, пением и игрой на лире. Плод этих стараний сейчас отражался в зеркале — молодая девушка, получившая превосходную выучку для вступления в брак, но не готовая к нему.

Риму нужно служить, но этот долг не шел ни в какие сравнения с моей обязанностью по отношению к родителям. Если бы к встрече гостей готовилась Марцелла, она была бы на седьмом небе. Сестра мечтала выйти замуж и составила бы блистательную партию даже без приданого. Она обожала флиртовать и делала это инстинктивно, импульсивно с любым мужчиной любого возраста. Я не имела таких способностей и не хотела иметь. Зачем впускать в свою жизнь людей, которым в ней не найдется места? Поэтому я не флиртовала, а вела беседы. Потенциальных поклонников, кажется, это устраивало — так или иначе, они ко мне часто наведывались. Они мне все нравились, однако мысль провести жизнь с кем-нибудь из них и, что еще хуже, разделять постель...

Кто придет к нам сегодня? — спросила я маму со вздохом.

Она улыбнулась, явно довольная моим вопросом.

— Как я понимаю, ты хочешь знать, кто будет из молодых людей? — И, не дожидаясь ответа, она стала перечислять: — Конечно, Гораций и Флавий. И дня не проходит, чтобы они не заглянули к нам. Кто из них тебе больше нравится?

Я подумала о Горации — он так молод, и ямочки на щеках. А Флавий, папин адъютант, немного старше, но все равно зеленый юнец. Радость от нового наряда немного угасла.

— Они оба симпатичные, мама, — сказала я, стараясь проявить вежливость. — Но отдать кому-то предпочтение я не могу. И больше никого не будет?

— Я попросила Друза и Нерона привести друзей. Может быть, кто-нибудь из них тебе подойдет. — Она разгладила складки моего наряда. — Выбирай, Клавдия, и поскорей.

В нерешительности я остановилась перед атриумом, где собрались гости. Золотые искры вспыхивали на моем наряде, привезенном... не откуда-нибудь, а из Индии. Подняв подбородок с улыбкой на губах, я вошла в комнату и была встречена немым восхищением присутствующих. С этого момента стало легко переходить от одной группы гостей к другой. В чьих-то глазах я прочитывала зависть, кто-то не скрывал своего

восторга, и это мне нравилось. Пришли Друз и Нерон, а Калигула в этот день отправился на охоту. Все шло замечательно. И чего я волновалась?

Когда в знак приветствия мы обнялись с Друзом, через его плечо я заметила, что родители разговаривают с каким-то человеком. Я никогда не видела его раньше. На вид ему лет двадцать семь, то есть он старше меня на добрый десяток. Широкоплечий, красивый и стройный, как молодой леопард, не лишен изящества. Он смотрел на меня и уверенно улыбался.

— Кто это? — спросила я Друза.

— Говорят, он — охотник за приданым и большой любитель женщин.

— Неужели? — Я с удивлением посмотрела на кузена, отстранилась от него и не спеша направилась к незнакомцу, задержав дыхание и распрямив спину. Юлия и Друзилла всегда так ходили, а я только начинала пробовать.

— Понтий Пилат, центурион, недавно вернувшийся из Парфии, — представил мне его отец.

Центурион кивнул, улыбнувшись мне:

— Я привез послание. Ваш отец любезно пригласил меня на этот вечер.

Я пропустила мимо ушей его слова. Утонув в его глазах, я подумала о голубом озере, глубоком

и таящем в себе опасность. Пилат приблизился ко мне.

— Некоторые женщины не созданы для того, чтобы быть весталками.

О ком он говорил? Нет, не обо мне. Он смотрел на бюст Марцеллы, стоявший на пьедестале поодаль. Но потом Пилат перевел взгляд на меня и оценивающе окинул глазами с головы до ног:

— К вам это тоже относится.

— И ко мне? — Мой голос задрожал. Я глубоко вздохнула, чуть-чуть помедлила и подняла голову. Теперь настала моя очередь изучить его.

У Пилата были мягкие черты лица, аккуратный подбородок, правильной формы нос, полные губы, окаймленные едва заметными складками. Говорило ли что-нибудь о его слабости? Безусловно, нет. Пожалуй, присутствовал некоторый цинизм. А разве это не типично для солдата?

— Да, и к вам тоже, — повторил он, продолжая улыбаться. Пилат обратился к отцу: — Вам повезло, у вас две такие красивые дочери, но, — он повернулся к Селене, — достаточно посмотреть на их мать, чтобы понять, кто одарил их такой красотой. Фортуна благосклонна к вам.

— Вы правы, — согласился отец и подал знак Рахили наполнить бокал Пилату. — Но, думаю,

нам следует по возможности облегчать задачу, стоящую перед богиней, и самим вершить свою судьбу. Вы согласны со мной?

— Да, конечно.

— Я так и полагал, — сухо заметил отец.

Мама широко улыбнулась:

— Нашей старшей дочери была оказана такая высокая честь. Сама императрица ходатайствовала о посвящении Марцеллы в весталки, но мы до сих пор скучаем по ней. Прошло почти пять лет.

Сердце сжалось от боли за маму.

— У нас сохранилось несколько портретов Марцеллы, нарисованных уличным художником, — объяснила я Пилату. — Здесь, в Антиохии, мама отнесла их Мариусу, и по ним он выполнил ее бюст. Кажется, художник добился замечательного сходства.

— Вы правильно сделали, обратившись к Мариусу, — заверил меня Пилат. — Он — лучший мастер. В прошлом году отец заказал ему свою скульптуру в полный рост в образе Аполлона.

Позднее я встретилась и с Пилатом-старшим, обладавшим тяжелыми скулами, широким носом и глазами навыкате. Трудно представить божественное изображение, наделенное подобными чертами.

— Должно быть, это очень... очень захватывающе.

— Да-да! — согласился он. И опять эта улыбка. Я попыталась вообразить себя наедине с ним. Прибыли новые гости, и мама увела меня поприветствовать их.

Комические актеры, приглашенные мамой, имели большой успех, но я часто переводила взор с импровизированной сцены та кушетку, где полулежа расположился Пилат. Один раз я заметила его взгляд, устремленный на меня. Я улыбнулась и снова переключила внимание на артистов.

Казалось, выступлению не будет конца. Но вот раздались заключительные аплодисменты. Когда они стихли, Германик и Агриппина поднялись, чтобы попрощаться. Их примеру последовали и другие. Стоя рядом с родителями и раскланиваясь с уходившими гостями, я удивилась, каким утомленным было лицо Германика. Когда подошла очередь Пилата, на меня произвели впечатление его безукоризненные манеры — почтительное отношение к отцу и изысканная любезность к маме. Он не сказал мне ничего многозначительного, но, как мне показалось, задержался чуть дольше, чем необходимо, в проходе под аркой. Его тога

всадника ниспадала красиво драпированными складками с левого плеча до щиколоток.

В ту ночь я почти не сомкнула глаз, думая о нем, и на следующее утро забросала родителей вопросами.

— Забудь о Пилате, — посоветовал отец. — Только невеста с хорошим приданым может рассчитывать на него.

— Но, папа... — попыталась возразить я.

Он жестом остановил меня:

— Звезда Пилата начала восходить. Я знаю людей такого сорта. От его глаз ничего не ускользнет.

— Холодных как лед, ясных и таких голубых. А еще у него такая очаровательная улыбка. Неудивительно, что ты симпатизируешь ему, — заметила мама. — Пилата считают наиболее перспективным из молодых всадников. Все о нем только и говорят.

— Мамаши и их дочки, — улыбнулся папа. — Приемного отца Пилата только недавно возвели в ранг всадника. Поговаривают, он нажил состояние, торгуя колесницами. Но запомните мои слова: этот молодой человек удвоит его. Пилата устроит только самый выгодный брачный союз.

Я проклинала судьбу. Наконец-то я встретила

человека, с кем, как я себе представляла, могла бы разделить постель. Очень хорошо представляла. Я отвернулась, чтобы скрыть выступивший румянец.

В последующие недели наши пути с Пилатом пересекались много раз. Я часто ловила его взгляд на себе, хотя при разговоре манеры Пилата оставались исключительно вежливыми. Он проводил время в обществе многих дам, и все они были состоятельными.

Как-то раз я заметила Пилата на ипподроме, где проводились колесничные гонки. Он сидел передо мной во втором ряду с Сабиной Максимус, как говорили, самой богатой из молодых незамужних женщин города. Из-за переполненности трибун эти двое сидели, тесно прижавшись друг к другу. Я видела, как Пилат учтиво подобрал край ее накидки с пыльного каменного пола. Естественно, при этом он не мог не увидеть лодыжки Сабины — толстые, с удовлетворением отметила я. Хотя вокруг шумела возбужденная толпа, я стала рассуждать. Допустим, мужчине, у которого есть много знакомых женщин, никто из них не нравится. Одна деревянная колесница опрокинулась, и возница вылетел из нее. Четверка лошадей продолжала нестись во весь

опор. Трибуны взревели, со всех сторон сыпались проклятия и ругань. Опрокинувшаяся колесница налетела на две другие и разнесла их вдребезги. Сидевший подле меня отец, всегда переживавший за тех, кому не повезло, тоже вскочил и начал кричать.

Я рассеянно крутила пальцами миниатюрный золотой систрум, висевший на шее. Как сказала жрица, систрум — священный, а Исида, вечная женщина и покровительница жизни, имеет лишь одно оружие. Нравится отцу или нет, но Клеопатра покорила Антония и Цезаря, подобно тому как умелый полководец громит армии противника. И у Клеопатры было единственное оружие — ее женственность.

Из сумки я достала небольшое зеркало с ручкой из слоновой кости в виде морской нимфы. Его мне подарила Агриппина в дни предыдущей сатурналии, сказав, что я скоро буду подолгу смотреться в зеркало.

Я поворачивала отполированную поверхность то в одну сторону, то в другую и ловила отражение, ускользавшее от меня. У меня не такие голубые глаза, как у Агриппины, они — большие, серые и с поволокой. У мамы овальное лицо, а у меня сужающееся книзу. Для римлянки мой нос

коротковат, но по крайней мере прямой. Мои губы достаточно пухлые, хотя не такие, как у Марцеллы. Жаль, что мне не разрешают их красить, как это делают Юлия и Друзилла. Жаль еще, что у меня черные волосы, а не золотистые, как у Агриппины, но все-таки они густые и вьющиеся, а если развязать обычно стягивающую их ленту, то получится пышная грива.

Я снова дотронулась пальцами до систрума. На этом инструменте играют, когда хотят изменить статус-кво. Я вздохнула: это бесполезно. Всем известно, что людские судьбы начертаны на небесах. Невозможно пытаться изменить повеление свыше. И все же Исида помогла Клеопатре. Если мне суждено иметь мужа, то почему не того, кого я хочу?

В этот момент Пилат обернулся назад и увидел меня. Мы обменялись долгим взглядом. Меня охватило волнение, тепло разлилось по телу, и я утвердилась в своем намерении.

Антиохия — город роскоши и упадка. Ночью на его улицах, выложенных мраморными плитами и освещенных тысячами факелов, светло как днем. Магазинчики и лавки, расположенные в аркадах, ломятся от сокровищ, доставленных караванами с Востока. Каких только товаров

здесь нет: шелка, янтарь, украшения из аметиста и слоновой кости, поделки из черного дерева и сандала, ковры, специи и лекарственные травы. Мы с мамой частенько наведывались сюда в сопровождении Рахили, быстро заимевшей сеть торговых информаторов, более надежных, как утверждал папа, чем его политические агенты. В его шутке имелась большая доля правды.

Как-то раз мама решила послеполуденное время провести с папой дома. Я ждала такого благоприятного случая и воспользовалась им. Мы с Рахилью отправились за подарком для Агриппины на ее день рождения, купили бусы из крупного янтаря, а потом поспешили в главный храм Исиды.

Хотя храм меньше александрийского, мне он напомнил драгоценный камень. Я быстро прошла мимо прекрасных мозаичных панно, пообещав себе обязательно прийти в другой раз и посмотреть их. Стоя на коленях перед статуей Исиды в атриуме, я прочитала молитву, а когда встала, то увидела перед собой пожилую жрицу, поприветствовавшую меня.

— Мне нужно поговорить с вашим мистаго-

гом[3], — объяснила я.

Жрица покачала головой и улыбнулась, принося извинения.

— Сейчас время медитации. Приходите позже, может быть, вечером.

— Я не могу прийти позже. Мне нужно встретиться с ним сейчас. Это очень важно.

— Все говорят, это очень важно. Вас я что-то не припомню.

— Я здесь в первый раз, — призналась я и добавила: — Я прошла обряд посвящения в Александрии.

— А-а, вы — новообращенная. — Жрица проявила ко мне больший интерес. — Я вижу, вы носите систрум.

— Его мне дала верховная жрица Александрии. У вас здесь есть крипта[4]?

— Да, есть, и она наполнена священной нильской водой. Вы хотите побывать там?

— Нет, одного раза достаточно. Но я бы хотела повидаться с мистагогом. Вы можете спросить,

---

[3] Примечания: 3

Мистагог — у древних греков и римлян и у народов древнего Востока — жрец, посвященный в таинства религиозных обрядов.

[4] Примечания: 4

Крипта — у древних греков и римлян — подземное помещение со сводами.

примет ли он меня? — Я умоляюще посмотрела на пожилую женщину.

Она немного постояла в нерешительности, а потом сделала мне знак идти за ней:

— Пусть он сам решает.

Сердце учащенно билось, когда я оставила Рахиль ждать меня в преддверии храма и пошла за жрицей по мраморному коридору. Если бы мистагогом была женщина. Смогу ли я объяснить свою проблему мужчине? Хотя я так нуждалась в помощи, я почувствовала бы облегчение, если бы он отказался принять меня.

Но он не отказался.

Мистагог, облаченный в одежды своеобразного покроя из белого полотна, не отличался крепким телосложением. У него была кожа светло-оливкового цвета, его вьющиеся, аккуратно подстриженные волосы слегка тронула седина. Как мне показалось, в его ясных глазах умудренного жизнью человека таилась грусть.

— Я встретила молодого мужчину, — начала я запинаясь. — Думаю, я люблю его.

— Только думаете? — Мистагог поднял черные брови.

— Нет. Я действительно люблю его, — поправилась я.

А какое другое чувство, как не любовь, могла я испытывать? Не помню, чтобы кузены Друз и Нерон, милые моему сердцу, когда-либо занимали мысли по ночам, я не связывала с ними мечты, и мне никогда не хотелось прижаться к ним. Я никогда не переживала раньше чувств, пробуждаемых во мне Пилатом.

— А он вас любит?

— Он мог бы любить. Я знаю, я чувствую, что мог бы. Но для него важны деньги и положение. Все говорят о его амбициях.

Мистагог долго смотрел на меня изучающим взглядом.

— Да, — произнес он наконец. — Вы правы. Он мог бы питать любовь к вам, сильную любовь. Настанет время, и он будет зависеть от вас настолько, что вы даже не можете себе представить, но вряд ли он именно тот, кто вам нужен. Речь идет еще о ком-то. Благоразумнее будет дождаться его.

— Я не хочу ждать. Мне нужен этот человек.

Кривая улыбка промелькнула на губах мистагога.

— Тогда молитесь Исиде.

— Мне нужно нечто большее, чем молитвы. Мои родители не могут обеспечить меня прида-

ным. По их словам, нет никакой надежды.

— Вам нужен приворот?

— Да, — прошептала я.

— Вы — незаурядная девушка, у вас есть особый дар.

— Вы это знаете?

— Да, знаю, и меня удивляет, почему вы не догадываетесь, какими сильными бывают привороты.

— Как раз мне и нужно приворожить его к себе. Вы мне поможете?

— Это стоит денег.

Я открыла сумочку и достала из нее содержимое. Двести сестерциев.

— Вот все, что у меня есть, и еще... — Я сняла с запястья золотой браслет.

Мистагог взял деньги и браслет и положил их в ящик стола.

— Речь идет о гораздо большей сумме. Вы заплатите ее потом. — Он отвернулся от меня и что-то написал на клочке пергамента. — Читайте это вслух три раза в день. Мысленно представляйте себе любимого человека. Повторяйте про себя слова, какие вы хотите от него услышать. Почувствуйте свою реакцию на них, будто они были сказаны. И, — произнес он с особой выра-

зительностью, — молитесь Исиде, просите ее руководить вами. Вам это, несомненно, понадобится. — Он протянул мне пергамент.

Я положила его в сумочку не читая.

— Благодарю вас. Вы так добры.

— Я отнюдь не добр, впрочем, уясните это себе сами.

Я кивнула и выбежала из храма. Только вечером, наконец оставшись одна, я достала пергамент и прочитала написанное: «Когда он пьет, когда он ест, когда он с кем-то спит, я опутаю чарами его сердце, дыхание, члены, я опутаю чарами все его естество. Где бы и когда бы я ни пожелала, он придет ко мне, и я

буду знать, что у него на сердце, что он делает, о чем думает, он будет мой».

— Спасибо, мать Исида! — прошептала я, аккуратно складывая пергамент.

Глава 10
Гимн Гименею

В тот день собралось совсем немного гостей — не как у Агриппины. Я удивлялась почему. На этот вопрос занимал меня недолго. Главное, Пилат здесь.

Юлия, Друзилла и я сидели на одной кушетке и машинально щипали виноград, подносимый на золотых блюдах. Мои двоюродные братья много шутили и смеялись. Я изобразила внимание, хотя была поглощена своими мыслями. Друз подмигнул мне. Он всегда приходил мне на выручку. Вот и сегодня он помешал Калигуле плеснуть вином на мой новый серебристый наряд.

Да, Калигула продолжал отравлять мне жизнь. С недавних пор он начал таращить на меня глаза, часто заходил к нам и оставлял цветы и всякие безделушки. Но поскольку я игнорировала эти знаки внимания, он опять стал делать мелкие пакости.

Окинув взглядом комнату, богато украшенную предметами из золота и бронзы, где преобладали темно-синий и ярко-пурпурный цвета, любимые Агриппиной, я обратила внимание, как тщательно подобраны гости-холостяки. Здесь, конечно, армейские офицеры, а также многообещающий молодой авгур[5] и сын марионеточного правителя Антиохии. Юлия благоволила к последнему. Как я знала, она украдкой один раз встречалась с ним. Я была бы не прочь вот так видеться с

[5] Примечания: 5

Авгур — в Древнем Риме — жрец, толковавший волю богов по природным явлениям, прорицатель.

Пилатом, но что-то меня останавливало.

Я затрепетала, когда заметила, что он смотрит на меня. Пилат улыбнулся мне своей очаровательной улыбкой, и мурашки побежали по спине. Он кивнул центуриону, с которым разговаривал, и широкими шагами пересек комнату. Подсев на стеганую козетку рядом со мной, он шепнул мне на ухо:

— Говорят, женская красота неувядаема.

Удивленная, я проследила за его взглядом, устремленным на маму, стоявшую поодаль в окружении друзей.

— Она все еще очень красива, — сказал он.

— Мама отличается и внутренней красотой, — добавила я. — Просто ее нужно хорошо знать.

Он подал знак проходившей мимо рабыне, взял два бокала с вином и подал мне один из них.

— Вы унаследовали ее красоту, но в вас есть и нечто другое — некоторая таинственность. Невозможно представить, что у вас на уме. А вдобавок, — он наклонился ближе и снова прошептал: — что-то вроде озорства. Иногда кажется, вы способны перевернуть все вверх дном шутки ради.

— Может быть, — согласилась я и, глядя на него поверх бокала, подумала, как хорошо действует заклинание.

За спиной Пилата я увидела приближавшегося к нам Германика с лирой под мышкой. Какая досада! Мне не хотелось, чтобы нам помешали.

— Я отправил прочь жонглеров, — сказал он. — Самый толстый дважды уронил факел. Кроме того, они наделали столько шума. Мне бы хотелось, чтобы ты спела, Клавдия. Как тогда в Галлии. Я так давно не слышал твоего замечательного голоса.

Я показала подбородком на Друзиллу и Юлию:

— Вы имеете в виду нас троих?

Я с грустью подумала о Марцелле. Мы все четверо занимались с одним преподавателем и часто пели на семейных торжествах и даже иногда выступали перед легионерами.

— У тебя самый нежный голос. Другие не в счет. — Видимо, почувствовав мое нежелание, он повелительным тоном сказал: — Спой нам!

Я внимательно смотрела на доброго, удивительно сдержанного человека, знакомого мне всю жизнь, человека, чье природное обаяние прекрасно сочеталось с властностью. Почему сейчас он выглядел таким усталым? Последнее время Германик часто потирал лоб. И кажется, ходил он медленнее. Что могло случиться?

Разговоры стихли, и все направили взоры на

меня. Мне стало немного не по себе. В последние годы я редко пела вне родного дома и никогда одна. Я не хотела петь сейчас, но Германик протянул мне лиру:

— Пой!

Как я могла не согласиться?

Перебрав струны, я прочитала мысленно молитву Исиде и начала. Первым делом я исполнила военную шуточную песню, всегда забавлявшую Германика. Затем, осмелев, я спела веселую балладу, пародирующую историю про Леду и лебедя. Пилат подсел ближе и улыбался. Я заметила, как скучающее выражение на его лице сменилось удивлением. Я наслаждалась моментом, пока еще одно лицо не возникло в поле зрения. На меня сердито смотрела Друзилла.

Она любит Пилата. Осознание этого некогда могло бы привести меня в отчаяние. Кто бы не пожелал жениться на правнучке императора Августа? Но сейчас, когда заклинание так хорошо действовало, у меня вызвали жалость ее переживания, я ведь и сама испытывала их всего лишь несколькими днями раньше.

Все чаще во время утренних медитаций я видела изнуренное лицо Германика. Что беспокоит его? Потом почти сразу перед моим мысленным

взором представало другое лицо — плоское и рябое — наместника Пизона. Без моей прозорливости и так все было ясно. С самого начала он служил источником всяческих неприятностей. Тиберий назначил его наместником, когда мы еще жили в Египте. До нашего прибытия в Антиохию Пизон со своей женой разместились во дворце. Германик не стал вмешиваться, проявив свойственное ему великодушие. Но сейчас мы ежедневно отмечали факты, говорившие о том, что наместник принял доброту за слабость. Армия Пизона являла полную противоположность тому, чего добивался Германик. Карьеристы получали повышение, офицеры, служившие верой и правдой, понижались в должности, на их место назначались проходимцы. Но это еще не все. Я чувствовала: вот-вот должно произойти что-то ужасное.

Я хотела поговорить на эту тему с отцом, но мы с ним виделись редко — он выполнял свои государственные обязанности, а меня захватили дела светской жизни. Наконец однажды вечером вся семья собралась дома, потому что неожиданно отменили званый обед на вилле Германика. Родители прекратили оживленный разговор,

когда я вошла в триклиний[6]. Мамины темные глаза сверкали, а у отца был озабоченный вид. Оба смотрели на меня, будто чего-то ждали, но чего именно, я не могла понять.

Я села на кушетку напротив них и, чтобы не отвлекаться на другие темы, решила взять быка за рога:

— Германик заболел?

— С чего ты взяла? — воскликнула мама. — Он здоров как конь. Прием отложили из-за пожара у них на кухне.

— Ты уверена? Он сильно похудел.

— Пизон причиняет ему массу неприятностей. — У отца было задумчивое выражение лица. — К Германику приходили главы городских гильдий и крестьяне. Они недовольны, что люди наместника вымогают деньги за «защиту».

Снова Пизон. Тощий, будто вечно голодный наместник и его жена Планцина, горделивая, тщеславная женщина с безграничной жаждой роскоши. Я помнила их по Риму. Они ни на шаг не отходили от Ливии. Мы умолкли, когда вошли Геба и Фест, подавшие фаршированные вино-

[6] Примечания: 6

Триклиний — в Древнем Риме — обеденный стол с ложами по трем сторонам для возлежания во время еды, а также помещение, где он находился.

градные листья, финики и налившие вина.

— Почему Германик не пожалуется Тиберию? — спросила я, после того как мы снова остались одни.

Отец пожал плечами:

— Он жаловался. А император выразил удивление: как Германик мог поверить злонамеренным сплетням? Ни при каких условиях Пизона не снимут с поста.

Я задумалась. Снова появились Геба и Фест. Они принесли на блюде запеченную ногу кабана — подношение от Друза, лично убившего его копьем на охоте. Им понадобилось несколько минут, чтобы нарезать мясо и разложить по тарелкам. Потом они поклонились и наконец вышли — хоть ненадолго. У меня появилась возможность высказать тревожившее:

— Иметь дело с Пизоном небезопасно для всех нас, но я чувствую, есть еще что-то — зловещее, что витает над Германиком.

Некоторое время мы сидели, не проронив ни слова.

Несмотря на теплый весенний вечер, у меня по коже побежали мурашки. Потом мама нетерпеливо тряхнула головой:

— Ну что мы повесили носы? У отца есть заме-

чательная новость для тебя.

Я присела на край их кушетки.

— Какая, папа? — Мое сердце учащенно забилось. Вдруг мне стало ясно, какая это новость.

Он хранил молчание, как мне показалось, чересчур долго, задумчиво глядя на меня.

— Сегодня утром ко мне приходил Пилат, — наконец вымолвил отец. — Он просит твоей руки.

Я дотронулась до систрума, висевшего на груди. Пилат — мой!

— Папа! Вот и свершилось! — воскликнула я и обхватила его за шею.

Он расцепил мои руки, но не выпускал их.

— Он знает о твоем небольшом приданом, тем не менее готов жениться на тебе даже без него. — Отец не скрывал своего удивления. — Не иначе, это из-за твоей родословной по линии Клавдиев. Вступить в брачный союз с патрицианкой, вероятно, выгодно для молодого честолюбивого всадника.

— Конечно, — согласилась мама. — Да и наша девочка превратилась в подлинную красавицу. Правда, дорогая, — она, улыбнувшись, повернулась ко мне, — буквально с каждым днем на наших глазах ты становишься все прекрасней. Я ничуть не удивлена, что Пилат сделал тебе

предложение. Я видела его вчера на играх. Даже когда лев вцепился зубами гладиатору в горло, Пилат не спускал с тебя глаз. Он определенно очарован тобой.

Я засмущалась. Конечно, Пилат очарован, в этом и состояла задача. В первый раз я испытала легкое чувство вины, но тут же прогнала его от себя, уверенная, что буду отличной женой Пилату. Я найду, как угодить ему. Он станет самым счастливым человеком на свете. Еще раз я обратилась к Исиде с молитвой благодарения за дарованного человека моей мечты.

В следующий раз я ходила на колесничные гонки с Пилатом. Мы сидели в отдельной ложе с Агриппиной и Германиком, предоставившим деньги на их проведение. В ложе, кроме нас, находились мои родители и приемный отец Пилата.

Пилат-старший отличался тучностью. Под его ярко-синей шелковой тогой я видела складки жира, колыхавшиеся при движении. Но ходил он быстро, и взгляд его отличался остротой. От этого человека ничто не ускользало. При всей сердечности и обаянии, он высказывал осторожные суждения. Время от времени отец Пилата поглядывал на Друзиллу, сидевшую поодаль. Я чувствовала, он сомневается в правильности

сделанного сыном выбора. Они ссорились из-за меня? Я ближе подвинулась к нему, придумывая какие-то слова, способные одновременно польстить ему и заставить изменить отношение ко мне.

— Пилат говорил, что вы готовите чемпионов, — робко сказала я. — Вы, должно быть, хороший знаток лошадей. Я в этом мало разбираюсь. Подскажите, на кого лучше поставить?

Он улыбнулся и, наклонившись ко мне, прошептал:

— Ставьте на синего.

В этот момент Планцина, сидевшая ниже, обернулась и внимательно посмотрела на меня. Казалось, она изучает каждую мелочь моего наряда. Затем жена наместника быстро перевела презрительный взгляд на Друзиллу. Я машинально потрогала аметистовую брошку, подаренную мне Пилатом в тот день. Я знала, что она очень красивая и идеально подходит к моей сиреневой тунике, но все же меня испугало презрение этой пожилой женщины. А если богатые светские семьи не примут меня? Пилат честолюбив. Вдруг я обману его ожидания?

Я стала пристально смотреть на Планцину, пытаясь мысленно заставить пышную матрону

снова обернуться. Ее голова начала медленно поворачиваться, и наши взгляды опять встретились. На сей раз на круглом лице Планцины было написано удивление. Не отрывая от нее взгляда и с нежной улыбкой на губах, я подняла как бы невзначай руку с двумя разведенными пальцами в виде рожек.

Планцина разинула рот, увидев колдовской знак, ее пухлые нарумяненные щеки побледнели. Я еще больше расплылась в улыбке, когда другой рукой поправила выбившийся из пучка локон. Вдруг я вспомнила о сидевшем рядом со мной Пилате.

Исида! Что, если он видел мой жест? Я медленно повернула голову. Он увлеченно разговаривал с моим отцом. Как удачно! Пилат, наверное, не обрадовался бы. О чем я думала? Ведь Планцина — жена наместника.

Заиграли трубы. Германии встал, чтобы обратиться к толпе:

— Я с большим удовольствием объявляю о помолвке Клавдии Прокулы, дочери моего близкого друга и адъютанта генерала Марка Прокулы, с центурионом Понтием Пилатом, командиром первой когорты. Эти гонки посвящены им. Начинайте!

Трибуны приветствовали это объявление громом аплодисментов. Я трепетала от счастья. Какое значение имеют отец Пилата и Планцина? Мы — великолепная пара. Никто и ничто не может разъединить нас. Кивая направо и налево в знак признательности за аплодисменты, я увидела Друзиллу и отвернулась.

Когда стали передавать таблички с записанными ставками, отец Пилата с любопытством посмотрел на меня. Мне хотелось польстить ему. Он дал мне совет. Можно ли положиться на него? Я не могла отделаться от мысли, что гонки служат своеобразным символом моей будущей жизни с Пилатом. Где моя прозорливость, когда она мне так нужна сейчас? Заставив себя улыбнуться, я взяла табличку и стерженек для письма.

— Я ставлю на синего.

Снова заиграли трубы. Все устремили взгляды на беговые дорожки, куда выехали четыре упряжки. От волнения я сжала руку Пилата. Парные колесницы были нарядно украшены уложенной складками тканью четырех цветов — красной, белой, синей и зеленой. Вычищенные до блеска лошади нетерпеливо били копытами. Толпа возбужденно зашумела, когда гонщики-возницы ударами кнута и окриками стали подгонять их к

стартовой линии. Упряжки понеслись, поднялась пыль. Красная колесница, запряженная парой черных жеребцов, вырвалась вперед, оставив позади зеленую и белую. Толпа недовольно загудела, когда синяя (правил ею всеобщий фаворит Диокл), оказалась в хвосте. Я упала духом, но продолжала напряженно следить за гонкой.

На первых трех кругах ситуация не менялась. На четвертом круге белая колесница перешла на внутреннюю дорожку и стала набирать темп. Гонщик красной колесницы, очевидно, почувствовав, что его могут догнать, глянул через левое плечо. У меня захватило дух, когда черные жеребцы стали уходить на внешнюю дорожку. Ипподром содрогался от криков и возгласов окружавших нас зрителей, подбадривавших гонщиков. Может быть, для «синего» еще есть шанс?

На пятом круге белая, красная и зеленая упряжки неслись ноздря в ноздрю, а Диокл шел по пятам за красной. Я вскочила и кричала во все горло. При повороте на шестой круг красная колесница слегка отстала. Чтобы обойти ее, Диокл направил свою пару на внешнюю дорожку. При прохождении поворота зеленая и белая колесницы жестко боролись за лидерство. Пытаясь вырваться на

середину, они столкнулись. Белая подлетела и перевернулась на пути у синей. Диокл метнулся на внутреннюю дорожку. Упавшие лошади копытами ударили по бортам его колесницы, когда он пролетел в дюйме от них. «Красный» гонщик оказался недостаточно опытным: его лошади налетели на опрокинувшуюся упряжку, и он вылетел из своей колесницы.

Я едва сдерживала себя, когда к финишу рвались два оставшихся соперника.

— Давай, «синий», жми! — надрывалась я.

Диокл, крепко стоя на ногах, наклонился вперед из колесницы и погонял лошадей. «Зеленый» возничий в пылу гонки приблизился на опасное расстояние к трибунам. Диокл, мчавшийся по прямой, начал обгонять «зеленого», который не уступал, отчаянно стегая свою гнедую пару. Я подпрыгнула и завопила от радости, но развязка еще была впереди. Гонщик зеленой колесницы при последней попытке вырваться вперед слишком резко повернул, чтобы пересечь дорожки. Его лошади споткнулись и упали. Возницу выбросило из колесницы, а она тут же рухнула на него. Он остался лежать неподвижно под грудой обломков.

Я сохраняла спокойствие, а вокруг творилось

нечто невообразимое. Риск и азарт — вот что было главное в гонках. И все же мне хотелось, чтобы соревнования в ознаменование моей помолвки проходили иначе.

Я повернулась к Пилату:

— Один человек наверняка погиб, а может быть, двое. Зачем это?

— Хороший гонщик должен быть беспощадным, — заметил Пилат. — Так нужно для победы. Она достается тем, кто ради нее ничего не жалеет. Вам следует это знать.

Германик похлопал меня по спине:

— Это — твои гонки, девочка. Ты должна вручить приз победителю.

Дядя передал мне пальмовую ветвь, принесенную рабом. Я посмотрела на Пилата. Его глаза, обычно холодные, светились гордостью. Он поддерживал меня за локоть, когда мы спускались по ступенькам и выходили на скаковой круг. Я знала, что за нами наблюдают тысячи глаз.

Диокл, молодой светловолосый гонщик, был рабом. Поэтому приз должен достаться его владельцу — богатому купцу, кому также принадлежала упряжка. Глядя на улыбавшегося колесничего, я вспомнила о молодом Гладиаторе, кому я предсказала победу четыре года назад. Как

его звали? Голтан? «Где он сейчас, — подумала я, — этот красивый, храбрый и энергичный юноша, предвкушавший новые победы? Что они принесли ему? Наверное, ничего».

Я вручила победителю пальмовую ветвь и повернулась к Пилату. Ничто сейчас не имело значения, кроме нас двоих.

На следующий день пришла Агриппина повидаться со мной. В руках она держала пакет, завернутый в марлевую ткань абрикосового цвета.

— Это подарок по случаю твоей помолвки, — объявила она. — Мы с Германиком хотим преподнести его сейчас.

Осторожно А развернула ткань, такую красивую, что мне захотелось сохранить ее. В ней была завернута резная шкатулка из слоновой кости. Открыв ее, я увидела два сверкающих звездных сапфира.

— Сережки! — воскликнула, я. — Какая прелесть!

Агриппина улыбнулась:

— Мы не сомневались, что они тебе понравятся. Под твои серые глаза. Их привезли, как мне сказали, из Индии.

Я крепко обняла тетю, а потом, взяв ее за руки,

сказала:

— Мы решили устроить свадьбу в июне.

— Прекрасно! Я буду счастлива. Очень удачно сочетаться браком в священный месяц Юноны.

— Я так сочувствую Друзилле. Она, наверное, очень переживает, — попыталась оправдаться я.

— Сомневаюсь, — покачала головой Агриппина. — Ты относишься ко всему гораздо серьезнее, чем Друзилла. Я знаю свою дочь. Сегодня она вздыхает по Пилату, завтра будет кто-нибудь другой. Пробил твой час, и не надо думать о ком-то еще. Просто будь счастлива.

Да, я была без ума от счастья. Но все же что-то тревожило меня. Мама, занятая приготовлениями, отрывалась от своих многочисленных списков и отвечала на мои вопросы, но находила всякие предлоги, чтобы избегать разговоров на более интимные темы.

— Мать не хочет говорить о самом главном, — пожаловалась я Рахили.

Рахиль перестала штопать мою нижнюю тунику и улыбнулась:

— Вы имеете в виду то, что бывает между мужчиной и женщиной? Госпоже, наверное, известно, откуда берутся дети?

— Конечно, я знаю. Но как это? Мама сказала,

нечего беспокоиться, это будет самая чудесная ночь в моей жизни.

Улыбка исчезла с лица Рахили.

— Самая чудесная ночь в жизни... Не каждой женщине так везет.

Я немного помолчала, обдумывая ее слова.

— А ты откуда знаешь?

Рахиль горько усмехнулась:

— Рабыни редко остаются девственницами. У моего первого хозяина было четверо сыновей, они по очереди спали со мной. Один из них — лишь Исида знает, кто именно, — стал отцом моего ребенка.

— У тебя есть ребенок? Ты мне ничего не рассказывала.

Она пожала плечами:

— А что рассказывать? Давиду исполнится шесть лет, если он жив.

— Ты не знаешь, где он?

— Его отняли у меня и продали, — сказала Рахиль безжизненным голосом. Я обняла ее, но она высвободилась. — Давид никогда не был моим, и я не любила никого из его возможных отцов. Давайте поговорим о приятном. — Она снова принялась шить. — Ваша мама — счастливая женщина, обожающая своего мужа. И я уверена,

у них была чудесная брачная ночь. Почему у вас может оказаться иначе?

Я задумалась.

— Пилат такой красивый, такой уверенный в себе. Он везде побывал, многое видел. К нему льнут разные женщины: и знатные дамы, и рабыни. Он так много знает, а я — ничего.

— Это хорошо, — убеждала меня Рахиль. — Его опытность доставит вам еще больше наслаждения. Ваш муж будет руководить вами.

— А что, если... — У меня задрожал голос. — Если я не доставлю ему удовольствия?

— Исида позаботилась и об этом. Она вас не оставит.

Считается плохой приметой, если кто-то из домочадцев увидит невесту в день свадьбы, поэтому я не спускалась вниз, но хорошо знала о происходящем там. Геба шепотом прочитала молитву Юноне, когда выкладывала свадебный пропитанный вином пирог на лавровые листья, разложенные на блюде. Наверх доносились запахи жарившихся павлинов, фазанов и молочных поросят. Я догадывалась, что на кухне кипит работа. Рабы вымыли стены, повесили гирлянды цветов на колоннах и разбросали ветки на начищенных до блеска мраморных полах. В

триклинии мама суетилась, давая указания, как расставить банкетные кушетки.

На втором этаже Агриппина при содействии пяти самых благородных матрон Антиохии занималась организацией свадебной церемонии. Я не была знакома ни с одной из них, но их подбирали с оглядкой на Фортуну — все замужние, не вдовые. Когда Агриппина приблизилась ко мне с церемониальным копьем, у меня зашевелились волосы. Я наклонила голову и вся сжалась, а она этим оружием разделила волосы на шесть прядей, чтобы прогнать злых духов. Затем за дело взялись все пять женщин: они по очереди накладывали на мое лицо косметику.

Наконец мне на голову накинули белое полупрозрачное покрывало и завязали его на талии геркулесовым узлом. По обычаю только Пилат мог развязать его. Я много думала об этом моменте, страшась и страстно желая его. Будет ли Пилат доволен или разочарован тем, что увидит?

Потом я забыла страхи и переживания. Все окружали меня любовью и вниманием. Даже Друзилла выглядела счастливой. Агриппина была права: моя кузина переключила свое внимание на парфянского принца. Она нежно похлопала меня по плечу и отошла, а Юлия поправила на

голове венок из майоранов и прикрепила алую вуаль.

— Ты выглядишь, как подобает невесте, — писаная красавица, — сказала Агриппина, прижав меня к сердцу.

Музыканты с лирами дожидались у двери. Пора выходить. Я хорошо знала, что последует далее, все роли были распределены. Рабыня дала Друзилле и Юлии терновые факелы. Нужно умилостивить Диану. Как известно, богиня не приветствует брак, она предпочитает, чтобы женщины оставались непорочными. Медленно в сопровождении двух служанок я. спустилась по лестнице и вошла в большой зал, где сидели Пилат, наши отцы и гости. Все повернулись в мою сторону.

Папа, преисполненный гордости, улыбнулся и плеснул несколько капель вина на домашний алтарь. Прежде всего нужно ублажить лара, древнего хранителя нашей семьи. Будто во сне я слушала, как отец воздавал хвалу Гименею, богу брака, и разливал вино по бокалам. От благовоний на алтаре у меня закружилась голова. Когда бокалы были наполнены, папа дал знак авгуру принести ягненка. Флейты и арфы перестали играть. У меня захватило дух, когда ягненку пе-

перезали горло серебряным ножом, вспороли живот и авгур стал рассматривать внутренности. Если у ягненка порок сердца, жди какого-нибудь несчастья. Если его печень внизу загнута в виде кармана, все будет прекрасно.

— Вам обоим жить счастливо долгие годы! — воскликнул авгур, показывая на розовую печень ягненка.

Тут же заиграли флейты, арфы и лиры. По телу у меня пробежала дрожь. Я повернулась к Пилату, и он, улыбаясь, откинул мою прозрачную вуаль. Я мягким голосом отчетливо произнесла древнюю клятву про неразлучную пару: «Пока ты — Гай, я — Гая». Он взял меня за правую руку. Теперь мы — муж и жена.

После того как мы съели на двоих небольшой кусок пирога,, нам дали свадебные таблички, чтобы мы на них расписались. Гости зааплодировали и бросились поздравлять нас. Мы с

Пилатом пригласили их в триклиний на празднование, во время которого мы впервые вместе возлежали на обеденной кушетке. Мне хотелось, чтобы эти моменты длились вечно.

Некоторое время спустя я почувствовала, что мама положила мне руку на плечо. Настало время гостям расходиться. Я посмотрела на отца. Теперь

я принадлежала Пилату и его семье. Оставшись с мамой в опустевшем атриуме, я разрыдалась:

— Я не знаю, почему плачу. Я так этого хотела.

— Конечно, ты хотела этого, — успокаивала меня мама, прикладывая к глазам платок. — Пора! Твой муж пришел за тобой.

Пилат встал рядом и потянул меня за руку. Так полагалось по древнему обычаю, который я считала глупым, но сейчас было неуместно противиться. Если Пилат это и заметил, то не подал виду. Он взял меня на руки и понес из дома. Сзади шли папа, Германик и несколько офицеров. Все кричали, чтобы Пилат остановился, и размахивали мечами. На улице дожидался кучер с колесницей. Пилат вскочил в нее и поставил меня рядом с собой.

Мы тронулись, и свадебная процессия последовала за нами. Кто-то ехал на колеснице, кто-то верхом, более сотни человек шли пешком, все смеялись и пели. Сердце у меня немного успокоилось, когда мы проезжали по городу, и я любовалась им, будто видела его в первый раз. Антиохия прекрасна в любое время, но в этот вечерний час при свете луны и факелов она казалась еще краше. Ни в одном другом городе мира нет мраморной галереи протяженностью в две

мили. И вот моя свадебная процессия движется по ней, по этому чудесному, удивительному городу.

Но не все безупречно в этом мире. Мне доводилось присутствовать на других свадьбах, и я была готова ко всяким непристойностям, неизбежным в таких случаях. Одни участники процессии несли фигурки Приапа, сладострастного бога плодовитости, другие — изображения его огромного фаллоса. Хотя такие проявления доброжелательности вызывали неловкость, как еще прогнать злых духов, способных позавидовать нашему счастью? Я украдкой посмотрела на Пилата — он широко улыбался.

Наконец мы достигли виллы, купленной недавно. Пилат спрыгнул с колесницы и помог мне сойти. Гости стали распевать более непристойные песни и отпускать скабрезные шутки. Я чувствовала, как щеки у меня пылают.

Слуга распахнул тяжелую дверь. Пилат подхватил меня, перешагнул через порог и ногой захлопнул дверь. Позади раздался громкий стук. Я слышала, как папа сердито требовал впустить его, продолжая играть роль разгневанного родителя.

Эта буффонада продолжалась недолго.

Глава 11
Два испытания

Сначала мы просто лежали вместе, потягивая вино и разговаривая о свадебной церемонии и гостях. Потом он осторожно расплел мои косы, и непослушные локоны рассыпались по плечам. Я осмелилась посмотреть ему в глаза и удивилась, какой напряженный у него был взгляд. Пилат, каким я его знала, отличался хладнокровием, сдержанностью, ко мне он относился с легкой иронией. Сейчас он совершенно изменился. По мне пробежала дрожь, когда он начал развязывать геркулесовый узел.

Пилат, нежно касаясь моей головы, пропустил между пальцев пряди волос, взял мое лицо в ладони и стал осыпать его поцелуями — нос, лоб, щеки. Потом губы, желавшие отозваться на его ласки. Я обняла Пилата и прижалась к нему, страстно возвращая поцелуи.

Мы не размыкали объятий в течение нескольких минут, но потом мне показалось этого мало. Открыв глаза, я заметила, что он слегка удивлен — то ли мной, то ли самим собой, — этого я понять

не могла. Он отодвинул край туники и поцеловал мое плечо, шею. Когда он коснулся груди, теплота разлилась по всему телу. Я вдыхала запах его волос, целовала уши, а ртом искала его губы.

Продолжая осыпать меня поцелуями, Пилат стал снимать с меня одежды. Хотя он ни о чем не просил, я прильнула к нему, и он нежно проникнул в меня, сладострастно шепча: «Клавдия! Клавдия!» Я еще теснее прижалась к нему, намеренная делать то, чего я больше всего боялась. А боль была ничтожной ценой за близость с человеком, которого я так сильно любила.

— Ну как ты? — спросил Пилат, нежно повернув мое лицо к себе.

— Боюсь, я делала все неправильно, — прошептала я. А может, женщина вообще не должна двигаться?

— Нет, дорогая. Ты все делала правильно. Очень правильно, удивительно правильно. И если ты не почувствовала на этот раз всего, что чувствуют, я исправлюсь.

Несколько позже, оставшись одна, я рассматривала свое отражение в маленьком зеркале. На лице не отмечалось свидетельств искушенности, а именно их я ожидала увидеть. Я выглядела так, как всегда, ничуть не возмужалой. Но внутренне...

Я улыбнулась, положив зеркало на столик. Но внутренне я стала иной, вспомнила, как с Марцеллой я говорила об отвращении. Какой я была наивной! Неудивительно, что она назвала меня ребенком. Если бы только Марцелла жила здесь, в Антиохии, Мне хотелось расспросить ее и рассказать ей о многом. И показать мой новый дом. Я так им гордилась.

За несколько недель до свадьбы Пилат купил для нас дом на Дафнской дороге. Вдоль этой дороги, проходящей по берегу реки Оронт под сенью деревьев, тянутся роскошные виллы. Богата земля, напоенная подземными ключами, и растущие там сады слывут своей красотой на весь мир. Ежегодно местные жители проводили конкурсы на лучшее владение.

Наша вилла, хотя и уступала по размерам другим, казалась сказочной. Она мне сразу понравилась. Но мой дом, как и муж, создавал для меня проблему. Я настроилась стать идеальной хозяйкой и посвятить всю себя созданию домашнего уюта. Так же, как Пилат решил сделать карьеру.

К моему удивлению, то, о чем я больше всего беспокоилась, оказалось легче всего достижимым. Я оказалась прилежной ученицей, а Пилат — умелым учителем. Мы быстро открыли для

себя прелесть физической близости, любовных игр, жарких поцелуев, радовались своим глупым шуткам и говорили на своем языке интимного общения. Иногда мы брали большую лодку и плавали по реке. На берегу ее находилась наша вилла, среди лилий и спутавшихся, как зеленые волосы, водорослей. Сады, спускавшиеся к воде, были в цвету и благоухали. Мы часами находились в объятиях друг друга или нежились на подушках на палубе, наслаждаясь теплом. Пилат часто лежал обнаженным на солнце, и его тело покрывалось коричневым загаром, а я оставалась в тени под алым навесом. Муж восторгался моей кожей и сравнивал ее цвет со светло-янтарным. Я часто пела ему нежные песни, но случались дни, когда мы вообще не вставали из постели.

Так прошли две недели после нашей свадьбы. И вот Пилат проснулся рано утром и сказал, что у него должна состояться деловая встреча.

— Так быстро, — вздохнула я.

— Я хотел бы, чтобы мы пошли вместе. — Увидев мое удивление, он объяснил: — Я только представлю тебя, и ты оставишь нас. Наша беседа для тебя будет малоинтересна.

Я почувствовала, как у меня зарделось лицо от удовольствия. Деловые отношения исключали

женщин.. Мое присутствие на встрече, пусть даже непродолжительное время, означало официальное представление.

Как издавна повелось в Риме, честолюбивые люди искали протекции и совета у более образованных и влиятельных, чем они, вельмож, становясь, в свою очередь, обязанными оказывать услуги своим покровителям. Подобно тому как Пилат полагался на благосклонность Германика, так и у него самого многие пытались искать расположения.

Я выросла в этой системе и воспринимала ее как должное, но часом позже, стоя радом с Пилатом в нашем атриуме и глядя на десятка два посетителей, я увидела все это в ином свете. От них пахло мылом, они были чисто выбриты и предстали во всем своем великолепии. Высокие и низкие, молодые и не очень, они стояли перед нами, и все, чего хотели, отражалось на их лицах. На Пилата они смотрели с восхищением и почтительностью. Я это видела. Сколько серьезности в их облике, сколько... Меня пробрала дрожь. Человек, стоявший позади всех, самый толстый, ненамного выше меня ростом, с широким, выступающим вперед подбородком и узкими голубыми глазами, поймал меня взглядом и расплылся в

обезоруживающей улыбке. Безусловно, отношения между патроном и зависимыми от него людьми предполагали почтительность и даже подобострастие со стороны многих к единицам. Это шаткое равновесие могло нарушиться в одночасье. И все же в тот момент я испытала удовольствие оттого, что Пилат представил меня своей женой, хозяйкой дома.

— Что ты думаешь о моих партнерах? — спросил Пилат в тот вечер за ужином.

Удобно расположившись подле него на кушетке, я чувствовала себя счастливой. Сердце переполняла гордость. Я подняла голову и посмотрела на мужа:

— Ты им нравишься.

— Им нравится, что я делаю для них, — поправил он меня.

— Верно, но дело не только в этом.

— Едва ли, — сказал он, взяв бокал с вином, налитым слугой.

— Нет, правда, — продолжала настаивать я. — Они верят в твое будущее и, конечно, надеются получить от этого выгоду. Но это еще не все.

Пилат внимательно смотрел на меня поверх бокала:

— Что ты имеешь в виду?

Я помолчала немного, подыскивая правильные слова.

— Им нужно нечто большее, чем твоя протекция перед сановником, заимодавцем или офицером. Эти люди не просто хотят чего-то от тебя, они хотят пользоваться тобой. Они думают, если будут вертеться вокруг тебя, то им что-то достанется — от твоей живости, целеустремленности, молодости.

Пилат покачал головой, глядя на меня с некоторой осторожностью.

— Ты говоришь странные вещи. Откуда ты можешь знать, что они думают?

Я заметила беспокойство в его голосе.

— Это не только, что они думают, но и чувствуют. Сегодня утром до меня кое-что дошло.

Пилат поставил бокал на стол и, глядя на меня, спросил:

— Они тебе понравились все?

Я смаковала вино и раздумывала, почему мои слова представляют для него важность.

— Они все старались выглядеть в лучшем свете, показать свою значимость, — сказала я наконец. — Большинство из них понимают, на что идут, и не рассчитывают получить от тебя все. Вообще они мне нравятся, за исключением одного — Плу-

тония. Я должна присмотреться к нему.

— Почему? — Снова настороженный взгляд, обращенный на меня.

— Не знаю, — ответила я в нерешительности. Что было такого в Плутонии? Я вспомнила его широкую улыбку... Его равнодушные глаза не улыбались. — В нем есть какая-то... Другие достаточно открытые. Ты знаешь, что у них на уме. Плутоний не такой. Он затаенный. Ты давно его знаешь?

— Нет, совсем недавно. Я раздумывал сегодня, почему он покинул наместника Пизона и перешел ко мне.

Последний свадебный подарок мы получили от отца Пилата. Я ахнула, когда раскрыла сверток и достала из него золотую тарелку. А всего их было двенадцать, и на каждой выгравирован астрологический знак.

— Их нужно немедленно обновить, — предложил Пилат. — Давай соберем гостей.

Я поблагодарила Исиду за такой восхитительный свадебный подарок. Мои родители подарили нам Рахиль.

Германик и Агриппина — первые в списке гостей. Как мне было известно, на Пилата произвело впечатление мое родство с правящей семьей

Рима. Он обрадуется их присутствию, а я не стану особенно переживать из-за прихода моих родителей. «Если бы только на первый раз можно было ограничиться двумя парами», — подумала я. А то такое испытание! Г ости будут рассчитывать на хозяйку вроде мамы или даже Агриппины. Наше общественное и, возможно, политическое положение будет зависеть от этого званого вечера. Вдруг я подведу Пилата? Ситуация хуже некуда. Как хорошо, что тарелок всего двенадцать, а то Пилат захотел бы устроить банкет.

Позднее, почесывая затылок стерженьком для письма, я обдумывала меню вместе с мамой,

— Пилат расщедрился на ведение хозяйства, — заметила она, — поэтому он ждет чего-то особенного.

— Я знаю. Как раз это меня и смущает. — Я жестом подозвала рабыню, проходившую мимо с охапкой цветов: — Принеси нам два бокала фалернского.

— Слушаюсь, госпожа, — ответила она с явным нетерпением на лице.

— Кто это? — спросила мама, кивая в сторону уходившей из комнаты рабыни.

— Психея. Пилат привел ее на днях с двумя новыми рабами-садовниками. Он не нарадуется

на нее, по его словам, она готовила для бывшего наместника. Она о себе высокого мнения, можно подумать, я у нее рабыня. По крайней мере ей нравится работа на кухне. Я слышала, Психея восторгалась новой кирпичной печью.

Некоторое время спустя Психея вернулась с двумя бокалами. Она поставила их на стол перед нами и направилась к выходу.

Мама пригубила вино и воскликнула:

— Нет, это никуда не годится. Психея, вернись!

Рабыня послушалась и поклонилась маме:

— Что-нибудь не так, госпожа?

— Очень даже не так! Вино не только не разбавлено как надо, оно вовсе не фалернское.

— Ой, простите, госпожа. Я виновата.

— Да, виновата. Изволь исполнять приказы моей дочери. Ты поняла?

— Поняла, госпожа.

— Ступай и принеси, что тебя просили. И подай вино так, как положено.

Когда Психея вышла, я сказала маме:

— Мне кажется, она привыкла к госпоже более старшего возраста.

— Клавдия, ты — ее госпожа. Помни об этом всегда.

— Хорошо, мама. — Я взяла табличку и нача-

ла записывать. — Вчера Психея приготовила фламинго с изюмом. Получилось вкусно. А как насчет любимого блюда Германика — молочного поросенка в сливовом соусе?

— Замечательно, — согласилась мама. — Но нужно кое-что еще.

— Как-то на днях я сама приготовила ужин Пилату. Он долго потешался надо мной, словно я девочка, которая играет в дочки-матери. Я понимаю, он отнесся к моей стряпне с недоверием, а вышло замечательно. Он даже удивился.

— Ну и что ты приготовила?

— Курицу по-нумидийски. Ты помнишь, я купила на рынке немного асафетиды[7]? Я добавила ее в блюдо. Получилось очень пикантно.

На маму это произвело впечатление.

— Дай рецепт Психее, — предложила мама. — Теперь она постарается.

В течение трех дней мы с Рахилью безуспешно пытались отобрать для развлечения гостей фокусников, актеров, певцов, танцовщиц и музыкантов. Мне хотелось пригласить поэта, но в конце концов я остановила свой выбор на

---

[7] Примечания: 7

Асафетида (Ferula assa-foetida) — многолетнее травянистое растение семейства зонтичных. Из млечного сока корней растения получают пряность.

фракийской танцевальной группе. Женщинам должно понравиться ее исполнительское искусство, а мужчинам — танцовщицы в нарядах, не слишком скрывающих их прелести.

Я тщательно продумывала, как будут размещаться гости. Конечно, Германик и Агриппина — справа от нас, а кто дальше — сразу возникали сложности. Поначалу я не включила в список приглашенных Пизона и Планцину. На такой просчет сразу обратил внимание Пилат:

— Ты в своем уме?

— Может быть, не стоит... на первый раз?

— Просто необходимо. Первый званый вечер — самый важный. Пизон — человек Тиберия. Ты это знаешь. Непростительно будет обидеть его.

Пилат оставался непреклонен, и мне пришлось нехотя согласиться. Кушетка слева от нас — для Пизона и Планцины. Высшие офицеры с женами, в том числе мои родители, а также двое многообещающих партнеров Пилата со своими половинами, будут сидеть по обеим сторонам на самых низких кушетках дальше всего от нас.

В тот день я встала рано и все время бегала на кухню, чтобы присмотреть, как готовится каждое блюдо. Курица по-нумидийски должна стать сюрпризом. Я с одобрением наблюдала, как

присмиревшая Психея измельчала корень асафетиды и смешивала его с толчеными орехами и финиками, доставленными в то утро караваном из Александрии. В кирпичной печи готовились цыплята в белом вине. Вдыхая аппетитные ароматы, я макнула палец в соус и одобрительно кивнула, уверенная, что мой ужин запомнится как маленькая сенсация. Вне всяких сомнений, Психея была прирожденной поварихой и любила это занятие. Меня радовало, что ей понравилась наша печь. Около нее рабыня будет проводить много времени.

Предоставив ее заботам завершающий этап приготовления блюд, я удалилась в жилую часть дома. Я вникала в каждую мелочь предстоящего вечера, как это много раз делала мама. На рассвете Рахиль ходила на цветочный базар, и сейчас аромат роз наполнял каждую комнату. Просматривая составленный ранее перечень предстоящих дел, я с гордостью отметила про себя: полы блестят, серебро сверкает. Ничто не упущено. Успех вечера в руках Исиды.

* * *

По спине пробежали мурашки, когда Рахиль надевала на меня верхнюю тунику из тончай-

шей кружевной ткани. Поворачиваясь перед зеркалом, я критическим взглядом окинула себя. Кружева, сплетенные в виде паутины, подчеркивали изящество серебристого дамаста, облегавшего мою фигуру. Сидя за туалетным столиком из палисандрового дерева, я старалась не шевелиться, когда Рахиль завязывала серебряной лентой мои локоны, свободно ниспадавшие на плечи.

— Вы похожи на нимфу, — сказала она.

Стоя в проходе под аркой, преисполненный благородства, в белой шерстяной тунике, за мной наблюдал Пилат. В руке он держал ожерелье из звездных рубинов.

— Когда-то его носила моя мать, — объяснил он, застегивая ожерелье у меня на шее.

Я вскочила и крепко обняла мужа. Пилат негромко засмеялся, слегка отстранил меня и нежно коснулся пальцами моей шеи и плеч.

— Наверное, тебе лучше снять это, — сказал он, подцепив пальцем миниатюрный систрум.

Я отстранилась от мужа. Только не сегодня, когда я нуждалась в помощи Исиды. Богиня благоволила ко мне в последние месяцы, и я не представляла, как могу обойтись без нее. Я улыбнулась Пилату и, бережно взяв у него талисман,

спрятала его под туникой. Ожерелье будет висеть поверх нее.

В этот момент Рахиль объявила о прибытии гостей, и мы пошли их встречать. И потом весь вечер я не отходила от них. Поначалу я с трудом поддерживала разговор. Меня не покидало чувство, что обо мне говорят, и более чем поколение отделяло меня от многих. Первыми появились Люций Рэций, совершенно лысый старик, и его жена Лукреция, опиравшаяся на трость из черного дерева. К счастью, мне приходилось больше слушать, потому что все наши друзья, и молодые и старые, без умолку говорили о себе. У меня радостно забилось сердце, когда я заметила, как мама с гордостью смотрит на меня. Но еще приятнее было услышать Пилата, шепнувшего, проходя мимо:

— Мне так повезло. Ты — украшение этого дома.

После этих слов я парила в воздухе. Гости общались между собой, вели оживленные беседы. Я непринужденно поболтала даже с Планциной, подумав, не ошиблась ли я в жене наместника. Сама любезность, она выразила восхищение сначала моим платьем, потом обстановкой, фресками и мозаичным полом. Казалось, ее при-

водило в восторг все вокруг.

— Я удивлена, что нет Германика и Агриппины, — сказала Планцина. — Вы, конечно, пригласили их?

Я озадаченно посмотрела на замысловатые водяные часы. Золотой сосуд почти наполнился. Что их задержало? Извинившись, я отошла от жены наместника. Положив руку на плечо Пилата, разговаривавшего с небольшой группой гостей, я отозвала его в сторону.

— Что делать? — шепнула я ему. — Считай, ужин испорчен, если тянуть дольше.

— Если наши гости выпьют больше вина, им будет все равно.

— Я пошлю раба выяснить, в чем дело.

Не успела я произнести эти слова, как появилась Рахиль и шепнула мне на ухо:

— Прибыл посыльный. Господину Германику нездоровится. Госпожа Агриппина просит начинать без них.

Не остается никаких сомнений: подтверждаются опасения, которыми я предпочла пренебречь, упиваясь своим счастьем. Случилось что-то страшное.

Глава 12
Проклятие

Хотя последний из наших гостей ушел почти на рассвете, спала я плохо, меня мучили тревожные сны, беспорядочные видения, перед глазами вставали страшные картины, связанные с моим любимым дядей. Промаявшись так несколько часов, я тихо выскользнула из объятий Пилата. Он все еще спал, когда я оделась и вышла из спальни.

Наш кучер отвез меня на колеснице на окраину города, где городские власти недавно запретили всякое передвижение на лошадях. Скопления повозок и колесниц, не говоря уже о запахе, невозможно было выносить. Теперь улицы остались только для пешеходов. Площадь у городских ворот запрудили носильщики с паланкинами, дожидавшиеся ранних седоков.

Я выбрала наиболее бойкую команду, но их начальная прыть и с виду крепкие мышцы обманули меня. Казалось, я никогда не доберусь до места.

— Быстрее! — подгоняла я носильщиков, тру-

сивших по утренним улицам. — Вам говорят, быстрее!

Наконец мы прибыли, и я взбежала по широкой мраморной лестнице, ведущей к вилле Германика и Агриппины. Тяжелая, обитая медью дверь приоткрылась, образовав щелку. В ней показалось угрюмое лицо знакомого мне раба. Он заулыбался, когда узнал меня.

— Доброе утро, Ахилл. Мне нужно видеть...

— Да-да, госпожа, входите. — Он распахнул дверь и впустил меня. — Они обрадуются вашему приходу.

Ахилл провел меня через атриум и зал, расписанный фресками. Я бывала здесь неоднократно и хорошо знала виллу. Ничто в ней не изменилось, насколько я могла судить.

— Я доложу о вас, — сказал раб, показав, что я могу подождать в таблинуме[8] Агриппины. С одной стороны в нем находилась полка, уставленная свитками в ярких разноцветных футлярах. Здесь были все известные авторы, в том числе мой любимый Овидий. Август перевернулся бы в гробу, знай он об этом. Старый император в свое

---

[8] Примечания: 8

Таблинум — в древнеримском доме — помещение, расположенное напротив входа в атриум, открытое в него и на противоположную сторону; могло отделяться легкими ширмами или занавесом.

время изгнал поэта из Рима за произведения, заклейменные как непристойные, а сейчас его внучка держит их на видном месте. Я подумала, доставались ли когда-нибудь эти свитки из футляров. Живая и общительная, Агриппина редко сидела за чтением.

И минуты не прошло, как в проходе появился Калигула, сонно протирая глаза.

— Что это ты так рано на ногах? — спросил он с притворной улыбкой на лице. — Удивляюсь, как твой муж отпустил тебя из постели. Я бы не отпускал.

Что за наглость выйти ко мне в ночной тунике?!

— Я пришла по поводу твоего отца, — спокойно ответила я. — Что с Германиком?

Калигула пожал плечами.

— Я только что вернулся с охоты на севере. — Он уселся на кушетку. — Очень сожалею, что пропустил твою вечеринку.

— Приглашали твоих родителей, но не тебя. Меня беспокоит, почему они не пришли, — сказала я, садясь на кушетку напротив него.

— До чего мило с твоей стороны! Но твоя сестра была еще милей. Кстати, что слышно о Марцелле?

Как он смеет произносить ее имя? Скрипя зубами, я повторила:

— Я пришла узнать, что с твоим отцом.

— Спасибо за заботу, — сказала Агриппина.

Я оглянулась, удивленная. Она появилась молча, как привидение, в своей помятой вечерней тунике. Я встала, чтобы поприветствовать ее, и поразилась, каким бледным, изнуренным казалось ее лицо при раннем утреннем свете.

— Я выгляжу ужасно, — извинилась она, убрав со лба прядь выбившихся волос. — Не спала всю ночь, ухаживая за Германиком. С каждым днем он слабеет. Врачи ничего не могут сказать.

Калигула, продолжавший развалившись сидеть на кушетке, поднял на нее глаза:

— Мама, я не имел ни малейшего представления...

Агриппина тяжело опустилась на кушетку рядом со мной.

— Ему стало хуже, после того как ты уехал.

Я переводила взгляд с одного на другого:

— Когда это началось?

— Три месяца назад, может быть, раньше. Симптомы проявлялись постепенно.

Я взяла Агриппину за руки.

— Почему вы мне ничего не сказали?

— Сначала мы не придали этому значения, а потом не могли поверить.

— И что же тогда помешало вам рассказать мне?

— Все твои мысли были заняты предстоящим замужеством. Мы видели, как ты счастлива, и не хотели огорчать тебя. Германик просил ничего не говорить даже твоим родителям, хотя, я уверена, твой отец что-то подозревает. Сейчас, наверное, все знают.

— Действительно все так плохо? — спросил Калигула. Меня удивил не столько смысл его слов, но как сын спросил об отце. Будто он интересовался просто из вежливости, почти отстраненно. Я никогда не понимала Калигулу.

— Болезнь развивалась медленно, — объяснила Агриппина. — То ему было очень плохо, то он чувствовал себя нормально. Герма-ник надеялся присутствовать на твоем вечере, Клавдия. Он хотел увидеть, какая ты счастливая в своем новом доме. Мы собирались прийти до последней минуты. Но когда он одевался, его опять начало тошнить. Это ужасно!

Сердце оборвалось, когда я окончательно утвердилась в своем подозрении:

— Ты думаешь, его отравили?

Агриппина кивнула.

— Солдаты готовы отдать жизнь за Германика. Он хорошо относится к рабам, они любят его. И все же я сама готовлю для него.

Калигула равнодушно барабанил пальцами по резному подлокотнику кушетки в виде головы ревущего льва.

— Напрасные старания. Отравитель — кто-то чужой, не из нашего дома.

— Кто же тогда? — Холод, сковавший сердце, не проходил.

— Не догадываешься?

— Стала бы я тебя спрашивать, если бы догадывалась.

— А ты подумай, — сказал Калигула, цинично глядя на меня. — Кому на руку безвременная кончина отца?

— Наместнику? Это Пизон?

— Он или его жена, — ответила Агриппина.

— Планцина? — Я нахмурилась, представив себе низкорослую женщину с постоянно нарумяненными щеками.

— Ты полагаешь, женщины менее беспощадны, чем мужчины? — И, потянувшись вперед, Калигула потрепал меня по подбородку, словно я ребенок. — Какая же ты наивная.

Я отодвинулась назад, никак не среагировав на его фамильярность.

— У вас есть какие-нибудь доказательства? — спросила я Агриппину.

— Ты знаешь Мартину?

— Как-то раз в бане она пыталась завести со мной знакомство. Мама отговорила меня. — Я вспомнила короткие, как обрубки, пальцы Мартины, унизанные кольцами. — Довольно вульгарная особа. Эти драгоценности...

— Наверняка подарки за услуги, — скривился Калигула.

— За какие услуги? — поинтересовалась я.

— Мартина пользуется дурной репутацией, — объяснила Агриппина. — Она тайно делает аборты. Еще говорят, она занимается колдовством.

Я вспомнила, как однажды видела Планцину в торговых рядах. Она оживленно разговаривала с темноволосой женщиной, в чьих ушах болтались серьги из крупных изумрудов.

— Да, они дружны, Планцина и Мартина. — Я с тревогой посмотрела на Агриппину: — Надеюсь, ты не впускала ее в дом? Если это она отравила, то...

— Если бы я знала, то ни за что на свете не допу-

стила бы этого. — Глаза Агриппины покраснели. — Я кипячу тарелки и чашки, сама готовлю все блюда. Я жарю яичницу с шинкованными кузнечиками, варю в молоке протертого угря. Все, в соответствии с советами докторов и аптекарей, делаю своими руками. Я перепробовала все средства, но ничто не помогает. Я боюсь.

Агриппина, никогда не плакавшая, вдруг разрыдалась, содрогаясь всем телом. Я обняла ее и нежно погладила по спине.

— Я знаю, ты все делаешь правильно, — сказала я после того, как она успокоилась. — Пожалуйста, можно, я помогу тебе сейчас? Хоть чем-то.

Осушив наконец слезы, Агриппина с трудом встала. Она взяла меня за руку и отвела в личные покои Германика. Воздух тяжелый, занавески задернуты, на стенах мерцают факелы. Я увидела дядю лежащим на большой кушетке на подушках, подложенных под спину. Я похолодела. Без малого месяц прошел после свадьбы, а Германия похудел на пятьдесят фунтов. Он был похож на скелет. Импульсивно я упала на колени, зарывшись лицом в меховую «о накидку, надетую на него, несмотря на жару.

— Не прячь свое хорошенькое личико, — сказал Германик слабым голосом, который я никогда не

узнала бы. — Сядь напротив меня, чтобы я мог тебя видеть.

— Дядя, я буду ухаживать за тобой, — произнесла я, едва сдерживая слезы. —Я буду сама готовить еду и каждый день приносить тебе. Пилат говорит, я хорошо готовлю. Тебе очень скоро станет лучше.

— Дорогая моя девочка, ни ты, ни кто-либо другой никак не сможете помочь мне. Дом наполнен запахом смерти. С каждым днем он становится сильнее.

— Чепуха! — воскликнула Агриппина и схватила его за руку. — Сколько раз можно повторять, здесь нет никакого запаха.

На следующее утро мы с Рахилью, разместившись в пяти паланкинах, отправились в путь с цветами, фруктами, курицей по-нумидийски и жарким из мяса молодого козленка, приготовленным мной. По дороге я остановилась у храма Исиды. На сей раз мне без каких-либо трудностей удалось повидаться с мистагогом. По сути дела, он сам вышел в атриум, где я ожидала его, и поприветствовал меня с удивленным выражением на лице:

— Значит, вы опять пришли к нам.

— Да, — кивнула я, пожав протянутую руку,

— и снова с просьбой об одолжении. Это сугубо конфиденциально.

— Неужели? А я думал, вы пришли за религиозными наставлениями.

Я метнула на него быстрый взгляд. Он что, потешается надо мной?

— Не сейчас, по крайней мере не сейчас, — сказала я и пошла за ним в комнату для бесед. — Мне срочно нужен особый ладан, чтобы очистить воздух, что-нибудь изгоняющее зло.

— Надеюсь, не в вашем доме? — спросил он, подняв густые брови.

— Нет, для близкого друга. В последнее время ему нездоровится, и он...

— ...считает, что на него навели порчу, — вместо меня закончил фразу мистагог.

Я помолчала, тщательно подбирая слова.

— Что-то в этом роде. Конечно, — попыталась я убедить его и себя, — это болезнь навевает ему такие фантазии.

— Это не фантазии. На господина Германика действительно навели порчу.

Я остолбенела:

— Вы знаете?

— Об этом шептались не одну неделю. Сейчас говорят в открытую. 99

— Если это так, вы можете нам помочь? — Я посмотрела на стенку за его спиной, на полки, с пола до потолка уставленные бутылочками и банками.

— Я дам вам снадобье, возможно, оно немного успокоит его, может быть, растолченный мак в меде.

— Я знаю, как велики ваши возможности. Пожалуйста, все, что угодно, — умоляла я.

— Его судьба в руках богини.

— Ведь должно же быть что-то... — Я искала на лице мистагога хоть малейший обнадеживающий знак.

Он на какое-то время задумался.

— Похоже, богиня благосклонна к вам, несмотря на ваше пренебрежение ею.

Я покраснела.

— Да, мне нужно было прийти еще несколько недель назад, но ваше заклинание...

Мистагог рассматривал меня. Казалось, он прикидывает стоимость моего наряда, драгоценностей.

— ...явно подействовало, — опять закончил он фразу.

— О да! Очень подействовало. Вы не представляете, как я вам благодарна. Ваше заклинание

— благоволение богини — изменило мою жизнь, изменило ее коренным образом. Я была так занята. Училась быть женой, на это уходило все время.

— Но это еще не все...

Я опустила голову, почувствовав вину.

— Мой муж не имеет представления об Исиде. Ему непонятно, чего я ищу вне нашего дома. Я люблю мужа, хочу угодить ему во всем. — Я заставила себя посмотреть в глаза мистагога. — Ведь любовь — это все, не так ли?

— Многие так думают какое-то время.

— Для нас это навсегда, — уверила я его.

— Хорошо. Но давайте поговорим о господине Германике. Вы хотите получить средство от его болезни? Сдается мне, вы можете доказать свою искренность богине подарком.

— Подарком? Конечно. Что я должна сделать?

— Воздержание — обычная плата для женщины за прошение.

Я почувствовала, как краснею.

— Мы женаты всего несколько недель... Воздержание... на какое время?

Мистагог улыбнулся:

— Только на период болезни господина Германика.

— Только! Кто знает, сколько она продлится.

— Вы говорите, ваш дядя очень болен... может быть, умирает?

— Да, — прошептала я. — Вы правы, это — небольшая цена. А как насчет Пилата?

* * *

Мы с Агриппиной позаботились о том, чтобы каждая комната была тщательно вымыта. Потом мы всюду расставили вазы с цветами. Сильный, но приятный аромат благовоний, данных мистагогом, наполнял весь дом, и все же Германик продолжал твердить о витающем в доме запахе смерти.

Я старалась не придавать значения его жалобам, но по прошествии нескольких дней, несмотря на приносимые каждое утро цветы и благовония, появился странный, непонятный запах. Он был сладковатый, но постепенно становился все более неприятным. Я не решалась сказать об этом Агриппине — она и так казалась ужасно напуганной. И вот однажды утром она сама заговорила:

— Уже несколько дней я чувствую плохой запах, да только мне не хочется верить.

— Должна быть какая-то естественная причи-

на, — сказала я.

— Ну конечно, — согласилась со мной Агриппина.

Но какая?

— У меня опускаются руки, — призналась я маме в тот день, когда мы сидели на балконе и пили охлажденный виноградный сок. — Ничто не помогает. Меня охватывает страх, и я не могу говорить с Пилатом. Он отдалился от меня.

— Отдалился? — нахмурилась она. — Но почему? Он, наверное, переживает из-за Германика?

— Очень переживает. Германик — его друг и покровитель. Просто... — Я запнулась. Зачем упоминать о моем сговоре с Исидой? Все равно мама никогда не поймет этого, но, может быть... Я глубоко вздохнула. — Знаю, как ты относишься к Агриппине, но если бы ты ее видела... Она обожает Германика, а сейчас он... умирает на ее глазах.

Мама сжала губы.

— Не втягивай меня в это дело, Клавдия. Агриппина любит делать все по-своему.

— Она изменилась сейчас. Ты не узнаешь ее. А если бы такое случилось с папой? Неужели перед лицом этой ужасной трагедии нельзя забыть прежние разногласия?

Мама опустила глаза, будто рассматривала

свой бокал.

— Можно, конечно, можно, — сказала она наконец.

Мы снова заставили рабов провести уборку дома. На этот раз мама заметила, что в спальне Германика неплотно прилегала одна из плит в полу. Приподняв ее, она обнаружила разлагавшийся труп младенца.

— Кошмар! — закричала она.

Рабы с испугом попятились назад. Собравшись с духом, мама достала тело и передала его одному из рабов:

— Сожгите это несчастное создание, сожгите немедленно где-нибудь за домом. А потом обыщите каждую комнату.

Тут же стали попадаться и другие омерзительные предметы под половыми плитами или в углублениях за гобеленами. Я сама нашла мертвую черную кошку с рудиментарными крыльями на спине. Потом обнаружился шнур со свинцовой табличкой, где было нацарапано имя Германика. Меня потрясли эти страшные находки.

Я прибежала к Германику и взяла его за руку.

— Мы обыскали весь дом, — заверила я его. — Ты был прав. Мы выкинули и сожгли всю эту гадость. Больше ничего не осталось, и запах

исчезнет.

— Будем надеяться, — кивнул дядя. — По крайней мере теперь я знаю, что запах действительно был и он — не плод моего воображения. Это дело рук Пизона. Не представляю, как ему все удалось, но ответственность на нем.

— Ну вот, наконец ты убедился, — сказала Агриппина. — Я всегда подозревала его, а сейчас трижды в день приходят его рабы, чтобы справиться о твоем здоровье. Ха! Конечно, виноваты он и Планцина, да еще их приятельница-колдунья Мартина.

Германия улыбнулся:

— Но никакая колдунья не в силах совладать с вами.

Когда я ушла, дядя остался лежать на кушетке, разбирая свитки, донесения и прошения, но он не мог их читать из-за своей слабости.

— Германику лучше, на самом деле лучше, — сказала я Пилату в тот вечер за ужином. — Мы с Агриппиной заметили, как он посвежел, а перед моим уходом сказал, что ему надоел бульон и он хочет мяса.

— Я всем сердцем рад слышать это. — Пилат ближе подвинулся ко мне. — Рад за него и за себя также. Похоже, Исида услышала твои молитвы

и приняла твою жертву, не говоря уже о моей. Значит, сегодня... — Он нежно погладил меня по щеке.

Я покачала с сожалением головой:

— Любимый, Германии все еще очень болен, серьезно болен. Вряд ли опасность миновала.

Пилат резко встал.

— Ты представляешь, уже десять дней...

— Конечно, представляю. Я тоже считаю. — Я поднялась, умоляюще глядя на него.

Пилат нежно взял меня за плечи.

— Моя дорогая Клавдия, ты должна понимать: к выздоровлению Германика не имеет отношения наше воздержание.

— Откуда это известно? Если он умрет, а я не сделаю всего, чего потребовала от меня богиня, я буду корить себя всю жизнь. Кроме того, Германик — твой покровитель. Разве ты не должен быть ему предан?

Пилат нахмурился и опустил руки.

— Ты обвиняешь меня в отсутствии преданности Германику? Я готов сделать для него все, что угодно, но твоя одержимость Исидой здесь ни при чем. Это не по-римски. Кто поклоняется Исиде, кроме горстки помешанных чужестранцев?

— Да, чужестранцев, но не помешанных, — по-

правила я его, стараясь говорить спокойно.

— Моя мать, — не унимался Пилат, — да и каждая римлянка, каких я знал, поклонялись Юноне и тем были довольны. Почитание этой богини не идет вразрез с желаниями мужа.

— Так-то оно так, — согласилась я, — но я обязана Исиде многим, чего ты даже не можешь себе представить. Пожалуйста, прояви еще немного терпения.

— Больше не хочу, Клавдия. — Он отвернулся от меня и взял плащ, небрежно брошенный на стул.

— А как насчет кусочка кабана? Ты даже не притронулся. Я же знаю, ты любишь. — Я нежно взяла его за руку.

— Предложи его Исиде. Я поужинаю в более приятной компании.

Германику лучше не становилось. Хотя мы делали вид, что ничего не происходит, запах появился снова. Рабы обнаружили петушиные перья, потом человеческие кости. Придя однажды утром, я почувствовала, что, несмотря на летнюю, теплую погоду, в доме непонятно почему холодно. Германии, а ему стало невмоготу лежать в затемненной комнате, заставленной мисками, склянками и пузырьками с лекарства-

ми, собрался с силами, чтобы встать с постели и самостоятельно пройти в атриум. Следуя за ним по пятам, я лишилась дара речи от охватившего меня ужаса. На стене над нами было намалевано его имя перевернутыми буквами. Я созвала всех домочадцев. Никто не имел ни малейшего представления, как появились слова «Германии Клавдий Нерон». Рабы тщательно соскребли их, но на следующее утро надпись появилась снова. На этот раз без последней буквы «н» в имени Нерон.

Агриппина настояла на том, чтобы Германии отослал Пизона из Антиохии. Наместник нехотя покинул столицу. По некоторым сведениям, его корабль стоял на якоре у острова Хиос.

— Он ждет известия о моей смерти, как стервятник своей добычи, — сказал мне Германик как-то утром.

— Не дождется, — ответила я, садясь подле его кровати.

Раб снял влажное полотенце со лба Германика и вытер ему губы. Я уткнулась лицом в букет роз, принесенных из нашего сада, и глубоко вздохнула. Мне стало немного нехорошо по дороге сюда. Запах, от которого невозможно было избавиться ни уборкой, ни благовониями, распространялся

повсюду. Я встала, чтобы выпить воды. В этот момент голова пошла кругом. Казалось, пол уходит из-под ног, а стены плывут, как во вращающейся сфере.

— Что случилось, Клавдия? — спросил Германик. — На тебе лица нет.

Я попыталась совладать с собой:

— Нет, ничего.

Очень осторожно, поскольку руки не слушались меня, я положила букет на столик возле кровати. Германик вытянул из-под покрывала тонкую, костлявую руку и взял меня за запястье. Всего несколькими днями раньше под подушкой, лежавшей на кушетке в дядиной гостиной, я обнаружила сухую человеческую кисть. Я поразилась сходством между ней и той, что сейчас держала меня.

— Клавдия! — Карие сощуренные глаза Германика внимательно смотрели на меня. — Ты тоже заболела?

Он произнес эти слова медленно, словно нехотя.

Я попыталась улыбнуться, но вдруг почувствовала, что меня начинает тошнить. До двери я добежать не успела.

Глава 13
И благословение

Над моей головой извивались змеи. Я сомкнула тяжелые веки и снова открыла их. Кружение постепенно прекратилось, а змеи остались. Весь мраморный потолок был испестрен полосами элегантного сочетания модных цветов — золотистого и зеленого. Я лежала на кушетке, подо мной — красные атласные подушки. Где я?

До меня донеслись приглушенные испуганные голоса. Когда слова стали более отчетливыми, я поняла, что речь идет обо мне.

— Это я виноват. Никогда себя не прощу, — говорил Германик слабым, измученным голосом.

— Дорогой, ты ни при чем. Клавдия пришла навестить тебя, — сказала Агриппина.

— Да, моя бедная девочка хотела помочь. А проклятие перешло на нее, — всхлипывая, произнесла мама.

На меня перешло проклятие! Комната снова закружилась. Голова болела от удара при падении. Что со мной происходит? Охваченная страхом, я села на кушетке.

Сидевшая подле меня мама прошептала:

— Как ты себя чувствуешь, Клавдия?

Я схватила ее за руку.

— Мне нужно видеть Пилата.

— Вы позволите? — В комнату вместе с Рахилью вошел Петроний, личный врач Германика. Я с облегчением вздохнула, когда высокий седовласый мужчина подошел к кушетке. — По словам раба, вы упали в обморок. Это раньше случалось?

— Нет, никогда. — Меня удивила дрожь в голосе. Поддерживаемая доктором и Рахилью, я перешла в соседнюю комнату, где меня опять уложили на кушетку. Петроний взял небольшой стул и сел рядом.

— Вас тошнит только в этом доме?

Я стала вспоминать:

— Иногда в других местах. Вино, которое я пила вчера вечером, мне показалось резким. Как я его ни разбавляла, оно было невкусным. А что, если оно отравлено?

Доктор внимательно посмотрел на меня:

— А ваш муж пил его?

Я нервно засмеялась.

— Вообще-то он пил, совсем немного. Утром у него болела голова, а так чувствовал себя прекрасно. — И потом с серьезным видом я спросила:

— Вы тоже считаете, что на меня перешло проклятие?

Доктор устало вздохнул:

— Честно говоря, в этом доме все возможно. — Доктор взял меня за руку, и на его серьезном лице появилась улыбка. — Когда последний раз у вас было кровотечение?

В комнату Германика я вернулась без посторонней помощи и, как мне казалось, с глупой усмешкой на губах.

— Это не проклятие, а благословение. У меня будет ребенок.

Мама переглянулась с Агриппиной и покачала головой:

— Мы совсем потеряли рассудок! Тошнота, обморок...

Пока я обнималась с мамой и Агриппиной, в сводчатом проходе появился Пилат, и я бросилась к нему.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Очевидно, хорошие новости. Должно быть, вам лучше, господин Германик?

Дядя широко улыбнулся:

— Позвольте мне поздравить вас.

Пилат, держа меня одной рукой за талию, снял шлем с гребешком из перьев и положил его на

стол. Мой муж с удивлением посмотрел на проконсула:

— Поздравить меня? С повышением?

— Нет, на мой взгляд, повод еще лучше. Однако, должен признаться, ваша милая супруга напугала нас. Она лишилась чувств.

— Клавдия потеряла сознание? — Пилат посмотрел на меня: — Тебе плохо?

— Очень даже хорошо, — успокоила я его. — Но, можешь себе представить, я думала, на меня наслали проклятие.

Пилат окинул комнату взглядом. Окружающая обстановка — цветы, расставленные повсюду, аромат благовоний, распространявшийся из каждой ниши в стене, — явно привела его в замешательство.

— Почему это пришло тебе в голову? — сдержанно спросил он.

— Я почувствовала себя плохо, испугалась, а Петроний осмотрел меня, и, кажется, у меня... у нас будет ребенок.

Счастливая улыбка озарила лицо Пилата, но затем оно моментально сделалось серьезным. Я похолодела. Что с ним?

— Ты не рад, дорогой? — робко спросила я.

— Очень рад, — ответил он, поглаживая меня

по спине. — Но я также встревожен. — Он повернулся к Германику: — Вы знаете мою преданность вам, но я не могу позволить жене оставаться в этом доме. Она не должна приходить, пока вы окончательно не поправитесь. Я уверен, это произойдет скоро.

— Нет, Пилат! — воскликнула я. Такая реакция была для меня неожиданностью. — Я чувствую себя великолепно, и Петроний считает, что у меня обычные симптомы.

— Помолчи, девочка! Ты слышала слова твоего мужа, — одернул меня Германии. — Я прекрасно понимаю его. — Дядя повернулся к Пилату: — Забирайте Клавдию немедленно домой. Я настаиваю. Но обещайте сообщать мне, как у нее идут дела. Это облегчит мою... Я буду с нетерпением ждать известий от вас.

— Обещаю. — Пилат взял свой шлем и чуть ли не потянул меня к выходу. У порога я обернулась назад. Агриппина сидела подле Германика и держала его за руку, глазами провожая нас с грустной улыбкой на губах.

На следующее утро к нам пришел капитан крупного торгового судна. Он передал письмо от Марцеллы. Естественно, что столь важное лицо не стало бы лично доставлять послание, если бы

оно не желало из первых уст узнать о состоянии Германика. И еще капитану хотелось поболтать. Мне же было в тягость являть образцы любезности за вином и финиковыми пирожными, в то время как у меня чесались руки раскрыть свиток от сестры. К счастью, появился Пилат, и, раскланявшись, я удалилась из комнаты.

«От Марцеллы из обители Весты» — в таком официальном тоне начиналось письмо, будто я не узнала бы ее каракули. Расправив папирус, я отметила, что в строчках меньше хорошо знакомых мне восклицательных знаков и тире. Причина ее сдержанности скоро выяснилась. Слухи о болезни Германика докатились до Рима, где встревоженная общественность ждала дальнейших вестей из Антиохии.

А недавно загадочным образом возникли другие толки. «Это правда, что Германии выздоровел?» — спрашивала Марцелла. Она рассказывала, как сотни ликующих людей с факелами устремились к дворцу и разбудили Тиберия радостным скандированием: «Все прекрасно снова в Риме. Все опять у нас спокойно. И Германии жив-здоров».

На этом заканчивалась спешно написанная эпистола Марцеллы, почему-то встревожившая

меня. Как среагировал Тиберий на такое непомерное проявление любви к Германику? Различие между этими двумя людьми бросалось в глаза. Если Тиберий был бесстрастным оратором, то Германии — блистательным. В то время как император не мог гордиться большими военными успехами, Герм аник прославился своими победами на весь мир. В довершение ко всему Тиберия с самого начала недолюбливали и ему не доверяли, и Германик слыл всеобщим любимцем. Агриппина, внучка Августа, и Германик, его внучатый племянник, являлись наследниками трона по крови. Тиберий, пасынок Августа, получил бразды императорского правления, когда Германик еще не достиг зрелого возраста. Почти повсюду в мире считали, что Рим хранит верность законному наследнику.

В первый раз я подумала о потере любимого дядюшки не просто как о личном горе. Будущее отца, и в меньшей степени — Пилата, было связано с проконсулом. Что будет с ними, если Германика не станет?

Каждое утро я посылала Рахиль к нему домой с цветами из нашего сада и приготовленными собственноручно блюдами. Юлия и Друзилла вернулись из Эфеса, где они проводили лето. Они

внимательно и заботливо ухаживали за отцом, но какие бы усилия мы ни прилагали, ничего не помогало. Несмотря на старания рабов, постоянно соскребавших имя Германика со стены, каждое утро оно вновь появлялось, и всегда укороченным еще на одну букву.

Германик слабел на глазах. Когда осталась только одна буква, созвали всех членов семьи и друзей. Перед тем как Пилату выйти из дома, я упрашивала его взять меня с собой. Но он отказался наотрез.

— О чем ты думаешь? Твоя же мать нашла мертвого младенца в этом доме, подвергшемся проклятию.

— Мне ничего не грозит. Я не имею никакого отношения к происходящему там, — пыталась я убедить мужа. — Я сразу не распознала беременность, потому что ни о чем не думала, кроме как о дяде Германике.

— Вот именно, не думала.

Я в испуге посмотрела на него. Пилат немного смягчился.

— Но ты и сейчас не думаешь. Как (бы ты себя чувствовала, если бы зло перекинулось и на нашего ребенка?

Меня охватило отчаяние, и рука непроизволь-

но потянулась к систруму, висевшему на шее. Я кивнул в знак согласия и отвернулась.

Пилат возвратился вечером, когда і я сидела в саду и смотрела, как блестят в реке лучи заходящего солнца. С подавленным видом он сел возле меня.

— Он умер? — шепотом спросила я.

Пилат взял мою руку.

— Германик оставался мужественным до конца. Даже видавшие виды офицеры плакали. — Муж говорил хриплым голосом. — Для каждого из нас у него нашлось доброе слово, а тебе он просил передать вот что.

Я слушала, затаив дыхание.

— Он любит тебя и желает много радости в жизни. Он выразил надежду, что ты будешь такой же замечательной женой, как твоя мать и Агриппина. — Пилат нахмурился. — Германик говорил еще об одном, чего я не понял. Он был очень слаб.

Я едва сдерживала слезы.

— Так что же он сказал?

— Он вспоминал о каком-то давно увиденном тобой сне. Кажется, про волка. Он сожалел, что отнесся недостаточно серьезно к твоему сновидению. «Предсказание сбывается», — произнес

он. — Пилат покачал головой. — Несомненно, это — бред умирающего человека.

— Конечно, — вымолвила я, опустив глаза. - А что еще?

— Он просил нас отомстить за его смерть. «Передайте Тиберию, к моей смерти причастны Пизон и Пландина, — прохрипел он. — Скажите народу Рима, что я вверяю ему свою жену и детей». Потом он взял Агриппину за руку. — Голос Пилата сорвался. — И жизнь его оборвалась.

— Я должна была быть там. — Рыдания душили меня.

Пилат попытался обнять меня, но тело мое оцепенело.

Во всем цивилизованном мире Германик прославился как справедливый и терпимый человек, вестник мира и процветания. Во время нашей двухгодичной инспекционной поездки по провинциям толпы людей, тысячи мужчин, женщин и детей сердечно приветствовали его. Я вспоминала, как подобно золотому дождю на него сыпались бархатцы, б5росаемые с крыш жителями городов, как женщины, желая только прикоснуться к краю его тоги, прорывались сквозь строй охранявших солдат. Харизматическая личность проконсула во всех вселяла

уверенность, ибо все, что хорошо для Рима, хорошо для мира.

Сейчас мир погрузился в траур. Люди забрасывали камнями храмы и вышвыривали домашних божков на улицы. Даже варвары прекратили междоусобицы, будто их дом постигла трагедия.

Забальзамированное тело Германика оставалось доступным для прощания почти целый месяц. Чтобы отдать последние почести, прибыли министры из Испании, Галлии и Северной Африки. Были устроены пышные похороны. Тысячи людей с цветами шли через ворота в Антиохию. В лучах солнца сверкали доспехи на воинах и драгоценности на дамах, проходивших мимо гроба. Когда мы всей семьей подошли к Агриппине и ее детям под пурпурным пологом, вдруг появился офицер и что-то шепнул папе на ухо. Я заметила выражение озабоченности на его лице, отец извинился и оставил нас.

Заиграли музыканты. В моем представлении, музыка помогала душе Германика приготовиться к загробной жизни. Сильные мира сего один за другим преклоняли колена перед погребальным костром, поднимались и воздавали хвалу почившему военачальнику и государственному мужу. Юлия и Друзилла рыдали, Агриппина кусала

губы, Друз и Нерон, без кровинки на лице, стояли, прижав к бокам стиснутые кулаки, Калигула тихо сидел, погруженный в свои мысли.

Речи закончились. Агриппина в сопровождении почетного караула медленно подошла к гробу. Она нежно в последний раз провела руками по лицу мужа и пальцами раздвинула его губы. Я видела, как она положила небольшую золотую монету ему под язык. Она понадобится Германику, чтобы заплатить паромщику, который будет перевозить его через реку Стикс[9].

Агриппина отошла назад, а Сентий, новый назначенный наместник, поджег погребальный костер. Я инстинктивно отпрянула, когда языки пламени взметнулись высоко вверх. Ударили барабаны и зазвучали трубы. Дети Германика ближе подошли к пылающему костру и сделали щедрые дары, бросив в огонь пищу и одежду. Кто знает, может быть, это понадобится душе, покинувшей тело, в новой жизни? Когда погаснет огонь, место кремации польют вином. Прах соберут в урну. Видеть все это я больше не могла.

— У Германика есть много общего с Александром, — сказал мне Пилат. — Оба — великие и

[9] Примечания: 9

Стикс [*гр.* Styx] — в древнегреческой мифологии — одна из рек подземного царства, в которой обитали души умерших.

многообещающие деятели, оба ушли из жизни молодыми, оба стали жертвами предательства на чужой земле.

Я посмотрела на собравшуюся толпу, многие плакали.

— Если бы он с самого начала занял решительную позицию в отношении Пизона... Одна хорошая знакомая моей матери — она сейчас на Хиосе — написала ей, что Пизон сделал благодарственные жертвоприношения, когда до него дошла весть о смерти Германика. А Планцина! Она сняла траур, носимый по сестре, и надела красный наряд. Как тебе это нравится?

— Дальше ехать некуда! — возмутилась я.

В этот момент я увидела отца, протискивавшегося сквозь толпу. Подойдя к нам, он сказал:

— Пизон в донесении Тиберию обвинил Германика в измене. — Потом он взял Пилата за локоть и добавил: — Есть еще одна новость. Пизон собирает войска для наступления. Он намеревается завладеть Сирией. Готовьтесь к обороне.

Глава 14

Все дороги ведут в Рим

В последующие недели мама и Агриппина менялись буквально у меня на глазах. Эти две женщины стали совершенно непохожими на самих себя. Агриппина, мертвенно-бледная, сидела молча, погруженная в свои мысли. А мать носилась туда-сюда с подушками, компрессами, настойками, стараясь предупредить малейшее желание или прихоть вдовы. Безвозвратная потеря, пережитая Агриппиной, устранила прежние расхождения между ними, подлинные и мнимые.

В апартаментах Агриппины мама заняла одно почти всегда пустовавшее помещение, куда поставили ткацкий станок. Вряд ли Агриппина когда-либо занималась ткачеством. Но ей, кажется, пришлось по душе это дело. Руки ее будут заняты, и мысли, вероятно, тоже. Сейчас, когда Пилат и отец вели войну с Пизо-ном, нам ничего не оставалось, как придумать для себя какое-нибудь занятие. Мы решили вместе воспроизвести классическую сцену из «Энеиды». Рабы принялись усердно чесать для нас шерсть. От этого мы, не переставая, чихали, но вскоре комнату подмели и приготовили для нас. Солнце

радостно светило в широкие окна, и мы начали прясть пряжу.

Когда мама набрасывала эскизы, я предложила:

— А если нам изобразить встречу Энея с отцом в подземном мире?

Друзилле понравилась эта идея. Они с Юлией приходили каждый день в течение недели.

Из большого количества шерсти мы напряли серебристые нити, они должны были создать расплывчатый фон. Основу мы закрепили на станке и натянули ее снизу грузами. Когда свивали и наматывали уточную нить, у Друзиллы и Юлии энтузиазм иссяк. Для девушек, даже находящихся в трауре, осенний сезон представлял много соблазнов.

Мама показала Агриппине, как связывать первую верхнюю нить ткани, для чего требовалось ловко сложить вдвое уточную нить, образовав петлю, и затем продеть в нее пару нитей основы. К удивлению, Агриппина хорошо справлялась с этой операцией. Какое-то время она работала тихо, молча, с бесстрастным выражением лица, а мама и я занимались другим делом.

— Конечно, это невозможно, — вдруг произ-

несла Агриппина, не обращаясь к кому-либо конкретно. — Я вроде утопающего, хватающегося за соломинку. Вам не кажется?

— Ты о чем, дорогая? — тихо спросила мама, отложив челнок.

Агриппина смотрела на маму непривычно пристальны м взглядом.

— Мы действительно можем встретиться со своими любимыми где-нибудь в ином мире?

Мама молчала, раздумывая.

— Все эти годы, когда Марк участвовал в сражениях, я молилась, чтобы так оно и случилось.

— На этот счет у меня нет никаких сомнений, — сказала я. — Исида обещает.

— Только не надо снова про Исиду, — одернула меня мама.

— Исида обещает вечную жизнь?— Агриппина с любопытством посмотрела на меня.

— Да, и я верю ей.

— Для своего возраста ты слишком самоуверенна.

Мама усмехнулась:

— Вот и я думала так многие годы назад, когда Клавдия начала задавать вопросы вроде: во что ты веришь, почему ты поклоняешься Юноне? — Она покачала головой. — Такие мысли не

приходили мне в голову, когда я была девочкой, впрочем, — она с любовью посмотрела на меня, — Клавдия всегда отличалась от других. Я почти не обращала внимания на ее, как мне казалось, пустые фантазии. А потом — на тебе — среди ночи она отправилась в какой-то странный храм.

— Не может быть! — Агриппина перестала связывать уточную нить и в изумлении посмотрела на меня.

— Это — только начало, моя дорогая. Взбалмошная девчонка еше рисковала жизнью, чтобы стать последовательницей египетского культа.

— Египетского культа? Вот те раз! Я не имела ни малейшего представления. Ты мне ничего не говорила.

Мама натянула нити для того, чтобы получилась ровная ткань.111

— О таком не говорят даже в семье. Марк пришел в ярость. Из всех чужих богов ей вздумалось выбрать Исиду. — Мама оторвалась от работы. — Это все дела, связанные с Клеопатрой.

Агриппина кивнула:

— Германик ненавидел ее всей душой. Он обожал свою бабушку и часто осуждал Антония за то, что тот причинил ей боль, не говоря уже об унижении. — Она снова взяла нитки и, машинально

перебирая их пальцами, посмотрела на меня: — А что Пилат думает о твоем поклонении Исиде?

— Он обычно говорит, что его ничто не удивляет в этом мире и жизнь полна необъяснимых явлений, которым нельзя дать логического толкования. — Я замолчала в нерешительности. — Его потешил мой рассказ, и сомневаюсь, что он отнесся к нему очень серьезно. Да и ко мне он относится, кажется, не очень серьезно.

— Каждая молодая пара должна притереться, — успокоила меня Агриппина.

— И вы притирались? — усомнилась я.

Агриппина задумалась.

— Не так долго, — наконец сказала она. — Наши семьи поддерживали теплые отношения. Я — внучка Августа, Германик — внук его сестры. Возможно, мы полюбили друг друга еще в детстве. И нас воспитывали с мыслью о будущем Рима. Само собой разумеется, мы должны были пожениться, — она заговорила почти шепотом, — и со временем править. Но эти грандиозные надежды развеялись как туман.

Мне показалось, она вот-вот заплачет. Мама быстро изменила направление разговора:

— Нам с твоим отцом тоже довелось пережить трудности. Он мог бы взять в жены любую офи-

церскую дочь, она больше, чем я, подходила для армейской жизни, но... — она взяла новый моток пряжи, привязала конец нити к предыдущей и начала наматывать ее,— у меня тоже хватало соискателей моей руки. Отцу понравился один молодой сенатор — ты должна его помнить, Агриппина, — однако я не желала и слышать о нем. Я решила: либо Марк, либо никто другой. Я нужна ему, вот только не мешало бы сгладить его острые углы. — Мама взяла моток алой пряжи, предназначавшийся для плаща Энея, и стала рассеянно рассматривать его. — Вы с Пилатом тоже очень разные. Должно быть, твои странности и привлекают его. Ты красива — Агриппина согласится со мной, поскольку это не просто материнская гордость, — но у Пилата было из кого выбирать. Он хотел не только красавицу жену, и его желание исполнилось. Я уверена, ты для него — очарование и разочарование. Это пройдет. А ты скучаешь по нему?

— Конечно, скучаю. — Я даже перестала завязывать узлы, удивленная этим вопросом. — Ужасно скучаю. Кажется, этой войне с Пизоном нет конца.

— Она идет всего лишь месяц, — напомнила мама. — Ты еще не знаешь вкуса настоящей разлуки.

И я молюсь, чтобы ты этого никогда не узнала.

— Удивительно, как долго Пизон удерживает Селицию, — сказала Агриппина. — Это только благодаря наемникам. Вот что делают деньги.

— Вчера я получила известие от Марка, — вмешалась мама. — По его оценкам, осада будет недолгой.

— Каждый вечер я ставлю свечи Исиде и смотрю на пламя, — призналась я. — Иногда мне кажется, что богиня совсем близко. Значит, Пилат и папа вне опасности.

— Я никогда не придавала большого значения божествам, — сказала Агриппина. — Мне было все равно, существуют они или нет. Достаточно того, что они греют душу. А сейчас жизнь стала пустой без Германика. И я боюсь за детей.

— Исида знает, что такое потерять мужа, — начала объяснять я. — Когда его убили, она по всему свету искала части его тела. Собрав их, она оживила его и зачала ребенка.

Агриппина улыбнулась мне:

— Очень красивая история.

Мама покачала головой:

— Однако она не служит утешением в данной ситуации.

Наступила неловкая пауза. Казалось, со мной

не желают считаться, словно я ребенок. Агриппина долго не прерывала молчания, уставившись на челнок в руках.

— А может быть, и служит, — сказала она наконец.

— О чем ты думаешь, тетя? — спросила я.

Агриппина положила челнок и посмотрела на меня, в ее печальных глазах засветился прежний огонек.

— Я не в силах воскресить мужа, но я могу в Риме отомстить за его смерть, увековечив имя Германика. Мы не можем зачать еще одного ребенка, но я могу защитить от напастей тех, кто у нас есть.

Она встала и решительным движением головы, исчезнувшим в последние месяцы, откинула назад свою рыжевато-каштановую гриву.

Чувство облегчения завладело мной. Перед нами возникла прежняя Агриппина, снова готовая на геройские поступки.

Каждый вечер за ужином мы обсуждали с мамой ежедневные новости о военных действиях. Гордость переполняла нас при частом упоминании в них имени отца. Сентий, недавно назначенный наместник и сенатор, не имевший военного опыта, всецело полагался на моего отца.

Пизон выходил на стены осажденной приморской крепости и обещал щедрые вознаграждения наемникам. Отец приказал войскам выйти из-за укрытий, связывать лестницы и по ним взбираться на стены. Тучи тяжелых стрел, град камней и лавина горящих поленьев из метательных орудий обрушились на головы оборонявшихся, а рев труб заглушал льстивые речи Пизона. Сопротивление было сломлено. Пизон просил, чтобы ему дали возможность остаться в крепости в обмен на сдачу армии. Он обещал не покидать крепость и ждать повеления Тиберия о том, кто будет править в Сирии. После того как Сентий отклонил условия, отец взял штурмом крепость, захватил Пизона и отправил его в Рим под вооруженной охраной. Там император примет решение, какое наказание заслуживает подлый убийца.

Агриппина не стала полагаться на случай. Несмотря на приближавшуюся зиму, она собралась отправиться в Рим с прахом Германика и изложить все факты Тиберию и Сенату. Я с тревогой ждала, когда это произойдет. Само собой разумеется, отец возглавит ее личную охрану, а мама поедет с ним. Пилат вызвался сопровождать их, но отец не разрешил.

— Вы нужны Сентию здесь для обеспечения

порядка, — объяснил он.

Я с облегчением вздохнула, надеясь, что этого никто не заметил.

К отплытию снарядили траурный корабль, на нем должны были отправиться в путь не только Агриппина и мои родители, но и кузины Юлия и Друзилла.

— Не представляла наступления такого дня, когда мне будет не в радость оказаться в Риме, — призналась мама при расставании на пристани.

Я пожала плечами, не сдержав улыбки:

— Ты почувствуешь себя вполне счастливой, как только ступишь на берег. Кроме того, там Марцелла. Ты сможешь часто видеться с ней.

Мама кивнула:

— Конечно, вновь увидеться с ней через столько лет будет для меня большой радостью, но, дорогая моя, я готова разорваться, чтобы находиться там и здесь. Мне так хочется быть с тобой при рождении ребенка. Осталось всего полгода. Я помню, как ты испугалась тогда, в детстве.

Я приосанилась:

— Сейчас я уже взрослая. Рожать детей — моя обязанность. И я очень хочу этого ребенка. Я молюсь Исиде, чтобы родился мальчик. Пилат будет рад. Все мужчины хотят мальчиков. Правда?

— Наверное, но большинство из них быстро смиряются с дочерьми. Возьми, к примеру, твоего отца.

Я подумала об отце, о том, как он всегда любил нас.

— Пилат не такой. Он ждет сына. Я знаю. И мне никак нельзя обмануть его ожидания.

— Обмануть ожидания? Что ты, дорогая! Пилат обожает тебя. Если сейчас родится девочка, то потом будут мальчики. Вы же прекрасно ладите, не так ли? В последний месяц после возвращения из Селиции он светился от счастья.

— Да, у нас все замечательно. Но мне хочется, чтобы ребенок еще больше сблизил нас. Ведь так и бывает?

— Конечно, но супружество — это не только дети, как бы их ни любили. Ты, наверное, догадываешься.

Я кивнула, не зная, как выразить словами свои чувства. После вступления в брак я стала смотреть на Селену не только как на мать, но и как на женщину, очень счастливую женщину. Они с отцом были единым целым.

В последнюю минуту расставания мы все старались не выказывать слабости. Но это не удавалось даже отцу, стоявшему в стороне, когда мы

прощались с мамой. Он задержал меня в своих объятиях, хриплым голосом отдав Пилату наказ:

— Береги эту девочку!

Я стояла на пристани и махала рукой, пока черные паруса не скрылись из виду.

Пилат ушел — у него была назначена встреча с Сентием. «Не иначе важные вопросы, не терпящие отлагательства», — подумала я, не придав значения слабому спазму внизу живота.

Зима выдалась суровой. Немногие корабли пускались в плавание в штормовую погоду. Неделями не приходили никакие известия, а если и приходили, то иногда оказывалось, что они были лишь повторением уже полученных. Невозможно было предугадать, какой корабль пробьется сквозь зимние шторма, поэтому корреспонденты не полагались на случай. Пилат отправил в порт раба, целыми днями дожидавшегося прибытия судов. И вот наконец он прибежал, запыхавшийся, с письмом от мамы. У меня отлегло от сердца, когда я узнала об окончании путешествия, все живы-здоровы. Из Брундисия, где они высадились, мама писала:

Наше прибытие было волнующим: никаких резких гребков, никакого пения рабов, никакой

беготни надсмотрщиков и щелканья кнута. Корабль медленно и тихо приближался к пристани. Агриппина, одетая в черное, с вуалью на лице, первой сошла на берег — одна, опустив глаза, держа в руках урну с прахом Германика. Ее встречали близкие друзья и офицеры, служившие под его командованием. На пристани невозможно было протиснуться, люди стояли даже на крышах домов. Мужчины, женщины, дети горько плакали. Их голоса слились в протяжный стон.

Несколькими днями позже я слегла в постель.

— Небольшие осложнения. Никаких причин для тревог, — говорил Петроний Пилату. Я старалась устроиться удобнее, чтобы не чувствовать боли, и думала о маме; она была так далеко.

Рахиль тоже успокаивала и подбадривала меня, но иногда я замечала выражение озабоченности на ее лице. Один раз я слышала, как она сердито отчитала Психею за то, что та судачила с другими рабами о соседке, умершей во время родов. Они думали, я их не слышу.

Следующее письмо от мамы бередило душу — так ярко оно было написано. Читая его, я живо представила царскую траурную процессию, продвигавшуюся по дорогам Калабрии, Апулии и, наконец, Кампании, вдоль которых собирались

тысячи людей, чтобы отдать дань уважения праху наследника империи.

Две когорты в черных доспехах составляли почетный эскорт. Они несли пучки розог с воткнутыми в них топорами в перевернутом виде и знамена без украшений. Центурионы, сменяя друг друга, несли урну с прахом. Бедная Агриппина, бледная как полотно, не проронив ни единой слезы, ни единого слова, пешком проделала весь путь. Если бы ты только могла видеть все это. В каждом поселке к процессии присоединялись местные жители. Некоторые крестьяне приходили из дальних деревень. Вместе со всадниками в пурпурных полосатых туниках они строили траурные алтари и делали жертвоприношения. У меня сердце обливалось кровью.

Несколькими днями позже мы получили короткую записку из Террачины, где служили Нерон и Друз, об их встрече со своей матерью вместе с братом Германика Клавдием. Поражало отсутствие императора и Ливии. «Что это значит? — задавалась вопросом мама. — Они считают траур ниже своего достоинства или опасаются, что общественность заметит неискренность на их лицах? Я боюсь за Агриппину, боюсь за нас всех».

Желая немедленно обсудить последние события с Пилатом, я встала с постели. Глянув на простыню, я увидела красное пятно, где лежала, и вдруг почувствовала липкую влажность между ног. Я позвала Рахиль, немедленно пославшую раба за доктором Петронием.

Лежа на кушетке с согнутыми в коленях ногами, я думала, почему так долго не идет доктор. Где он может быть? Казалось, прошла вечность, прежде чем он наконец появился. В свойственной ему сердечной манере — такой неискренней, решила я — стал меня успокаивать:

— Кровотечение остановилось. Совсем не о чем тревожиться. — Петроний дал Рахили мешочек с протертым маком и сказал: — Это успокоит ее. Смешай с молоком и медом. Самое главное — госпожа Клавдия не должна вставать.

Его обходительные манеры вовсе не развеяли мои страхи. Я срочно послала Рахиль в храм Исиды с запиской, в которой просила мистагога дать какое-нибудь снадобье.

— Дорогая Исида, не оставляй меня! — снова и снова молила я.

В течение двух последующих недель пришлось лежать в постели. Иногда мы завтракали вместе с Пилатом, но по большей части он из-за своей за-

нятости не бывал дома. Меня одолевало чувство одиночества. Но вот как-то дождливым утром с пристани прибежал, тяжело переводя дух, наш главный раб. Я села на кушетке и трясущимися руками развернула принесенный им папирусный свисток с императорской печатью. Комок встал у меня в горле, когда я увидела знакомый почерк.

«Наконец-то мы в Риме, в кругу друзей. Каждому есть что рассказать. Я так рада. — Остальное удавалось разобрать с трудом. Слезы размыли часть слов, написанных размашистым почерком Агриппины. У меня самой пелена застилала глаза, когда я читала, как люди реагировали на смерть Германика... — Разоренные алтари... Обряды признания детей взрослыми не проводятся... Стоит декабрь... Сатурналия... Никто не празднует...» В конце тетя писала: «Такое впечатление, что в каждом доме оплакивают любимого главу семейства».

В своем письме отец рассказывал, как прах Германика доставлялся в Мавзолей Августа.

«В то хмурое утро, — писал он, — улицы были запружены народом, на Марсовом поле колыхалось море факелов. Люди разных сословий — солдаты в доспехах, патриции, простолюдины, чиновники

и рабы — стояли в скорбном молчании и гневе. В гневе, потому что это была пародия, неуважение к памяти Германика. Император не только не присутствовал на церемонии, он не распорядился об отдании государственных почестей. Никто не произносил речей, не исполнялись траурные гимны». Отец писал в заключение: «Германика не вернуть друзьям и стране. Вчера вечером я слышал, как старый торговец, закрывая свою лавку, сказал: “Такое чувство, будто солнце закатилось навечно”».

Я закрыла тяжелые веки и откинулась на атласные подушки. Свиток упал из рук, у меня не было сил поднять его. Легко понять чувства безвестного лавочника. Мучительные спазмы, корчившие меня, прекратились, кровотечение, из-за которого я чуть не лишилась жизни, остановилось, но сына, с кем мы связывали такие надежды и ожидания, я потеряла. У меня произошел выкидыш.

Глава 15
Тайное средство

Никто ничего не мог понять, и прежде всего Пилат.

— Ты же была только на пятом месяце, — удив-

лялся он.

— Вы еще можете родить ребенка, — успокаивала меня Рахиль.

Пилат был готов действовать безотлагательно, но Петроний не советовал ему:

— Нет причин опасаться, что у вас не будет прекрасной семьи, однако дайте Клавдии какое-то время. Разумнее подождать полгода.

Неготовая зачать другого ребенка сейчас, когда у меня болела душа из-за потери первого, я чувствовала признательность доктору. Пилат мог считать, что это еще не было живое существо, мне же потерянный ребенок представлялся плодом нашей ранней страсти. Никакой другой не станет тем, которого я носила. Почему Исида отреклась от меня? День проходил за днем. Замкнувшись в себе, я сидела одна и ни с кем не разговаривала. А о чем говорить? И кому поведать мои печали? Куда-то подевалась даже моя любимая кошка Геката. Мне пришлось встать и искать ее по всему дому. Но ее и след простыл.

Государственные дела все чаще требовали отсутствия Пилата дома. Вечерами я сидела в мраморном павильоне, его постройкой я занялась в качестве приятного времяпрепровождения после отъезда родителей. Он представлял собой

небольшое круглое сооружение с перекрытием, поддерживаемым шестью колоннами с канелюрами. Между колоннами висели светильники, а у основания располагались миниатюрные фонтаны. От павильона к реке спускались дорожки, освещаемые неярким светом бронзовых ламп. Годом раньше я познакомилась с лучшим в Антиохии садовником и сейчас, в наступившую весну, добилась, следуя его советам, изумительного сочетания распустившихся цветов и ароматов.

Однажды вечером, когда я лежала на кушетке среди подушек, погруженная в мысли, появилась Геката с крошечным полосатым котенком в зубах. Она положила пушистый мяукающий комочек у моих ног и удалилась. Через некоторое время рядом со мной копошилась кошачья тройня. Весна — время возрождения и обновления... Я нежно погладила мягкого желтого котенка, не имевшего ни малейшего сходства со своей черной мамашей.

— Никак, твоя новая любовь — лев? — спросила я Гекату. Она искоса посмотрела на меня с выражением гордости в своих зеленых глазах.

На следующий день я приказала немедленно начать строительство открытого бассейна.

Посередине будет стоять мраморная статуя, заказанная любимому скульптору Пилата Мариусу. Это он так точно передал внутренний облик Марцеллы и на удивление удачно соединил лицо моего свекра с фигурой Аполлона. На сей раз его творением станет Венера, выходящая из раковины, как напоминание миру, и в особенности Пилату, что мои предки, по преданию, происходили от самой богини любви. Я намеревалась устроить для мужа особый ужин, своего рода сюрприз и празднование, и пренебречь предостережением Петрония. Прошло уже более трех месяцев после выкидыша — вполне достаточно.

Я позаботилась о том, чтобы повара приготовили любимые блюда Пилата. Во время ужина слух нам услаждало трио лютнистов, потом они вышли за нами в сад. Бассейн со скульптурой были накрыты при строительстве. Сейчас настало время их торжественного открытия. Я с нетерпением смотрела на Пилата, когда рабы снимали белые полотна.

— Какая красота, Клавдия, — сказал Пилат, увидев мраморную статую в лунном свете. — Ты должна здесь устроить праздник.

— Уже устраиваю. — Я кивнула Психее, подошедшей к нам с двумя бокалами вина на

серебряном подносе. Музыканты заиграли нежную мелодию.

— Извини меня, Клавдия, ради всего на свете, извини. У меня назначена встреча с Сентием.

— Ты должен идти?

— Боюсь, что да. Неспокойно на границе с Парфией. Нам нужно многое обсудить. Прости меня. — Пилат поцеловал меня в лоб. — Мы отпразднуем в другой раз.

Мои глаза заволокли слезы. Какая глупость!

— Конечно, — согласилась я и отвернулась.

— Не пора ли вам заказать новые наряды? — сказала Рахиль, когда мы на четвертый день после несостоявшегося торжества играли в настольные игры в моей спальне.

— Очень может быть...

На следующее утро мы в паланкине отправились осуществлять задуманное.

— Какой чудесный город! — воскликнула я, отодвинув занавеску, чтобы полюбоваться цветущими деревьями вдоль широких улиц, залитых солнцем. В Антиохии, где счастливо сочетались благоприятный климат и прекрасное местоположение, жили люди, которые, как никто в мире, любили роскошь и потакали своим слабостям. Впервые за долгие месяцы я воспрянула духом и

вдруг почувствовала себя счастливой оттого, кто я и где я. Исида снова со мной — я это знала.

Найти материю по вкусу не представляло сложности: фиолетовое полотно для накидки, прозрачную шелковую ткань дымчатого цвета на палу и еще атлас гранатовой расцветки для подушек на кушетку. Я приобрела свиток прекрасно иллюстрированной эротической поэзии и предвкушала, как мы будем читать ее с Пилатом. Для Рахили купила новые красивые туники, а для Гекаты — ошейник с лунным камнем. Я выбрала павлинов в сад, экзотических рыб и лилии для нового бассейна. Потом до вечера с нетерпением ждала, когда рабы принесут их.

— А как давно вы не были в банях? — спросила Рахиль.

— Очень давно, — призналась я. — Ни с кем не виделась целую вечность. Даже не знаю, о ком сейчас говорят.

Хотя в доме у всех моих знакомых женщин имелись свои бани, большинство из них посещали общественные, в особенности фешенебельный Дафний, и считали их своего рода клубами. Сюда приходили не только для мытья и массажа, но чтобы себя показать и на других посмотреть. Если последние сплетни и разговоры оказывались ма-

лоинтересными, к услугам посетителей имелись певцы, танцовщицы, поэты.

В вестибюле Дафния, украшенном мозаикой, мы с Рахилью разошлись. Она направилась в отделение для рабов с небольшим бассейном. Служительница проводила меня в отдельный кабинет, где меня должна была раздеть другая женщина. Сколько тел она видела, думала я, когда рабыня снимала с меня хитон и палу. С бесстрастным выражением лица она взяла серебряный кувшин, полила из него на мои плечи и потом усадила на край большого мраморного бассейна. Вошла еще одна рабыня, вдвоем они намазали меня ароматическими маслами, а потом проворно соскребли их с помощью стригилей. При мысли о том, какой я предстану перед Пилатом, мне стало еще приятнее от этих действий. Пилату, надеялась я, доставит удовольствие лишь одно прикосновение ко мне, и, может быть, улетучатся недопонимание и натянутость, разделявшие нас в последнее время.

В блаженном бессилии и неге я унеслась мыслями к первым дням нашей супружеской жизни, вспоминая его гладкое, упругое тело, и убеждала себя, что все будет как прежде. Должно быть как прежде. Смех, донесшийся из соседнего кабинета,

прервал мои грезы. Один из голосов показался мне знакомым, но кто эта женщина, я сразу не узнала.

— Удивляюсь, что он в ней нашел, — говорила женщина. — Не такая уж она красавица.

— Справедливости ради, у нее милая мордашка и большие глаза, — возразила другая.

— Милая мордашка — это еще не все. Как и большие глаза. Кажется, она все время витает в облаках, будто не от мира сего.

— Некоторым это нравится. Ему же понравилось. Иначе он не женился бы на ней.

— Может быть, ты и права, — согласилась первая собеседница. — Но вот интересно, она догадывается?

— Не думаю. Они ведут себя осторожно. Представляешь, что будет, если кто-нибудь узнает. Ведь Марция — жена нового наместника.

Я сгорала от любопытства. Кто они, эти женщины, чьи голоса я слышала? И кто та незадачливая жена? Кто бы она ни была, я ей не завидовала, если ее соперницей оказалась чаровница Марция. Меня подмывало встать и выглянуть. Только сладкая истома удерживала на месте. Женщины ушли во фригидарий окунуться в бассейне с прохладной водой, и я больше не слышала их

голосов.

Немного погодя рабыня завернула меня в простыню из египетского полотна. Надев сандалии на высокой платформе, принесенные мне, чтобы не обжечь ноги на горячем полу, я пошла за ней в тепидарий. Свет пронизывал пар, струившийся из отверстий в центральном куполе, опиравшемся на коринфские колонны и арки из зеленого мрамора. Десятка два женщин плескались и играли в большом бассейне. Вокруг него сидело еще больше женщин, потягивающих вино, а рабыни делали им прически или натирали их ароматическими маслами. На противоположной стороне бассейна лежали две женщины, им рабыни покрывали ногти на ногах золотой краской.

Теперь я узнала особу, чей голос показался мне знакомым. Это была Сабина Максимус. Ее жеманный смех часто доносился до моего слуха, когда она сидела рядом с Пилатом на скачках. Казалось, как давно это было, хотя прошел едва ли год.

Увидев меня, Сабина и ее подружка переглянулись. Я заметила насмешливую улыбку у них на губах и готова была провалиться сквозь землю.

Но конечно, этого не случилось. Заставив себя улыбнуться, я помахала в ответ на их бурное приветствие. Я подозвала поэтессу, сидевшую

поблизости, откинулась на мраморную плиту и закрыла глаза, делая вид, что с упоением слушаю. Руки массажистки профессионально двигались по моему телу.

— Госпожа очень напряжена, — сказала она. — Пожалуйста, расслабьтесь.

Расслабиться? Мое сердце билось, как зверек, попавший в ловушку.

— Как себя чувствует госпожа? — поинтересовалась массажистка.

— Замечательно, — ответила я. — Просто замечательно.

Я могла бы так пролежать еще час, если бы только Сабина и ее подружка не подошли ко мне, если бы только мне не пришлось разговаривать с ними.

Как бы не так. Через минуту они вдвоем не спеша обошли бассейн и уселись рядом со мной. Деваться было некуда — я приподнялась. Сабина осыпала меня поцелуями и комплиментами, заключила в крепкие объятия, а потом представила сгоравшей от нетерпения подруге.

— Я так много слышала о вас, — сказала она.

«Догадываюсь», — подумала я.

Поэтесса молча встала, ожидая указаний.

— Спасибо. Может быть, немного позже, — из-

винительно улыбнулась я. Она ушла, а мне так хотелось последовать за ней.

Казалось, следующим двум часам не будет конца. Не в состоянии высвободиться из цепких рук массажистки, я старалась сохранять спокойствие. Сабина и ее подружка приставали с любопытными вопросами о Пилате, а я отвечала на них живо, расписывая его великодушие и преданность. Я решила не давать им больше повода жалеть меня, поэтому смеялась и шутила, постепенно приходя в себя от первоначального шока.

Пилат стал смыслом моего существования. Почему же я так мало для него значу? Я погрузилась в размышления. Неужели, озабоченная своей болью, я открыла дверь для соперницы? Марция Сентий не погнушалась бы воспользоваться такой ситуацией. Дрожь пробрала меня при мысли об искушенной и изощренной Марции, женщине красивой и хищной. Как я могла соперничать с ней? Не могла, но должна.

— Итак, вы наконец снова у нас? — Мистагог задумчиво смотрел на меня своими светящимися раскосыми глазами оливкового цвета. Лучи вечернего солнца играли на великолепных фресках и мозаичных полах зала. Куда ни посмотришь, всюду изображения Исиды, выполненные луч-

шими мастерами. Эти шедевры воспроизводят сцены из жизни богини, на чью долю выпали испытания, какие невозможно представить простому смертному, и она не только выстояла, но и победила. Да, я правильно сделала, придя сюда.

— Я болела, — объяснила я. — По сути дела, я сегодня первый раз вышла из дома.

— И подумать только, вы прямиком пришли к нам! Какая трогательная преданность Исиде.

Я почувствовала, как краснею.

— Дело не только в этом.

— Тогда в чем же?

Я посмотрела в глаза мистагогу:

— Мой ребенок умер. Не помогли ни ваше снадобье, ни мои молитвы Исиде.

— Грустно слышать это, но мудрость богини не ставится под сомнение.

— Мне суждено потерять и Пилата? Я добилась его с помощью вашего заклинания. Дайте мне еще что-нибудь более сильное. Он должен быть моим навсегда.

Мистагог молча покачал головой.

— Вы отказываетесь мне помочь? — воскликнула я. — Ваше заклинание замечательно подействовало. Мы стали мужем и женой наперекор всему. Моя собственная мать признала это.

Пилат мог взять самую состоятельную женщину в Антиохии, но выбрал меня. Какое-то время он любил меня. Сейчас мне нужно нечто более сильное, чем слова. Рахиль говорит, что у вас есть другие средства, например заговор.

— Это не для вас, — сказал мистагог. — Заговор свяжет вас сильнее, чем того, на кого он нацелен.

— Какое это имеет значение? Я уже связана с мужем. Я люблю его, но что такое быть его женой, если он интересуется кем-то еще?

— Интересуется сейчас. Но он вернется, уверяю вас. Обязательно вернется.

— Этого недостаточно. Я хочу, чтобы он любил меня, как я люблю его.

Мистагог вздернул брови:

— Любите его? Вы так считаете?

— Конечно, я так считаю. Я обожаю его и хочу взамен его любви. Или я претендую на чересчур многое?

Мистагог наклонил голову и внимательно посмотрел на меня:

— Под любовью подразумевается многое. Вы называете любовью одно, а ваш муж может иметь в виду совсем иное. Расскажите мне лучше о своих медитациях. Одно время вы этим занимались

весьма успешно. Вы больше не ищете общения с богиней?

— Зачем мне это? После того как я потеряла ребенка, мной овладела глубокая печаль. Исида отреклась от меня.

Он ничего не сказал и только смотрел на меня своими странными темными глазами. Понизив голос, я добавила:

— В последнее время я хожу в храм, построенный мной у нас в саду. Надеюсь восполнить упущенное. Попытаюсь. Но сейчас... Уверена, вы можете мне помочь, — умоляла я его.

Мистагог покачал головой:

— Вы просите не только об абсурдном, но и небезопасном. Вы сами должны в этом убедиться.

У меня спало напряжение. Похоже, первую битву я выиграла.

— И придется платить, — предупредил он.

— Сколько угодно. — Я подала знак Рахили открыть мягкую кожаную сумочку, висевшую у нее на поясе.

— Конечно, речь идет и о деньгах. Но вам придется расплачиваться не Только и не, столько сестерциями. Это вам нужно уяснить.

Я кивнула Рахили, и она вытряхнула порядка

тридцати золотых монет.

— Нет, отдай все, — нетерпеливо распорядилась я.

Она отдала сумочку мистагогу.

— Этого достаточно? — спросила я, когда он высыпал содержимое на стол. — Могу прислать еще.

— Пока достаточно. — Мистагог сгреб золотые сестерции в ящик стола. — Оставайтесь здесь, — сказал он и вышел из комнаты.

Наконец он вернулся вместе с храмовой служительницей, принесшей два пузырька.

— Когда госпожа будет принимать ванну, — объяснил он, обращаясь к Рахили, — капните немного жидкости из этой бутылочки. — После ванны натрите ее этим маслом, — показал он на другую. — А вы, — он повернулся ко мне, — снова читайте заклинание, какое я вам дал. Семь раз в день.

— Спасибо! — воскликнула я. — Не знаю, как вас благодарить.

— И не надо. — Он сделал знак, что мы можем уходить. — Идите, и пусть богиня защитит вас от вас самой.

Когда я вернулась, Психея передала мне, что Пилат не будет ужинать дома. «Он с Марцией»,

— промелькнуло у меня в голове. Представив их вместе, я почувствовала, как у меня сжалось сердце. Но потом я подумала: сейчас наместник Сентий дома, и Пилат едва ли проведет ночь с ней. Он вернется, а я буду его ждать.

После легкого ужина я пошла в павильон и прочитала там заклинание: «Когда он пьет, когда он ест, когда он с кем-то спит, я опутаю чарами его сердце, дыхание, члены, я опутаю чарами все его естество. Где бы и когда бы я ни пожелала, он придет ко мне, и я буду знать, что у него на сердце, что он делает, о чем думает, он будет мой».

Впервые я осознала всю силу заклинания. Перед замужеством до меня едва ли доходил смысл произносимого. Сейчас, когда я узнала хитрости любви, заклинание наполнилось новым содержанием, о котором я не подозревала год назад. Ревность, сжигавшая меня при мысли о Пилате в объятиях Марции, придавала невообразимую силу моим словам. Я повторяла заклинание снова и снова.

Рахиль уже ждала меня, когда я возвратилась в дом.

— Пора, — сказала я почти шепотом.

Мы вошли в ванную. От воды поднимался пар, Рахиль накапала в нее жидкости из пузырька. Я

ощутила пьянящее благоухание. Еще ни разу в жизни я не встречала такого запаха. Погрузившись в ванну, я почувствовала, как расслабляюсь, а вокруг витал дурманящий аромат. Я стала вдыхать его полной грудью. Не сильный и не резкий, он тайно, незаметно проникал в каждую клеточку и, подобно нежному вину, обострял все чувства. Мне представилось, как он подействует на Пилата, возбуждая его медленно, но неотвратимо.

После ванны Рахиль завернула меня в мягкое полотняное полотенце и тщательно обтерла. Разомлевшая, я пошла в спальню. Там легла на кушетку, вытянулась и закрыла глаза, а Рахиль начала натирать меня маслом с головы до пят, пока оно не впиталось в кожу. У него был такой же аромат, как и у жидкости, добавленной в ванну. Затем она принялась энергично массировать все тело, пока оно не запылало жаром. Груди набухли и напряглись.

В дверь негромко постучали, и Рахиль пошла открывать. Через минуту она доложила:

— Вернулся господин.

— Оставь меня сейчас, — сказала я, как мне показалось, тихим, хрипловатым голосом.

Я лежала с закрытыми глазами, прислушива-

ясь к удалявшимся шагам рабыни. Потом встала, как лунатик, и подошла к зеркалу. Мерцавшие лампы отбрасывали янтарные тени на мое обнаженное тело, когда я вынимала заколки из волос. Пышные локоны рассыпались по плечам. Ему так нравится.

Я взяла прозрачную шелковую ткань, купленную в тот день утром, и завернулась в нее, свободно закрепив на одном плече. Я осталась довольна своим видом: в полированном металле отражалась стройная женщина, окутанная дымкой. По телу вдруг прокатилась теплая волна. Я повернулась и не спеша вышла из комнаты.

Остановившись перед дверью Пилата, я мысленно собрала всю силу заклинания и решительно открыла ее. Муж стоял у окна и смотрел в сад. Он обернулся, и глаза его расширились,

— Ты очень красивая, Клавдия, — произнес он мягким голосом.

Я ничего не ответила, переступила порог и осталась у двери.

Он удивленно поднял брови:

— Что случилось?

Несколькими быстрыми шагами он пересек комнату. Подойдя ко мне, он взял меня за подбородок и посмотрел в глаза. Я обхватила его за шею

и прижалась к нему всем телом. Сомкнув веки, я искала ртом его губы. После долгого поцелуя Пилат осторожно расцепил мои руки и сделал шаг назад, чтобы взглянуть на меня. Его голубые глаза светились.

— Я люблю тебя, — прошептала я, когда он расстегивал булавку, закреплявшую ткань на плече. — Я люблю тебя, очень-очень люблю!

Глава 16
Два суда

Мы с Пилатом лежали на кушетке, когда принесли почту, прибывшую с оказией. Теперь мы снова жили в любви и согласии. Тайное средство оказало воздействие, превзошедшее мои самые невероятные ожидания. Я исправно повторяла заклинание, а Рахиль дважды в неделю отправлялась в храм Исиды за волшебным бальзамом. Моя семейная жизнь зависела от милости Исиды. Я была уверена в этом. Как только богиня разрешит зачать сына и доносить его до конца срока, Пилат будет окончательно моим.

Весной и ранним летом море не по сезону штормило. Корабли не возвращались из плавания. И вот наконец один корабль прибыл в Антиохию.

С кораблем несколькими неделями раньше был отправлен папирусный свиток. У меня радостно подпрыгнуло сердце, когда я узнала знакомые завитушки маминого почерка:

О чем думает Тиберий? Вместо того чтобы находиться в заточении, Пизон и Планцина беспечно и беззаботно пребывают дома, будто против них не выдвигались обвинения в убийстве и предательстве. Они собираются устроить званый ужин. Их роскошный дом выходит фасадом на форум, и все могут видеть, что тысячи сестерциев тратятся на золотую краску. Это возмутительно, просто возмутительно!

— Ты посмотри, что там дальше написано. — Пилат показал на место в конце свитка. — Не о Мартине ли?

Я раскрутила папирус и прочитала вслух:

— «Мы только что получили известие из Брундисия. Там умерла Мартина вскоре после того, как сошла на берег. В руке у нее был зажат небольшой пузырек с ядом».

— Ничего хорошего. — Пилат нахмурился. — Она была главной свидетельницей против Пизона.

— Что ты думаешь — это самоубийство или

убийство?

Он пожал плечами:

— Едва ли сейчас это имеет значение. Причастность Планци-ны уже не докажешь. И загадка смерти Германика никогда не будет раскрыта.

Я положила папирус на столик.

— Что за люди! Ни стыда, ни совести!

Пилат взял папирус.

— Ты не находишь, что твоя мать излишне откровенна?

— Откровенна? — поразилась я. — Ты же знаешь, и все тоже знают, что Пизон замешан в гибели Германика. И у Тиберия рыльце в пуху.

— Дорогая моя! — Пилат погладил меня по плечу. — Одно дело знать, совсем другое — доверять папирусу. Твоя мать навлекла на себя беду, но ее слова могут быть использованы и против нас.

— Ты не хочешь знать, что происходит? Мой отец поклялся отомстить...

— Да-да, я знаю. Твой отец был человеком Германика. Это всем известно, слишком хорошо известно. Марк поступит благоразумно, если установит новые связи. И нам тоже не помешает это сделать.

Я старалась говорить как можно спокойнее:

— Ты имеешь в виду связи с Тиберием?

— Нужно быть практичными. — Пилат провел пальцем вокруг моей груди. — Местью Германика не воскресить.

Неделей позже, когда бушевала гроза, у нашей двери появился моряк со свитком, спрятанным под плащом. Его провели на кухню, где ему налили стакан неразбавленного вина, а мы с Пилатом принялись читать письмо от отца. Тиберий назначил суд и дал следующие указания сенату: «Выяснить, действительно ли Пизон причастен к смерти Германика или только радовался его кончине. Если есть доказательства убийства, Пизон ответит за него, но если он не соблюдал субординацию и не проявлял должного уважения к Германику, это — не преступление. Я же в глубокой печали отвергну дружбу с ним, и моя дверь будет навеки закрыта перед ним».

— Лицемерию Тиберия нет предела! — воскликнула я. — Ты только послушай: «Он спросил сенат: “Подстрекал ли Пизон войска к мятежу? Затеял ли он войну для того, чтобы получить обратно провинцию, или это клевета, возводимая на него обвинителями?”» Обвинители — это значит папа и Агриппина. Как Тиберий может так говорить?

— Очень спокойно, моя дорогая. Император волен высказывать все, что ему вздумается.

Мне не понравился снисходительный тон Пилата, будто он разговаривал с ребенком, но я продолжала:

— А как тебе нравится такое заявление Тиберия? Просто отвратительно: «Я скорблю и всегда буду скорбеть о моем племяннике. Но я предоставляю обвиняемому возможность доказать свою невиновность или злонамеренность Германика». Злонамеренность Германика! Кого он пытается одурачить? Люди знают, что произошло.

— Будем надеяться, все это никак не отразится на нас. — Пилат поцеловал меня в лоб и ушел к Сентию. Он вознамерился войти в круг близких к назначенному наместнику людей и обзавестись новыми связями в Риме.

У меня кошки скребли на сердце, когда я сворачивала свиток. Цинизм мужа напугал меня почти так же, как жестокость Тиберия. Германик был другом и великодушным покровителем Пилата. Теперь, значит, это не в счет?

Шторм все не унимался, грозовые тучи носились над морем. Вынужденная из-за дождя просиживать дома, я только и думала о суде. Как его исход повлияет на родителей? Часто приходили на ум слова Пилата. Римские связи ненадежные, ничего не стоит сделать ошибоч-

ный шаг, и он может стать роковым.

Через некоторое время мы получили еще одно послание, на сей раз от Агриппины. Она на все лады расхваливала отца, главного обвинителя против Пизона на слушаниях в сенате. Папа во всех подробностях описал загадочную смерть проконсула, не преминув упомянуть о нескрываемой радости Пизона и Планцины. Он также рассказал о войне, развязанной бывшим наместником после успешного осуществления коварного замысла. Доказательства являлись неопровержимыми, лишь обвинения в отравлении требовали весомых подтверждений.

Пизон держит себя вызывающе самоуверенно. «Вы считаете меня волшебником?» — спросил он, вертя в руках небольшой пучок папирусных свитков так, чтобы сидящие поблизости могли видеть императорские печати на них. Твой отец предложил вскрыть свитки, но Тиберий сразу же отклонил это предложение. Сенат в изумлении взирал, как защитник передал их императору. Если раньше кто-то сомневался в существовании взаимосвязи между одним и другим, то сейчас эти сомнения развеялись. Несомненно, мы своими глазами видели приказы, стоившие жизни Германику.

— Каков глупец! — засмеялся Пилат, глядя через мое плечо. — Пизон подписал свой смертный приговор.

— Подожди, здесь есть еще кое-что.

Сенаторы повскакали с мест и стали требовать, чтобы свитки, как предложил твой отец, вскрыли. В этот момент глашатай объявил, что толпа снесла статуи Пизона и свалила их рядом с телами казненных преступников. Тиберий спешно закрыл заседание. Жаль, ты не видела императора в тот момент, Клавдия. От ярости он покраснел до корней волос. Как бы Тиберий ни старался выгородить своего сообщника, народ выразил свою волю. Планцина пыталась доказать невиновность мужа — она клялась, что разделит его судьбу, какой бы она ни была, — но вечером, вместо того чтобы отправиться с ним домой, она пошла к Ливии.

Ни о чем другом, кроме судебного разбирательства, я не могла думать, пока порт оставался закрытым из-за непрекращавшихся сильных штормов. Хуже нет, когда находишься в состоянии неизвестности. Наконец Пилат принес свиток, доставленный только что прибывшим военным кораблем.

— Это от Селены, — сказал он.

Печать была сломана. У Пилата, видимо, не хватило терпения. Я с удивлением и тревогой посмотрела на его нахмуренные брови.

В своем послании мама рассказывала о суде, уже ставшем,поняла по дате, достоянием истории. Оно шло до нас полтора месяца. Письмо могли распечатать, затем снова запечатать. Кто его читал? Я начала мыслить, как Пилат. Я с волнением пробежала глазами свиток. Разгневанная толпа ждет прибытия Пизона. Тиберий, недовольный, нервный, сам ведет допрос. Пизона, сломленного, выносят из зала суда. Его выступление в свою защиту написано трясущейся рукой. На рассвете Пизона находят с перерезанным горлом, рядом с телом лежит меч. Похожее на фарс следствие по делу Планцины идет два дня. Потом ее отпускают. Ливия радостно улыбается.

Я посмотрела на мужа:

— Как могла Ливия, родная бабка Германика, общаться с его убийцей?

Пилат нетерпеливо покачал головой.

— Она же тиран, Клавдия. Неужели ты до сих пор не поняла этого? — И, немного помолчав, он добавил: — Не хотел бы я оказаться на месте Агриппины.

А на моем месте? Еще не так давно он гордился моими родственными узами. Не считает ли он меня теперь источником неприятностей?

Сидя за туалетным столиком, уставленным склянками с косметикой, число коих росло с каждым днем, я вскрикнула от неожиданности, когда новая рабыня выдернула волосок из брови. Больше я старалась не вздрагивать. Она действовала быстро, с артистическим изяществом, пудря лицо, подводя сурьмой брови, намазывая румянами щеки и подкрашивая веки.

С помощью Рахили она собрала мои волосы, закрепила их свободно на затылке гребешком с драгоценными камнями, а оставшиеся локоны искусно заплела в тугую косу вместе с ниткой жемчуга, уложила ее в виде змеиного кольца на голове и посыпала золотой пудрой. Потягивая вино, я рассматривала незнакомку, смотревшую на меня из зеркала. За полчаса меня превратили в искрящееся неземное создание, в светскую даму, по крайней мере внешне.

И все-таки меня одолевали сомнения. В животе я чувствовала холодок и нервное дрожание. Каждый раз, когда я покупала наряды или вносила изменения в свой облик, даже едва заметные, я переживала, понравится ли это Пилату. А тут

еще прием у наместника. Конечно, Марция будет флиртовать с Пилатом, все время глядя на меня своими холодными, насмешливыми глазами. У меня увлажнились ладони, когда я потянулась к серебряному подносу с инжиром, начиненным миндалем.

— Вы выглядите изумительно, госпожа,— уверила меня Рахиль.

— Правда? К сожалению, встречается много изумительных, сногсшибательных женщин. Ты могла их видеть вчера на нашем званом ужине. Они вертелись вокруг Пилата. — Я вздохнула, вспомнив длинные оголенные руки, подведенные глаза, накрашенные губы, расплывшиеся в улыбке.

— Что в этом особенного? — заметила Рахиль. — Веда он — хозяин.

Я услышала приближавшиеся шаги. Это был Пилат, Я знала его походку. Когда он вошел, я быстро встала, чтобы поприветствовать его.

— Тебе нравится моя прическа? — нетерпеливо спросила я.

Он взял меня за палец и медленно покружил, а я не спускала с него глаз, чтобы не пропустить ни малейшего выражения его лица.

Мне показалось, что Пилат был удивлен.

— Да, дорогая моя, ты красива. Как всегда, красива. Но ты какая-то другая.

— Мне так идет? Тебе наверняка надоело изо дня в деда видеть одну и ту же Клавдию.

— Ты никогда не бываешь одной и той же Клавдией, ты постоянно удивляешь меня. — Пилат взял мою новую палу из ткани цвета червонного золота. — Вот что мне больше всего нравится, — сказал он, накинув ее мне на плечи.

Стоявшая на вершине холма вилла наместника поражала своим великолепием. У меня кружилась голова, когда я шла по мозаичному полу, в узоре которого сочетались розовый, светло-зеленый, бледно-лиловый и золотистый цвета. Я сразу заметила Марцию. На ее фарфоровой белизны лице резко выделялись темно-красные губы. Взглянув на меня, она злобно сверкнула глазами, и мне стало ясно, «но ее амуры с Пилатом закончились, скорее всего по его инициативе. Вечер вдруг стал моим личным триумфом. Легко опираясь на руку мужа, я переходила от одной группы гостей к другой.

В этом роскошном анклаве, удаленном от городского шума и суеты, разговоры велись вокруг недавних событий в Риме. Сентий поразил всех сообщением о смертном приговоре, вынесенном

Тиберием Титу Максиму, преданному сторонни-ку Агриппины. Уважаемого патриция казнили без суда, его тело столкнули с лестницы скорби, как обычно поступали с изменниками, а потом сбросили в Тибр.

— Какой повод он мог дать? — спросила я, будто не почувствовав того, что Пилат предупредитель-но толкнул меня локтем.

— Воля императора — вполне достаточный повод, — заметил наместник.

— Похоже, дружба с Агриппиной опасна для здоровья, — промурлыкала Марция, стоявшая рядом с мужем.

Радость, охватившая меня некоторое время назад, сменилась предчувствием беды, нависшей над моими родителями и Агриппиной.

Разговаривая с наместником Сентием, я нашла взглядом за его спиной Пилата. В дальнем углу мой муж оживленно беседовал с Аврелией Пер-рей, женщиной неописуемой красоты, женой самого состоятельного всадника в Антиохии и, как утверждали некоторые, в Сирии. В разгар беседы она вдруг разразилась неудержимым хохотом. Что ее так развеселило? Мной овладело желание подойти и перебить их, увести мужа, но я заставила себя продолжать разговор с Сентием.

Наконец мне удалось вежливо завершить его, но Пилат уже пропал из поля зрения. В комнате было душно, гул голосов начинал утомлять меня. Мне захотелось выйти хотя бы на минуту.

Мои украшенные драгоценными камнями сандалии поскрипывали, когда я быстро шла по дорожке, пролегавшей среди подстриженных самшитовых кустов, лавровых деревьев, гранатов и реликтовых сосен. Я села на уединенную скамейку у бассейна. Напротив меня мраморная Венера с постамента смотрела на клумбу из бледно-розовых роз. Я вспомнила о маме, больше всего любившей розовый цвет и почитавшей Венеру за то, что та щедро одаривала ее. Если Тиберий обвиняет в соучастии в преступлении тех, кто впал у него в немилость, то мои родители, несомненно, первые в их числе. Как жаль, что сейчас мамы нет со мной. Многое хочется с ней обсудить. Я никогда не чувствовала себя такой одинокой.

Подняв голову, я увидела мужчину, стоявшего под аркой. Как долго он наблюдал за мной?

— Кто здесь? — воскликнула я и встала со скамейки.

Он вышел из тени на свет от горевшего факела.

— Вы не помните меня?

— Нет, — нерешительно ответила я, поправив на плече палу. — Вы гость в этом доме?

— Да, конечно.

— Я не видела вас.

— Но я вас видел. — Он говорил с небольшим, незнакомым мне акцентом.

Красивый, но внешне грубоватый, он был высок — наверное, на голову выше Пилата. Что-то мне показалось в нем знакомое. Когда он улыбался, складки обрамляли его губы.

— Это было давно. На гладиаторских играх. Вы подняли вверх большой палец.

На меня нахлынули воспоминания. Насмешки Ливии и Калигулы. Охватившая меня паника. Лицо молодого гладиатора, улыбавшегося, решительного и такого мужественного. Возникшая вдруг уверенность в его победе. Всеобщее возбуждение, кровопролитная схватка. Двойной триумф — мой и его.

— Не может быть! Вы — тот самый гладиатор?

Он подошел ко мне ближе и слегка поклонился:

— Я — Голтан. Вы, наверное, и не помните, как меня зовут?

Я поправила завиток волос, выбившийся из

моей аккуратной прически.

— Конечно, помню. Как я могла забыть? Но Голтан, которого я помню, был почти мальчишка. Если мне не изменяет намять, он был рабом.

— Мальчишки вырастают. А тот, что перед вами, больше не раб.

Я посмотрела ему в глаза:

— А что вы здесь делаете?

— Пришел, чтобы встретиться с вами.

Я уставилась на него, онемев от изумления.

— Не удивляйтесь. Мне всегда было интересно знать, что сталось с девочкой, предсказавшей мою победу.

— Вы не представляете, мне тоже памятен тот день. Столько воды утекло с тех пор! Моя жизнь и жизнь моей семьи изменилась так неожиданно. А как ваши дела? Зачем вы приехали в Антиохию?

— Мне повезло. В последний раз, когда вы видели меня, я одержал первую победу, а потом их было много. В конечном счете я выкупил себе свободу и приобрел еще немало чего. — Улыбка промелькнула на его губах. — Я приехал в Антиохию на игры и сражался вчера.

— И очевидно, победили. Жаль, я не знала.

— Вы не ходите на игры?

— Не часто. — Я замолчала, изучая его. На

нем была туника и тога из белого тончайшего египетского полотна. Тога крепилась брошью с рубином, самым большим из тех, какие я когда-либо видела. — Должно быть, у вас есть все, что вы желаете.

— Наверное, у вас тоже.

Я кивнула и улыбнулась, почувствовав иронию в его словах.

— У вас все та же обворожительная улыбка. — Я подавила в себе глупое желание провести пальцем по выемке на его подбородке, дотронуться до ямочек на щеках. — Женщины находят вас неотразимым.

Он пожал плечами:

— Кому-то нравится играть с огнем.

— А вам? Вы продолжаете рисковать жизнью и сейчас, когда вы — свободный человек?

— Почему бы нет? Это единственный способ для многих из нас быстро заработать много сестерциев. Вам это трудно понять, вы всегда были при деньгах.

— Не всегда, уверяю вас.

— Но сейчас-то уж точно.

— Ныне я не придаю им большого значения. За сестерции не купишь, чего тебе действительно хочется.

— Например, верность мужа.

Я пала духом. Неужели моя личная жизнь настолько является достоянием всеобщей гласности, что даже странствующий гладиатор знает о ней?

— Мне никто ничего не говорил, — сказал он, будто прочитал мои мысли.

— Тогда как вы узнали?

— Я увидел вас, когда вошел. Вы так пристально смотрели на него в то время, как он разговаривал с блондинкой.

— Вы заметили слишком многое.

— Арена приучает видеть все и вся. От этого зависит, останешься ли ты в живых или нет.

Я немного помолчала.

— Вы долго будете в Антиохии?

— Я завтра должен отправиться в Александрию, если...

— Это невозможно!

— А что возможно?

Некоторое время мы неотрывно смотрели друг другу в глаза.

— Этого никогда не могло бы быть, — сказала я, усомнившись в своих словах.

— Ваш муж — глупец.

— Простите...

— Глупец, потому что легкомысленно относится к вам, причиняет вам боль. Глупец! — повторил Голтан, как мне показалось, сердито.

Я слегка погладила его по руке и отвернулась, боясь, что у меня вот-вот покатятся слезы.

Он положил руки мне на плечи.

— Пилат просто играет. Я знаю людей этого сорта. Он неравнодушен к богатым женщинам, потому что у них есть власть. Вероятно, он использует их в своих интересах. Это — просто игра. А любит он вас. Как же может быть иначе?

Наши взгляды встретились. На секунду я подалась вперед, потом опомнилась и высвободилась из его рук.

Не оглядываясь, я побежала через сад, обратно в освещенную комнату, туда, где находился Пилат.

Глава 17
Целительный сон

Я любила и ненавидела Пилата, ненавидела зависимость от него. Снова и снова прижимая его к себе, отдаваясь ему, я думала о ребенке, которого я страстно хотела, ребенка, который удержит его навсегда.

Однажды утром, встав из-за стола после зав-

трака, он поцеловал меня, взял свои таблички и стержни для письма и собрался уходить. В дверях он остановился и обернулся:

— Сегодня днем мы с Плутонием отправляемся охотиться на кабанов. Может быть, вернемся только завтра.

— Я впервые об этом слышу.

Неужели мое средство перестало действовать?

— Ладно-ладно! — Нетерпение послышалось в его голосе. — Ты как ребенок, Клавдия. У тебя наверняка будет чем заняться. Думай о поездке в Пергам. Плутоний и Семпрония уезжают на следующей неделе.

Плутоний, бывший подручный Пизона, не заслуживает доверия. Его льстивая жена не лучше.

— Они мне не нравятся, — призналась я.

— Плутоний — верный человек. Он будет присматривать за тобой. Ты не можешь ехать одна.

— Я вовсе не хочу ехать.

— Но ты поедешь. Ради меня и династии, которой мы положим начало. — Пилат взял меня за плечи, поцеловал в нос и был таков.

В тот же день я вдруг решила посетить храм Исиды. К моему удивлению, служительница сразу провела меня в библиотеку мистагога. С трех сторон в ней стояли высокие, до самого потолка,

шкафы из кедрового дерева с выдвижными ящиками, заполненными папирусными свитками, а с четвертой — располагался алтарь Исиды.

— Я ждал вас, — сказал мистагог, оторвав глаза от свитка.

— Как такое возможно? — воскликнула я. — Я только час назад собралась...

— Я знал, — просто ответил он, положив свиток на полированный стол из палисандрового дерева.

Я всем сердцем желала находиться в такой гармонии о богиней.

— Когда-то вы тоже были близки к Исиде, — сказал он, словно прочитав мои мысли.

— И мне так казалось, но сейчас я связана с ним.

— И хотите связать его по рукам и ногам, — вкрадчиво произнес мистагог.

— Вы смеетесь надо мной?

Мистагог встал из-за стола.

— Сегодня хороший день. Давайте пройдемся.

Сгорая от любопытства, я последовала за ним. По коридору с мозаичным полом мы вышли в сад, залитый солнечным светом. Три служительницы, сидевшие на скамейках у большого пруда со свитками в руках, улыбнулись нам. Поодаль

журчали и искрились на солнце струи фонтана. Мы прошли мимо огородов, где работали две служительницы, и оказались в тени кипарисовых деревьев на берегу небольшого пруда. Мы сели на скамейку, и мистагог, повернувшись ко мне с едва заметной улыбкой, сказал:

— Вы начали говорить о своем муже.

— Ваше средство произвело хорошее действие. Я признательна вам. — Я опустила глаза и немного помолчала. — Пилат очень нравится женщинам. Когда его нет дома, я постоянно думаю... — Мной овладело знакомое чувство отчаяния. Я умоляюще посмотрела на мистагога. — Если бы у нас родился ребенок, я была бы уверена в нем. Мой врач считает, что со временем все образуется. Он любит повторять: «Доверьтесь природе».

Мистагог кивнул:

— Не могу не согласиться с вашим доктором. Но вас, видимо, не устраивает его совет, иначе вы не пришли бы сюда.

Я пристально посмотрела на него:

— У вас скорее всего есть средство или заклинание, способное помочь мне. Природа не сделает свое дело, если Пилат разведется со мной, потому что я не могу родить ему сына. Такое случается. Пилат делает все, что ему нравится. Сейчас, когда

отец так далеко, за меня некому заступиться.

— Он заводил речь о разводе?

— Нет, — ответила я. — Но он, вне всякого сомнения, хочет иметь сыновей.

— Вас еще что-то беспокоит? — спросил мистагог.

— Да, беспокоит, — призналась я. — Пилат хочет, чтобы я посетила Асклепион[10] в Пергаме.

— Почему бы нет? Это самый известный лечебный центр в мире. Только и слышишь, что там творят чудеса. Многих там лечат сном. Вам это показано больше, чем кому бы то ни было.

— Я могла бы туда отправиться еще два месяца назад. А что, если Пилат полюбит кого-нибудь в мое отсутствие?

Мистагог пожал плечами:

— И что же? Разлюбит после вашего возвращения.

— Я бы этого не вынесла. Я очень люблю мужа. — Мои щеки горели огнем.— Я думала, вы поймете мои чувства. Поэтому я здесь. А вы смеетесь

---

[10] Примечания: 10

Асклепион — знаменитый во времена античности медицинский центр, построенный древними греками в честь бога врачевания Асклепия (лат. Эскулапа) и достигший наивысшей славы во времена Римской империи. Здесь за 2000 лет до рождения Фрейда людей лечили с помощью психоанализа. В Асклепионе практиковал великий врач Гален, прозванный современниками «императором исцелителей».

над ними.

— Я не нахожу ничего смешного в ваших чувствах. Вы напрасно себя мучаете.

— Однажды вы мне помогли! — в отчаянии выпалила я.

— Я помог вам дважды, а сейчас вы снова просите меня. Вспомните, я предупреждал вас о заклинаниях и снадобьях.

— Но вы дали их мне, — возразила я. — Выручите меня снова, в последний раз. Я все сделаю, ничего не пожалею. Несколько раз, после того как я потеряла ребенка, мне казалось, что я беременна, а потом выяснялось, что нет. Вы же ведь можете что-то сделать.

— Нет, не могу. — Мистагог встал.

— Значит, мне ничто...

— Я этого не сказал. — Он слегка коснулся моего плеча. Я посмотрела на него, и сердце мое наполнилось надеждой. Он снова покачал головой. — Что вы потеряли, вы найдете в Пергаме.

— Вы хотите сказать, что Асклепий даст мне возможность родить ребенка?

— Я хочу сказать, что Асклепий — всемогущий бог. Может быть, он исцелит даже вас.

По дороге в Пергам я часто молилась Асклепию. Его отцом был Аполлон, а матерью — смертная

женщина. Забеременев, она влюбилась также в смертного мужчину. Снедаемый ревностью, Аполлон убил ее, вынул из ее чрева младенца и отдал его на воспитание кентавру, обучившему мальчика искусству врачевания. Вскоре он превзошел в этом искусстве не только своего воспитанника, но и всех смертных. Неужели бог с такой человеческой биографией не поможет мне излечиться?

Путешествие казалось бесконечно долгим. Дни шли за днями. По мере того как мы удалялись от Антиохии, все больше и больше проявлялся деспотический нрав Плутония. Его надменность становилась невыносимой. Как и назойливость Семпро-нии. Кроме того, она создавала много шума. К счастью, они оба были азартными игроками и часто собирались со своими партнерами на дальнем конце палубы. Оттуда доносились громкие то радостные, то сокрушенные возгласы, когда они кидали кости. Погода стояла ясная, солнечная, дул легкий ветерок. С правого борта проплывали живописные скалистые берега Лиции. Сосны спускались к самой кромке воды. Горные вершины, покрытые шапками снега даже летом, отбрасывали тени на укромные бухты. Но мыслями я снова и снова возвращалась к Пилату.

Винил ли он меня в потере ребенка? Был ли мой выкидыш как-то связан со смертью Германика?

Когда «Персефона» бросила якорь в Галикарнасе, чтобы пополнить запасы провизии, я пала духом. Нам предстояло задержаться в этом порту на целый день — на один день дольше в разлуке с Пилатом.

— Здесь есть известный храм, — сказала мне Рахиль. — Вы могли бы помолиться там.

Как озорные школьницы, мы ускользнули от Плутония и Семпронии. Наш путь лежал к месту упокоения царя Мавоола, великолепной гробнице, известной во всем мире как Мавзолей. Я хотела сама осмотреть его и не слышать болтовни Семпронии. Многоступенчатая пирамидальная башня представляла собой не только одно из самых высоких сооружений — общая высота от основания до вершины составляла более сотни футов, — меня поразило непревзойденное совершенство ее художественного оформления.

— Бесподобно, — едва переводя дыхание, сказала Рахиль, когда мы поднимались на огромный пьедестал из мрамора. — Подумать только, более четырех веков оказались невластными над этой красотой. Артемисия, должно быть, очень любила своего мужа.

Остановившись, чтобы передохнуть, я стала рассматривать храм на пьедестале, окруженный колоннадой. Меня поразило богатство украшений: между колоннами и по бокам гробницы помещались скульптуры, а на фризах — изображения битвы. Вершину пирамиды венчала скульптурная группа — уносящиеся в вечность Мавсол с Артемисией на колеснице, запряженной четверкой коней.

— Несколько нарочито, на мой взгляд, — высказала я свое мнение о сооружении, — но мне нравится. Это не храм, возведенный для бога из страха перед ним. Мавзолей строила женщина для своего мужа, и ее любовь увековечила его.

— Но не воскресила, — заметила Рахиль.

Я встала на колени. Кому мне молиться — Иси-де или Асклепию? Никому из них, решила я. Сегодня я буду молиться Артемисии и Мавсолу, где-то навсегда соединенным вместе. Может быть, эта любящая пара услышит мое прошение о помощи.

На обратном пути, спускаясь с холма, мы заходили в многочисленные лавчонки. В одной из них на заваленных всякой всячиной полках я нашла собрание любовной поэзии. Я сказала Рахили, чтобы она расплатилась с услужливым

продавцом, и засунула свитки под мышку. Может быть, когда я буду писать стихотворение Пилату, то постараюсь посостязаться с поэтом в эротической лирике. Свое произведение я могла бы отправить с обратным кораблем.

Вернувшись на «Персефону», я расположилась на палубе со свитком, табличкой и стержнем для письма. Корабль медленно выплыл из гавани под мерные удары барабана, доносившиеся с нижней палубы. По обоим бортам одновременно с плеском опускались в воду весла, каждым из которых гребли три человека, и разукрашенный нос корабля разрезал набегавшую волну. Судно набирало скорость по мере того, как учащался бой барабана. Подав знак рабам, чтобы они взяли лиры и начали играть, я приготовилась сочинять стихи.

— Так вот ты где, голубушка! — Семпрония плюхнулась на кушетку рядом со мной. Табличка с громким стуком упала на дощатую палубу, но она не обратила на это внимания. — Я искала тебя по всему кораблю. Где ты была, когда мы выходили на берег? Ты забыла, что мы хотели вместе пройтись по магазинам? Плутоний обегал все вокруг, чтобы нанять для нас достаточно большой паланкин, а когда он вернулся, тебя и

след простыл.

— Ой, простите! Наверное, я вас не так поняла, — стала оправдываться я. — Паланкина не требовалось. Кажется, я вам об этом сказала. После стольких дней без движения на корабле мне захотелось пройтись.

— Пройтись? Ты ходила пешком? Если бы Плутоний знал, что ты отправилась одна, он сошел бы с ума.

— Я не была одна. Меня сопровождала Рахиль.

— Рабыня — ненадежная защита и неподходящая компания, — сделала замечание Семпрония.

— Вы понапрасну беспокоитесь, и это отвлекает вас от более важных дел. — Я наклонилась, чтобы поднять табличку. Когда я была моложе, служительницы в храме Исиды говорили мне, что в каждой женщине есть черты богини, но, как я ни старалась, не могла обнаружить их у Семпронии.

— Всему другому я бы предпочла прогулку с тобой, — ответила она, устраиваясь удобнее на кушетке.

Смирившись с тем, что остаток дня для меня будет потерян, я стала разглядывать навязчивую собеседницу. Грузная, лет под сорок. Ее лицо покрывал толстый слой светло-розовой пудры. Как

и многие женщины, она красила волосы. Они у нее были нескольких оттенков желтого цвета. Я очень скучала по маме, но почему я не могла найти утешение в Семпронии, окружавшей меня своим вниманием?

— Ну надо же! Вот чем интересуются молодые девушки! — Ее пухлая рука потянулась через меня за свитком. — Плутоний никогда не разрешил бы мне читать ничего подобного.

— Неужели?

— Он счел бы это неприличным для римской матроны. Послушайте только: «Как пышны ее груди! Как манит ее лоно! Как нежны ее чресла! Я не в силах с собой совладать». — Она положила свиток. — Муж был бы потрясен.

— А если вам почитать вместе? Поэзия действительно замечательная, она будоражит воображение и навевает воспоминания.

Семпрония хихикнула:

— Вряд ли. Он вообще не читает стихов, не говоря уже о таких непристойных. Военные истории — вот что его интересует. Да и я не большая любительница чтения.

— А я люблю читать.

— Я заметила. Большую часть времени я вижу тебя за этим занятием.

— Я читаю о чудесных исцелениях в Пергаме, — пояснила я. — Бог является ко многим во сне. Он возвращал зрение слепым, исцелял калек и даже воскрешал мертвых.

— Все равно будь осторожной, — предостерегла Семпрония. — Ты читала о женщине, которая молила богов даровать ей дочь? Не читала? А я думала, все это знают. — Казалось, что Семпрония расплылась, когда еще удобнее устраивалась на подушках. — Ну так вот, — начала она рассказывать, да так громко, что ее голос разносился по всей палубе. — Одна женщина отправилась в Асклепион и исполняла все предписания священнослужителя. Во сне ей явился бог и задал вопрос, какое у нее желание. «Я хочу забеременеть дочерью», — ответила она. «А что еще?» — спросил Асклепий. «Все, больше ничего», — сказала она.

— Ее желание исполнилось? — поинтересовалась я. Любопытство пересилило мое раздражение.

— Конечно, исполнилось, но... — Семпрония умолкла, выдерживая паузу как можно дольше. — Прошло три года, а она все еще была беременной.

— Какой ужас! — воскликнула я. — И что дальше?

— Доведенная до отчаяния, просительница снова отправилась в Асклепион. Бог опять явился ей во сне. На сей раз Асклепий сказал: «Я вижу, ты беременна. Значит, ты получила что хотела».

— Но она просила, чтобы родился ребенок? — Я нетерпеливо наклонилась вперед.

— Да, и, как гласит предание, схватки начались так быстро, что дочь родилась прямо там, в святилище.

Я смеялась до слез.

— Спасибо вам, — сказала я наконец. — До меня сразу не дошло, что это анекдот.

— Это вовсе не анекдот, уверяю тебя. — Семпрония широко раскрыла свои бесцветные глаза.

— Не знаю, чему и верить. Но я постараюсь точнее изложить свою просьбу. Во всяком случае, Асклепий не лишен чувства юмора.

Из города-крепости Пергама открывался великолепный вид на море и долину. При иных обстоятельствах я полюбила бы этот город. Молясь о том, чтобы мне не пришлось здесь задерживаться надолго, я отправилась прямиком в приемный зал Асклепиона. Я воспрянула духом, когда увидела дары, преподнесенные центру, — золотые изображения не только рук, ног, глаз, сердец, но и мужских гениталий, женских грудей и даже

матки. Посередине комнаты стояла большая статуя Асклепия, опирающегося на лавровый посох, увитый змеями. Меня поразила красота бога. Его глаза, лицо, весь его облик выражали силу и умиротворенность. Страдания приводили людей к этому великому целителю. «Всемогущий бог, услышь мои молитвы», — мысленно просила я.

Врач Гален, которому меня представили, оказался человеком крепкого телосложения, голубоглазым, без единой морщинки на светлокожем улыбающемся лице. По внешнему виду я дала бы ему лет тридцать пять, но, как выяснилось потом, он недавно отметил свое пятидесятилетие. Гален сказал мне, чтобы я молилась, и назначил грязевые ванны, массаж, отвар из трав и продолжительные прогулки. Его уверенность произвела на меня сильное впечатление. Весь персонал Асклепиона отличался высоким профессионализмом и преданностью делу. Контингент гостей — никто не называл нас пациентами — меня приятно удивил. Большинство составляли люди богатые, состоятельные, такие не пойдут лечиться к шарлатанам.

Я начала незамедлительно выполнять предписания, а в свободное от процедур время занималась повседневными делами. В тот день я пришла

в мраморное святилище, откуда Гален проводил меня в кабинку для сна, скромную, но удобную. От соседних она отделялась серебряно-голубыми занавесками. Покрывала и наволочки на подушках из такого же материала, но контрастирующего синего цвета. Атмосферу спокойствия создавал темно-синий, как ночное небо, потолок, где сияли золотые звезды. Я прониклась уверенностью, что Асклепий явится мне в эту самую ночь.

Но он не явился.

— Вы, наверное, чересчур стараетесь, — сказал Гален на следующее утро. — Успокойтесь и получайте удовольствие. Со всего света люди приезжают в Пергам, чтобы отдохнуть и расслабиться.

— Расслабиться? — чуть не закричала я.

— Клавдия, Клавдия, — успокаивал меня Гален, — вам нужно спокойствие.

— Как я могу быть спокойной, когда каждый день, проведенный здесь, — это день вдали от мужа. Вы не представляете...

— Я представляю, но, заверяю вас, Асклепий никогда не придет, если вы не расслабитесь.

В этот день я решила посетить известную библиотеку.

— Мы не пользуемся папирусом, — объяснил

мне служащий, — Мы изобрели нечто лучшее, то, что мы называем пергамент. Попробуйте, какой он приятный на ощупь. В библиотеке хранятся более двухсот тысяч пергаментных свитков.

— Я не рассчитываю пробыть здесь так долго, чтобы их все прочитать, — заметила я отзывчивому служащему.

— Боюсь, и я тоже, — вмешался низкий, мягкий голос.

Я обернулась и увидела женщину, сидящую за ближайшим столом. Когда она улыбнулась, я на секунду подумала о Марцелле. Хотя эта женщина не имела ничего общего с моей сестрой — у нее были волосы цвета меди, — и та и другая излучали необыкновенную душевную теплоту.

— Меня зовут Мириам, — представилась она. — Некоторые называют меня Мириам из Магдалы.

— Я — Клавдия. Мой муж, Понтий Пилат из Антиохии, послал меня сюда лечиться. А вы зачем здесь?

— Скорее не я, а мой знакомый. Его беспокоит колено.

— Мне думается, он правильно сделал, приехав сюда. Каких специалистов здесь только нет: и хирурги, и массажистки, и акушерки. Я надеюсь воспользоваться услугами акушерки — вот по-

чему я здесь.

— В самом деле? А я последние восемь лет стараюсь вообще не обращаться к акушеркам.

Я посмотрела на нее с любопытством. Милая женщина, даже красивая, должно быть, старше меня на один-два года.

— Не могу представить этого.

— Вам везет, — ответила она и подвинулась.

Я села рядом, и мы разговорились. Она приехала в Пергам из Рима. Заметив систрум у меня на шее, Мириам сказала, что она тоже поклоняется Исиде. Я сразу же почувствовала в ней родственную душу и хотела продолжить беседу с ней, но появилась Семпрония и потребовала немедленно обсудить со мной что-то важное. Подумав, что это связано с моим лечением, я вышла за ней из библиотеки.

— Ты знаешь, кто это? — спросила она.

— Просто приятная женщина.

— Приятная женщина! — пухлыми руками Семпрония уперлась в свои пышные бедра. — Она одна из куртизанок, пользующихся дурной репутацией в Риме. Генерал Максимус привез ее из Иудеи. Произошел ужасный скандал. Ее родители ничего не желают знать о ней. С тех пор она живет то с одним мужчиной, то с другим.

Последний — имей в виду, сенатор — привез ее сюда с собой.

— Откуда вы знаете?

— Об этом говорят все. Если бы ты не тратила так много времени за чтением...

Я уже научилась не обращать внимания на Семпронию, пропускать мимо ушей ее болтовню. Я думала о Мириам, спокойной и элегантной, в пале из зеленого шелка, накинутой поверх туники цвета морской пены. На ее длинных пальцах и в маленьких аккуратных мочках ушей огнем сверкали крупные топазы. Она выглядела дорого. Чем бы ни занималась Мириам, очевидно, она делала все хорошо.

Семпрония продолжала говорить, грозя пальцем:

— ...твоя репутация. Что подумает твой муж?

— Что я научусь чему-то новому.

Семпрония осталась стоять с разинутым ртом, а я ушла к назначенной мне массажистке.

В последующие несколько дней я проводила много времени с Мириам. Мне нравились ее обаяние и отзывчивость, ее тонкий юмор. При всей моей сдержанности не представляло трудности делиться с ней своими чувствами. Вероятно, не последнюю роль в этом сыграла наша общая вера

или ее легкая схожесть с Марцеллой, а может быть, просто то, что Мириам была хорошей собеседницей, начитанной, восхищавшейся, как и я, Вергилием и начинающим писателем Сенекой. Пока ее состоятельный почитатель Като Валерий отмокал в горячих источниках, мы совершали длительные прогулки и вместе ходили в театр. Она любила литературу и увлекалась философией. Хотя Мириам высказывала суждения с юмором и конкретно, она редко говорила о себе.

Каждое утро Гален приходил в мою кабинку для сна и cl ободряющей улыбкой интересовался:

— Асклепий явился вам?

Каждый раз я отрицательно качала головой. На пятое утро я робко спросила:

— Может быть, я не достойна?

— Исключено. Помните, вовсе не обязательно, что вы действительно увидите Асклепия. Достаточно того, что вам приснится сон. Я истолкую его и затем помогу исполнить желания бога.

Я безнадежно покачала головой:

— Всю жизнь мне не давали покоя сновидения. Сейчас, когда я хочу увидеть сон, у меня ничего не получается. Почему?

Я начинала выполнять указания врача, питая большую надежду. Ее укрепила царившая в

центре атмосфера добросердечия и милосердия, уютная и располагающая обстановка. Каждый безрезультатно проведенный день удручал меня. Я все больше и больше беспокоилась о Пилате. Сколько еще времени мне придется провести вдали от него?

— Что мне делать? — спросила я у Мириам в то утро. — Без Пилата я ничто.

Она посмотрела на меня широко открытыми от удивления зелеными, как изумруды, глазами:

— С кем бы я ни была, я остаюсь все той же Мириам,

— Как ты можешь говорить такое? Я знаю, кто ты есть, что делаешь, знаю мужчин, с которыми ты... знакома. Что, если они тебя больше не хотят, если они жестоки? Ты, наверное, должна все время доставлять им радость.

— Только один человек жестоко поступал со мной, — сказала она, слегка пожав плечами. — Я оставила его. Многим хочется моего внимания. Да, я доставляю радость мужчинам. Там, откуда я родом, некоторые женщины посвящают себя любви. Они — священные служительницы богини Ашторет. Они счастливы доставлять удовольствие.

— Но ты не можешь до конца дней дарить удо-

вольствие.

Мириам улыбнулась, очевидно, довольная собой:

— Я думала об этом. Мне довелось испытать одиночество и чувствовать себя абсолютно беспомощной. Больше это не повторится. Мои любовники щедры. Я храню деньги там, где их никто не достанет. У меня в запасе еще много лет. Когда они истекут, я куплю виллу на берегу моря и буду коротать время за чтением.

— Я тебя совсем не понимаю. Не могу представить такой жизни.

— То же самое я могу сказать в твой адрес.

Единственно, в чем мы нашли согласие с Мириам, — это в том, что испытывали нетерпение в Асклепионе, хотя многим гостям пришлось по душе месяцами сидеть в тени колоннад и вести беседы о клизмах и кровопускании.

— Что бы ты стала делать, если бы Като захотел остаться надолго? — спросила я.

— Оставила бы его, — не задумываясь, ответила Мириам и добавила: — Като — человек действия. Он нетерпелив, как и мы. Прошлой ночью он сказал, что готов попробовать змеиную яму.

— Змеиную яму? — У меня на голове зашевелились волосы.

— Он шутит, конечно, но он как на иголках.

— Что такое змеиная яма?

— Я, право, не знаю. Персонал говорит о ней шепотом. Должно быть, она для безнадежно больных — умалишенных. — Она на минуту задумалась, глядя на простиравшуюся внизу долину, а потом повернулась ко мне. — Вероятно, каждого в саду поджидает змея. Рано или поздно нам придется повстречаться с ней.

О чем это она? Змеи, помешанные. Я решила сменить тему разговора.

На следующее утро Мириам сообщила, что Като Валерий наконец видел сон.

— Ему приснился Асклепий, он стоял перед Сфинксом, — рассказала она. — Врач считает, что его суставу поможет солнце. Завтра мы отправляемся в Египет.

— Я буду скучать по тебе, — сказала я, вовсе не кривя душой. Поразительно, что эта странная женщина с экстравагантными взглядами почти сразу стала близкой подругой.

— Дорогая моя, мы снова встретимся. Я уверена, — сказала Мириам.

Я посмотрела ей в глаза и кивнула.

* * *

После того как Мириам уехала, я думала только о Пилате. Что он делает? С кем он?

— Я возвращаюсь домой, — сказала я Галену на следующий день. — Это уже седьмое утро, когда я просыпаюсь и ничего не помню, абсолютно ничего.

— Вы не можете уехать.

— Почему? Что вы этим хотите сказать? Я могу уехать и уеду.

— Ваш муж хочет, чтобы вы остались. Ваш опекун на этот счет высказался вполне определенно.

Меня бросило в дрожь.

— Какой опекун?

— Плутоний, конечно.

Я понизила голос, зная, что нас слышат:

— Мы приплыли сюда вместе, но я едва ли стала бы называть его...

— Ваш муж хочет иметь наследника. Он предоставил вас заботам Плутония, отвечающего за то, чтобы вы прошли все курсы лечения.

— Мне кажется, я сама прошла их.

— Не совсем так. — Гален немного помолчал. — Мы наметили для вас еще одну терапию.

Я вспомнила слова Мириам и застыла в ужасе:

— Змеиную яму, что ли?

— Вы слушаете всякую болтовню, которой занимаются в бане. Вы же ничего не знаете об этом. Она оказывает благотворное действие на душу и тело.

— Если пациент остается жив. Я отказываюсь! — выкрикнула я, и мне было все равно, слышат меня или нет. — Я категорически отказываюсь!

Глава 18
Асклений

Я закричала в темноте. Сильные, цепкие руки подхватили меня и стащили с кровати. Я открыла рот, чтобы закричать снова, но не услышала никакого звука. Сердце вырывалось из груди, я пыталась сопротивляться. Руки, словно налитые свинцом, не слушались.

— Нет, нет, нет, — стонала я.

Когда я проснулась, у меня болели все члены и кружилась голова. Я зажмурилась от яркого солнечного света, бившего из небольшого окна напротив. Чувствуя себя как зверек, попавший в ловушку, я переводила взгляд с одной стены на другую. Маленькая комната, чистая и светлая,

простотой обстановки напоминала тюремную камеру: узкая кровать, стул, стол, крохотное зеркало над ним.

Пошатываясь, я подошла к окну и очень удивилась, что нахожусь высоко над землей. Внизу раскинулся Пергам. Я сразу узнала большой центральный алтарь Асклепия, затем библиотеку и театр. Редко кто из торопливых прохожих поднимал голову, а если и поднимал, то не обращал внимания на мои крики.

Я стучала в тяжелую дверь до синяков на руках. Мои бдительные надсмотрщики, которых я не видела раньше, появлялись, когда им заблагорассудится, и старались никогда не встречаться со мной взглядом. Их было трудно отличить одного от другого — все они были коротко подстрижены, в безукоризненно белых туниках. Всегда спокойные, всегда вежливые, они не говорили мне ни слова.

Подозревая, что меня подпаивают каким-то зельем, я разбила оставленный мне кувшин с водой и поступала так каждый раз, когда эти люди приносили мне новый. В результате через некоторое время страх уступил место жажде. Меня также мучил голод, сильный голод. Все мои вещи находились в гостинице. Читать нечего,

писать нечем и не на чем. Я считала дни, проводя ногтем линию на столе рядом с кроватью. Первый, второй, третий...

На пятый день утром я услышала, как отодвигается засов. У меня подпрыгнуло сердце. Я задержала дыхание. Дверь медленно отворилась, и вошла Семпрония. Нескрываемое любопытство сменило ее заискивающие манеры.

— Голубушка, как я рада видеть тебя. — Она окинула глазами крошечную комнату, и гримаса умиления появилась на ее лице. — Здесь очень даже славненько. Ты неплохо устроилась.

Я вся напряглась, силясь скрыть страх перед ней.

— Как в тюрьме.

Розовые щеки Семпронии покраснели.

— Надеюсь, ты не винишь Плутония или меня?

— Кого же еще мне винить? Вы же привезли меня сюда. Ваш муж предложил Пилату эту поездку.

Семпрония отступила назад. Я кинулась к ней и схватила ее за плечи.

— Вы знаете, что они хотят сделать?

— Ты же все время твердила, что хочешь иметь ребенка.

— А вы пошли бы на это?

— У меня трое детей.

— Вы бы пошли на это, я спрашиваю?

Семпрония отвернулась.

— Это самый известный Асклепион в мире. Люди приезжают сюда отовсюду, чтобы вылечиться. И ты одна из них, — убеждала она меня.

— Мне никто не говорил о змеиной яме. И вы тоже.

— Плутоний не разрешил бы мне, — призналась она, понурив голову.

— Мой муж тоже об этом знал?

— Думаю, что да. — Семпрония высвободилась из моих рук и попятилась. — Напрасно я пришла сюда. Мне просто хотелось узнать, может, тебе что-то нужно.

— Вот как! Тогда мне действительно кое-что нужно. Во-первых, я хочу, чтобы Рахиль была здесь. Во-вторых, пусть мне принесут еду и питье без дурмана. В-третьих, дайте мне стержень для письма, табличку и мою одежду. Но больше всего я хочу уйти отсюда.

Семпрония умоляюще посмотрела на меня:

— Ни о какой змеиной яме речь не шла. Тебе часто снятся сны. Это всем известно. Мы, естественно, предположили, что тебе здесь приснится

чудесный сон, который даст тебе возможность забеременеть. Мы устроили бы по этому поводу большое торжество и потом вернулись бы в Антиохию. Пилат был бы так рад...

— ...что вознаградил бы Плутония контрактом на поставки пшеницы, который он жаждет получить, — закончила я за нее предложение. — Но мне не приснился этот чудесный сон. Я хочу вернуться домой, и немедля.

— На что это похоже? Вы же римлянка! Перестаньте хныкать, как рабыня! — Я обернулась и увидела в дверях Плутония. Ни малейшего следа подобострастия в его узких сверкающих глазах. — Ваш муж считает вас неординарной. В моем представлении это значит — одухотворенная. Он был уверен, что Асклепий явится вам. — Плутоний слегка пожал плечами. — Не надо отчаиваться. Вое еще впереди.

— Пилату, конечно, не приходило в голову бросить меня к змеям.

— Он полагает, вы исполните свой долг. — Плутоний скрестил руки на мускулистой груди. — Я, как опекун, обязан добиться, чтобы его желание осуществилось.

Я старалась говорить как можно спокойнее:

— Я хочу отправить письмо своим родителям.

Плутоний кивнул головой, словно обдумывая мои слова.

— Кто знает, станут ли они потакать вашим капризам. И позвольте напомнить вам: они далеко.

Вытянув руки по бокам и сжав кулаки, я в ярости пронзительно закричала.

Дверь открылась, и в комнату мимо Плутония протиснулся Гален.

— Будет лучше, если вы уйдете, — сказал он супружеской чете. — Мне с пациенткой нужно многое обсудить.

С явным облегчением Семпрония прошмыгнула за дверь. Плутоний мешкал, сверля глазами врача.

— Вы сознаете важность этого дела? С госпожой Клавдией иногда бывает непросто договориться.

— Госпожа Клавдия и я очень хорошо понимаем друг друга, — возразил ему Гален.

— Мне тоже казалось, что мы понимаем друг друга, — сказала я, когда мы остались одни.

Мне никогда не нравились Плутоний и Семпрония. Сейчас же я ненавидела их всеми фибрами своей души. Я стала ненавидеть и Галена, потому что он, несомненно, все время обсуждал с ними мои дела.

Он смотрел на меня спокойными, почти сонными глазами.

— Вы выглядите усталой.

— Конечно, я устала. Разве уснешь, когда знаешь, что в любой момент тебя могут затащить в змеиное логово. Кроме того, я голодна. А что делают с водой? Я уверена, в нее добавляют какое-то зелье.

— В воде нет ничего вредного для вас, — убеждал меня Гален. — Я приношу извинения за то, что вам голодно, трехдневный пост необходим перед лечением.

— Легко сказать — лечением.

— Конечно, лечением. А что же еще? Некоторые на своем опыте убедились, что змеи обладают чудодейственной целительной силой.

— Те, кто остался в живых. — Отвернувшись от него, я увидела свое отражение в маленьком зеркале над столом. Я осунулась, но от этого мои глаза стали еще больше. Я посмотрела на Галена и понизила голос: — Вы должны вмешаться. Вы можете спасти меня, если захотите.

Он напрягся.

— Моя жизнь принадлежит Асклепию. Я — его жрец, — произнес он. — Богу решать, что принесет спасение. Вы узнаете об этом сегодня ночью.

Мы стояли перед огромным мраморным храмом. В шелковой ночной тунике меня трясло на холодном ночном воздухе. Можно было по крайней мере разрешить мне надеть столу. Все вокруг поплыло у меня перед глазами, когда жрецы стали приближаться ко мне. Почему их так много? Ноги не держали меня. Я не могла дышать. Когда Гален открыл резную деревянную дверь, я бросила последний взгляд на полночное небо. Луны не было видно. «Плохой знак», — подумала я, но Гален успокоил меня:

— Сейчас молодая луна не видна. Однако она там. Самая подходящая ночь, чтобы начинать новые дела.

— Пожалуйста, не надо! — Я отпрянула от двери.

Гален крепко держал меня.

— Не усложняйте жизнь нам и себе. — Он дал знак другому жрецу. Я попыталась вырваться, но высокий мужчина держал меня как в тисках.

— Вы сказали, что предпочитаете идти, — напомнил мне Гален.

— Идти самой, вместо того чтобы меня тащили силой. Я все-таки из рода Клавдиев. — Я распрямила плечи.

— Не горячитесь, Клавдия, — успокаивал меня

Гален. — Вы должны уяснить себе: все, что мы делаем, — для вашего блага.

Меня уже не тащили, а подталкивали сзади. Так я оказалась в храме. Его внутренняя часть освещалась факелами, укрепленными на стенах, расписанных фресками с изображениями несущихся по небу кентавров. Прямо передо мной возникла статуя Асклепия. Я упала на колени. Как милосердный бог допустил, что меня подвергли такому насилию?

— Асклепий! Милостивый Боже...

Жрецы подняли меня на ноги.

— Вы пойдете с нами.

Твердый голос Галена не допускал никаких возражений. Он вместе с другими жрецами впихнул меня в маленькую темную комнату. Я поняла, что храм возвышался над входом в тоннель. Один из жрецов склонился передо мной, развязал и снял с меня сандалии. Я осталась стоять босиком на мраморном полу, холодном и скользком. Жрецы погасили факелы, освещавшие путь, и снова потянули меня в темноту.

У меня заплетались ноги, и я цеплялась за Галена, чуть ли не теряя сознание от голода и страха. Так мы продвигались дальше в пахнущую плесенью черноту. Иногда до моего слуха

доносилось отвратительное шуршание. Мы что — спускаемся в Гадес? Наконец мы остановились перед массивной дверью. Скрип отодвигаемого засова отозвался холодком, пробежавшим по моему телу. Гален и еще какой-то жрец втащили меня в маленькую круглую комнату, освещенную тусклым светом мерцающих ламп, упрятанных в ниши высоко под потолком. Посередине комнаты стояла кушетка на невысоком помосте. Его окружал желоб, но воды в нем не было.

Гален помог мне взойти на помост. В тишине комнаты эхом отозвался мой нервный смех.

— Не думаете ли вы, что мне вот тут сразу приснится сон? — спросила я.

— Вы можете удивиться, — ответил Гален.

— А как насчет змей?

— Здесь нет никаких змей. Оглянитесь вокруг, — успокаивал меня Гален, подкладывая мне под голову подушку. Она показалась мне влажной и липкой.

Все остальные жрецы скрылись в тоннеле. Я схватила Галена за руку и взмолилась:

— Не оставляйте меня здесь.

— Асклепию лучше знать, — ответил Гален, глядя куда-то позади меня, и высвободил руку. — Просто поверьте в него.

— Я верила в Исиду, — зарыдала я. — Но она отреклась от меня. Это наказание мне.

— Лечение, а не наказание, — сквозь зубы процедил Гален. — Я оставляю вас.

— Пожалуйста, не надо. — Я соскочила с помоста и побежала за ним. Железная дверь закрылась передо мной.

Утерев слезы, я стала осматривать комнату. Ее стены и потолок украшал причудливый узор из сплетенных в клубок змей. Такие же извилистые очертания повторялись и в рисунке мозаичного пола. «Змеиная яма» — это, наверное, образное название. Хорошо, если бы...

— Я — потомок героев! — выкрикнула я, прислонившись к двери, и эти слова многократным эхом разнеслись по комнате.

Лампы источали незнакомый мне запах ладана, сладкий, но земной. Я подумала о сочной растительности. Откуда-то из тени донеслось сухое шипение. От извивающихся, изгибающихся форм на стене и потолке у меня закружилась голова. Что-то прошуршало, на этот раз ближе. И потом я их увидела. Сначала одна, потом две, затем сотни змей выползли из желоба. Я завизжала, когда одна проскользнула по моей голой ноге. Отпрянула в сторону и наступила на другую.

Я вскочила на помост и забралась на кушетку. Большая черная змея подняла голову над краем помоста. Она медленно подползла ко мне и обвилась вокруг лодыжки. Я бешено задрыгала ногой, но змея продолжала двигаться по ней вверх. Маленькая комната кишела змеями, они закручивались кольцами, сплетались в клубки и образовывали сплошную копошащуюся массу вокруг кушетки.

— Нет! — завопила я. — Нет!

Схватив черную змею, я изо всей силы швырнула ее об стену. Обмякшая гадина упала на пол. По крайней мере я убила одну. Но нет, она опять зашевелилась, подняла голову и начала расти. Уставившись на меня своими сверкающими стеклянными глазами, рептилия поползла на помост. Она становилась все длиннее и толще, толще колонны. Забравшись на кушетку, она своим трепещущим языком лизнула мне ногу, которой я продолжала трясти.

Змея все поднималась, пока ее глаза не оказались вровень с моими. Я сжала кулаки так, что ногти глубоко врезались в ладони.

— Пилат! Как ты мог так жестоко поступить со мной? — закричала я.

Змея метнулась вперед и кольцами обвилась

вокруг моего тела. С неимоверной силой она сдавливает меня. Я не могу шевельнуться, не могу вздохнуть, перестаю ощущать себя.

Открываю глаза, и в них ударяет яркий, слепящий свет. Слышится ритмичный, постепенно усиливающийся звук, увлекающий меня куда-то вниз, во мрак. Волны захлестывают меня, затягивая в бездонный колодец, все глубже и глубже. Черная вода заполняет легкие. Нечем дышать. Жизнь покидает меня. Я отчаянно сопротивляюсь. Все кончено. Небытие. Затем нежные звуки лир, флейт и систрумов. Холодная рука касается моего лба. «Клавдия, моя избранница, ты забыла, что я всегда с тобой?»

— Исида, — прошептала я.

Путешествие за пределы реального закончилось, видение пропало, унеслось, подобно вихрю, осталась только черная пустота. Я освободилась от прежней Клавдии, как змея, сбросившая кожу. Мое тело парило, рожденное из небытия в осознанную действительность.

Какое-то время перед глазами стояла лишь полная темнота. Потом в отдалении возникла фигура человека. Это был отец. Он стоял один и смотрел на меня. Бледный, с мрачным выражением лица. «Что случилось, папа?»

— Ты должна исполнить свой долг, Клавдия, — произнес он. — Ты осталась одна.

Отец повернулся и исчез в темноте. Откуда-то издалека донесся мамин голос:

— Марк! Марк! Подожди! Не уходи без меня!

Все вокруг ритмично, без остановки раскачивалось из стороны в сторону. Где я? Мерное биение эхом отзывается в голове. Что это? Я изо всех сил пыталась открыть глаза.

— Госпожа! Наконец вы проснулись! Мы на корабле, плывем в Антиохию. Как вы себя чувствуете?

— Превосходно, Рахиль, — прошептала я. — Лучше, чем когда бы то ни было. — Я хотела сказать еще что-то, но не смогла. Я сомкнула тяжелые веки и заснула. Кто знает, как долго длился мой сон.

Когда я проснулась, Рахиль опять сидела рядом со мной.

— Вам явился Асклепий? — робко спросила она.

Я кивнула.

— Он причинил вам боль?

— Он спас меня и обновил. Это был его дар.

Озадаченная, Рахиль нахмурилась:

— А ребенок?

— Не будет никакого ребенка, — сказала я, с трудом поднимаясь на кушетке.

— Но, госпожа... Вы больше не любите его?

— А что такое любовь? Я никогда о ней ничего не знала. — Я немного помолчала, задумавшись. — Раньше я питала надежду, а сейчас я лишилась ее.

— Господин, вероятно, не имел представления о змеиной яме, — сказала Рахиль, расчесывая мои спутанные волосы.

— Нет, он знал, не мог не знать.

Рахиль смотрела на меня с сочувственным выражением на лице.

— Римлянки должны повиноваться своему мужу, — сказала она.

— Я помню об этом. Маме очень повезло. Ей это просто. Не многие женщины любят мужей так, как она. И не у всех такие мужья, как мой отец.

— Вы изменились. — Рахиль положила расческу и стала массировать мне голову. — Это заслуга Бога? Вы кажетесь сильнее, разумнее и трезво смотрите на вещи.

— Может быть, но я не хочу воспринимать их такими, какие они есть.

— Что вы имеете в виду?

— Перед свадьбой мои родители, каждый в

отдельности, дали мне денег, сказав, что жена должна иметь что-то про запас. Этого более чем достаточно, чтобы оплатить дорогу в Рим.

— Дорогу в Рим? — изумилась Рахиль. — Вы что задумали?

— Я возвращаюсь к родителям. Пусть люди говорят, что им вздумается. Пройдет не так много времени, и у них найдется, о ком и о чем еще посплетничать. Когда я окажусь дома, действительно дома, все будет нормально.

С чувством удовлетворения и уверенности в правильности принятого решения я снова легла на кушетку.

По мере того как продолжалось плавание, ко мне постепенно возвращались силы, но мной овладевало беспокойство. Хотелось поскорее добраться до Антиохии, разорвать тамошние узы и начать новую жизнь. Окончательно окрепнув, я сказала Рахили, чтобы на палубу вынесли мою кушетку. Лежа на ней, я смотрела на море. Волны ударялись о борт и, пенясь, откатывались назад. Пассажиры и команда ходили на цыпочках вокруг меня. Одни взирали на меня с нескрываемым любопытством, другие — с благоговейным страхом. Видимо, до них дошли слухи о змеиной яме. Я старалась ни с кем не разговаривать, даже с

Рахилью. Я предпочитала общаться только с Исидой и чувствовала ее силу, как никогда раньше.

В глазах Семпронии и Плутония, следивших за мной, я замечала тревогу. Когда мы остановились в Галикарнасе, я видела, как Плутоний передал свиток офицеру, поднимавшемуся на борт меньшего и более быстроходного корабля, пришвартованного рядом с нашим. Он явно позаботился о том, чтобы его вер-сия о случившемся первой попала в руки Пилата. До чего забавно и бессмысленно,

Пилат наблюдал за тем, как наш корабль причаливал в Антиохии. До того как кто-либо успел сойти на берег, Пилат поднялся на палубу, пройдя мимо Плутония и Семпронии.

— Рад, что ты вернулась, — сказал он, обняв меня. — Я скучал по тебе.

— Неужели? — спросила я, выскользнув из его объятий. — Ты в самом деле скучал? — Я с любопытством посмотрела на него.

Он сверлил меня своими голубыми глазами, которые когда-то казались мне неотразимыми.

— Я знаю, на твою долю выпало суровое испытание. Мне жаль, очень жаль.

— Ты называешь это суровым испытанием? Я бы сказала, что это — как бы точнее выразиться?

— благотворное просветление.

— Рад, что ты так воспринимаешь случившееся. — Удивление и облегчение были написаны на его лице, когда он снова обнял меня. — Я должен кое-что тебе сказать.

Внутри у меня что-то оборвалось. Сон в руку. Сердце яростно колотилось, когда Пилат прижал мою голову к своей груди.

— Сегодня утром от Агриппины пришло письмо.

Высвободившись из его рук, я отступила назад и посмотрела на него.

— Отец? С ним что-то случилось? Да?

— Боюсь, что так. Тиберий обвинил его в предательстве и подверг домашнему аресту до начала суда. Всем известно, что ожидают от него.

— Самоубийства? — Из-за спазма в горле я едва произнесла это слово.— А мама? — Я глубоко вдохнула, уже зная, что он скажет.

— Она решила умереть с ним.

Глава 19
Служительница Исиды

— Что мне сделать, Клавдия? Скажи мне. Я хочу тебе помочь, — услышала я голос Пилата будто

во сне. — Давай поедем домой.

— Домой? — Я посмотрела на него. — Ты хочешь отвезти меня домой? Если где-нибудь в мире у меня есть дом, то не с тобой.

Я оттолкнула его руку и отвернулась, в растерянности глядя по сторонам. Мой дом был с матерью и отцом, но сейчас их не стало. Они навсегда потеряны для меня. Как жить без них? Куда деваться? Что мне делать?

— О чем ты говоришь? — Пилат сердито сверкнул глазами. — Твои родители умерли. Твой единственный дом — со мной.

Он снова схватил меня, но я так резко рванулась, что в руке у него остался лоскут моей столы.

Сразу за пристанью я заметила видавшую виды колесницу. Возница, неотесанный парень, околачивался поодаль. К нам подошел Плутоний, пытаясь привлечь внимание Пилата. Когда мой муж нетерпеливо повернулся к нему, я побежала к колеснице и забралась в нее.

— Я заплачу больше, чем кто бы то ни было, — торопливо бросила я. Парень окинул меня взглядом с ног до головы. — Пожалуйста, — попросила я, открывая сумочку на поясе. — Сколько хочешь. Отвези меня... — Я замялась в нереши-

тельности. Пилат с сердитым видом направлялся ко мне. — Трогай! — крикнула я. — Увези меня отсюда.

Пилат кинулся вперед и схватил поводья.

— Стой! — заорал он. В шлеме с плюмажем и алом плаще вид у него был грозный.

— Не слушай его, — взмолилась я. — Я заплачу золотом.

Возница посмотрел на Пилата, потом на меня. Он выхватил поводья и стегнул лошадей кнутом. Они рванули так, что я чуть не свалилась с ног.

— Куда везти?

Действительно, куда? Ясно куда! Есть единственное идеальное место.

Я напрягла ноги, крепко обхватила колесничего за талию, стараясь не обращать внимания на исходивший от него запах, на жирные волосы, иногда хлеставшие меня по лицу. Мы пронеслись через портовый район, мимо портиков и аркад, рынков и бань и оказались в самом центре Антиохии, где колесница остановилась. Во всем великолепии перед нами возвышался храм Исиды.

— На колесницах сюда запрещено подъезжать. Вам это известно? — сказал возничий.

— Да, я знаю. Вот, возьми все. — Я отдала ему

сумочку. — Считай это даром Исиды, к которой ты меня привез.

Он помог мне сойти и замер на секунду, глядя на храм.

— Начинаете новую жизнь? Да поможет вам Фортуна.

Я с удивлением посмотрела на него.

— Ты уже помог мне. Спасибо.

Я повернулась и взбежала по широкой мраморной лестнице в страхе, что Пилат гонится за мной по пятам.

Храм жил своей повседневной жизнью. Отовсюду появлялись верующие — кто в египетских юбках, кто в римских тогах, кто в греческих туниках. Жрецы и жрицы в белых одеяниях провожали меня недоверчивыми взглядами, когда я вбежала во внутренний двор. Кто-то из них, видимо, позвал мистагога, потому что он стоял у большой статуи Исиды, будто дожидаясь меня.

Я упала перед ним на колени и взмолилась, глотая слезы:

— Возьмите меня к себе. Моих родителей не стало. Брак, к которому я так стремилась, распался. Осталась только Исида. Вы должны принять меня послушницей.

Мистагог поднял меня с колен.

— Вы изменились, — сказал он, отодвинув с моего лица растрепанные волосы. — Я вижу, на вас обрушилось большое несчастье. Я также вижу, что Исида вернулась в ваше сердце. Вам необходимо продолжать искать ее истину, медитировать и молиться. А жить в храме — нет, это не для вас.

— Дайте мне шанс, и я докажу, что вы не правы.

Мистагог посмотрел на меня с едва уловимой улыбкой на губах.

— Вы не имеете никакого представления о том, чего просите. Вы по дому не выполняете никаких обязанностей. И едва ли задумываетесь о них. Здесь вам пришлось бы служить другим. Я сомневаюсь, хватит ли у вас для этого сил.

— Если другие послушницы справляются со своими обязанностями, то и.я смогу.

— Большинство из них — вольноотпущенники или найденыши. Редко женщина вашего положения служит в храме.

— Тогда я готова стать исключением. Я буду делать все, что вы скажете.

— Вы говорите — все? Вы обещаете?

— Да. Обращайтесь со мной как с обычной послушницей.

Мистагог с сомнением покачал головой, но потом согласился.

Он буквально понял мои слова и распорядился, чтобы мне не давали поблажек. Сейчас, когда мне не прислуживала рабыня — я никогда не стала бы обрекать Рахиль на затворничество вместе со мной, — приходилось учиться делать самой то, что всегда для меня делали другие. Такое простое дело, как самой одеваться, поначалу казалось немыслимым. Загадкой для меня служило, как подбирать длину одежды, как драпировать и закреплять ее на теле. Предстояло постичь премудрость надевания палы так, чтобы она ниспадала ровными складками и была правильно затянутой под грудью. Я никогда раньше не прикасалась к своим волосам. Чтобы сделать мне прическу, Рахили требовалось потратить на это не один час. Отчаявшись справиться с непокорными локонами, я стала укладывать их в пучок.

Флавия, служительница, отвечавшая за чистоту в туалетах, оказалась моей первой наставницей. Удивленно посмотрев на мистагога, она повела меня в мраморное здание по соседству с банями. Я пригнула голову, зажала нос и вошла.

— Конечно, что и говорить, — объясняла она, — все мы сюда наведываемся по нескольку раз в

день. Одним словом, часто. Делаем необходимое и быстро уходим. — Она подобрала запачканную кровью тряпицу и бросила ее в плетеную корзину. — Но некоторые из нас неаккуратны и оставляют грязь после себя.

К своему удивлению, я обнаружила, что жрицы были менее чистоплотны, чем жрецы, — мне приходилось убирать и тот и другой туалеты. И, как я ни старалась, они никогда не оставались чистыми продолжительное время.

— Что может быть общего между мытьем туалетов и Исидой? — спросила новая послушница, работавшая со мной.

— В любом случае это почетно, — объяснила нам Флавия. — В чем бы ни заключался наш долг, мы исполняем его во имя богини.

Под впечатлением того, что со мной случилось, мне было не до философии. Если я о чем-то и думала, то только о лежавших на мне обязанностях. Иногда я смотрела на свои сломанные ногти и вспоминала маму. «Худшее приходит и уходит в свое время», — любила она повторять. Порученная черная работа отнимала все силы. Руки и плечи постоянно болели, колени были в ссадинах. Вечером я приходила в свою крошечную келью и лила слезы, вспоминая родителей.

Однажды утром мистагог передал, что в преддверии храма меня ждет Пилат.

— Ну и пусть ждет, — сказала я, продолжая возить шваброй по полу в туалете.

На следующий день ко мне подошел сам мистагог и стал убеждать меня, что я должна выслушать мужа. Я решительно покачала головой:

— Скоро он перестанет появляться здесь. Он найдет другую. Это будет дочь влиятельных родителей, близких к Тиберию. Она будет рожать ему сыновей. Он потребует развода.

Так прошел месяц. К моему удивлению, Пилат не прекратил своих домогательств, но я держалась стойко. Никакие его доводы и посулы не могли бы изменить моего решения. В глубине души я поражалась, как человек, которому мало кто осмеливался сказать «нет», продолжал приходить, чтобы увидеться со мной. Эта мысль меня даже забавляла.

Еще через несколько недель как-то днем мне сказали, что пришла посетительница. Я с радостью встретилась с ней — это была Рахиль. Мне очень не хватало ее, но не потому, что она все делала для меня, а потому, что она оказалась самой близкой и единственной подругой. Мы обнялись, а потом отступили назад, чтобы рассмотреть

друг друга. Рахиль выглядела такой, как прежде. Изменилась я, на что она и обратила внимание.

— Вы — госпожа. Такая жизнь не для вас. Что бы подумал ваш отец, если бы он увидел вас здесь?

— Ты же поклоняешься Исиде, — сказала я ей.

— Но я не раба ей.

— И я не раба, а послушница. Таков мой выбор.

Прядь волос выбилась из пучка на затылке и упала на шею. Непроизвольным движением я заправила ее обратно. Потом я положила свою руку, покрасневшую, с потрескавшейся кожей, на ее гладкую — и улыбнулась, увидев разницу.

Рахиль не была настроена на веселый лад.

— Я вижу, вам никак не обойтись без меня. Кто еще образумит вас? Кому, как не мне, заботиться о вас? Когда вы прекратите заниматься этой чепухой и вернетесь к жизни, предуготованной для вас родителями? Вы можете чтить Исиду в своем сердце, можете приходить сюда, чтобы молиться когда угодно, но...

— Тебя прислал сюда Пилат?

— Да, — призналась она, прямо глядя мне в глаза. — Сначала господин не разрешал идти к вам. Он ждал, что вы сами вернетесь, но сегодня он просил меня сказать вам, что сожалеет и не думал причинять вам боль.

— Ты веришь ему?

— Да, верю.

Я посмотрела туда, где позади нее, за садом, находились туалеты. Ничего не стоит сейчас взять и отправиться домой, вновь окунуться в праздную жизнь. Меня воротило от этой грязи, мне надоели мозоли и болевшие мышцы. «Ваше место в миру», — говорил мне мистагог. Слезы брызнули у меня из глаз. Я обняла Рахиль и уткнулась лицом в ее столу.

— Нет! Скажи Пилату — нет.

Я повернулась и быстро ушла.

Вероятно, я неплохо справлялась со своими обязанностями, по крайней мере я не жаловалась, как другие. Не потому ли мистагог через некоторое время решил повысить меня?

— Рассчитать порции на пятьдесят жрецов и жриц не составит для вас труда после того, как вы занимались организацией больших приемов, — сказал он.

Распрямив онемевшую спину, я перестала полоскать тряпки в широком каменном корыте. Бездумная работа успокаивала, и я боялась оставить ее.

— Если вы хотите послать меня на кухню, то лучше поручите мне чистить овощи или пода-

вать тарелки, — ответила я.

Он взял меня за плечи и повернул к себе лицом.

— Клавдия, богиня не требует от вас этого. Если она захочет, чтобы кто-то прислуживал ей, то найдется немало девушек, которые будут делать это гораздо лучше вас. Вам пора отправляться домой.

— Мой дом здесь.

Мистагог сердито покачал головой:

— Коль так, завтра на рассвете явитесь на кухню.

Каждое утро, до того как начиналось приготовление пищи, отвечавшая за это жрица собирала нас, десятерых послушниц, на большой кухне с побеленными стенами. В очаге уже горел огонь, на каменных столах лежали груды лука и чеснока для чистки, обезглавленные куры для ощипывания. Про себя мы благодарили Исиду за пищу, которую нам предстояло приготовить, концентрировали мысли на выполнении своих обязанностей, считая их частью совместных усилий и представляя их результаты. Поначалу я восприняла идею, не вникая в ее суть, потом по прошествии недель и месяцев мной овладело чувство коллектива, и я стала испытывать ра-

дость, что вношу свою лепту в общее дело.

С самого начала все относились критически к моим стараниям — было ясно, что поварихи из меня никогда не получится, — но никто не сомневался в моем усердии. Я вызывалась выполнять любую работу и вкладывала в нее всю душу, пока не произошел прискорбный случай во время визита жрицы из Александрии. Она сидела за головным столом, а я старалась как можно лучше обслужить ее, надеясь услышать какие-нибудь новости о верховной жрице, проявившей расположение ко мне много лет назад. Но как не похожа была эта женщина на мою благодетельницу! Эта жрица в отличие от тех, что мне довелось встречать, считала ниже своего достоинства разговаривать с послушницей. Когда я поклонилась ей, она надменно отвернулась, продемонстрировав мне свой крючковатый нос и свое нежелание даже смотреть на меня. Немного погодя я подошла к ней с большим блюдом спаржи, собранной собственноручно в огороде, а она окинула меня уничтожающим взглядом:

— Фу! Что это за спаржа!

Нечасто я слышала, чтобы разговаривали в таком презрительном тоне, и никто не позволял ничего подобного в отношении меня. Если бы она

не была так похожа на Семпронию... Самодовольное превосходство на лице жрицы сменилось выражением ужаса, когда масленые молодые побеги спаржи оказались у нее на коленях.

Никто не поверил, что блюдо опрокинулось случайно. Мне велели в течение месяца не выходить из комнаты, заниматься медитацией и читать священные книги об Исиде. Как здорово, подумала я, в первый раз встав не с петухами, а гораздо позже. К моему удивлению, по прошествии нескольких дней я начала скучать по кухонной суете, в которой тоже принимала участие.

Я почти тосковала по другим послушницам, представляя, как они сейчас режут зелень на каменных столах или размалывают пшеницу на жерновах. Мне даже чудился запах рыбы, коптившейся в тяжелых железных коробах над огнем. По крайней мере я чувствовала себя частичкой чего-то. Дотрагиваясь пальцами до систрума, висевшего у меня на шее, как и прежде, я молилась Исиде. Где мое место в этом мире?

Часто ко мне наведывался мистагог и читал нравоучения:

— Ваше поведение лишний раз говорит о том, что вы не готовы быть послушницей. Одно время вы хотели выйти замуж, очень хотели. Сейчас вы

связаны брачными узами.

Я вздохнула. Мне так хотелось, чтобы святой человек оставил меня в покое. Сказать мне было нечего.

Но вот наступило утро, когда я сгорала от нетерпения выговориться. В ту ночь мне приснился странный сон, и меня мучило желание поделиться им хоть с кем-нибудь.

Как только я начала рассказывать, что помнила, равнодушно-вежливое выражение на лице мистагога сменилось неподдельным интересом.

— Я сижу за роскошным столом для пиршеств. Наверное, в Риме. От остальных нас отгораживают тяжелые драпировки кроваво-красного цвета. Под ногами толстые ковры. Мы снова все вместе: родители, сестра и я. — Слова на мгновение застряли у меня в горле. — Все прекрасно, как в старые добрые времена. Папа обнимает маму за талию. Он дает ей серебряный кубок. Они смеются, мы все смеемся. И вдруг сон меняется. Я — снова маленькая девочка, а Марцелла — женщина. На ней белые одежды весталки, голова под покрывалом. Она забирается на обеденный стол. Во все стороны летят серебряные тарелки, блюда и цветы. Марцелла начинает танцевать. На фоне темных лепестков резко выделяются ее

белые ноги. Она сбрасывает покрывало с головы, и ее вьющиеся волосы рассыпаются по плечам. Марцелла кружится в неистовом танце все быстрее и быстрее, цветы растоптаны на скатерти. В бешеном вихре поднимается выше и выше ее стола. Меня охватывает страх, и я поворачиваюсь к отцу, но его нет, и мамы тоже. Кричу Марцелле, чтобы она прекратила танец, но она не хочет или не может. Темнеет. Я не вижу сестру, но слышу, как она кричит откуда-то из тьмы: «Клавдия, Клавдия, помоги мне!» Потом я проснулась. Сердце учащенно билось. Как вы думаете, что это значит?

Мистагог сел напротив меня.

— Что я думаю, не имеет значения. А вы как считаете?

— Я не знаю. Поэтому я спрашиваю вас.

— А если бы знали?

— Но, что бы это ни значило, Марцелла далеко в Риме, а я здесь, в храме Исиды. И никогда его не покину.

— Не зарекайтесь. Мне кажется, это вы хотите танцевать на столе.

— Вот уж нет. Завтра заканчивается мое заключение. Я буду накрывать столы, а не плясать на них.

Прошло еще несколько месяцев, и я уже работала не на кухне, а в огородах. Теперь спина, плечи и ноги болели из-за того, что я целыми днями сгибалась над грядками с баклажанами и клубникой. Солнце палило нещадно, одолевали мухи, слетавшиеся на нечистоты, которыми удобряли почву. Я попросила Октавию, жрицу, отвечавшую за выращивание овощей и целебных трав, научить меня делать из них лекарства. Мне понравилось это занятие, и вскоре я устроила себе место, где приготавливала различные снадобья. Мандрагора — как успокаивающее, аконит— как болеутоляющее. Я научилась делать компрессы из кипрея при артрите, припарки из коры и листьев дуба для лечения гнойных ран. Это, наконец решила я, и есть мое призвание, в этом Исида видит мое божественное предназначение. Но все же некоторое время меня одолевали сомнения. Неужели я не способна на нечто другое, что-нибудь большее?

Мне упорно не хотелось делать любовный напиток.

— Много ли для меня было от него толку! — возразила я мистагогу, смешивая в сосуде тщательно истолченную кору иохимбе и колючую курчавку с оливковым маслом и экстрактом из цветков

роз, фиалок и лилий. — Дураков надо учить.

— Подействовали ли на вас, Клавдия, мои предупреждения? — Он улыбнулся, чем весьма удивил меня, поскольку видеть его улыбающимся случалось нечасто. — Любовь — дар божий. Ее нужно беречь. А одержимость до добра не доводит.

Вот именно. Чем больше я произносила заклинания, чем чаще я прибегала к снадобьям, пытаясь завоевать любовь Пилата, тем больше я сама попадала в зависимость от него. Не я подчиняла себе Пилата, а он подчинял меня. Как глупо пытаться сломить чью-либо волю. Чего мне все это стоило? Может быть, самого Пилата. Если бы я только послушалась совета мистагога и оставила его в покое!

Мудрец пристально смотрел на меня:

— Сейчас вы освободились от своей одержимости. Так не пришла ли пора воспользоваться этой свободой?

— Зачем? Я начала новую жизнь и посвятила себя богине.

— Но вы не думаете о своем муже, Клавдия. Он клянется, что, если бы он знал о змеиной яме, он никогда бы не допустил, чтобы вы там очутились. Он любит вас и хочет, чтобы вы вернулись. Сей-

час он уже — трибун[11]. Вы знали это? Каждую неделю он появляется здесь, раздает милостыню и спрашивает о вас. Он пожертвовал храму целое состояние.

Я в изумлении посмотрела на мистагога:

— Не может быть! Уже больше года я не произношу никаких заклинаний и не пользуюсь никакими зельями.

— Неужели так трудно поверить, что человек вас любит, как вы его, что нет надобности прибегать к вмешательству свыше?

Слова мистагога не развеяли мои сомнения, и, почувствовав это, он добавил:

— Ваш муж видит в вас много такого, о чем вы сами даже не догадываетесь.

— Что бы он ни видел или ни думал, что видит во мне, он скоро разглядит в ком-нибудь еще. Это вопрос времени.

— Допустим, — согласился мистагог. — Но разве это так важно? Он всегда будет возвращаться к вам. Теперь вы — женщина, а не романтичная девушка. Перед Исидой у вас есть долг.

— Вы правы. Находиться здесь.

Святой человек покачал головой:

---

[11] Примечания: 11

Трибун — название некоторых должностных лиц в Древнем Риме.

— Год назад вы обещали повиноваться мне. Так вот, я приказываю вам: отправляйтесь домой, Клавдия.

Часть III. РИМ
Тринадцатый год правления Тиберия (27 год н.э.)
Глава 20
Выбор Марцеллы

Дом семьи Пилатов на Авентинском холме в Риме, окруженный пышными садами, украшенный величественными колоннами и мраморными барельефами, имел старинный, патрицианский вид. Мой свекор весьма преуспел в торговле колесницами, и кто знает, в чем еще. Сейчас, после его смерти, солидная часть оставленного им наследства вместе с домом досталась нам.

«Разлюбезные лары, — мысленно обращалась я к духам-покровителям, когда входила в дом, — примите меня в лоно семьи. Я никому не причиню зла. Я положу цветы к вашему алтарю и зажгу огонь Весты. Развейте тревогу в моем сердце. Пожалуйте мне терпения и мира».

Не отступавший от меня ни на шаг Пилат спросил:

— Ну как? Тебе нравится?

Я внимательно осмотрела все вокруг: и моза-

ичный пол, и фрески на стенах, и мраморный потолок.

— Что здесь может не нравиться? — спросила я, проходя через атриум.

Роскошный дом с множеством комнат в плане представлял прямоугольник. Встретившая нас рабыня поклонилась и дала мне свечу. Я опустилась на колени перед большим каменным алтарем рядом с очагом. На алтаре находились посмертные маски членов семьи, в том числе моих родителей.

Я разожгла огонь в очаге, подумав, сколько женщин делали то же самое здесь до меня. Веста, Веста, Веста. Я принимала тебя на веру, пока мне самой не пришлось позаботиться об огне в собственном очаге. Теперь я знаю, что это ты объединяешь нас. Империя — это семья, а ты служишь напоминанием, что она священна.

Конечно, от семейных обязанностей никуда не денешься, но с переездом в Рим, может быть, для меня откроются новые перспективы. Вероятно, я непроизвольно вздохнула, потому что Пилат поднял голову от списка доставленных с нами вещей, который он проверял, и спросил:

— Что с тобой?

— Я чувствую себя старой. — Мой ответ удивил

меня саму.

— Старой в двадцать два года? Бедняжка. Как же ты будешь чувствовать себя в мои годы?

— В свои тридцать два ты выглядишь как нельзя лучше.

Что правда, то правда. Вокруг его изумительных глаз появились морщинки, но ему очень шла короткая военная стрижка. За шесть лет, что я знала Пилата, он стал еще красивее.

— Возраст для мужчин не имеет значения, — сказала я. — Некоторые из них привлекательны и в сорок.

— Неужели? — Он положил на стол список багажа. — Ты имеешь в виду кого-нибудь конкретно?

— Моего отца.

— Так вот что тебя беспокоит. — Он положил руку мне на плечо. — Я думал, тебе здесь понравится.

— Под боком у человека, убившего моих родителей?

— Тиберий правит миром, Клавдия. Если я рассчитываю на продвижение, мне нужна его поддержка.

Я оглядела освещенный солнцем зал. С трех сторон к нему примыкали анфилады светлых, в ярких тонах комнат, соединенных затененны-

ми переходами с мозаичными черно-белыми полами.

— У вашей семьи великолепный дом, — сказала я. — Авентин — самый престижный район в Риме. Если бы мои родители были живы, они очень порадовались бы за меня. Но их нет.

— Да, — вздохнул Пилат. — Остается только сожалеть. Их не вернешь. — Он взял список и стал проверять предметы мебели. — Мне помнится, тебе нравился Рим, и твоей матери тоже.

— В этом-то и несчастье. — У меня комок подступил к горлу. — Сегодня утром, когда мы приближались к городу, я вспомнила о старых временах, когда Германик и Агриппина находились на вершине славы, мама ликовала, возвращаясь домой, Марцеллу и меня переполнял восторг, что мы такие юные и у нас вся жизнь впереди.

— Рано печалиться, тебе еще жить да жить. Скоро ты встретишься с Марцеллой. Жаль только, что она — затворница, но это не будет долго продолжаться.

— Да, мне так хочется, чтобы она поскорее вернулась. Ты даже не представляешь. Но сегодня я намерена найти Агриппину.

Пилат снова вздохнул:

— Если у тебя не хватает здравого смысла, я

вынужден сказать прямо: Агриппины тебе не видать. И нечего больше об этом говорить. — Он взял конторскую книгу, давая понять, что разговор окончен.

На этот раз я решила, что он от меня не отделается.

— Агриппина лишилась всего. Сначала она потеряла мать, которую уморили голодом по приказу. Тиберия на этом проклятом острове, а сейчас... — Я едва сдерживала слезы. — А сейчас он добрался до Нерона и Друза.

— Я знаю, ты скучаешь по ним. Мне очень жаль.

— Скучаю по ним? Да они были мне братьями, замечательными людьми. И тот и другой могли бы стать прекрасными, заслуживающими уважения правителями. Но вместо этого Нерона довели до самоубийства, а Друза, милого Друза, моего защитника, морят голодом в подвале дворца. Тебе известно, что он ел солому из своего матраса?

— Настали тяжелые времена. Согласен, Агриппина многое перенесла.

— А я? Разве я мало претерпела на своем коротком веку? Я говорю не только о безвозвратных утратах, понятных всем в мире, но и о личных разочарованиях, известных только тебе.

Пипат укоризненно смотрел на меня. Я продолжала стоять на своем:

— Агриппина была для меня второй матерью.

— Весьма пристойно и благоразумно с ее стороны не искать встречи с тобой.

— Именно поэтому я должна пойти к ней.

— Это будет неприлично.

— Неприлично? Как у тебя язык поворачивается?

— Опасно, если тебе так больше нравится. Я не хочу, чтобы тебя тоже обрекли на голодную смерть.

Через несколько дней мне все же удалось узнать, где живет Агриппина. Для этого пришлось щедро вознаградить одного слугу. Неужели Пилат мог предположить, что я не найду ее? Завернувшись в накидку Рахили, я выскользнула из дома, добежала до главной площади и, поторговавшись, наняла паланкин. Когда я устроилась на помятых подушках, сердце у меня учащенно билось. Мне никто не попался на глаза. А мог ли меня кто-нибудь видеть? Осведомители находились везде и всюду, истые шпионы, которые клали себе в карман треть состояния тех, на кого они доносили. Умереть голодной смертью было бы ужасно, но я приняла решение и не собира-

лась идти на попятный. Сгорая от любопытства, я раздвинула тяжелые занавески и выглянула наружу. По мере того как мы удалялись от Авентина, вид городских кварталов становился все менее привлекательным.

Нагромождение домов. Скопление людей, чья жизнь в основном протекала на улице. Там они готовили пищу, стирали, ругались и дрались. Я плотно задернула занавески, но это не спасало от доносившейся брани и омерзительных запахов. Паланкин петлял и вилял. Где я? Носильщики, нанятые мной, кричали на нищих, отгоняли палками наиболее назойливых. На мне была простая стола, но платье под ней... Жаль, что я не надела что-нибудь попроще. Я открыла сумочку, висевшую на запястье. Находившийся в ней кинжал придал мне немного храбрости.

Наконец мы остановились перед темным, неприглядного вида домом, убогим жильем, сооруженным над лавками, где торговали всякой снедью. Неудивительно, что главный носильщик с недоумением уставился на меня, когда я назвала адрес. Сейчас, помогая мне выйти из паланкина, он с любопытством смотрел, как я неуверенно озиралась по сторонам. Сделав знак подождать меня, я подобрала столу и толкнула незапертую

дверь. Воздух в прихожей был влажный и спертый. Поднимаясь по узкой лестнице, я не видела никаких отдушин. Стены были сделаны из тростника, скрепленного известковым раствором. Они едва ли защищали от дождя, если судить по влажным пятнам на них и лужам на полу. Под ногами бегали кошки. Я с содроганием подумала об их добыче, но продолжала подниматься, стуча в каждую дверь. Никто не отвечал, хотя иногда я слышала за ними приглушенные голоса. Чего боятся эти люди? Тяжело дыша, я поднялась на шестой, последний этаж. Оставалась одна дверь, в которую я постучала, и услышала шаги. Мне открыла рабыня, одетая в чистую, но поношенную одежду. Ни слова не говоря, она провела меня по темному коридору в небольшую комнату. «По крайней мере у Агриппины есть рабыня», — подумала я, когда она снимала с меня столу.

— Кто там? — послышался женский голос. Я узнала бы его в любое время, но сейчас меня поразил несвойственный ему напуганный тон.

— Тетя! — закричала я. — Это я, Клавдия!

Агриппина выбежала из-за занавески. Как она изменилась! За эти тяжелые годы поблекли ее рыжевато-каштановые волосы, погасли искры в глазах. Пышная телом Агриппина похудела

до неузнаваемости. Она крепко прижала меня к груди и затем отступила назад.

— Пилат сделал правильный выбор. Ты делаешь честь человеку с его амбициями. Эта походка, великолепное платье, такое экзотическое.

— Мне повезло с учителями.

— То были счастливые времена...

— Явно не такие, как сейчас.

Я окинула взглядом комнату, чистую и прибранную, но обставленную старой мебелью, очевидно, сменившей не одного владельца. Где великолепные гобелены Агриппины, мраморные статуи и произведения древнего этрусского искусства?

— Ничего уже нет, — сказала она, словно прочитав мои мысли. — Тиберий конфисковал почти все. Немногое оставшееся пришлось продать. Я пыталась за выкуп освободить сыновей. — Она едва сдерживала слезы.— Клавдия, тебе не следовало сюда приходить. Как только Пилат мог разрешить? Единственная вина твоих родителей состояла в том, что они сохраняли верность Германику. Ты, наверное, должна ненавидеть меня.

Я обняла ее и крепко прижала к себе, пряча слезы, катившиеся из глаз.

— Мои родители сделали свой выбор. И я тоже.

— Дорогая моя девочка! — Она взяла меня за руку и повела в укромный уголок, где хранились семейные реликвии. — Я думала, что, разделавшись с моей семьей, Тиберий успокоится, но он решил запугать каждого из моих друзей.

Я села на шаткий стул напротив ее кушетки.

— Тетя, ты видела Марцеллу? Я не могу дождаться, когда закончится ее затворничество. Прошло уже столько времени...

— Твоя сестра проявила исключительную преданность. Она приходила сюда на прошлой неделе. Меня поражает, что она нашла в себе силы простить меня за ту злосчастную историю с Калигулой. Сколько раз я корила себя за то, что поддалась Ливии. — Глаза Агриппины наполнились слезами. — Судьба безжалостна. Из сыновей у меня остался один Калигула, и то только благодаря благосклонности к нему Ливии. Сейчас он живет у нее во дворце. Я очень скучаю по сыну.

Я воздержалась высказывать мнение относительно злой шутки, которую сыграла судьба. Агриппина хлебнула горя. И это ужасное место... Импульсивно я наклонилась и взяла ее за руку.

— Тетя, ты забыла, кто ты. Нам не пристало вести себя подобно крысам, загнанным в подвал. Я устрою прием такой, как раньше.

Агриппина повеселела.

— Мы с девочками так давно никуда не выбирались. Я так рада, что ты вернулась. Я слышала, у тебя шикарный дом.

— Мать Пилата не знала счета деньгам, вот она и тратила их направо и налево. — Я в смущении пожала плечами. — Мама тоже была бы не прочь ни в чем себе не отказывать. Я так часто вспоминаю ее.

— Лучше не стоит, — перебила меня Агриппина. — Достаточно знать, что она была бы счастлива и гордилась тобой.

Я терялась в догадках, как расценила бы мама мое посещение тети. Что касается Пилата, то он пришел в ярость, когда в тот вечер я все рассказала ему. Я не только пренебрегла его предостережением не появляться в доме Агриппины, но и завела разговор о приеме.

— Ты сошла с ума! — взревел он. — Вопреки твоим порочащим связям мне удалось наладить отношения с императором, а ты выкидываешь такой фортель. Ты хочешь лишить меня шанса получить продвижение?

— Пожалуйста, Пилат, — начала я, стараясь не плакать, — это мои единственные оставшиеся родственники. Агриппина такая замученная, она

стала как тень. Если бы ты ее только видел.

— Я не хочу видеть ее. Я не хочу, чтобы ты виделась с ней. Я не ясно выразился? Ты меня плохо слышишь?

— Я тебя прекрасно слышу. Не сердись. Но я обещала. Я сказала Агриппине, что устрою званый обед, как в старые добрые времена.

— Клавдия! — Он взял меня за плечи и посмотрел прямо в глаза. — Уже никогда не будет как прежде. Мы должны идти дальше.

— Но я дала слово. Я сказала, что мы устроим званый обед, когда будут проходить Римские игры. Я хочу пригласить...

— Римские игры проводятся в разгар праздника урожая. В своем ли ты уме?

— Пожалуйста, Пилат. Может быть, в какое-то другое время. Просто пригласим гостей. Только наших новых друзей.

— О чем ты говоришь? С твоими родичами у нас не будет друзей.

— Ну хорошо. Тогда только родственники. Мы бы снова почувствовали себя счастливыми и в безопасности, как раньше. — Я умоляюще посмотрела на него.

Ни один мускул не дрогнул на лице Пилата — посмертная маска, да и только.

— Ну ладно, Клавдия, — со вздохом сказал он, — если для тебя это так важно... Но никаких друзей, никаких артистов для развлечения гостей. Никого, кроме твоей тети, ее дочерей и, конечно, Марцеллы. Если кто-нибудь пронюхает об этом, могут быть неприятности.

У меня гора свалилась с плеч. Я повернулась, чтобы уйти. Голова уже была занята различными планами. Но Пилат остановил меня, положив руку на плечо:

— Постой.

Теперь-то что? Я задержала дыхание и напряглась.

— Ты не исполняла супружеские обязанности с тех пор, как вернулась из храма Исиды. Сегодня ночью ты разделишь со мной постель.

Чтобы устроить обед для узкого круга родственников, я затратила не меньше усилий, чем на проведение одного из приемов Пилата. Я снова и снова вспоминала об отце и матери, когда продумывала детали приема гостей. Как жаль, что рядом нет моих родителей. Мама давала бы мне советы, а отец радовался бы, видя, как мы хлопочем. Я вытирала слезы, капавшие на табличку, когда делала на ней записи. Пусть немногочислен круг приглашенных, но наша встреча должна

стать большим событием.

На закуску всем подали тунца в остром соусе с гарниром из салата-латука, душистой руты и лука. Затем горячее: устрицы, фаршированные мясом дичи, и запеченные мозги страуса — любимое кушанье отца, которое мама часто для него готовила. На десерт вышедшие вереницей рабы с торжественным видом вынесли блюда со сладостями и кондитерскими изделиями, причем каждый последующий деликатес по изысканности превосходил предыдущий. Под конец в тот теплый осенний вечер сенсацией стал снег, доставленный с северных гор. Хотя он по большей части растаял на тарелке, произведенный им эффект был ошеломляющим.

Пилат категорически заявил: никаких танцоров, комических артистов, музыкантов или фокусников. Правда, нам повезло с одной из наших рабынь, весьма неплохо игравшей на флейте. Но, даже не будь ее, мы бы не скучали, потому что не могли наговориться. Сначала на нас нахлынули горькие воспоминания. Разве забудешь потерю близких? Но потом радость встречи пересилила печаль. Мы больше не скрывали восторга. Вечер прошел замечательно. Агриппина все еще поражала своим царственным видом,

хотя облачилась в остатки прежней роскоши. Длинноногая «крошка» Агрипилла, которой исполнилось уже одиннадцать, беспрестанно смеялась. Друзилла и Юлия, слегка похудевшие и в простых нарядах, стали еще более привлекательными по сравнению с тем, какими они мне запомнились в Антиохии. Но Марцелла все же оставалась первой красавицей нашей семьи. В белых одеждах и с простой прической, она привлекала к себе внимание, прежде всего своими миндалевидными глазами — таинственными и умными, чарующим, бархатистым голосом и неторопливой речью. Любые слова из ее уст звучали как нежное воркование. Немыслимо представить, что весталкам возбранялся даже легкий флирт. А за нарушение обета целомудрия их хоронили заживо.

Пилат удивил меня. Он, казалось, остался довольным, что я приняла его условия. За ужином муж со всеми обходился как радушный хозяин, но особое внимание он уделял Агриппине. Пилат посадил ее справа от себя и, ухаживая за ней, предлагал самые лакомые кусочки. Интересовался, какое вино она предпочитает, и приказывал рабыне исполнять ее любимые песни. Я видела, как воодушевилась Агриппина, демонстрируя

порой свою былую беспечную самоуверенность. «На Пилата снизошла благодать Исиды», — думала я. Если он захочет, он способен являть доброту. Как я могла забыть об этом?

Наша вечеринка закончилась слишком быстро. Агриппина с девочками отправились домой в нашем паланкине. Рабы шли впереди него и факелами освещали дорогу. Пилат разговаривал с Марцеллой, довольный, что он встретился со свояченицей, о которой так много слышал. Он убеждал ее, что она превзошла все его ожидания. В конце концов, извинившись, муж удалился в свои покои. Марцелла, получившая разрешение погостить у нас один день, будет ночевать на моей половине. Я с таким нетерпением и так давно ждала этой встречи. Но сейчас я чувствовала себя стесненно. Неужели эта незнакомка — та самая смешливая и импульсивная подруга, которой мне недоставало все эти годы?

— Ты была с мамой и папой в последний час? — спросила я.

— Да. — Она взяла меня за руку. — Ты ничего не слышала о том... о том приеме?

— Нет, — недоуменно ответила я. — О каком приеме?

— О, это было нечто грандиозное! — Марцелла

говорила медленно и взволнованно. — К ним на пиршество пришли человек сто, те, кто действительно любил их и не испугался гнева Тиберия. Нас угощали превосходными блюдами. А какие замечательные артисты выступали! Ты себе представить не можешь! Мама и папа буквально сияли. Они ходили среди гостей, улыбались и весело разговаривали с ними, словно присутствовали на свадьбе. — Марцелла замолчала, глотая слезы. — Затем в разгар вечера рабы подали вкуснейшее вино, какое еще никто никогда не пробовал, редкое, дорогое вино высшего качества, привезенное из Галлии. Папа и мама выпили вместе со всеми, сказали друзьям, чтобы они продолжали пить и веселиться, и попрощались с ними.

— Ты все это видела своими глазами, Марцелла? Какой ужас! — Я обняла ее, в страхе ожидая, что будет дальше.

— Взявшись за руки и все так же улыбаясь, они под звуки музыки удалились из комнаты. В ванной папа вскрыл себе и маме вены. — Марцелла содрогалась от рыданий, и я тоже. — Успокойся, — всхлипывала она, вытирая слезы покрывалом с кушетки. — Пиршество стоило таких больших денег, что Тиберий уже ничего не мог конфис-

ковать.

Прижавшись друг к другу, мы заливались горькими слезами, не в силах произнести ни слова. Горе сплотило нас, но закончились ли наши невзгоды? Прошло так много лет со времени нашего девичества. Мы стали женщинами и идем разными путями. Очень разными. Лежа с Марцеллой, как в детстве, на большой кушетке, я вспоминала те ночи, когда мы мечтали о том, какими важными дамами мы станем, какие великолепные и любящие у нас будут мужья. Как мы верили в себя, в свою удачную судьбу!

Куда девались наши дружеские отношения, легкость общения, простота, с которой мы некогда делились своими грезами и тайнами?

Наконец Марцелла заговорила:

— Пилат красивый. Ты, вероятно, счастлива с ним.

— Очень счастлива, — согласилась я. Могла ли я поведать весталке, что мой муж удовлетворял мою плоть, но душа оставалась опустошенной? Прервав неловкое молчание, я спросила: — Тебе трудно справляться со своими обязанностями?

— По правде говоря, трудно. Мое обучение закончилось, теперь я совершаю священные обряды, пеку хлеб.

Марцелла никогда не отличалась хорошим знанием обрядов, а чтобы печь хлеб...

Наступила долгая тишина, и потом она сказала:

— Вы с Пилатом не побоялись пригласить к себе гостей. Твой муж был таким обходительным с тетей.

— Пилат — само очарование, когда он чего-то хочет. Интересно, что ему нужно сейчас?

— Может быть, тебя.

— Но я у него уже есть.

— Такая ли, какую он хотел бы иметь?

Я пристально посмотрела на Марцеллу. Что весталка может знать о супружеской жизни? Мы снова замолчали. Вскоре дыхание сестры стало ровным, но я еще долго не могла заснуть. Она не счастливее, чем я, несмотря на свой кажущийся оптимизм. Почему это пугает меня?

На следующее утро, садясь завтракать, я обратилась с молитвой к Исиде: верни мне сестру. Инкрустированный слоновой костью стол был заставлен тарелками с фигами, финиками, хлебом и сыром различных сортов.

— Он такой вкусный, — сказала Марцелла, взяв второй ломтик сыра и хлеб.

— Это египетский. Пилат обожает его. Я нашла

его в лавчонке на улице Велабрун, у подножия холма,

— Ты в Риме всего ничего, а уже знаешь, где улица Велабрун. Ты видела ее во сне?

Я почувствовала, что она подшучивает надо мной, и успокоилась.

— Я часто отпускаю Рахиль с паланкином и хожу по городу одна, чтобы освоиться здесь.

— А как муж относится к этому?

— Он слишком занят, чтобы обращать на это внимание. Мы перебрались в Рим по совету одного знакомого, занимающего высокое положение. Он считает, так будет лучше для карьеры Пилата. Может быть, ты знаешь его. Это — Луций Сеян.

Марцелла перестала есть фиги и с удивлением посмотрела на меня:

— Да уж, действительно высокое положение. Все знают префекта преторианских когорт. Тиберий доверяет ему одному, кроме ненавистной Ливии.

— Неудивительно, что Пилат ходит такой довольный.

Я немного помолчала и, наклонившись всем телом вперед, доверительно призналась:

— Я завидую тебе.

Марцелла запрокинула голову и разразилась

веселым, журчащим смехом. В своей белой тунике без повязки на голове она походила на ребенка, развлекающегося переодеванием в одежду взрослых. У сестры, наголо постриженной при посвящении в весталки, сейчас были короткие вьющиеся волосы.

— Ты, — говорила она, не переставая смеяться, — ты, имеющая все, завидуешь мне?

— Сначала я принадлежала отцу, теперь —Пилату. Случись мне пережить его, опекать меня станет мой сын, если он родится, или какой-нибудь другой мужчина.

— Это все для твоего же блага.

— Тебе не нужно обращаться к мужчине за чем-нибудь. — Я повысила голос, заметив недоумение на ее лице. — Если вдруг мы разведемся, Пилат заберет детей. И чего-то другого не приходится ожидать.

— Не собираешься ли ты разводиться с ним? — Марцелла смотрела на меня широко открытыми глазами.

— Теперь уже нет, — вздохнула я. Почему она не может понять? Некоторое время мы молчали. — Мужчины могут делать все, что хотят. Пилат мог бы убить меня, и никто не привлек бы его к ответственности.

Марцелла наклонилась вперед, ее щеки пылали.

— Только если бы у тебя был любовник. У тебя есть любовник?

— Конечно, нет! Я хочу сказать, что ты, весталка, никак не зависишь от мужчин.

— Я плачу за это дорогую цену.

— Подумай лучше, с каким уважением к тебе относятся, как тобой восхищаются, — напомнила я. — Тебе предоставляется почетное место в театрах и на торжественных церемониях. Именитые особы отдают тебе на хранение свои завещания. К тебе приходят за советом. Ты окружена почетом. Я же существую лишь для того, чтобы угождать и доставлять удовольствие Пилату.

— Я бы ничего другого не желала, кроме как доставлять удовольствие мужчине.

— Допустим, ты не можешь доставить удовольствие мужчине, которого любишь, какое-то непродолжительное время.

Предположим, он захотел разнообразия, потому что не привык быть в близких отношениях только с одной женщиной. Представь себе, что для него имеет значение лишь власть и влияние. И ты все равно стремилась бы доставлять ему удовольствие, не желая ничего другого?

Марцелла вздохнула:

— Кажется, жизнь сыграла с нами злую шутку. Я бы с радостью отказалась от независимости, которая так прельщает тебя, ради замужества, даже если оно — лотерея.

— Ты действительно так считаешь или просто веришь, что у тебя будет все иначе?

Марцелла пожала плечами:

— А разве каждая женщина не убеждена в своей способности все сделать иначе?

Наш разговор неожиданно прервал Пилат, заглянувший к нам, прежде чем отправиться по своим делам. Марцелле пора было возвращаться в храм Весты.

После этого мы виделись с сестрой часто. Она приходила к нам на тихий семейный ужин, а я навещала ее в храме. Иногда ей разрешали выходить вместе со мной, когда давали мелкие поручения. Мы отправлялись в роскошном храмовом паланкине белого цвета, с позолотой, занавесками из белоснежного шелка и украшенном цветами. Впереди шли ликторы с фасциями — пучком розог с воткнутыми в них топорами. Наше появление вызывало всеобщее волнение. Люди обступали нас плотным кольцом, чтобы ближе разглядеть Марцеллу. Однажды на улице

началась драка из-за того, что какой-то бедолага споткнулся и угодил под паланкин. Ему не повезло. Всем известно, что такая оплошность карается смертью. Как-то раз на нашем пути попался преступник, его вели на казнь. Нечаянная встреча со святой весталкой могла означать спасение от смерти. Конечно, Марцелле пришлось поклясться, что это случайность — так оно и было на самом деле, — но убийцу, как я потом узнала, отпустили на свободу.

Вскоре нам снова представился случай поговорить о личной жизни. Марцелла пришла в ужас от моего рассказа о змеиной яме, но она отказывалась поверить, что Пилат имел к этому какое-то отношение. Понятно, мой муж произвел на нее впечатление и она восхищается им.

— О таком муже, как у тебя, может мечтать любая женщина, — заметила она. — И он любит тебя.

— Единственная любовь Пилата — это власть.

— Вот как? Противоположности сходятся. — Она глубокомысленно улыбнулась. — Вспомни наше детство. Ты всегда была какая-то неземная, будто не от мира сего, чуточку., ненормальная.

— Пилат согласился бы с тобой. Но что он знает?

Марцелла засмеялась:

— Значит, он не произвел на тебя впечатления, какое ему хотелось бы. Мне кажется, ты его немного удивляешь.

— Не имею понятия. — Я покачала головой, не представляя, что еще сказать. — Откуда ты все это знаешь?

— Мы, весталки, многое видим. Люди приходят к нам не только для того, чтобы оставить завещание. Они отводят душу, рассказывая нам о своей жизни, признаются в разных грехах, потому что они считают нас святыми, чуждыми всего земного. Иногда мы слышим поразительные истории.

Марцелла вздохнула и перевела разговор на другую тему.

Близился декабрь, а с ним — сатурналии, празднества в честь бога Сатурна. Они приходились на вторую половину месяца, когда завершалась жатва, и продолжались до самого короткого дня в году, символизировавшего конец зимы. По преданию, давным-давно в Италии правил Сатурн, низвергнутый своим сыном. Его царствование считалось золотым веком, когда, по словам Овидия, «вечно стояла весна», «урожай без распашки земля приносила» и «сладкий вкушали покой безопасно живущие люди». В память об этих

временах и устраивались пиршества. Все предавались беззаботному веселью, пели, плясали. Друзья и родственники обменивались подарками. Я впервые отмечала сатурналии в Риме, и меня сразу захватила круговерть праздников.

Они начались семнадцатого декабря торжественной церемонией перед храмом Сатурна. Жрецы совершили обряд жертвоприношения и молились о том, чтобы следующий год принес богатый урожай. Рабов в этот день освободили от труда и дали разрешение гулять на пирушках. Деловая жизнь приостановилась, магазины закрывались, так что все люди имели возможность принять участие в празднествах. Пилат и я вместе с друзьями и знакомыми расхаживали в шапках вольноотпущенников и приветствовали всякого встречного возгласом «Jo Saturnalia!». Рабы и господа поменялись местами. При содействии одного из организаторов приемов я устроила отменное застолье для рабов, как для почетных гостей, а мы с Пилатом им прислуживали. Усталые, но довольные собой, мы присели отдохнуть, только когда наши временные господа и госпожи съели все подчистую.

Мы с Пилатом часто ходили на вечеринки и за столом возлежали на одной кушетке, чего не

случалось уже многие годы. Мне больше всего запомнились празднества в храме Меркурия. Отправляясь туда, я надела накидку из серебристо-голубого шелка, привезенного с Дальнего Востока. На шее висел кулон из звездного сапфира — подарок Пилата к сатурналиям. Камень изумительный. Муж сравнил его цвет с цветом моих глаз.

Когда я вошла в просторный, заполненный людьми храм, я заметила Марцеллу в обществе двух других весталок. Сестра игриво подмигнула мне. Этим ограничилось наше общение в тот вечер, потому что не представился случай перебросить и двумя словами. Встреча с ней не удивила меня. Храмы Весты и Меркурия символически соседствовали друг с другом. Если круглый очаг Весты находился в доме, то столпообразный пьедестал Меркурия ставили у двери. Если ее огонь символизировал безгрешность, то бог с порога приглашал в дом плодородие и плодовитость. Священное пламя Весты согревало жилище, а Меркурий вел за собой в большой мир, где требовались смекалка, умение и удачливость.

Жрецы Меркурия не отличались особым благочестием. Устроенное ими развлечение ока-

залось самым непристойным из всех виденных мной зрелищ. Жонглеры и акробаты выступали обнаженными в запруженном людьми зале, украшенном венками и гирляндами. Под звуки флейт, лир и водного органа танцевали девушки и юноши, чью наготу едва скрывали лоскуты полупрозрачной ткани. Кое-кто из гостей плясал прямо на столе. Некоторые там же предавались любви — втроем, вчетвером и при участии большего числа партнеров.

Вино, близость наших тел, эротические движения одних пар, ради приличия накинувших на себя столу, и бесстыдное соитие других на глазах у всех воспалили меня. Свои супружеские обязанности я исполняла почти равнодушно. Сейчас, в первый раз, я пожелала Пилата.

— Почему бы нам не вернуться домой? — шепнула я ему на ухо.

Его глаза вспыхнули огнем.

— Почему бы нам не найти укромное местечко прямо здесь?

Мое сердце учащенно билось при виде намасленных тел, блестящих при свете ламп. Идея заняться любовью в храме показалась мне заманчивой. Только зачем нужны стоящие тут и там фаллические статуи Меркурия? Разве сатур-

налии не время для безрассудства? Никем не замеченные, мы выскользнули из зала и нашли уединенную комнату. К сожалению, не только нам пришла в голову такая мысль. Находившаяся там пара ничего не замечала вокруг. Но я увидела их и остановилась в дверях как вкопанная.

В женщине я узнала Марцеллу.

Глава 21
Месть Весты

В ту ночь я спала очень плохо, часто просыпалась, меня мучили кошмары, из которых я могла вспомнить лишь обрывки. Марцелла одна в кромешной темноте. Кричит, зовет на помощь, но к ней никто не идет. Марцелла погребена. Теперь я поняла, что до меня доходили сигналы, но я не осознала их смысл. Если Фортуна решила ее судьбу, то Марцелла обречена. Нет! Я не допущу этого. Должен же быть какой-то выход.

На следующее утро после празднования сатурналий в храме Меркурия я, несмотря на нервную дрожь и усталость, первой пришла в храм Весты. Хотя по улицам уже бродили толпы гуляющих, я уговорила Марцеллу пойти со мной.

Как только мы расположились в моем палан-

кине за задернутыми тяжелыми занавесками, я сообщила ей все, что видела. Как и каждая влюбленная женщина, Марцелла радостно начала рассказывать о предмете своей страсти. Она познакомилась с Квинтием Аттиком, молодым всадником из знатной семьи, когда он приходил в храм по делу о завещании отца.

— Мы полюбили друг друга с первого взгляда, — призналась Марцелла, — но, если бы мы не встретились снова на празднестве в храме, ничего бы не произошло. Ты допускаешь, что наш союз благословил Меркурий?

— Может быть, но только не Веста. — В ярости мне захотелось задать ей хорошую взбучку. — Ты не представляешь, как рискуешь. Ты же знаешь, какое тебе грозит наказание.

Будто не слыша меня, Марцелла продолжала:

— Я отнесла цветы в храм Венеры в знак признательности за случившееся. Мне казалось, что я умру, не познав любовь.

— Ты с ума сошла! — выпалила я. — Что могут подумать люди, увидев, как весталка делает пожертвования Венере?

— Я сказала, это ради тебя. Ты молишься о том, чтобы зачать ребенка. Честно говоря, и я тоже молилась. — Марцелла улыбнулась, довольная

своей находчивостью.

— Тебе здорово повезло, что вас никто не видел. Ты потеряла голову с этими праздниками. Поклянись мне, поклянись именем мамы никогда, слышишь, никогда не делать ничего подобного.

Марцелла широко раскрыла глаза.

— Я не могу. Я уже сделала это. Рано утром мы встречались за Марсовым полем. Там не было ни души. Все еще не могут прийти в себя после вчерашних гуляний.

Не нужно обладать даром предвидения, чтобы понять: Марцелла обречена. Рано или поздно ее застанут врасплох с Квинтием и накажут. Я еще долго пыталась вразумить сестру.

Пилат побелел, когда я рассказала ему обо всем.

— Она что — рассудок потеряла? Понимает ли она, что делает себе и нам?

Не дожидаясь паланкина, он помчался к Квинтию, чтобы заставить его немедленно положить конец этой связи. Но его усилия оказались напрасными.

Не прошло и месяца, как их застукали. На Марсовом поле несколько подростков рано утром соревновались в преодолении препятствий на лошадях. Одна из них споткнулась и сбросила

юного всадника в ров, где расположились Марцелла и Квинтий. Возможно, ребята не стали бы поднимать шума, но их всегда сопровождали мамаши, болевшие за своих чад. Эти гарпии не стали держать язык за зубами.

Теперь только Тиберий, как понтифекс максимус[12], мог спасти жизнь Марцеллы. Я умоляла Пилата попросить за нее. Почти в деликатной форме он напомнил мне о неприязни, питаемой императором к моим родителям, и очевидной опасности для меня.

— Мне до этого нет дела, — возразила я. — Я должна увидеть его. Тебе ничего не стоит устроить встречу с ним.

— Я не могу и не буду ничего устраивать.

Я не могла видеть выражения его лица; он крепко прижал меня к своей груди, но интонация его голоса удивила меня. Я окончательно поняла, что если можно что-то сделать, то этим должна заняться я сама.

Неожиданный случай представился в тот же вечер, когда Луций Сеян, фаворит Тиберия и патрон Пилата, пришел к нам на ужин. Приятной наружности и с изысканными манерами, он про-

---

[12] Примечания: 12
Верховный жрец *(лат.).*

слыл дамским угодником. Он любил флиртовать, и я ему нравилась. Поэтому мне не составило труда улучить момент и изложить свою просьбу.

— Пилат говорит, что получить аудиенцию у императора невозможно, но мне почему-то кажется, что вы...

На следующий день мне доставили изумительную резную шкатулку из слоновой кости с коротким посланием от Сеяна. Тиберий согласен принять меня в тот же вечер. Говорить об этом Пилату я, конечно, не стала, чтобы он не вставлял палки в колеса. Благо к нам нежданно-негаданно пришли несколько знакомых офицеров, и, когда Пилат сидел с ними в таблинуме[13], я выскользнула из дома через черный ход. Я не взяла Рахиль с собой, потому что не хотела втягивать ее ни в какие непредвиденные ситуации. Она нехотя наняла паланкин, и я отправилась одна.

Во дворце, как всегда, у каждой двери стояла охрана, но кто-то — либо Сеян, либо сам Тиберий — предупредил ее о моем приходе. Начальник караула небрежно кивнул мне и повел внутрь. Во дворце было тихо, не раздавалось ни звука, кроме шлепанья наших сандалий по мраморному

---

[13] Примечания: 13

Таблинум — в древнеримском доме помещение за атриумом.

полу. От страха у меня кружилась голова, когда мы вошли в личные покои императора. Меня ошеломили бесценные произведения искусства, собранные там, и откровенная эротика их сюжетов. На одной из фресок был изображен Юпитер в образе быка, похищающего Европу, на другой — он же в образе лебедя, соблазняющего Леду.

Когда я рассматривала третью — Юпитера, в сверкании молний испепеляющего прекрасную Семелу, в комнату тихо вошел Тиберий. Он с ног до головы окинул меня взглядом. Я подумала, что он, наверное, слышит, как колотится мое сердце. Где-то под нами находится темница, где гноят Друза. А недавно распространились слухи о том, что император предается разврату, принуждает к интимным связям женщин, жен офицеров, впавших в немилость. Мысленно молясь Исиде, я заставила себя поднять взор на Тиберия.

Меня поразило, как он изменился за минувшие десять лет. Его лицо осунулось, а тело с широкой, как у быка, грудной клеткой распухло и обмякло, взгляд налившихся кровью глаз стал угрюмым.

— Маленькая провидица стала настоящей красавицей, — наконец произнес он, прервав затянувшееся молчание. — Если бы не эти глаза, я бы ни за что не узнал тебя. Ты все еще предска-

зываешь будущее? Достойно похвалы сделанное тобой для меня при нашей последней встрече.

— Наша встреча в цирке Не последняя. Была еще одна, — напомнила я ему, — церемония посвящения моей сестры в весталки. Я пришла как раз по поводу Марцеллы.

— Ах да. Греховодница-весталка. Ты пришла просить за нее?

— Вам не кажется, что в этих неблагоприятных условиях...

Тиберий поднял густую бровь.

— В каких неблагоприятных условиях?

— Она не собиралась стать весталкой.

— По-видимому, нет, — сказал он и опустился на кушетку.

— Позвольте заметить, — я села напротив него, — когда ее отдавали в общину весталок, была допущена ошибка. Она не подходила по возрасту.

— И, как я понимаю, не удовлетворяла некоторым другим требованиям.

— Марцеллу отдали в весталки против ее желания.

— С каких это пор у женщины спрашивают ее желание? Отец принимает решение, что лучше для его дочери.

— Мой отец ничего не решал. За него все реши-

ла ваша мать.

На лице Тиберия промелькнуло удивление. Это произошло так быстро, что я подумала, не ошиблась ли я, но потом оно снова приняло выражение непроницаемой маски. Мои слова повисли в воздухе.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он заговорил:

— Ты, наверное, очень любишь сестру.

— Иначе я не стала бы вас беспокоить.

— Тогда мне жаль тебя.

— Но у вас есть выбор, — напомнила я. — Какое-нибудь другое наказание, например ссылка, но только не смерть.

— Она знала, на что идет. Наказание установили сотни лет назад, еще во времена зарождения самого Рима.

— Как император, вы вольны изменить его.

— Как император — может быть, но как понтифекс максимус — никогда. Даже если бы я пожелал спасти твою сестру — но я этого вовсе не хочу, — я бы не смог что-либо сделать. Дать ей возможность избежать наказания, проявить снисходительность —значит подорвать устои империи.

— Но ведь можно что-то...

— Нет, нельзя. — Он поднялся с кушетки, на которой полулежал, и медленно подошел ко мне. Взяв меня за подбородок, он приподнял его, Я опять заставила себя посмотреть ему в глаза. Снова нескончаемая пауза. Наконец он сказал: — Ливия ошиблась в тебе, ошиблась с самого начала. Ты совсем не мышонок. Ну хорошо. Сделаю тебе снисхождение. Твоей сестре придется расстаться с жизнью, как требует закон, но ты можешь увидеться с ней сегодня вечером, а завтра проводить ее в последний путь.

Оставался единственный шанс, я не должна его упустить.

— Ее грех не так уж велик — это не то, чтобы она позволила угаснуть священному огню. Неужели она заслуживает такой мучительной смерти? Разве нельзя избрать какую-нибудь быструю кару? Например, сильный удар. — Я замолчала, сердце у меня вырывалось из груди. — Вы могли бы разрешить ей самой лишить себя жизни.

— Дорогуша моя, — он устало вздохнул, — ты знаешь не хуже меня, какое полагается наказание. Достаточно того, что у нее будет тихая, бескровная кончина. А Квинтия Аттика засекут до смерти.

Тиберий взял клочок папируса со стола, зава-

ленного свитками, быстро нацарапал на нем несколько слов — он должен был служить пропуском — и вручил его мне. Все это он проделал в исключительно любезной манере. Он что — насмехается надо мной? Впрочем, какое это теперь имеет значение?

Мои носильщики доставили меня прямо к атриуму Весты. Там служитель проводил меня в комнату Марцеллы, небольшую, но уютную и светлую. Сестра сидела за письменным столом, на котором стоял букет фиалок, и что-то писала.

Когда я вошла, она перестала писать и удивленно посмотрела на меня. Потом вскочила, опрокинув стул, и бросилась ко мне. Мы обнялись.

— Я пыталась, но все напрасно, — сказала я с дрожью в голосе. — Тиберий был непреклонен. Никакие доводы на него не действовали.

Марцелла широко открыла глаза:

— Ты ходила к Тиберию? Святая Веста! О чем ты думала? Ты не знаешь, на что он способен? Он ненавидит всех, кто имеет хоть какое-то отношение к Германику и Агриппине. Только Фортуна спасла тебя, когда не стало родителей. Если бы ты жила в Риме...

— Пилат постоянно твердит то же самое. Но

что толку? Нельзя упускать ни малейшего шанса. Тиберий по крайней мере разрешил увидеться с тобой. Я думала, ты в тюрьме.

— А зачем? Куда я денусь?

— Теперь я вижу.

— Другие весталки очень добры ко мне. — Марцелла показала рукой на цветы. — Они, наверное, будут скучать по мне. Я как раз писала тебе письмо. Ты получила бы его завтра после... — У нее впервые дрогнул голос. — Квинтий. Я хотела написать и ему.

Я с горечью покачала головой.

— Неужели? — Марцелла побледнела как полотно. — Бедняга. Он был таким сильным и красивым.

— Ты тоже, Марцелла. Я не знаю никого, кто мог бы сравниться с тобой в жизнерадостности.

— Но я не жила, пока не встретила Квинтия. Я пыталась принести здесь максимум пользы, иногда делала глупости, играла с маленькими девочками, старалась облегчить им жизнь в этих стенах. Научила чему-то старших подруг, стремилась наполнить радостью их будни. — Озорная, хорошо знакомая мне улыбка на мгновение озарила ее лицо. — Но разве это жизнь? Она не по мне. Я готовилась к чему-то иному. Мы не

созданы для спокойной жизни в этом мире. И, полюбив, мы обречены на страдания.

— И даже на смерть?

— Если так будет угодно судьбе.

Я в изумлении посмотрела на Марцеллу:

— Ты ни о чем не сожалеешь?

— Мне жаль, что нас увидели. Это случилось бы рано или поздно. Пусть лучше бы поздно.

В этот момент вошла весталка с покрасневшими от слез глазами и сказала, что мне пора уходить.

На следующий день я сидела подле Марцеллы, лежавшей на похоронных носилках, словно она уже умерла. Я держала ее за руку все время, пока траурная процессия двигалась по улицам Рима. Пилат с выражением скорби на лице ехал на лошади рядом с нашей повозкой. Сразу же за нами следовала колесница, где находилась Агриппина с дочерьми. К счастью, Калигула и Ливия избавили нас от своего присутствия — они проводили зиму на Капри.

Я ожидала услышать насмешки и издевки, но толпа, как ни странно, молчала, очевидно, захваченная необычностью происходившего. Люди стояли с серьезными лицами вдоль дороги, ведущей к Злодейскому полю у Коллинских во-

рот. Хотя меня утешало, что нашим родителям не довелось пережить ужаса прощания с дочерью, я знала, что они гордились бы ею, как и я.

Люди восхищались мужеством Марцеллы, спокойно лежавшей на похоронных носилках, с восковым лицом, без слезинки в ясных очах. Ее холодная как лед рука за все время ни разу не дрогнула. По прибытии на место не проводилась никакая церемония, не выполнялись никакие торжественные обряды, не исполнялась погребальная песня.

Быки, тащившие повозку, флегматично стояли, когда Марцеллу подняли с похоронных носилок. Она медленно, без посторонней помощи и с большим достоинством направилась к свежевырытой могильной яме рядом с воротами. Не полагалось никаких прощальных объятий, лишь последний взгляд на меня и улицы, на траву, на которую выпала утренняя роса. Солнце только что встало. День будет ясный. Марцелла провела рукой по большому кусту герани, росшему у каменной стены. На мгновение ее пальцы задержались на бархатистой поверхности листа. Сердце мое разрывалось на части, когда я наблюдала, как Марцелла повернулась и начала спускаться в небольшое углубление, достаточное, чтобы там

поместились ложе и стол. На нем оставили масляную лампу и немного хлеба, воды и молока.

Вход быстро замуровали, засыпали сверху землей и утрамбовали ее. Вскоре не останется и следа могилы. Смысл ритуала очевиден: жизнь весталки, символизирующая священный огонь, ничего не стоит, когда она перестает олицетворять богиню, затем ее засыпают землей, как тлеющие угли в очаге. Будто она вовсе не существовала.

Я отвернулась и положила руку на живот, как бы защищая его. Среди этого ужаса я вдруг почувствовала, что ношу ребенка, девочку. «Я всегда буду помнить тебя, Марцелла, — молча дала я обещание, — и назову дочь твоим именем».

Глава 22
Моя вторая мать

Темно, как ночью. Темно, как в могиле. Да, я в могиле, похороненная заживо. Раздается крик, мой крик. Я бью кулаками по влажной стене склепа:

— Выпустите меня!

Никто не идет. И никогда не придет. Отчаянные вопли эхом отзываются во мраке. Потом наступает тишина. Мертвая тишина...

Откуда-то долетает смех. Девушка, кружащаяся в танце, машет мне рукой. Это Марцелла. Она прекрасна в своем голубом наряде. Калигула дергает ее за рукав. Марцелла давно... во дворце. Как замечательно! Пиршество в полном разгаре.

— Ты жива? — Я не верю своим глазам.

— Еще живее, чем ты, Клавдия. — Она крутит пируэты, размахивает руками, словно лебедь крыльями, готовая полететь. — Иди домой! Иди домой! — Снова озорной смех.

— Я не могу. Я в твоей могиле.

— Никакая могила не удержит тебя, и меня тоже. Открой глаза. Торопись жить. Наслаждайся жизнью. Наслаждайся ею за меня.

Марцелла исчезла.

Издалека доносятся чьи-то слабые голоса. Рахиль? Агриппина? Это они? Мои веки, словно налитые свинцом, не открываются. Еще голос, более громкий. Пилат? Нет, сюда он не придет. Почему меня не выпускают?

— Ну наконец. — Агриппина склоняется надо мной. Она любовно поглаживает рукой по одеялу. — Мы скучали по тебе.

Рахиль тоже подле меня.

— Вот уже несколько дней мы не слышали от вас ни единого слова, — сказала она.

Я силюсь приподняться.

— Я ощущала ваше присутствие, но я так устала. Устала говорить и не могла понять, что реальность, а что нет. Пилат... Я знала, что он тоже здесь. Он так добр.

— Добр — не то слово! — воскликнула Агриппина. — Трагедии, постигшие нашу семью, а теперь этот ужасный скандал... Другой на его месте развелся бы с тобой.

— Если он пожелает поступить так, я всегда могу уйти в храм Исиды. — Произнося эти слова, я знала, что не хочу этого.

Будто уловив мои мысли, в дверях появился Пилат. На нем была белая туника с узкой полоской всадника на правом плече. Густые каштановые волосы коротко подстрижены на военный манер, и это ему очень шло.

Он пересек комнату, подошел к моей кушетке и наклонился, чтобы усадить меня. Его глаза внимательно изучали мое лицо.

— Ты вернулась к нам.

Я заметила легкий плащ на его плечах.

— Да, я вернулась. А ты должен уходить сейчас?

— Я еще точно не знаю. Сеян вызвал меня по срочному делу, но я не оставлю тебя.

Он словно на иголках, про себя отметила я. Не похоже на Пилата. Мне уже было лучше, и я улыбнулась. Что со мной про-изошло? Казнь Марцеллы... Весь этот ужас... Я не должна думать об этом. Но ее пожелание... Сон как наяву. «Торопись жить». Марцелла никогда не могла долго оставаться мрачной.

— Я буду ждать тебя, — сказала я Пилату и поцеловала его.

Я проснулась и почувствовала запах роз, Светло-розовые и желто-оранжевые умеренного оттенка, они стояли повсюду. На низком столике рядом с моей кушеткой два хрустальных графина — один с вином, а другой с водой, два золотых кубка и серебряное блюдо с медовыми пирожными. До чего замечательными были последние дни!

Повернувшись, я увидела Пилата, сидевшего подле меня. На его губах играла улыбка. Неужели он не отходил от меня, пока я дремала? Я провела пальцами по его плечам, наслаждаясь прикосновением к его нежной коже и теплой плоти.

— Решай, что мы будем делать, — сказал он. — Либо мы идем на званый ужин к Сеяну, либо вдвоем ужинаем дома.

Я удивилась такому предложению мужа, который предпочитал уйти из дома со мной или

без меня.

— Мы уже приняли приглашение, — напомнила я ему.

Пшат пожал плечами:

— Я могу отправить раба, чтобы передать наши извинения.

Я внимательно рассматривала его из-под ресниц. Луций Элий Сеян, префект преторианских когорт, в имперской иерархии занимал второе место после Тиберия. Если только представить, чем мог поплатиться Пилат, отклонив приглашение, муж проявил великодушие ко мне. Он, конечно, знал, как я не хотела возвращаться к светской жизни. Я страстно желала воспользоваться представившейся возможностью, но решила не искушать судьбу.

— Мы впустую провели полдня, — сказала я, лениво потягиваясь. — Пора вставать и заниматься делами.

Пилат вознаградил меня улыбкой.

— Ты можешь идти, — сказала я, слегка толкнув его в грудь. — Я должна собраться.

Он не протестовал, что его выпроваживают. Через минуту явилась Рахиль, чтобы приготовить мне ванну. Пока я плескалась в теплой воде, она принесла мой выходной наряд из полупрозрач-

ной ткани бледно- и темно-лилового цвета.

— Самый подходящий случай надеть вот это.

У меня захватило дух при виде платья. Его сшили для вечера, который мы с Пшатом должны были устроить по случаю сатурналий, но его пришлось отменить.

— Почему бы нет? — Я решительно встала из ванны, и Рахиль обтерла меня. Жизнь продолжается вопреки всему. Мне казалось, будто Марцелла стояла рядом со мной, когда Рахиль надевала на меня темно-лиловую нижнюю тунику, а потом верхнюю, светло-лиловую и просвечивавшуюся настолько, что сквозь нее проступал более насыщенный оттенок. Поверх всего Рахиль водрузила еще более прозрачную накидку бледного розовато-лилового цвета. Потом она ловко скрутила мои густые волосы, закрепила их золотыми шпильками, а затем связала их и уложила кольцами, оставив свободными всего несколько прядей.

— Вы все больше походите на госпожу Селену, — сказала Рахиль, аккуратно посыпав на мои волосы золотого порошка из большого стеклянного пузырька.

— Не так, чтобы очень. Мама была красивая.

— И очень женственная. Вот и вы становитесь

такой же.

— Если ты говоришь правду, это потому, что Пилат любит меня. Я в этом уверена. Весь день у него одни деловые встречи. Вечера он проводит со мной. Больше никого нет. Он изменился. Ты, вероятно, это тоже заметила.

Рахиль нагнулась, чтобы надеть мне выходные сандалии с пурпурными строчками и рантом. Я не могла видеть выражения ее лица — она завязывала золотые ленты вокруг моих лодыжек.

Дворец Сеяна поражал роскошью. Богатством убранства он уступал лишь дворцу Тиберия. Я старалась успокоиться, когда рабы снимали с нас верхнюю одежду. Если не считать тех случаев, когда я на короткое время выбиралась из дома в своем паланкине с занавесками, сейчас я в первый раз выходила в свет после казни сестры. Как я могла выносить всеобщие насмешки и любопытные взгляды?

Голова пошла кругом от насыщенного запаха египетского фимиама и цветов, когда я стала окидывать взглядом внутренний двор. Я перепугалась, вдруг почувствовав приступ тошноты. Чтобы подавить его, я решительно взяла Пилата за руку. Гул голосов нарастал по мере того, как мы шли по галерее, расписанной фресками

с изображением резвящихся сатиров и нимф. Пилат поднял брови. Картина не давала воли воображению.

Пол был выложен мозаичными плитками замысловатого рисунка, а каждый предмет мебели покрыт позолотой. У стен стояли изумительные, выше человеческого роста скульптуры богов и героев. Сеян вышел встречать нас при входе в зал для приемов. Он снял с себя тяжелую тогу, чтобы не испытывать стеснения в движениях, и, как того требовал этикет, остался в одной тунике алого цвета с короткими рукавами, украшенной золотой вышивкой в виде листьев, гармонировавшей с его сандалиями. Сеян выглядел отлично, но мне показалось, что, как и мой отец, он блистал бы во всем великолепии в доспехах воина: в шлеме, панцире, ножных латах, с мечом на поясе, держа под уздцы боевого коня, грызущего удила.

— Пилат! Мой самый верный соратник, — сказал он, похлопав моего мужа по спине. Его губы на мгновение дольше задержались на моей щеке. Позади него в зале на кушетках, вырезанных в виде лебедей и инкрустированных ляпис-лазурью и перламутром, по двое и по трое возлежали с полсотни человек. Я вошла в зал в сопровождении Пилата и Сеяна, с которым я непринужденно

болтала, хотя у меня посасывало под ложечкой от нервного напряжения. Одна гостья разинула рот. Другая — плотно сжала губы и вонзила в меня осуждающий взгляд. Большинство улыбались с выражением превосходства на лицах, Почему они все насмехаются надо мной? Я вздернула подбородок. Как они смеют презирать меня? Как они смеют порицать Марцеллу? Мне захотелось чем-нибудь запустить в эти физиономии, чтобы с них слетели отвратительные маски. Но вместо этого, когда Сеян взял меня за локоть, я приосанилась и улыбнулась, сильно напрягая уголки губ, чтобы не дергались мышцы.

— Простите, что вы сказали? Я не расслышала.

Сеян усмехнулся:

— Я сказал, что, будь у меня возможность выбирать, кого пригласить к себе на ужин — вас или саму Венеру, я, не сомневаясь, оказал бы предпочтение вам. Не откажетесь ли вы с Пилатом сейчас составить мне компанию? — Он кивнул в сторону большой кушетки во главе стола. Я сделала глубокий вдох и взяла под руки Сеяна и Пилата. Вместе мы прошли в центр зала. Когда я устроилась на кушетке между этими двумя могущественными людьми, то почувствовала, что все взоры обращены на меня. В этот момент

из сеток, подвешенных под позолоченным потолком, посыпались лепестки роз.

Рабы подносили одно блюдо за другим и графинами черпали вино из чеканной золотой чаши, обложенной снегом, доставленным с гор.

— Как вам удалось не дать ему растаять? — спросила я Сеяна.

— Под полом находится помещение, со всех сторон выложенное свинцом. Это — изобретение моей жены Апикаты.

— А где она? — осмелилась я спросить. Не отсутствует ли она, потому что я здесь?

Будто прочитав мои мысли, Сеян с улыбкой сказал:

— Она проводит зиму с нашими детьми в Помпеях. Вы скоро ее увидите.

На соседней кушетке какой-то мужчина заливал вино в горло, так что оно текло по подбородку. Неистово заиграли лютни и флейты, потом включились рожки и трубы под аккомпанемент тамбуринов и цимбал. Закрытые на зиму окна не пропускали в зал воздуха. Было жарко и душно от запаха цветов и ароматических масел, которые мальчики брызгали нам на ноги. У меня снова начался приступ тошноты, но усилием воли я подавила его. Только не здесь, только не сейчас.

Пилат и Сеян развлекались, по очереди сдувая золотую пыль с моих волос, и смялись, когда она слетала на пол, а рабы сметали и собирали ее. Я тоже смеялась, начиная расслабляться. Вдруг я увидела женщину, наблюдавшую за нами. Высокая, с пышным бюстом и тонкой талией, темно-рыжими волосами и белой кожей, она выглядела импозантной в наряде цвета изумруда, с которым мог бы соперничать блеск ее зеленых глаз. Своей пленительной красотой она моментально создавала впечатление дикой, неукротимой страсти. Меня удивило, почему ненависть написана на этом идеальном лице, именно идеальном, ибо я еще никогда не встречала такого божественного создания. Постепенно осуждение на лицах гостей по отношению ко мне сменилось их интересом друг к другу. Почему же такая яростная враждебность со стороны женщины, мне совершенно незнакомой?

В этот момент Сеян перегнулся через меня, чтобы наполнить вином свой украшенный драгоценными камнями кубок. Рукой он слегка коснулся моей груди. От взгляда женщины ничего не ускользнуло. Так вот в чем дело! Бедняжка влюблена в Сеяна. Она ревнует. По мне прокатилась волна сочувствия. Как мне понятны

болезненный гнев, отчаяние и унижение, испытываемые этой таинственной женщиной. Как приятно наконец не мучиться ревностью.

Я проснулась однажды утром, чувствуя, как во мне шевелится ребенок. Место Пилата рядом со мной пустовало. В окна струилось яркое солнце. Я была уверена, что муж уже позавтракал и беседует с партнерами. Я не смела отрывать его от дел, но мне очень хотелось с кем-нибудь поделиться радостью и волнением. Конечно, с Агриппиной. Всегда расположенная ко мне, сейчас она старалась заменить мне мать. Я любила ее с каждым днем все больше и сгорала от нетерпения сообщить ей замечательную новость о ребенке.

Сердце мое учащенно билось от радостного возбуждения, и я вскочила с постели. Я так торопилась, что даже не позвала Рахиль. Решив не дожидаться ее, я сама оделась, неумело завязала узлом волосы и выбежала на улицу. Стояло теплое весеннее утро. На всех деревьях распускались почки. Повсюду начиналась новая жизнь. Когда я вышла из паланкина у дома Агриппины, к своему удивлению, я увидела, что у обшарпанной двери стоят солдаты императорской гвардии.

— А где госпожа, которая здесь живет? — спросила я у капитана, преградившего мне дорогу.

— Ее повезли к императору.

— О нет! — Я замотала головой, не желая верить своим ушам. — Не может быть. А где ее дочери?

— Их нет. Никого нет. — Он с опаской повел глазами по сторонам и повернулся ко мне: — Вам бы лучше тоже уйти отсюда. — Он посмотрел на мой живот. — Подумайте о своем здоровье.

Я вернулась к паланкину. Слуга помог мне войти в него.

— Домой, пожалуйста, скорее домой! — сказала я носильщикам.

Пилат читал в своем кабинете, когда я вернулась. При виде меня напряжение спало с его лица.

— Я собирался послать рабов разыскивать тебя. Ты слышала об Агриппине?

— Я только что была там. Ее нет и...

Пилат взял меня за плечи.

— Ну-ну! — сказал он, нежно погладив меня по спине. — Послушай, что мне удалось узнать. Агриппину вчера вечером пригласили во дворец. Отвели почти силой. Сказали якобы на обед. Тиберий предложил ей яблоко. Она отказалась. Вероятно, кто-то предупредил, что оно отравленное. Император разозлился и приказал арестовать ее.

— Где она? Я пойду к ней.

— Это невозможно. Кроме того, — Пилат крепче прижал меня к себе, словно желая защитить меня, — я сомневаюсь, что она захочет тебя видеть.

Я вся напряглась:

— Что ты имеешь в виду? О чем ты говоришь? — Я отстранилась, чтобы посмотреть ему в глаза. Пилат продолжал держать меня за плечи.

— Агриппине лучше знать, — сказал он. — Она оказала сопротивление солдатам, громогласно напомнила им, что он внучка Августа. Она кричала, если кого-то и нужно арестовывать, так это Тиберия.

— Всемогущая Исида! О чем она думает! — У меня мурашки побежали по телу. — Что он ей сделал?

— Тебе не нужно знать. Так будет лучше для тебя и ребенка.

— Что бы ни было, еще хуже оставаться в неведении.

— Он приказал избить ее. Все смотрели.

От страха у меня перехватило горло. Я с трудом выдавила из себя:

— И что потом?

— Она лишилась глаза.

— О нет! Нет! Агриппина — она такая краси-

вая. — Закрыв лицо руками, я отвернулась и зарыдала.

— Она пока жива, — успокоил меня Пилат. — Я позову Рахиль. Ты должна лечь.

Я пыталась взять себя в руки.

— Как ты узнал обо всем этом?

— Сеян присутствовал там. Он не хотел, чтобы до тебя дошли слухи.

— Где сейчас Агриппина?

— По пути на Пандатерию.

— На этот ужасный, затерянный в море остров?

— Ей теперь, вероятно, все равно.

— Ее так любили.

— Солдаты забрали ее сегодня утром и унесли в закрытом паланкине. Никто не знал, а если бы и знал... — Пилат пожал плечами.

— Там она пропадет. Как отец и мать, как Марцелла. У меня никого не осталось.

— Я с тобой, Клавдия. — Пилат обнял меня, — И скоро у тебя родится наш ребенок.

Глава 23

Титания

Все последующие недели слова Пилата не выходили у меня из головы. Я потеряла так много дорогих моему сердцу людей, начиная с Германика, лишилась своего первого ребенка на пятом месяце беременности. А если произойдет то же самое сейчас? Эта мысль приводила меня в ужас. У меня случались приступы тошноты, а один раз я упала в обморок. Иногда я не вставала с постели из-за того, что отекали ноги.

— Ничего необычного в этом нет, — постоянно успокаивала меня Рахиль. Я слушала ее с благодарностью и больше не удивлялась, что рабыня стала моей близкой, если не единственной подругой.

Иногда я пугалась, замечая изменения, происходившие в моей внешности. С самого начала я чувствовала, что вынашиваемый ребенок — девочка, и по прошествии месяцев эта уверенность укреплялась. Я часто разговаривала с маленькой Марцеллой, говорила ей, как я ее люблю, и обещала оберегать ее. К концу срока приступы тошноты прекратились и ноги перестали отекать. Из-за того, что мне стало лучше, меня одолевало беспокойство. Мне хотелось выбраться из дома,

совершить прогулку по улицам в паланкине.

— Мне кажется, я всегда была толстой, — призналась я Рахили, когда она накинула мне на плечи хитон из нежно-розовой ткани. — Иногда я забываю, что должна родить ребенка, и у меня такое впечатление, будто я сама от природы такая огромная. Пилат очень добр ко мне и удивительно изобретателен, но мне ужасно не по себе оттого, что я не могу видеть своих ног.

— Скоро все будет позади, — утешала меня Рахиль. — Наверное, остался еще один месяц.

— Но я должна что-то делать сейчас. Я хочу пойти на рынок на форуме. Все, решено. — Я потянулась за ярко-розовой палой. — Иду на рынок.

— Ни в коем случае! Господин не разрешил бы.

— Может быть, но его же нет, — возразила я, взяв сумочку. — Пилат сегодня днем занят с Сеяном. Мы успеем до его прихода.

— Он поколотит меня за то, что я стала вашей сообщницей.

— Чепуха. Никто из нашего окружения не поступает так с рабами. Пилат никогда не поднимет руку на раба, тем более на тебя.

— Но он может.

— Может, но не посмеет. Как тебе такое пришло в голову? — пристыдила я ее.

— Пусть я не права, — согласилась Рахиль, — но мы хорошо знаем, что для вас это опасно.

— Ничего мы не знаем, — заупрямилась я. — Какой толк слышать от врача, что со мной все в порядке? Я и без него это знаю. Ты идешь со мной или нет?

День выдался ясным и солнечным. Довольная собой, я ходила от одной лавчонки к другой, пока не остановилась у прилавка, уставленного флаконами с духами. Открывая их по очереди, я перепробовала несколько различных духов.

— Я так долго пользовалась сандаловыми. Наверное, надо выбрать какие-нибудь другие на то время, когда родится ребенок. Как тебе эти? -- Я протянула флакон Рахили. В этот момент я увидела женщину, шедшую по направлению к нам. — Посмотри на нее. Она великолепна, вот только платье больше подходит для приемов, чем для улицы, особенно в ее положении.

Рахиль обернулась, а потом вдруг придвинулась почти вплотную ко мне.

Когда я попыталась слегка отстранить ее, моя рабыня, к удивлению, не сдвинулась с места. Женщина несла красного попугая и говорила с ним воркующим голосом, не обращая внимания на окружающих, смотревших на нее во все глаза,

а рабы расчищали для нее путь. Ее платье из тонкой черной ткани контрастировало с белой как мел кожей рук, плеч и необъемных грудей. Крупные изумруды сверкали у нее на шее и запястьях. Как и я, она, наверное, была на восьмом месяце, но, похоже, совсем не придавала значения своей тучности.

— Как ты думаешь, кто она?

— Титания! — с презрением произнесла Рахиль.

Я слегка нахмурилась.

— Она мне кажется знакомой, только я не припомню, где я могла ее видать.

— И не пытайтесь. Едва ли вы ее видели. Она — куртизанка.

— Титания, — повторила я имя, глядя на нее с интересом. Кем бы она ни была, она держалась с достоинством и шла величавой поступью. И тут я вспомнила, где видела это лицо несколько месяцев назад. Титания — та женщина, которая смотрела на меня с такой ненавистью на приеме у Сеяна.

— Если она — куртизанка, почему она в черном? — удивилась я.

— Так, забавы ради. У нее был муж, но они годами жили врозь. По каким-то причинам он с

ней не разводился. Возможно, она что-то знала, а он не хотел, чтобы об этом шли разговоры в Риме. Что бы там ни было, он недавно умер от скоротечной лихорадки.

— Откуда ты так много знаешь про нее?

Рахиль пожала плечами:

— Рабы судачат. Титания — легендарная личность.

— У нее, наверное, много любовников.

— Нет, лишь несколько важных особ. Она стала баснословно богатой за счет тех, кто с ее помощью пытался повлиять на них.

— Значит, она пользуется немалым влиянием, — заключила я. Когда я рассматривала ее, наши взгляды встретились. Она сощурилась, как пришедшая в ярость кошка, увидев мой живот.

Я запахнула столу, как бы защищая себя, но не отвела взгляда. Рахиль, вероятно, позвала наших носильщиков. Я знала, что они где-то рядом, хотя не видела их, поскольку мое внимание занимая лишь вызов в зеленых глазах Титании.

— Ваш паланкин, госпожа, — сказала Рахиль.

— Зачем? Куда мы направляемся?

— Домой. Становится холодно. Вам нельзя сейчас простужаться. Подумайте о ребенке.

Наверное, она права. Солнце еще ярко светило,

но я вдруг почувствовала озноб. Продолжая неотрывно смотреть в глаза Титании, я позволила Рахили увести себя. И хотя это было глупо, я не собиралась сдаваться в этом соперничестве. Носильщики подняли паланкин, а я все продолжала смотреть, даже изобразив на своем лице подобие улыбки, пока Титания не скрылась из виду.

Я лежала на кушетке на подложенных под спину подушках и играла в настольную игру с Рахилью.

— Ну и везет же вам! — посетовала Рахиль, когда я бросила кости. — Вы опять выиграете. — Она в отчаянии щелкнула языком, а я передвинула своего нефритового слона на десять клеток вперед и вздохнула:

— Когда же наконец начнется?

— Скоро, я думаю, скоро.

— Ты мне это говорила час назад. Ой! — выкрикнула я и дугой выгнула спину. — Ой, больно!.. Теперь, наверное, скоро. Куда делась Селкет?

— Она на кухне. Я сейчас ее позову.

— Не оставляй меня одну.

— Я никуда не уйду, только скажу, чтобы позвали Селкет.

— Хорошо. — Я отпустила руку Рахили, но вздохнула с облегчением, только когда через

несколько мгновений в дверях появилась тучная фигура Селкет. С самого начала на меня произвели впечатление нежные руки и спокойная уверенность этой женщины. Я осталась довольной, что настояла на повитухе из храма Иси-ды и отказала военному хирургу, которого предлагал пригласить Пилат. Опять почувствовав приступ боли, я перестала не только улыбаться, но и дышать. Доска и фишки со стуком упали на мозаичный пол.

— Ну наконец-то начинается. — Селкет одобрительно кивнула и склонилась надо мной. — Теперь вам нужно немного походить. Помоги мне поднять ее, — сказала она Рахили.

Вдвоем они поставили меня на ноги, держа под руки с обеих сторон.

— С нашей помощью вы сейчас погуляете, — улыбнулась она.

— Как долго мне нужно ходить? — спросила я, когда меня схватил спазм, а потом другой.

— Ну-ну, не думайте об этом. Подумайте лучше о том, что родовые схватки у вас продолжаются почти целый день. Сейчас дело пойдет быстрее. Мы позаботимся о вас.

— Как жаль, что мамы сейчас нет со мной. — Я закусила губу, пожалев, что проявила слабость,

и стала передвигаться взад-вперед по комнате. Весть о том, что у меня начались роды, видимо, облетела весь дом, и в комнату стали заходить рабыни на случай, если от них потребуется какая-нибудь помощь.

Сначала Селкет поддерживала меня, потом ее сменила Рахиль, затем снова Селкет.

— Поговори со мной, — сказала я Рахили, когда она взяла меня под руку. — Я хочу знать, о чем шепчутся рабы, о чем сейчас сплетничают. Расскажи мне... Ой! Расскажи, — я запнулась от пронзившей меня боли, — про ту странную рыжеволосую женщину. Как ее зовут?

— Не думайте о ней. — Рахиль крепче подхватила меня. — Что она для вас?

— Титания, — с трудом произнесла я.—Я помню ее. Расскажите мне про Титанию.

Рахиль переглянулась с Селкет. Мы сразу остановились. Селкет держала меня, а Рахиль стала массировать мне спину.

— В последнее время Титанию не видели, — сказала она. — Наверное, не выходит из дома, потому что на сносях.

Я помотала головой, так как не могла сосредоточиться на Титании и ее ребенке. В какие-то моменты даже было трудно ухватить мысль о

ребенке, находившемся во мне. Оставалась одна боль, никак не проходящая.

День близился к закату, наступили сумерки, а Селкет все не позволяла мне лечь в постель. Я едва волочила ноги от усталости.

Бессмысленно звать Пилата в такой, самый ответственный для женщины момент, но мне очень хотелось, чтобы он находился здесь. Я больше не могла сдержаться и выкрикнула его имя. Рабы и даже Селкет остолбенели. Я слышала, как они перешептываются. Рахиль, поглаживая меня по спине, сказала:

— Я сейчас пойду за ним.

Мне казалось, что она пропала навеки, но она вернулась через несколько минут и одна.

— Его нет дома, госпожа. Давайте я пошлю...

— Нет-нет! Он занят. Не говорите ему, что я его звала. — Я вертела головой, ловила ртом воздух и кусала губы. Силы иссякли, я больше не могла ходить, и Селкет разрешила мне лечь. Рахиль все время держала меня за руку. Уже наступила ночь, но ничего не происходило.

— Потерпите еще немного, — повторяла Рахиль,

— У меня ничего не получается, — простонала я обессиленная. — Помогите мне, пожалуйста,

помогите!

Рахиль повернулась к Селкет:

— Вы же можете что-то сделать. Дайте ей что-нибудь выпить.

— Я уже дала ей мяту.

— Но она не помогла. У нее раньше был выкидыш, — напомнила Рахиль. — Господин хотел пригласить хирурга. Он рассердится, если...

Селкет, обычно краснощекая, побледнела, от этого под ее светло-голубыми глазами проступила синева.

— Что я могу поделать? У нее очень узкие бедра.

— Надо же принимать какие-то меры, — настаивала Рахиль решительным тоном. — В храме полно всевозможных снадобий. Я видела. У вас же есть... — Она потянулась к корзине, принесенной Селкет с собой.

Повитуха отдернула корзину.

— Я так и знала! Так дайте же ей!

— Это опасно. Иногда...

— Что может быть опаснее, чем то, что сейчас происходит? А вдруг ребенок умрет? Если она умрет?

Я видела их как в тумане из-за того, что один за другим на меня накатывались приступы боли.

Когда наконец Селкет поднесла чашку к моим губам, я отвернулась. В начале схваток мята показалась приятной на вкус, но сейчас меня стало тошнить.

— Выпейте это, госпожа, — сказала повитуха. — Попытайтесь проглотить.

Я открыла рот, чтобы закричать, а Рахиль ловким движением влила в него жидкость. Я попыталась протестовать, но в этот момент новая волна боли захлестнула меня. После того как она схлынула, до меня дошло, что воспаленное горло постепенно успокаивается. Медленно, почти незаметно сонная расслабленность окутывала меня, овладевала мной со все возрастающим упорством, распространяясь в мозг и по всему телу, пока я не перестала сопротивляться и охотно не сдалась на ее милость. Увлекаемая вихрем, я кружилась все быстрее и быстрее, пока не вылетела из себя и не поплыла под потолком.

Я увидела Селкет, с широко открытыми глазами и напуганную, стоявшую на коленях перед корчившимся от боли телом на кушетке. «Вот бедняжка», — подумала я, слегка удивившись, узнав в нем саму себя. Я не испугалась, а только испытывала сладостное освобождение от боли. Я начала парить, уносимая в некий теплый и

радужный мир, где нет страха смерти. Потом я подумала о Пилате и нашем неродившемся ребенке. Марцелла! Она тоже должна умереть? Конечно, нет! Как можно умереть, даже не пожив?

Рахиль рыдала. Я махала руками, чтобы привлечь к себе внимание, но никто не видел меня. Неужели я всегда буду вот так находиться рядом с теми, кого люблю, и в то же время так далеко от них?

Снедаемая тоской, я окинула взглядом знакомую комнату, разглядела каждого человека в отдельности там, внизу, с предельной ясностью увидела всех вместе. Я отчетливо слышала все разговоры, слова сочувствия и горести. Никто не верил, что я останусь в живых.

В комнату вошли две молодые рабыни, которых посылали за горячей водой, и начали шептаться. Никто не обращал на них внимания. Кружась над ними, я слышала каждое их слово, несмотря на гул голосов.

— Нам повезло с госпожой, — сказала та, что помоложе. Она была ушлая, но справедливая. Мне жаль ее.

— Мне тоже, — ответила ей вторая рабыня. — Не только справедливая, но и добрая.

— Святая Юнона! Что, если он приведет ту,

другую?

— Он никогда не женится на ней.

— Как знать. Теперь, когда она родила ему сына, он от нее ни на шаг не отойдет. Это уж точно. А этот ребенок, — она показала головой на кушетку, — может быть, умрет вместе с матерью.

— До чего же жестока Фортуна. Я слышала, что у них начались схватки примерно в одно время. Титания совсем не мучилась, у нее все прошло как по маслу. Она вон какая здоровущая, а ты посмотри на нашу худышку.

Потом я снова вернулась в свое тело, в плоть и боль. Наступила неподдающаяся описанию агония, а за ней — ничто. Где-то вдалеке я услышала крик ребенка. Марцелла жива.

Я уснула, а когда проснулась, Пилат сидел возле меня. Я заметила, что у него озабоченный вид, но разговаривал он со мной нежно и ласково. Даже извинился, сказав, что выполнял поручение Сеяна, поэтому не смог быть рядом.

Он взял мою руку и поцеловал ее. Я посмотрела в его ясные голубые глава и подумала, часто ли он из постели Титании приходил в мою.

Глава 24
Цирк

Итак, настал день, когда мне пришлось узнать, что у моего мужа не только есть любовница, но и сын от этой женщины. С каждым днем Пилат все больше становился зависимым от милости человека, который погубил моих родителей, отправил в изгнание мою тетю и обрек на смерть мою сестру. Но у меня теперь есть ребенок, и это самое главное.

Хотя, как того требовали правила приличия и настоял Пилат, пришлось нанять кормилицу; купала Марцеллу я сама, одевала ее тоже я и укачивала перед сном опять же я. Обязанность несложная и доставляющая радость. Марцелла — такая крошечная, хрупкая. Рабы восторгались ее нежностью и красотой. Пилата очаровало то, как она улыбается ему, закрывая лицо ладошками.

— Она кокетничает со мной, — сказал он, войдя в детскую и наклонившись над кроваткой Марцеллы. — Еще одна красавица в семье.

«У нее не такие, как у сестры, глаза», — подумала я, но вслух ничего не сказала.

Малютка своей ручонкой схватила за большой

палец Пилата.

— Мы должны беречь ее, — сказал он.

По крайней мере в чем-то мы нашли согласие.

Когда ко мне вернулись силы, я стала каждый день ходить в храм Исиды и часто брала с собой Марцеллу. Жизнь столь жестока. Если бы я могла вымолить у богини обещание взять под защиту — нет, не меня, а мое драгоценное, невинное дитя! Исида тоже обожала своего ребенка. Она, конечно, должна понять мои тревоги. Я часто молилась перед ее высокой золотой статуей, а Марцелла в это время сладко спала возле меня.

— Если бы только Исида дала мне знак... — сказала я жрице, стоявшей на коленях рядом со мной. — Я поклонялась богине с тех пор, когда была еще девочкой, однако несчастья происходили одно за другим. Все, что у меня осталось, — это моя малышка.

— Если вы искренне верите, то все будет хорошо.

Я обернулась и увидела знакомое лицо: большие глаза, мечтательный взгляд, ямочки на щеках. Паулина Тигеллий, красивая, добродушная и общительная женщина, часто приходила в храм. Судя по всему, ее муж, намного старше ее, не препятствовал этому. Я не могла не улыбнуть-

ся ей. Я испытывала одиночество, поэтому мне казалось, что общение с такой одухотворенной прихожанкой доставит мне радость.

Но этого не произошло. Видя, как бездумно воспринимает Паулина каждый священный постулат, я усомнилась, понимает ли она в них что-нибудь. Как-то раз она призналась, что Деций Мунд, всадник старшего звания, по уши влюблен в нее. Я знала Деция Мунда, поверенного Пилата, умилявшего по молодости лет своим простодушием и очень богатого.

— Он предложил двести тысяч сестерциев за одну ночь со мной. — Паулина легким движением головы откинула с лица светлые локоны. — Как он посмел? Но Деций красивый.

«Деций такой же недалекий, как Паулина», — подумала я и выбросила эту историю из головы.

Проходили дни, и мое беспокойство нарастало. Однажды утром я оставила Марцеллу на попечение жрицы, а сама вместе с храмовыми рабынями принялась начищать ступени, поднимавшиеся к золотой статуе Исиды. Пусть богиня видит мою искреннюю преданность.

«Защити мою крошку, защити мою крошку», — снова и снова мысленно повторяла я.

Обычно спокойная малютка начала плакать.

— Она хочет к вам, — сказала жрица, отдавая мне Марцеллу.

— Не могу понять, что случилось с ней, — поделилась я своими горестями с Рахилью. — Она не была голодной или мокрой.

— А что, если девочка пошла в свою тетю? Стала бы та Марцелла ходить в храм?

«Торопись жить. Наслаждайся жизнью, наслаждайся ею за меня», — промелькнуло у меня в голове.

Я стала реже посещать храм Исиды, отдавая предпочтение баням Цирцеи, самым фешенебельным в Риме. Здесь музыканты исполняли свои новые произведения, известные поэты читали стихи, посетительницы рассказывали самые скандальные сплетни. Я все это лениво слушала, в то время как мне делали массаж и маникюр. По общему убеждению, бани Цирцеи были местом, где собирался цвет общества.

Однажды утром, придя сюда, я почувствовала, что все чем-то возбуждены. Слегка заинтригованная, я вопросительно посмотрела на двух рабынь, которые начали раздевать меня.

— Вы не слышали? — спросила старшая из них, нагнувшись, чтобы снять мои сандалии.

— Нет. А в чем дело? — Я перешагнула через

сброшенные одежды и немного повернулась к молодой рабыне, когда та стала заворачивать меня в полотняную простынь.

— Госпожа Паулина... Паулина Тигеллий, — в один голос заговорили рабыни, потом осеклись и захихикали. — Ш-ш! — прошипела старшая и искоса посмотрела на меня.

В полном недоумении я переводила взгляд с одной из них на другую. Рабыни проводили меня к бассейну, и я оказалась среди двух десятков наиболее знатных особ Рима. Верховодила ими сидевшая в центре жена Сеяна. Она улыбнулась и подвинулась, чтобы я могла расположиться рядом с ней на кушетке. Хотя ее муж с самого начала флиртовал со мной, казалось, это нисколько не беспокоило Апикату. Возможно, подумала я, ложась рядом с ней, такие вещи перестают что-либо значить спустя некоторое время.

— Это невиданный скандал! — воскликнула она, сверкнув от возбуждения круглыми голубыми глазами. — Паулину Тигеллий соблазнили в храме Исиды.

Святая Исида! У меня сильно забилось сердце. Это уже не просто сплетни. Случилось нечто невероятное.

Апиката игривым тоном продолжала:

— К Паулине домой пришел жрец из храма Исиды и сказал, что бог Анубис влюбился в нее и хочет, чтобы она пришла к нему в эту ночь. Удивляюсь, что вы об этом ничего не слышали. Паулина была так польщена, что принялась об этом всем рассказывать.

— И мужу тоже?

— Сатурний узнал первым.

— И он разрешил ей пойти?

— Он возгордился не меньше, чем она, и тоже начал хвастаться. Подумать только: у него такая красивая жена, что даже бог возжелал ее. Ну прямо Юпитер и Леда.

— Не может быть! — не сдержалась я. — Анубис — египетский бог, который служит Исиде, и совсем не такой, как римские боги. Он слишком занят тем, что оценивает души, решая, крму быть бессмертным, а кому нет, и не станет тратить время на глупых женщин. Паулина — верующая и должна знать это.

Апиката пожала плечами:

— Я знаю только, что, когда она пришла в храм, в отдельной комнате ей подали царские угощения, ее отвели в ванную и приготовили к постели. Потом унесли лампы и закрыли дверь. Бог явился к ней в полной темноте.

Я приподнялась на локтях.

— Она отказала ему?

— Вовсе нет. Она всю ночь ублажала его снова и снова.

— И что же утром?

— Он ушел от нее до рассвета. Я удивляюсь, как вы ничего не слышали. Паулина растрезвонила об этом на весь город. Она не утаила никаких подробностей. У него, наверное, неукротимый пыл.

Я покачала головой:

— Это какая-то мистификация.

— Если вы так считаете, то вы умнее всех, — сказала Апиката. — Что мы знаем о египетских богах? До вчерашнего дня мы все завидовали, как повезло Паулине. А потом молодой всадник Деций Мунд... Вы знаете его? Да? Ну так вот, этот Деций подошел к ней на улице и стал смеяться — можете себе представить? — стал смеяться над ней. «Паулина, — сказал он, — ты сэкономила мне сто пятьдесят тысяч сестерциев». Паулина удивилась, а он ей говорит: «Называй меня хоть Децием, хоть Анубисом — мне все равно, но удовольствие я получил».

Во мне все перевернулось от негодования на Исиду и ее храм.

— Но жрецы к этому явно не имеют отношения,

— сказала я.

— Двадцать пять тысяч сестерциев до и столько же после — хороший стимул для двоих из них. Но им не представится случай воспользоваться этими деньгами.

Меня охватило чувство, будто наступил конец света. Тиберий и его правительство только и ждали такого повода. Храмы Исиды накопили огромные богатства, и ее культ был женским.

— Что вы имеете в виду: им не представится случай воспользоваться деньгами?

— Сатурний донес Тиберию о поруганной чести своей жены. Сеян все рассказал мне сегодня утром. Деция уже отправили в ссылку, жрецы будут распяты, храм разрушен, а статую Исиды бросят в Тибр.

Храм будет разрушен! Меня словно ударили обухом по голове. Я отвернулась, чтобы никто не видел моих слез. После того как снесут храм Исиды, какое у меня будет утешение? Где мне теперь искать убежище?

Я редко куда-нибудь выходила с Пилатом и принимала его щедрые подарки и другие попытки к примирению со сдержанным презрением. Мы не говорили о Титании. А о чем, соб-ственно, говорить? Номинально я оставалась его женой,

организовывала приемы его гостей, появлялась с ним в обществе, когда возникала необходимость, а так по возможности старалась избегать общения с ним. Как подсказывала мне интуиция, он не станет разводиться со мной, пока я на публике не сделаю ничего такого, что может разозлить его.

Как-то раз Пилат попросил пойти с ним в цирк, где мы должны были встретиться с Сеяном и Апикатой. Я согласилась, чем вызвала его удивление. В ответ он даже изъявил готовность прийти позднее на представление, как я предложила, чтобы не видеть расправы над дикими животными.

Мы расположились рядом с Сеяном и его женой в роскошной ложе. В лучах полуденного солнца тусклым пламенем вспыхивал кроваво-красный атлас одежд, еще ярче казались гребешки из перьев на шлемах воинов, сверкали драгоценные камни в серьгах и на тиарах у дам. В амфитеатре ни одного свободного места. Сотни простолюдинов теснились на галерке. Поодаль, в возвышающейся позолоченной ложе, величественно восседал Тиберий в золотом лавровом венце и с бриллиантовым ожерельем на шее. Я почувствовала, как Пилат сжал мой локоть. Мне нужно поклониться. Я так и сделала, заставив себя встретиться взглядом с императором, при

этом у меня тряслись колени. Ливия, сидевшая рядом с ним, с насмешливой гримасой на лице сверлила меня зелеными кошачьими глазами. Во мне все перевернулось, когда я поклонилась еще раз. О, как я ненавидела их обоих!

Прямо перед нами сидели весталки, а по сторонам от них — сенаторы в тогах с пурпурной каймой и высшие военачальники в сверкающих доспехах. Юноши и девушки в коротких красных туниках, протискиваясь сквозь толпу, разносили прохладительные напитки, кусочки поджаренного мяса, фрукты и вино. Четверо бычьего вида рабов утаскивали с арены трупы животных и людей, а подростки разравнивали граблями окровавленный песок и разбрызгивали на него резко пахнувшие духи. Загремели барабаны. Громом разнесся над трибунами нетерпеливый топот ног. Предстояло более серьезное состязание, которое приводило в возбужденное состояние не только несведущую чернь, но и истых знатоков. По рядам пошли восковые таблички, на которых зрители писали имена своих кумиров и суммы ставок.

Сеян покачал головой:

— Какой смысл? Голтан всегда побеждает.

— Голтан? — Я перестала болтать с Апикатой. — Давным-давно был гладиатор с таким именем

всем на диво. Не он ли...

— Есть только один Голтан, — сказал Пилат. — Если бы ты чаще ходила в цирк, то знала бы это.

— Но Голтан уже какое-то время не дерется, — напомнила ему Апиката. — Он прибыл только сегодня, потому что Шабу бросил ему вызов, прилюдно назвав его трусом. Он оскорбился и поэтому выходит на арену, а тут еще Тиберий предлагает солидный куш. Посмотрим, на что еще способен великий гладиатор. Я, наверное, поставлю на Шабу.

— Если мне не изменяет память, Голтан был дакийским пленником.

— Совершенно верно, — заверил меня Сеян. — Но с тех пор много воды утекло.

— И он держит свою гладиаторскую школу?

Сеян кивнул:

— Лучшую из лучших. А еще он открыл ресторан в Сабуре. Чтобы привлечь народ туда, ему нужно сразиться с известным гладиатором. Голтану еще принадлежат земли — виноградники, если я не ошибаюсь.

Пронзительно заиграли трубы. Тысячи людей устремили взоры на человека в облике Харона, стражника у ворот подземного царства, который поднял молот. Трижды он ударил в громадный

гонг. Распахнулись Врата жизни, и на арену вышли двенадцать рослых, мускулистых гладиаторов. Под гром аплодисментов нетерпеливых зрителей, по-военному чеканя шаг, они промаршировали по кругу арены и остановились перед ложей Тиберия. На лицах каждого были заметны шрамы, некоторые все еще иссиня-багровые. У одного из гладиаторов недоставало уха, у другого шрам проходил вдоль переносицы. Прозвучал горн, и наступила тишина. Гладиаторы подняли правые руки со сжатыми кулаками и отчетливо произнесли хором:

— О Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!

Они мне показались великолепными. Особенно Голтан. Его я узнала сразу. Несмотря на шрам, идущий от глаза до скулы, несмотря на расплющенный нос, я узнала его львиную грациозность, его густые косматые волосы цвета меда, янтарные глаза, от которых ничто не ускользало.

Шестеро из двенадцати имели короткие мечи, а другие шестеро — сети и трезубцы. В каждом поединке определялись победители, они затем вступали в схватку с другими противниками — и так, пока не оставалась одна-единственная пара. Начало состязаний протекало спокойно.

Соперники изучали друг друга, делали выпад и отступали назад, будто исполняли танцевальные па. Постепенно темп нарастал. Один гладиатор наносил удар, другой отражал его и затем контратаковал. Я следила только за Голтаном, который защищался едва заметными, несильными движениями.

— Ничего особенного, — заметила Апиката, проследив за моим взглядом. — Я правильно сделала, поставив на Шабу.

— Рано сбрасывать со счета Голтана, — вмешался Сеян. — Он бережет силы. Они ему еще понадобятся. Держу пари, это его последние игры.

Я оторопела:

— Что вы имеете в виду?

— Безусловно, он — великий гладиатор. Я не видел никого, ктс мог бы с ним сравниться, но посмотрите на других. Конечно, он мог бы справиться с одним, двумя, даже тремя соперниками. Но со всеми... По меньшей мере он будет тяжело ранен, изувечен.

Апиката содрогнулась:

— А захочет ли он жить в таком случае?

— Пожалуйста, не надо, — перебила я их. — Состязания едва начались. Конечно, он выйдет

победителем. У него были минимальные шансы, когда я увидела его в первый раз еще девочкой.

— Не совсем так, — сказал Сеян. — Я тоже видел те игры. Зрелище незабываемое. Но сейчас все по-другому. Посмотрите, кто участвует — лучшие гладиаторы мира: Дионисий из Эфеса, Рамсес из Александрии, Геркулес из Афин. А эфиоп Шабу — это же богатырь! Всех Голтану не одолеть.

Но он должен!

Каждый раз, когда Голтан менял позицию, Геркулес неотступно следовал за ним. Они передвигались словно в одной связке. Но так продолжалось недолго. С лучшим из греков Голтан разделался и стал присматриваться к следующему противнику— длинноволосому, почти на две головы выше его ростом скифскому гиганту. Он стоял, не двигаясь, на месте, а скиф рванулся на него. В последний момент он отступил в сторону, а великан, продолжая по инерции двигаться вперед, споткнулся. В этот момент Голтан вонзил свой меч ему в бок. С двумя покончено. Вокруг продолжались поединки между другими гладиаторами — звон металла, стук доспехов, темные пятна крови на песке. Раб в костюме Меркурия осторожно ходил между поверженными бойцами и раскаленной докрасна кочергой проверял,

не жив ли кто-нибудь из них. Рабы уволокли шесть безжизненных тел через Ворота смерти. Демоны, изображенные на фризе над ними, производили менее устрашающее впечатление, чем кровавая бойня на арене. Оставалось еще шесть гладиаторов.

Перед Голтаном оказался проворный боец, который грациозно бросил сеть, затем отпрыгнул назад и стал так быстро наносить колющие удары своим трезубцем, что я не могла уследить за его движениями. То и дело раздавался лязг трезубца о меч Голтона. Из раны на руке у него текла кровь, но он продолжал парировать удары. Толпа задержала дыхание, когда он пошел в атаку, оттесняя соперника, лишая его возможности действовать трезубцем, и стал одолевать его, молниеносно нанося рубящие удары, не оставлявшие шансов на спасение. Поединок закончился победой Голтана. Толпа обезумела.

Я повернулась к Сеяну:

— Что вы сейчас скажете о Голтане?

Рабы опрыскали нашу ложу водой, пахнувшей фиалками, которая не могла уничтожить запах крови и экскрементов, поднимающийся с арены. В проходах снова появились юноши и девушки, продававшие закуски и напитки, Они расходи-

лись нарасхват

— Это еще не конец, — сказал мне Пилат. Он кивнул на арену где Голтан и другой уцелевший гладиатор — эфиоп Шабу, также вооруженный мечом, приняли боевую стойку. — У Голтана большая рана на правом предплечье. Кажется, он устал.

— Он действительно устал, — согласился с ним Сеян. — Он отделался легким испугом, когда бился с тем здоровяком. А сейчас посмотрите на этого.

Сердце у меня замерло, когда Шабу сделал выпад вперед, пытаясь нанести серию быстрых ударов в нижнюю часть туловища Голтана. Он отскочил, защищаясь щитом от меча Шабу. Искры разлетались в стороны при ударе металла о металл. Голтан немного отступил под натиском соперника, но не дрогнул. Тот все норовил быстрыми режущими ударами попасть Голтану по голове. Прикрываясь щитом, он зигзагами пятился назад. Голтан оборонялся, а Шабу наступал настойчиво и агрессивно.

— Голтан обречен, — сказал Сеян, взяв кубок с вином. — Жаль В свое время он был неплохим фехтовальщиком

— Это еще не конец! — воскликнула я и дотронулась до систру ма, висевшего у меня на шее.

«Исида, помоги», — мысленно взмолилась я.

Голтан только защищался щитом и не оказывал никакого со противления. Я заметила, что, отступая, он все больше и больше подходит к императорской ложе. Шабу снова сделал выпад. Голтан увернулся и встретил разящий удар своим мечом. Раздался громкий звон металла. Меч Голтана плавно скользнул по оружию Шабу Таким приемом он рассчитывал ранить противника в плечо. И это ему удалось. Шабу попятился назад, прикрываясь щитом. Голтан, будто не обращая внимания, что кровь капает из раны на панцирь, старался сломить сопротивление соперника. Зрители повскакивали с мест и кричали в тысячи глоток.

Носком правой ноги Шабу ударил по песку, так что он полетел в лицо Голтану. Но Голтан был не из тех, кто мог попасться на та кие уловки. Он продолжал яростно атаковать. Неожиданно Голтан подпрыгнул и, выгнув спину в полете, занес меч. Он обрушился на противника, и грохот от их щитов эхом прокатился по трибунам

— Нет, он вовсе не устал! — крикнула я почти на ухо Сеяну. — Он просто делал вид, что выбился из сил.

Я тоже вскочила и заорала от возбуждения. Пи-

лат, Сеян, Али ката, все окружавшие нас зрители и, как казалось, весь мир скандировали:

— Голтан! Голтан!

В этот момент он поскользнулся на внутренностях одного из убитых гладиаторов и упал навзничь. Я завизжала, когда Шабу рванулся вперед и замахнулся мечом, чтобы закончить поединок. Голтан перекатился в сторону, и меч прошел на волосок от его лица. В тот же миг он вскочил. Его икры, перетянутые кожаными ремнями, напряглись.

Потом он сделал прыжок и, держа рукоятку меча обеими руками, чуть ли не наполовину разрубил Шабу. Зрители взревели в знак одобрения и восторга. Эфиоп рухнул на землю, фонтаном брызнула темно-красная кровь. Шабу дернулся, по его телу прошла дрожь, пятками он пропахал в песке глубокие борозды и затих.

— Клянусь Юпитером! Он снова победил! — воскликнул Пилат. Он повернулся ко мне и улыбнулся: — Ты опять это предвидела, Клавдия?

Я покачала головой, не сводя глаз с победителя. С широкой улыбкой на лице Голтан снял шлем и поклонился сначала императору, а потом зрителям. И еще он посмотрел на меня. Или мне

показалось?

На приеме, устроенном в тот вечер, Пилат нарочито не общался с женщинами. Он удалился с Сеяном в кабинет, отделенный занавесом от общего зала. Я неотрывно следила за Голтаном. Он разговаривал с двумя офицерами императорской армии и рассмеялся какой-то шутке.

Апиката перехватила мой взгляд:

— Странно, не правда ли?

— Как вы думаете, о чем они могут говорить? — не выдержала я.

— Не иначе как о женщинах. Толкуют, что Голтан преуспел и на этом поприще. Красавец про него не скажешь, однако...

— Я другого мнения.

— Клавдия! Кто красавец — так это Пилат. Ваш гладиатор, вероятно, был привлекательным в юные годы, когда вы сделали прославившее вас предсказание. Ему тогда едва исполнилось двадцать, а сейчас... Посмотрите на его нос. Он сломан. А этот шрам. Представьте себе его тело.

Я с радостью представила бы себе его тело.

— Все в шрамах, конечно. Но какая у него жизнь! Подумать только, что он испытал! Одно это не оставляет меня равнодушной.

— Неужели? — Апиката с любопытством по-

смотрела на меня. — Вот уж не думала.

Голтан пересек широкий мраморный зал, не обратив внимания на нескольких своих почитателей, желавших пообщаться с ним. Он подошел к нам, приветливо улыбаясь и глядя мне в глаза. Потом повернулся к Апикате и сказал:

— Никто в мире не сравнится с вами в том, какие приемы вы устраиваете.

— Спасибо за комплимент, — проговорила она. — Не иначе вы многое повидали на свете.

— Но нигде я не встречал таких женщин, как ваша гостья, во всяком случае, уже многие года.

Апиката засмеялась и отвернулась от меня:

— Мой совет: держите ухо востро с Клавдией. Она у нас немного колдунья.

— Тогда скажите, что меня ждет, колдунья. — Он протянул руку ладонью вверх. — У нас в Дакии женщины гадают по руке. А вы можете? — Он держал себя раскованно, когда смотрел на меня из-под густых лохматых бровей напряженным взглядом.

— Мои способности слишком преувеличивают. — Я слегка наклонила голову, глядя ему в глаза. — Но иногда мои сны сбываются.

— О, как бы мне хотелось явиться вам во сне!

«Торопись жить».

— Может быть, так оно и случится, если того пожелает Исида.

Я взяла его большую, грубую руку, но чувствовала только ее тепло. Мои пальцы дрожали. Он не мог не ощутить этого. За его спиной я увидела, что Пилат вышел из кабинета за занавеской. Он окинул взглядом зал и увидел меня. Я отпустила руку Голтана.

— Жаль, но я не могу ничего сказать вам, ничего такого, что бы не знал весь Рим.

— А как насчет будущего? — продолжал настаивать он. — Вы видите там женщину с темными волосами, которые переливаются, как полированное красное дерево, когда на него падает свет? Женщину с серыми глазами, как дымчатые топазы из Индии. Вы ее не видите?

— Да. — Я снова наклонила голову. — Я вижу такую женщину, только остерегайтесь ее.

Глава 25
Голтан

В последующие после приема у Сеяна дни Голтан появлялся всюду: в театре, на скачках, на приемах. Я постоянно ловила на себе его взгляд — смелый, оценивающий, беззастенчивый,

казавшийся мне не более как чувственным, в некотором роде угрожающим и лишенным намека на романтику или даже уважение. В нем я не находила ничего такого, что могло привлечь меня. А может быть, именно этого я и хотела?

Как и Пилат, Голтан абсолютно уверовал, что занимает свое место в мире, тем не менее он демонстрировал, хотя и не явно, позицию человека, способного выжить любым способом. Я наблюдала за Голтаном на одном из вечеров, когда он с безразличным видом слушал сенатора, стоявшего у его кушетки и что-то оживленно говорившего ему, и он напомнил мне дремлющего льва, готового в любой момент вскочить и броситься за добычей.

Потом в течение трех дней я его ни разу не видела. Повинуясь внезапному порыву, я приказала носильщикам моего паланкина быть готовыми, чтобы доставить меня на Марсово поле.

— Зачем? — спросила Рахиль. — Вы никогда там не бывали.

— А разве обязательно нужна причина? Апиката говорит, очень интересно посмотреть на юношей-рабов, которые упражняются во владении мечом.

— Я слышала, что их тренируют лучшие гла-

диаторы в стране, — сказала Рахиль, накидывая мне на плечи темно-серую палу.

Резким движением я сбросила ее:

— Только не это старье. Дай мне ту новую. — Я показала на кусок мягкой тончайшей шерстяной ткани ярко-сиреневого цвета.

Нас с Рахилью доставили в паланкине на большое поле. Я вышла и, махнув ей рукой, чтобы она возвращалась домой без меня, направилась к конюшне. Еще девочкой я нередко обгоняла Калигулу, мнившего себя искусным наездником. В Антиохии я часто выезжала на лошади, но в Риме то одно, то другое не позволяло мне совершать такие прогулки. Сейчас меня охватило трепетное волнение, когда я отчетливо вспомнила, как скакала во весь опор, ощущая себя на вершине мира. Что мне нужно сию минуту, так это длительная прогулка на горячей лошади, чтобы прогнать овладевшее мной беспокойство.

На обширной площадке рабы отрабатывали приемы защиты и нападения под руководством инструкторов и солдат. В тренировках принимали участие молодые люди различных национальностей: темнокожие нубийцы, выходцы из северных земель с голубыми глазами и белоснежной кожей, уроженцы Дальнего Востока

с блестящими, черными как смоль волосами, заплетенными в одну тугую косу, болтавшуюся на затылке при резких движениях. Я подошла к небольшой группе зевак, обступивших юношу, отличавшегося от сверстников умением владеть мечом.

— Хотите, я куплю его для вас?

Удивленная, я обернулась и увидела Голтана, оказавшегося рядом и пристально смотревшего на меня янтарными глазами.

Я негромко засмеялась.

— Вы шутите. Зачем мне гладиатор? — Под его взглядом я почувствовала, что мое лицо залила краска. — Он мне напомнил юношу, которого я видела давным-давно. Он так же мастерски сражался.

— И ему здорово везло.

— Вы скромничаете. А этот юноша тоже из Дакии?

Голтан кивнул:

— Из моих родных мест. Его привезли на прошлой неделе. Он может оказаться неплохим капиталовложением. Я мог бы заняться его подготовкой в своей школе, а потом для вас выставить его на арену.

— Вы проявляете большое великодушие, но я

не могу воспользоваться им. Мой муж ни за что не разрешил бы принять такой ценный подарок.

— Ему не обязательно знать. Пусть это останется между нами, — сказал Голтан и подошел ближе ко мне.

Я отступила назад.

— Вы думаете, что я стану обманывать мужа?

В его оценивающем взгляде промелькнула лукавая усмешка.

— Я знаю, вы никогда этого не делали.

— Простите?

— Я знаю, вы никогда этого не делали, — повторил Голтан.

— Откуда вам известно?

— Я счел себя обязанным выяснить это.

Почему я не рассердилась? Наоборот, я испытала удовольствие, что он интересуется мной.

— На вас работают хорошие осведомители, — наконец сказала я.

Отойдя от группы зевак, я направилась к конюшне, первой вошла в большое каменное здание и огляделась по сторонам. Ко мне подошел старший конюх — коренастый и краснощекий.

— Что желает госпожа? У нас хороший выбор верховых лошадей для женщин. — Он показал на гнедую кобылицу: — Она спокойная, как овечка.

— Я возьму ее, когда захочу покататься на овечке...

— Это хорошая скаковая лошадь, — сказал Голтан. — Я знаю ее владельца.

— Вы держите здесь лошадей? — спросила я его.

— Да.

— У господина лучшие лошади, — вмешался конюх, — но самые, что называется, горячие.

— Могу я взглянуть на них?

Голтан кивнул конюху, и он повел нас к стойлам.

— Это все ваши? — спросила я Голтана, который не отходил от меня ни на шаг.

— Да, из тех, что я держу в Риме.

Я переводила взгляд с одной лошади на другую.

— Я бы хотела поездить вот на нем. — Я показала на крупного жеребца черной масти с белой звездой на лбу. Он напомнил мне моего коня, на котором я в детстве училась верховой езде.

Конюх решительно покачал головой.

— Но я хочу, — настаивала я.

— Возьмите лучше ту чалую, что у входа, — сказал Голтан, тронув меня за руку.

— Вы не разрешаете мне выбрать лошадь, ка-

кую я хочу?

— Жеребец очень опасен. Оседлайте чалую и жеребца, — распорядился он и, держа меня за руку, повел к выходу.

Вскоре конюхи вывели во двор двух лошадей. Голтан погладил чалую по голове и сказал:

— Это хорошая лошадь, очень резвая. Она вам понравится.

— А почему бы вам не поехать на ней? — предложила я.

— Я не против, но Посейдону нужно размяться. Молодые конюхи боятся работать с ним.

Я посмотрела на жеребца, спокойно стоявшего рядом со мной:

— Он красивый.

Голтан нахмурился:

— Он не согласится. Кроме меня, на нем никто не ездил.

Я погладила Посейдона по морде. Он посмотрел на меня, но не шелохнулся.

— Подсади меня, — сказала я конюху.

Конюх — совсем еще мальчишка — стоял в нерешительности. Видя его замешательство, я пододвинула ногой подставку для посадки на лошадь, подобрала подол, ухватилась за седло и вскочила на Посейдона. Взяв поводья обеими

руками, я почувствовала огромную силу животного. Когда я слегка ударила Посейдона пятками по бокам, то заметила, что мальчишка-конюх смотрит на мои голые ноги.

— Стойте! — закричал Голтан. — Я не могу разрешить этого.

— Он мне кажется вполне спокойным.

Не успела я произнести эти слова, как Посейдон рванул с места, грациозно пошел рысью и, убыстряя ход, понесся на волю. Голтан рванулся вперед и попытался схватить жеребца под уздцы, но он высоко задрал морду. Конюх тоже отскочил назад. Всадники, выполнявшие упражнения на площадке, умчались кто куда.

О всемогущая Исида! Что мне делать? Я сжала жеребца ногами, как когда-то учил меня отец, и ослабила поводья. Посейдон помчался галопом, быстро пересек плац и понесся в поле. Он перепрыгивал одну изгородь за другой, а мне ничего не оставалось, как наклониться вперед и крепко держаться за поводья. От этой быстрой скачки у меня захватывало дух, и я то и дело взвизгивала. Когда мы вылетели на дорогу, тянувшуюся по берегу Тибра, Посейдон припустил во весь опор.

Я забыла, какое чувство свободы и какой восторг я испытывала, когда подо мной была могучая

лошадь. Сейчас я припала к шее Посейдона и вцепилась в его гриву. Мои волосы растрепались на ветру. Постепенно до моего слуха стал доноситься приближавшийся топот копыт. Оглянувшись через плечо, я увидела, что Голтан догоняет меня. Я опустила подол палы, пытаясь прикрыть колени.

— Что же вы не сказали, что умеете так хорошо ездить верхом? — прокричал он, поравнявшись со мной.

— А что же вы не спросили? — крикнула я в ответ.

— Вы можете преподнести еще какие-нибудь сюрпризы?

Я улыбнулась, впервые за многие годы почувствовав себя свободной.

— Очень может быть.

— Где ты была?

Я вздрогнула от неожиданности и из мира грез вернулась в реальный мир, когда чья-то рука отдернула занавески паланкина. Передо мной возникло лицо Пилата. Казалось, что от пристального взгляда его голубых глаз ничто не может ускользнуть.

— А тебе не все равно? — холодно спросила я, хотя мое сердце яростно билось, когда он подал

мне руку.

— Ты отсутствовала почти целый день, — сказал он, помогая мне выйти из паланкина.

— Неужели? — Я сделала удивленный вид и пожала плечами. — Да будет тебе известно, я каталась на лошади.

— Обычно мы ездили верхом вместе, — напомнил он и повернулся к Рахили, последовавшей за нами, когда мы вошли в дом. — А тебе понравилось?

Я ответила вместо нее:

— Рахиль не ездит верхом.

— В следующий раз возьми моего конюха. Я не хочу, чтобы ты ездила одна.

— Чепуха! Я выросла на лошади. — Я заставила себя смотреть ему в глаза. — Почему ты ждал меня?

— У меня есть новости. Хорошие новости. Я купил виллу в Геркулануме.

— В Геркулануме? Ты ничего не говорил, что собираешься... — Я осеклась, вспомнив.

— Ты же сама предложила подыскать место на берегу моря. И Геркуланум тебе больше пришелся по душе, чем Помпеи. Ты сказала, он не такой шумный и больше подходит для отдыха. Я думал, тебе понравится.

Я постаралась взять себя в руки.

— Ну конечно, понравится. Провести осень в Геркулануме — одно удовольствие. Или зиму. Давай поедем туда зимой. Может быть, и Апиката с Сеяном составят нам компанию.

— Не могу понять, Клавдия. — Пилат повернулся ко мне, когда мы вошли в атриум. — Ты мечтала выбраться из Рима. Я согласен с тобой. Здесь просто невозможно жить. Разве что весной. И дети умирают от всяких болезней. Зачем подвергать риску здоровье Марцеллы?

— Марцелла, — повторила я, и мое сердце растаяло. О чем я думала? Я сошла с ума? Провести лето на море — это пойдет всем нам на пользу.

— Я все устрою, — сказал Пилат. — Через неделю в это время мы будем уже в пути.

Кивнув мне, он направился в таблинум.

Когда тяжелая дверь закрылась за ним, я чуть не плача сказала Рахили:

— Как я могу сейчас уехать?

— Это лучшее, что вы можете сделать, — с серьезным видом произнесла она.

— Да как ты смеешь такое говорить?

— Ваш муж ничего не упускает из виду. У него возникли какие-то подозрения. Пусть я не права, но вы должны ехать.

— Но я ничего не сделала, — возразила я.

— Вот и прекрасно. Вы же знаете, какой опасности подвергаете себя. Он мог бы убить вас и по закону был бы прав. И ему не нужны какие-либо доказательства.

— Я только один раз увижусь с Голтаном, всего лишь раз. Одна. Пилат никогда не узнает.

Вход с колоннами в ресторан, принадлежащий Голтану, показался мне впечатляющим, притом что я едва успела его разглядеть. Как только я вышла из нанятого паланкина, из дверей выбежал раб и быстро провел меня внутрь через боковую дверь. Он поклонился, будто я была сама императрица.

— Господин ждет вас наверху, — сказал он.

— Ждет'меня? Как это так?

Раб пожал плечами:

— Хозяин сказал: когда появится госпожа, проводи ее ко мне.

— Не может быть.

Как подсказывал мой внутренний голос, лучше бы вернуться, но вместо этого вслед за рабом я вошла в переднюю, откуда вела лестница наверх — темная, с узкими ступеньками и крутая. Я поднялась на несколько ступенек и остановилась. Зачем я рискую своей жизнью ради человека,

воспринимающего мой приход как нечто само собой разумеющееся? Я стояла истуканом, держась рукой за перила. «Немедленно уходи!» Я быстро повернулась и стала спускаться.

— Клавдия!

Я оглянулась назад через плечо. Голтан стоял наверху на лестничной площадке. Не успела я и глазом моргнуть, как он очутился рядом со мной.

— Так и есть — вы пришли! — воскликнул он и взял мою руку. Теплота его прикосновения разлилась по моему телу.

— Вроде как вы меня ждали?

— Не ждал, я мечтал, что вы придете. — Он взял меня под руку, и мы, поднявшись по лестнице, оказались, к удивлению, в просторных апартаментах. Пока я осматривалась, Голтан снял с меня палу и отдал ее рабу.

— Принеси вина, оливок и сыра, — приказал он ему.

Прямо перед нами находился атриум, открытый небесам, а справа таблиум. Я увидела стол, заваленный свитками, за ним балкон, откуда открывался вид на район Субура и возвышавшиеся за ним холмы.

— Здесь вы работаете?

— И здесь тоже.

— Все это производит впечатление.

Я почувствовала, как он напрягся.

— А вы, наверное, думали, что я даже не умею читать.

— Нуда. Ведь вас привезли сюда как раба еще совсем молодым.

Он приосанился с гордым видом.

— Клавдия, я родился свободным человеком. Мой отец—князь. Моим образованием занимались лучшие наставники. Меня обучали греческому и латыни, учили владеть мечом. Жизнь была прекрасна, пока не пришли римляне.

— Извините, я просто хотела сказать...

— Позвольте, я покажу вам мою обитель.

Он пригласил меня пройти за ним. У меня захватило дух от того, что я увидела. Стены от пола до потолка были облицованы металлическими пластинами, отполированными до такой степени, что в них отражалось каждое наше движение. На окнах висели алые занавески, вышитые золотом, гармонировавшие с обивкой кушетки и пуфа. Алые ковры на черном мраморном полу заглушали наши шаги. На потолке я увидела изображение улыбающегося божества, мне не знакомого, в окружении обнаженных полногрудых и пышных дев в нескромных позах.

Я почувствовала атмосферу грубого телесного сладострастия, царившую в комнате.

Присев на край кушетки, я представила женщин, возлежавших здесь. Я выпила несколько глотков вина, потом еще немного и подумала, смогла бы я быть такой, как эти беззаботные и беззастенчивые создания.

— Много лет назад я слышал о том, какое предсказание вы сделали, — сказал Голтан, притянув меня к себе на кушетке.

— Насчет вас? — улыбнулась я, слегка подняв подбородок. — Я сама поразилась больше, чем кто-либо еще.

Некоторое время мы лежали так и смотрели на божества, веселившиеся над нами.

— Вы знаете, о чем думают люди? — спросил Голтан. — Вы можете читать чужие мысли?

— Я могу прочитать ваши в данную минуту. Для этого не надо никакого ясновидения.

Он энергично подался вперед.

— А что привело вас сюда — ваша проницательность?

Он казался таким молодым, когда его лицо озаряла улыбка. В нем я находила черты запомнившегося мне юноши.

— Я не прибегала к ее помощи.

Голтан многозначительно смотрел на меня.

— Значит, из своей проницательности вы извлекаете пользу?

Я покачала головой:

— Мне не все бывает понятно... Но до меня начинает что-то доходить, когда я оказываюсь в гармонии с Исидой.

— Она говорит с вами?

— Не словами. Я ощущаю ее, если мне удается отключить речевую часть сознания. Иногда я чувствую. Не смейтесь — я как-то пыталась объяснить это Пилату, и он начал смеяться надо мной.

— Я бы никогда не стал смеяться над вами. — Голтан ближе придвинулся ко мне. — И как же вы чувствуете?

— Как Ариадна.

— Кто? — Он слегка нахмурил брови.

— Критская царевна, полюбившая одного из героев. — Я посмотрела на него: — Вы немного похожи на него.

— Что же произошло с ними? Они прожили счастливо всю жизнь и умерли в один день?

— Она спасла его, и себя тоже, дав ему клубок серебряных ниток. Она помогла ему выбраться из лабиринта. Иногда мне кажется, что меня ведет такая же нить, но часто я забываю держаться

за нее. — Я засмеялась, снова покачав головой. — Все это так глупо.

— Вовсе нет. Я не слышал истории про нить Ариадны. Со мной ничего подобного не происходило, но на арене я — Марс.

— Когда вошла, я заметила святилище в атриуме.

— У нас в Дакии другие боги. В детстве я молился Водану и Фрее. Много ли было от этого толку, когда пришли римские легионы, убили моего отца, а меня забрали в рабство? Потом, когда меня привезли сюда, я стал гладиатором и поклонялся Марсу. Чем один бог лучше другого?

— Вы молитесь Марсу, перед тем как выйти на арену?

— Молиться ему? Марс — это сила, а не существо. Иногда я побеждаю благодаря своему мастерству, иногда прибегая к хитрости или используя ловкий прием, но чаще всего я побеждаю потому, что Марс — у меня в крови. Вы понимаете меня?

Я кивнула, вспомнив, как Голтан держался на арене. Меня притягивала в нем эта необузданная сила. Он не сводил с меня глаз, на его губах блуждала улыбка. Я отвернулась и увидела свое отражение в зеркальных стенах. Сколько

женщин видели свое изображение, многократно умноженное полированной поверхностью? Какое это имеет значение? Мне представился случай. Только один раз, только сейчас.

Голтан протянул ко мне руки, обхватил меня за талию и привлек к себе. В его ласковых словах звучали грубоватые нотки, но это ничуть не смутило меня, и своим ртом я искала его губы. Сначала он нежно держал меня в своих объятиях, а потом от его горячих и страстных поцелуев огонь побежал по моим венам, и он еще крепче прижал меня к себе. Мои руки, будто не подвластные мне, двигались по его упругому, мускулистому телу, ища застежку туники. Моя смелость вызвала у него улыбку. Он слегка отодвинулся назад и ослабил хитон на моем плече. Его губы следовали за краем шелковой ткани, скользившей все ниже и ниже по моему телу, по мере того как обнажалась моя грудь, живот и бедра. Я почувствовала, как изогнулась дугой навстречу его губам и закричала от удовольствия, а когда его лицо снова поравнялось с моим, оно было серьезным.

— Моя милая Клавдия, — прошептал он, едва касаясь в поцелуе моих глаз, щек, будто я была самым хрупким созданием в мире. Горячая сладость разлилась по всему телу, когда он мед-

ленно и осторожно вошел в меня. Я прильнула к нему, и все преграды между нами перестали существовать.

Я потеряла ощущение времени. Потом я лежала, наслаждаясь тяжестью его тела.

— Не двигайся, — прошептала я, когда он попытался приподняться.

— Я раздавлю тебя.

— Ну и пусть, мне так нравится.

Мы негромко смеялись, глядя друг на друга. Голтан нежно целовал меня. Я уткнулась ему в шею, и мы еще долго лежали в тишине, нарушаемой только словами любви. Неужели между людьми может быть такая близость?

Прошло, наверное, много времени, прежде чем я высвободилась из его объятий и поднялась с кушетки. И, посмотрев на мужчину, ставшего не только моим любовником, но и понявшего мои самые глубокие чувства, я заставила себя сказать:

— Я никогда не смогу сделать это снова.

Голтан встал передо мной и взял меня за плечи.

— Я знаю, — негромко произнес он.

Глава 26
Мой выбор

— Поторопись. Они уже ждут, — нетерпеливо сказал Пилат, стоя в сводчатом проходе. Я в это время крутилась перед зеркалом. Пилат окинул меня взглядом: — Тебе очень идет красное, дорогая. Почему ты не носишь этот цвет чаще?

Зачем я вообще надела красное платье? Зачем я опять изображаю идеальную жену, когда мне ничего не хочется, кроме как лечь на кушетку и перебирать в памяти все, что произошло днем? Вместо этого я должна отправляться неизвестно куда, где мне придется через силу улыбаться, смеяться и вести беседы, будто в моей жизни ничего не изменилось. Почему я не сослалась на головную боль?

Шанс упущен. Паланкин Сеяна и Апикаты уже стоял у входа. Я вышла за Пилатом из дома и изумилась, увидев при свете факелов балдахин с пурпурными и золотистыми полосками.

— Что вы скажете?—Апиката отодвинула шелковые занавески и радостно помахала мне рукой. — Согласитесь, таких шикарных паланкинов

вам, наверное, еще не доводилось видеть.

Действительно, это был самый большой паланкин. Четырнадцать носильщиков, по семь с каждой стороны, стояли в положении «смирно», ожидая, когда мы займем места рядом с их господином и госпожой.

— Очень впечатляет, — сказал Пилат Сеяну, раздвинувшему занавески и помахавшему рукой в знак приветствия.

— Садитесь и посмотрите, как здесь внутри, — не унималась Апиката. — По-моему, здесь великолепно.

Подбежал один из носильщиков и положил на землю перед входом шелковый коврик. Я поднялась в паланкин, следом за мной Пилат. Внутри могли бы разместиться человек восемь. Рядом с полулежавшими на подушках Сеяном и Апикатой сидела рабыня, готовая подать им вино и засахаренные фрукты. Я заметши полки для свитков, игр и музыкальных инструментов.

— Нам доставили его сегодня утром. Это подарок Тиберия, — сказал Сеян. — Что вы скажете? — спросил он у меня.

— Я действительно никогда не видела ничего подобного, — заверила я его.

Носильщики подняли паланкин на плечи и

стали спускаться вниз по склону холма.

— А у нас сюрприз, — объявила Апиката. — Особенно для Клавдии. — Ее лицо выражало простодушие, но в предчувствии чего-то дурного у меня по спине пробежала легкая дрожь. Я протянула руку, чтобы отодвинуть занавеску, но Апиката остановила меня: — Состойте, постойте. Мы скоро будем на месте.

Я взяла предложенный мне бокал вина и показала жестом, что вино не нужно разбавлять водой. Я выпила больше, чем обычно, стараясь понять причину своей тревоги. Конечно, у Апикаты благие намерения, что бы она там ни задумала. Возможно, этой прогулкой она хочет сгладить чувство сожаления по поводу того, чего уже не вернешь.

— Сначала я подумал: не иначе как мы направляемся на рынок на форуме, но последний поворот сбил меня с толку, — сказал Пилат.

— Потерпите, сейчас все узнаете, — успокоил его Сеян.

Таинственность происходившего начинала выводить меня из терпения.

— Мы направляемся туда, где я уже была? — спросила я.

— Едва ли, хотя, я уверен, вы хотели пойти

туда.

— Наверное, это рынок животных? Я слышала, что детенышей гепардов можно научить...

— Нет, Клавдия, вам придется еще немного подождать.—Апиката интригующе подмигнула мне.

Городской шум стал громче, шаг носильщиков замедлился. Из большого серебряного кувшина выплескивалась вода в такт их движения. Я быстро осушила свой бокал, чтобы не пролить вино себе на платье. То и дело слышались выкрики телохранителей Сеяна: «Прочь с дороги! Прочь с дороги!»

Где мы? Я ничего не могла понять. Еще один поворот, и носильщики пошли совсем медленно. На улицах, наверное, не протолкнуться. Наконец мы остановились.

Паланкин осторожно поставили на землю, и один из рабов раздвинул занавески. Сначала из него вышли Сеян и Пилат, а вслед за ними Апиката. Если бы Пилат не подал мне руки и не подхватил меня, я бы упала. Как в кошмарном сне перед собой я увидела ресторан Голтана. И что же, вот так на руках у своего мужа я должна предстать перед ним?

— Наконец мы и на месте, — с торжествую-

щим видом сказала Апиката. — Вы наверняка слышали о «Мече и трезубце». Все о нем только и говорят.

Я внимательно посмотрела на нее. Неужели Апиката что-то знает? По выражению искреннего простодушия на ее лице мне стало ясно, что она довольна своим выбором. Это — случайное совпадение?

Встретил нас раб, сегодня днем провожавший меня в дом. Всемогущая Исида, а вдруг он сейчас каким-нибудь словом или жестом выдаст меня? Мое сердце бешено колотилось, но профессиональный навык не изменил этому человеку, когда он, широко улыбаясь, переводил взгляд с одного из нас на другого. Низко кланяясь, он пригласил нас войти. На сей раз через главный вход.

Сначала мы оказались в вестибюле, а потом прошли в просторный банкетный зал. Воздух был насыщен ароматом духов, запахом пряностей, выделанной кожи и пота. Я едва могла дышать. В освещенном факелами зале не нашлось ни одной свободной кушетки, на некоторых из них располагались по четыре человека.

— Давайте уйдем отсюда, — предложила я. — Здесь негде приткнуться.

— Для таких почетных гостей у нас всегда най-

дется место.

С важным видом раб отодвинул темно-красную занавеску. За ней на некотором возвышении находился отдельный кабинет с двумя широкими кушетками по обеим сторонам низкого стола, обитого медью. С противоположной стороны за задернутыми драпировками скрывался сводчатый проход, по которому гости могли незаметно выходить и входить. Из этого уединенного кабинета, если отодвинуть занавеску, открывался вид в зал, где выступали четыре светлокожие танцовщицы с золотистыми волосами. Весь их наряд состоял из поясов, усыпанных рубинами. На стене позади сцены на виду у всех висел рубис — больших размеров деревянный меч, которым традиционно награждался гладиатор, получивший свободу.

Я взяла Пилата под руку, когда мы входили в предназначавшийся для нас изолированный кабинет, и улыбнулась Сеяну — как я надеялась, с восторгом.

— Какая замечательная идея!

— Мы думали, вам будет приятно посетить берлогу вашего кумира.

— Кумира?

— Вы в некотором роде открыли Голтана. Кроме

того, я прилично заработал, когда он в последний раз одержал победу. Так почему бы здесь чуточку не потратиться?

— Господин весьма добр. — Массивная фигура Голтана появилась в проходе за кабинетом. — Для меня большая честь принимать таких высоких гостей.

Мне было страшно взглянуть на него, но я заставила себя. Я увидела улыбающееся лицо. На миг наши глаза встретились. Затем он сделал шаг назад, чтобы пропустить раба, который принес на серебряном подносе большую бутыль вина и четыре бокала.

— Я надеюсь, вам понравится это вино. Оно высшего качества.

Голтан сам разлил вино и подал бокалы сначала Апикате, а потом мне. На мгновение наши пальцы соприкоснулись. Я старалась изо всех сил унять дрожь в руке.

Пилат отпил немного вина:

— Прекрасное фалернское.

— Его делают на моих виноградниках в Стабиях.

— В Стабиях? — Пилат посмотрел на Голтана. — Какое совпадение! Мы с женой отправляемся в те места через три дня. Мы уже...

— Извини, друг мой, — перебил его Сеян. — У Тиберия, кажется, несколько иные планы насчет тебя, насчет нас обоих. Я еще не говорил тебе. Он хочет...

Сеян понизил голос. Перед моими глазами стоял только Голтан, он смотрел на меня пылким взором. Я затрепетала всем телом. «Будь осторожна, держи себя в руках». Я вновь сосредоточила внимание на разговоре.

— Мне очень жаль нарушать ваши планы, — сказал Сеян. Он встал со своей кушетки и сел рядом со мной. Взяв мою руку, он стал легкими движениями поглаживать ее. — Вы не будете возражать, если я на некоторое время украду вашего мужа?

— Как? Он опять куда-то должен ехать? — с досадой в голосе произнесла я, хотя вовсе не испытывала этого чувства. Пилат не спускал с меня своих голубых глаз.

— Тиберий посылает нас в Сиракузы, — продолжал Сеян. — Всего лишь на месяц, а потом Пилат вернется к вам в Геркуланум. Я убедился, что разлука укрепляет любовь. — И, обращаясь к Голтану, он спросил: — А ты как считаешь?

— Рахиль, подойди сюда, — позвала я, склонившись над моей спящей дочерью. — Мне нужна

твоя помощь.

Мы стояли у детской кроватки и смотрели на Марцеллу. Как такая крошка могла быть столь бесценной? Эта мысль не раз возникала в моем сознании.

— Она красивая, — сказала Рахиль и поправила ее одеяло.

— Она для меня дороже всего на свете.

— Неудивительно. И какая женщина станет рисковать тем, что для нее дороже всего на свете?

Мы встречались днем два или три раза в неделю.

Голтан предложил простой план. Оставляя Марцеллу на попечение кормилицы, я выходила из дома в обычной одежде. Потом на моем паланкине меня доставляли до какого-нибудь трактира, где уже ждала Рахиль. Она переодевалась в мое платье, надевала темный парик цвета моих волос и выходила через переднюю дверь. А я в простом одеянии выходила из трактира через другую дверь, нанимала паланкин или шла пешком до дома, который в тот день снимал Голтан для нашей встречи.

Один раз я надела грубую коричневую тунику и спрятала волосы под шапку, какую носили

вольноотпущенники. В другой раз я облачилась в тяжелую тогу, накинув на голову край с пурпурной каймой. Оставшись наедине, когда наши страхи были уже позади, мы смеялись над моим маскарадом. Голтан поворачивал меня из стороны в сторону, а я подражала речи и манерам тех, чей облик принимала.

— Я нравлюсь тебе блондинкой? — спросила я Голтана. Мою голову украшали роскошные кудряшки золотистых волос.

— Ты мне нравишься такой, какая есть.

Я повернулась и посмотрела, что заказал Голтан нам на обед. В центре стола, накрытом белой скатертью, стоял букет роз светлого, желтовато-оранжевого оттенка. Нам подали устриц в раковине, густой ячменный суп, политый сверху медом, лук-порей с цикорием-эндивием, фаршированного фазана и клубнику со свежими сливками.

— Вот так чудо! Как раз то, что я люблю! — воскликнула я, обняв его. — Откуда ты это знаешь?

В тот день Голтан снял небольшую, но светлую и уютную квартиру. Я запыхалась, поднимаясь по многочисленным ступеням, но когда дошла до верха, то увидела Голтана, дожидавшегося меня на небольшом балконе. Весь Рим раскинулся

перед нами, и мы чувствовали себя властелинами мира.

Мы наслаждались вкусной едой и великолепным вином, упивались друг другом, разговаривали и смеялись. Я и не заметила, как солнце стало клониться к закату.

Постепенно подкрались сумерки, стало темно, но не настолько, чтобы зажигать факелы. Наша идиллия должна опять закончиться. Я приподнялась на локте, все еще лежа на кушетке.

— Прошлый раз, когда ты не пришла, я подумал, что Пилат вернулся раньше, и ты не смогла уйти из дома.

Я снова легла рядом с ним и поцеловала его в губы.

— Он мог бы убить тебя, — сказал Голтан.

— Если бы осмелился. Скорее всего он бы прогнал меня, запретил видеться с дочерью. — Мой голос дрогнул. — Я бы этого не вынесла. Я немного помолчала. — К твоему сведению: в Рим вернулась Ливия. Вчера я видела ее в театре. Она уставилась на меня своими зелеными глазами. Мне стало страшно. Ливия способна на все, что угодно.

— У тебя нет никакого друга семьи, который мог бы заступиться за тебя?

— Нет, никого. В живых никого не осталось.

— А твоя божественная покровительница — Исида? Ты могла бы у нее попросить убежища?

— Ты мечтаешь об этом? — подколола я его. — Ты хочешь, чтобы я стала отшельницей?

— Это лучше, чем жить с Пилатом, — признался он.

— После того как Тиберий сжег храм Исиды, об убежище не может быть и речи. Мне некуда деться, даже не к кому обратиться за советом.

Голтан прижал меня к себе, а потом оттолкнул.

— Я должен буду уехать отсюда как можно дальше, чтобы не подвергаться искушению. — Он встал с кушетки и взял свою тунику. — Парфяне собираются устроить гладиаторские бои.

— Как же так? — Меня охватил ужас. — Мне казалось, ты навсегда покончил с этим.

— Ты знаешь, что произойдет, если я останусь в Риме. Долго ли нам еще придется таиться? Я бессилен перед желанием быть с тобой. И в то же время я не могу допустить, чтобы ты продолжала подвергать себя такому риску.

Я молча смотрела на него. У меня возникло ощущение, словно солнце закатилось навечно и я обречена жить во мраке всю оставшуюся жизнь.

— В отсутствие Пилата мы особенно не беспокоились, — призналась я. — Нам до последнего времени очень везло, но скоро везению придет конец. Мне сказали сегодня утром, что Пилат и Сеян вроде бы выплывают из Сицилии на следующей неделе. Мне нужно будет встречать мужа на нашей вилле в Геркуланум.

— Так это недалеко от моего жилища. Не иначе как боги искушают нас.

Голтан подал мне руку и помог встать с кушетки.

— В Риме свирепствует эпидемия. Я беспокоюсь о Марцелле. Пилат постоянно говорит, что ей будет полезен морской воздух.

— Ни в коем случае не возражай ему, но сначала мы должны увидеться. До его возвращения проведем несколько дней вместе.

— Несколько дней? Да ты с ума сошел!

— Тогда одну ночь.

— О чем ты говоришь!

— Моя вилла на окраине Стабий. Говорят, сирены заманили туда Одиссея. Тебе представляется случай заманить меня. Ты хочешь?

— Как ты можешь спрашивать? — Я с грустью покачала головой. — Но ты же знаешь, что это невозможно.

— Ничего нет невозможного. Отправь Марцеллу с Рахилью в Геркуланум. Они будут под надежной защитой. Я повсюду расставлю своих лучших людей. Задержись здесь, сошлись на неотложные дела в Риме, скажи, что тебе нужно закрыть дом или что тебя пригласили важные особы. У женщин всегда найдутся подобные отговорки. Придумай что-нибудь.

— Ну, ты точно свихнулся.

— Клавдия, это последний шанс провести ночь вместе. Осенью ты вернешься в Рим, но меня уже не будет.

Слезы заволокли глаза, когда до меня дошло, что он задумал.

— Зачем рисковать жизнью на арене, если у тебя есть все, о чем можно только мечтать?

— Ты говоришь — все? Это «все» — ничто без тебя.

Вереница мыслей пронеслась в голове. «Торопись жить», — вспомнила я слова сестры. Какую цену она заплатила! Готова ли я рисковать жизнью ради любви? Я посмотрела на Голтана и поняла, какой будет ответ на этот вопрос. Сейчас он в лучшей форме, но в каждом крупном городе найдется десятка два гладиаторов, полных решимости одолеть его, утвердиться самим, убив

чемпиона. Одна ошибка, один неверный шаг — и...

— Скажи, — я понизила голос почти до шепота, — что бы ты сделал для меня за эту одну ночь?

— Все, что угодно, — сказал он, обняв меня. — Все, что ты прикажешь.

Глава 27
Последнее свидание

Ночь выдалась жаркой. На мне была только широкая белая туника с глубокими разрезами на вороте и на рукавах. Наклонившись вперед к самой гриве, я пустила коня во весь опор. Далеко внизу вдоль берега, насколько хватало глаз, протянулась вереница вилл, огни которых сверкали как дорогое ожерелье.

Я намеренно выбрала ненаезженную горную тропу, идущую в стороне от главной дороги, чтобы не попадаться кому-либо на глаза, но даже здесь мне иногда приходилось прятаться за скалами или среди деревьев, когда я замечала ехавших навстречу путников. Как знать, что это за люди. Крестьянки редко отправлялись куда-либо в одиночку, а тут я одна, да еще на красивом скакуне.

Из-за кустов вышел человек и, преградив мне дорогу, схватил за поводья, но я ударила коня пятками по бокам. Он рванулся вперед, и человек выпустил поводья и отстал. Дрожа от страха, я продолжала подгонять коня. Дом Голтана уже недалеко, скоро мы будем вместе.

Вылетев на полном скаку из-за деревьев, я посмотрела на огни, разбросанные по побережью. Стабии! Пора сворачивать вниз к морю. Я отпустила поводья, и конь стал сам осторожно спускаться вниз на мощеную дорогу, повторявшую изгибы откоса — один крутой поворот за другим. Полная луна низко висела над морем. Конь сделал последний поворот, и вот наконец передо мной возникли очертания большой виллы Голтана. В отличие от других домов, которые мне доводилось видеть на взморье, она напоминала крепость, возвышавшуюся на утесе. Когда я приблизилась к высокой терракотовой стене, ворота открылись, и из них вышли рабы с факелами. Они сопровождали меня и освещали путь, пока я ехала на коне через благоухающий сад, мимо статуй, фонтанов, по мозаичной террасе с изображением выныривающих из воды дельфинов.

Голтан выбежал мне навстречу с сияющей

улыбкой. Страх окончательно прошел, когда он помог мне слезть с коня и на руках понес в дом. От близости и запаха его тела у меня немного закружилась голова.

— Дорогая моя, ты — отчаянная глупышка, — прошептал он мне на ухо. — Видел ли тебя кто-нибудь?

— Какое это имеет значение? Теперь я здесь.

Дав какие-то распоряжения слуге — какие именно, я не слышала, — Голтан повернулся ко мне и снова улыбнулся:

— Я кое-что приготовил для тебя.

Я крепче прижалась к нему, как всегда, успокаиваемая его хрипловатым голосом. Он опустил меня, взял за руку и повел по галерее с яркими фресками на белых мраморных стенах. В конце ее распахнул дверь в комнату, и я застыла в изумлении.

— Тебе нравится? — спросил Голтан.

На стене передо мной я увидела громадную фреску — классическое изображение Венеры, выходящей из морской пены, только у нее были мои большие серые глаза и кудрявые волосы.

— Ты говорила, она — твой предок, — улыбнулся Голтан.

— Семейная легенда, в которую я никогда не

верила.

Голтан посмотрел на меня с серьезным выражением лица.

— А ты поверь. — Он обнял меня за талию.

Я восхитилась общим убранством комнаты. Мириады огней от висевших под потолком ламп отражались в крупных шлифованных лунных камнях, вставленных в стену. Их сияние походило на мираж. Тонкие занавески цвета морской пены гармонировали с шелковыми подушками голубовато-зеленого оттенка. Я посмотрела на Голтана:

— Все замечательно: обстановка, мои любимые цвета. Как тебе это удалось?

Голтан расплылся в довольной улыбке:

— Только сегодня днем я все закончил здесь со своими людьми.

— Ну а как ты угадал мой вкус?

— Ты разве не видела художника в моем ресторане?

От счастья у меня потекли слезы. В этой великолепной комнате я бы забавлялась игрой, воображая хоть на какое-то время, что мы женаты. Не доверяя свои мысли словам, я взяла руку Голтана и поцеловала загрубевший шрам на его ладони. Мой взгляд упал на фреску над крова-

тью. В памяти всплыл еще один классический сюжет. Венера и Марс, опутанные золотой сетью, пойманные ревнивым мужем богини и представленные всем богам в момент греховной связи. Но Пилат ни о чем не догадывался. Я задержалась на один день под предлогом того, что должна проследить, как идет ремонт нашей кухни. Конечно, Пилату, увлеченному какой-нибудь новой любовницей, было не до меня.

Голтан обнял меня за плечи.

— Ванна тоже готова, — сказал он.

После долгой и быстрой верховой езды я чувствовала запах лошадиного пота, исходивший от меня. Мы вошли в соседнюю комнату, где над круглой ванной поднимался пар. Я сгорала от нетерпения смыть с себя дорожную грязь.

Голтан подошел к мраморному столику, на нем стояли серебряный кувшин и бокалы.

— Ты выпьешь вина?

Я кивнула. После продолжительной езды у меня пересохло в горле. Я смотрела, как большими руками он умело налил одинаковые порции красного вина и холодную воду в два переливавшихся радужным светом бокала. Он протянул мне один из них.

— А медовое пирожное? — спросил он и подо-

двинул ко мне блюдо.

Я покачала головой, расстегнув заколки, скреплявшие волосы, и они рассыпались по плечам.

— Ты замечательно ухаживаешь. — Я улыбнулась.

— Мне нравится делать тебе приятное.

— Как и я люблю делать приятное тебе.

Он смотрел, как я пью вино. Оно обладало богатым букетом и тонким вкусом, незнакомым мне.

— Такой привкус дает вулканический пепел, содержащийся в почве, — объяснил он, отвечая на немой вопрос.

Я протянула руку и провела пальцем по ямочке на его подбородке.

— Редкое вино — подарок вулкана. Нечто похожее на мою жизнь.

После опустошения — такой ценный подарок. Я потеряла стольких дорогих моему сердцу людей, а сейчас я наслаждаюсь этим ни с чем не сравнимым моментом счастья. Я осушила бокал, поставила его на столик и сбросила тунику.

Голтан упал на колени. Хриплым от волнения голосом он прошептал:

— Не так быстро. Позволь мне сделать это.

Он снял с меня сандалии, и я почувствовала успокаивающее тепло мозаичных плиток под

ногами. Я запустила пальцы в густые светлые волосы Голтана. Потом я встала, позволив ему погладить мое тело, и опустилась в ванну. С довольной улыбкой на губах он сбросил одежду и прыгнул вслед за мной, так что вода разбрызгалась по полу.

Над нами возвышался сводчатый потолок. В мерцании золотых светильников казалось, что изображенные на нем дельфины и сирены как живые выныривают из морской пучины. Я посмотрела в янтарные глаза Голтана. Страх и усталость сменились нетерпеливым желанием, более пьянящим, чем любое вино. Мы больше не могли ждать. Не разнимая объятий, скользкие от ароматических масел, мы поднялись из бассейна и упали на кушетку, слившись в единое целое.

Пронзительный крик разорвал тишину. Из соседней комнаты донеслись глухие удары и треск ломаемой мебели. Голтан вскочил с кушетки, его бокал упал на мозаичный пол и разбился. Осколки стекла, разбрызганное вино, похожее на капли крови, на нимфах и сатирах во фривольных позах... Как очумелая, я схватила полотенце и трясущимися руками обмоталась им. Неужели это Пилат?

Я повернулась и увидела группу солдат с ме-

чами наголо. Они расступились и впустили еще одного незваного гостя, точнее, гостью — Ливию,

Она остановилась посередине комнаты — как всегда, с устрашающим видом в одеянии кроваво-красного цвета. Императрица наклонила голову набок, разглядывая меня.

— Клавдия, ты не перестаешь удивлять меня. Подумать только: у такой тихони в любовниках лучший гладиатор империи. А ты, Голтан, — императрица повернулась к нему, — ты, который мог взять любую женщину, что ты нашел в этой серой мышке? Неужели она околдовала тебя? Может быть, ее нужно судить за колдовство и прелюбодеяние?

Голтан сжал кулаки:

— Оставьте мой дом! Немедленно! Стража!

— Бесполезно звать ее. Мои солдаты легко разделались с ними.

У меня упало сердце, когда Голтан угрожающе двинулся к Ливии.

Она только улыбнулась:

— Твоя смелость сослужила тебе неплохую службу. Ты одержал много побед. Даже мой сын восхищается тобой. Будет жаль, если Тиберий разочаруется в тебе. Он весьма изобретательно расправляется с падшими идолами. Совсем

недавно он приказал распять жрецов из храма Исиды. Кстати, твоих друзей, Клавдия. — Ливия оценивающим взглядом окинула комнату, уловив своим патрицианским носом запах масел и хорошего вина. — Для раба ты далеко пошел, Голтан. У вас в Дакии все такие? Сильные северные варвары. Но тебе еще и везло.

«Она играет с нами, как львица со своей жертвой», — подумала я, когда Ливия перевела взгляд на меня. С тех пор как я видела ее в последний раз, она остарела, но не стала менее беспощадной.

— К тебе, Клавдия, Фортуна также была благосклонна. — Рукой, испещренной синими венами и увешанной кольцами,

Ливия провела по фигуре Марса, вырезанной из слоновой кости на крышке стола, рядом с которым она стояла. — Судьба пощадила тебя. А твоя прозорливость ничего не подсказывает, что я сделаю?

— Едва ли бы я оказалась здесь, если бы она мне что-нибудь подсказала.

Императрица улыбнулась. Моя откровенность позабавила ее.

— Так, так, так. — В дверях стоял Калигула. Он насмешливо скривил губы, оценив обстановку. Потом повернулся к Ливии и широко улыбнулся.

— А я никак не мог взять в толк, куда ты так быстро умчалась, да еще с такой большой охраной? Ты не хочешь предложить мне войти?

Императрица обернулась с царственным видом. Я заметила удивление и раздражение, на мгновение появившиеся на ее лице, когда она взглянула на правнука. Она кивнула, и стража пропустила его в комнату. Он был в доспехах и в шлеме с гребешком из перьев.

— Прошу прощения за вторжение, — проворковал Калигула. — Видеть тебя, Клавдия, — сплошное удовольствие. И особенно в таком виде, как сейчас. В последнее время мы не так часто встречаемся. — Он жестом показал солдату, чтобы ему налили вина. Выпив его с явным наслаждением, он кивнул Голтану: — Замечательное фалернское. Я слышал, у тебя лучшие виноградники на юге Италии. — Он посмотрел из-под тяжелых век снова на меня, остановив взгляд на моих обнаженных бедрах. — Когда я вижу тебя, моя дорогая, в столь фривольном виде, я словно возвращаюсь в наше детство, в те беззаботные дни на берегах Рейна. — Злорадное выражение не скрывало похотливости в его взгляде.

Меня передернуло, когда я представила, как он издевался тогда над беззащитными животными.

Встретившись с ним глазами, я не стала скрывать своего отвращения.

Несмотря на это, Калигула продолжал невозмутимо насмехаться надо мной:

— До чего забавно было играть с вами. Вот только жаль Марцеллу. Она была такой милашкой, такой горячей и пылкой. — Его взгляд скользнул по полуобнаженному телу Голтана, едва успевшему обмотать полотенце вокруг талии. — О, вот так сюрприз! Я изнываю от скуки, живя у прабабки, никаких острых впечатлений. А тут такая неожиданность увидеть знаменитость на арене другого сорта.

Голтан неожиданно бросился на Калигулу. Несмотря на свои доспехи и оружие, Калигула не мог справиться с Голтаном. Он взвизгнул, как девчонка, когда Голтан выхватил меч, висевший у него на поясе. Вывернув Калигуле руку за спиной, Голтан прикрывался им как щитом и размахивал мечом перед налетевшей стражей.

— Беги, Клавдия! —крикнул он. — Спасайся!

Я побежала к двери, но дорогу мне преградили солдаты. Один из них схватил меня. Другие с обнаженными мечами кинулись к Голтану. Он их не подпускал к себе. Калигула, пытаясь вырваться, поскользнулся на мокром полу. Дико

ругаясь, он встал на ноги, поднял меч и пошел на Голтана.

Когда солдаты окружили его, Калигула закричал:

— Стойте! Он мне нужен живой!

— Как ты смеешь! — выкрикнула я, стараясь вырваться из цепких рук солдата, державшего меня.

— Смею! Он мой.

— Он умрет, когда захочу я, - хладнокровно проговорила Ливия.

— Бабушка! — Калигула скорчил недовольную гримасу. — он принадлежит мне.

Хватит! Мне решать! А теперь все вон! Вы мне надоели за эту ночь. — Ливия повернулась ко мне: — Ну а ты, Клавдия...

Солдат крепче сжал мне руки.

Вот оно, подумала я. Почему-то мне казалось, что законы писаны для других. Сейчас, в решающую минуту, Фортуна оставила меня. Почувствовав холодное лезвие кинжала, приставленного к горлу, я закрыла глаза и напряглась от страха. Я не буду кричать.

— Оденься, Клавдия, — приказала императрица. — Ты пойдешь со мной.

Глава 28
Обитель тайн

Пока мы ехали в течение нескольких часов, Ливия не проронила ни слова. Со связанными руками и ногами я сидела напротив нее в монаршем экипаже и ждала своей участи. Снова и снова перед моим мысленным взором возникал Голтан таким, каким я его видела в последний раз, беспомощный и с кровоточащими ранами. Что они с ним делают сейчас? Да и жив ли он? По настоянию императрицы занавески не открывали, однако я чувствовала, что уже какое-то время мы ехали по открытой местности. Куда нас везут? Какую ужасную смерть Ливия замыслила для меня. Я снова и снова думала о Голтане и Марцелле. Хоть бы обнять их в последний раз.

В какой-то момент карета замедлила ход. Я услышала голоса, но не смогла разобрать слов. Колеса загрохотали по мостовой. До моего слуха донеслись игра флейты, барабанный бой, выкрики торговцев, заунывные голоса нищих. Где-то рядом что-

то жарили на огне, разносились приятные за-

пахи. Сколько времени я не ела? Ливия сидела с закрытыми глазами, ее рот был полуоткрыт. Я стала ерзать на сиденье и плечом слегка отодвинула занавеску. Мы проезжали через рынок, мимо общественных бань, по небольшому форуму. Так мог выглядеть любой римский город. Но какой? Экипаж повернул за угол. Я увидела фонтан и ресторан на открытом воздухе. Я догадалась. Мы с Пилатом отдыхали здесь как-то летом. Ливия привезла меня в Помпеи. Но зачем?

Она открыла глаза.

— Закрой занавеску! — приказала она. — Что вы плететесь? Гоните! — крикнула она, ударив в потолок набалдашником трости. — Ну же!

Лошади понеслись. Прохожие на улице отпрянули в сторону.

Я спросила императрицу:

— Скажите мне хотя бы, что вы сделали с Голтаном?

— Твоего любовника повезли в Рим. Я решила отдать его Калигуле.

— Как вы могли? Он пользуется широкой известностью. Народ будет недоволен.

Ливия засмеялась:

— Разве популярность помогла Германику или твоей дорогой тетушке Агриппине? У людей ко-

роткая память, как и у тебя.

— Вы думаете, что вы такая всесильная? Но вам что-то нужно. Я знаю.

В глазах Ливии на мгновение промелькнуло насмешливое выражение.

— Что же это, хотела бы я знать?

— Я сейчас не могу точно сказать, но это связано со мной.

— Какая проницательность! Конечно, мне что-то нужно. Иначе зачем я дала тебе возможность жить, и твоему ребенку тоже. Помни, дорогуша, ты не последняя по своей линии.

О Исида! При чем здесь Марцелла? Я старалась сохранять спокойствие.

Ливия злорадно улыбнулась:

— Я некоторое время наблюдала за тобой, хотела знать, как будет развиваться твой романчик. — Она немного помолчала, будто обдумывая что-то. — Ты полагаешь, что всех обвела вокруг пальца, устраивая комедию с переодеваниями и прячась в любовных гнездышках. Тебе и в голову не приходило, что я... — Она ехидно захихикала. — Вот уж я позабавилась.

— Как вы смели!

— Дорогая моя, я смею все, что в моих интересах. Сейчас твоя очередь.

У меня по спине побежали мурашки.

— О чем вы говорите?

— Ты же такая догадливая. Ну так сообрази. Затем я и привезла тебя сюда.

Карета остановилась. Я была уверена, что Ливия слышит, как бьется мое сердце. Она смотрела на меня испытующим взглядом, как, наверное, смотрит охотник на угодившее в капкан животное.

— Твои амуры с Голтаном не представляли никакого интереса, если бы они не напомнили мне о твоем предсказании, сделанном многие годы назад. Может, это догадка, подумала я сначала, но потом начались всякие толки. И еще твои сновидения... Поговаривают, ты — колдунья.

Я выжидала, чтобы не попасться ей на удочку.

Ливия продолжала:

— Я все имею от жизни, все, что хочу, кроме... — Она замолчала, внимательно глядя на меня.

Я не отвела глаз, вдруг осознав, какая она немощная. Сколько ей лет? Шестьдесят? Шестьдесят пять? Морщины вокруг глаз и рта, дряблая кожа на шее. Ничто не могло скрыть этого. Ну конечно!

— Кроме бессмертия. Вы хотите жить вечно.

— Прекрасно! Но ты ошибаешься, если ду-

маешь, что я хочу дольше жить и иметь такое изможденное тело. Жрецы предсказали мне, что я стану богиней. Разве я не заслуживаю того, чтобы править на небесах рядом с возвеличенным богами Августом?

Я пожала плечами:

— Какое отношение это имеет ко мне?

— У тебя есть дар предвидения.

— Вы преувеличиваете мои способности. Я не могу...

— Неправда, ты можешь, ибо ты сама вот-вот можешь расстаться с жизнью. Может быть, если того пожелает Фортуна, ты вернешься и расскажешь мне об увиденном.

— О нет, всемилостивая богиня!

— Да-да, дорогуша! Молись усердно своей Исиде, ибо тебе предстоит обосноваться в обители тайн. Если ты вынесешь испытания и, что более важно, если сообщишь мне то, чего я жду, твоя дочь останется жива.

Я старалась прямо смотреть в злые глаза императрицы.

— А Голтан?

— Дорогая моя, ты не в таком положении, чтобы торговаться.

— Пусть я умру, и Голтан тоже, но вы ничего не

узнаете. Клянусь богиней, которой вы надеетесь стать.

— От скромности ты не умрешь. Впрочем, как и Голтан. Довольно! Выходи!

Раб отдернул занавеску. Ливия кивнула, и он перерезал веревки, а потом грубо вытолкнул меня из кареты. Я посмотрела на императрицу:

— А вы поедете дальше?

— Мне сначала нужно приструнить Калигулу. Этот непослушный мальчишка без разрешения увязался за мной. Я этого не потерплю. Но не думай, что ты улизнешь от меня.

Двое солдат, ехавших за нами, соскочили с лошадей и встали рядом со мной.

— Уведите ее, — приказала Ливия.

Они схватили меня за руки и буквально поволокли к портику. Когда мы поднялись по лестнице, дверь открылась, и из нее вышла женщина.

— Она в вашем распоряжении, — сказала Ливия. — Вы знаете, что делать.

Женщина поклонилась императрице, и карета укатила.

— Я — Порция Проксий, — представилась она. Кольца на ее пальцах казались слишком большими для ее маленьких рук. — Мы ждали вас.

— Это ваш дом? — спросила я, с любопытством глядя на стройную фигуру. — Ливия назвала его обителью тайн. Я слышала, здесь пропадают женщины. — Я замолчала. Дошедшие до меня слухи о странных вещах, происходивших на вилле, никак не вязались с Порцией, хрупкой, в серой, тонкой как паутина столе.

Она отбросила назад темный блестящий локон, слегка тронутый сединой.

— Императрица, должно быть, рассказывала вам о нас. Она — наша патронесса. — Порция широко распахнула дверь, давая мне войти.

Я посмотрела на нее с удивлением:

— Ливия бывает здесь?

— Иногда, когда позволяют государственные дела. Здесь среди нас много ее близких друзей. Кого-то из них вы можете знать. — Она показала рукой на атриум, где молча стояли несколько женщин.

— Наконец Клавдия пожаловала к нам, — объявила Порция. Женщины поприветствовали меня. Их манеры были безукоризненными, тем не менее они устремили на меня любопытные и даже оценивающие взгляды. Я могла похвастаться лишь шапочным знакомством с некоторыми из этих дам, в их числе несколько жен сенато-

ров и владелица большой оранжереи, где росли редкие растения. Всего лишь за месяц до этого я нанимала у нее рабов-садовников. Что здесь делали эти матроны?

Отдельно в атриуме, в тени листвы сидела одна женщина. Увидев меня, она выронила из рук свиток. Какие красивые глаза! Темно-зеленые, широко посаженные. На мгновение я подумала о сестре. Между ними ничего общего, и все же... Я где-то видела эту женщину. Но где?

Она медленно встала и направилась ко мне, протягивая изящную руку:

— Я — Мириам из Магдалы. Мы встречались в Асклепионе в Пергаме.

— Ну конечно! — Я пошла ей навстречу, взяла ее руку, вспомнив жизнерадостную женщину, которая скрасила мое ужасное существование там.

— Сколько воды утекло с тех пор... Прошло три с лишним года. Чего только не пришлось пережить...

— И мне тоже, — кивнула Мириам.

— Очень жаль, что вы не сможете провести с нами остаток дня за беседой в атриуме, — твердо сказала Порция. — Вы же знаете здешние правила.

— Я ничего не знаю. — Мои страхи усилились,

когда я увидела сочувствие в ясном взоре Мириам.

— Мне казалось, императрица... — Порция взяла меня за локоть. — Вы все узнаете в свое время.

Она повела меня из атриума по тенистой галерее. Черные и белые плитки поплыли у меня перед глазами, когда мы проходили таблинум, где помещался бронзовый бюст Ливии.

Порция открыла тяжёлую дверь в конце галереи и придержала ее для меня. Нехотя я вошла внутрь. В комнате, чуть больше тюремной камеры, стояла узкая койка, маленький стол и стул. Единственное украшение — большая статуя Диониса. Как это странно для столь шикарного дома.

— А комнаты для гостей все такие спартанские? — спросила я у Порции. — И могу ли я чего-нибудь перекусить? Уже за полдень, а я со вчерашнего дня ничего не ела.

— К сожалению, ничем не могу помочь. Вы знаете правила.

— Зачем вы твердите одно и то же? Я не знаю никаких правил. И кто вы такая?

— Я отвечаю за исполнение обрядов.

— Каких обрядов? Кто эти женщины?

— Дамы из высшего общества, как и вы, — заверила меня Порция.

— А та рыжеволосая? Мириам. Кто она?

— Какая вы дотошная. Мириам — дама иного сорта. Она — куртизанка.

— Вы знали это и приняли ее?

— Конечно, мы знаем все о наших гостьях. Эта особа высшего полета, вроде как фаворитка вашего мужа. Как ее зовут? Титания?

— Если вы задались целью оскорбить меня...

— Совсем нет. — Порция слегка тронула меня за руку. — Я просто хотела сказать, что таких женщин, как Титания или Мириам, везде принимают с распростертыми объятиями. Они обе богаты, у них хорошие связи, но этим их сходство ограничивается. Титаник» интересуют только влиятельные мужчины. Мириам совсем другая. У нее философский склад ума, она покровительствует искусствам. Ее даже можно назвать одухотворенной.

— Почему же она стала проституткой?

— Какая ерунда! А чем вы отличаетесь от нее? Мириам хотя бы ни от кого не зависит.

— Тогда что она здесь делает? И что здесь делает каждая из вас?

— Все мы, можно сказать, — женщины небедные и имеем природные данные для развития в себе сверхъестественных способностей.

У меня захватило дух. Я едва выдавила из себя:

— А что вы хотите от меня?

Порция сверкнула черными глазами и оглядела меня с ног до головы.

— Сегодня ночью вы станете невестой Диониса.

Я лежала на узкой койке. Передо мной стояла статуя бога. Его красивое лицо заволакивал дым от горевших у ног благовоний. От резкого запаха голова у меня шла кругом.

Дионис — это безудержное буйство. Он вызывает всю гамму переживаний от ужаса до экстаза, подсказал мой внутренний голос. В своем безумстве те, кто поклоняется этому богу, разрывают животных на части. Иногда в исступлении они пожирают друг друга. Неужели мне суждено стать их жертвой? Я вскочила с койки и стала колотить в дверь, собрав все почему-то оставлявшие меня силы. Что со мной? Я услышала приближавшиеся шаги.

— Мы здесь, госпожа, — донесся до меня приглушенный голос. Тут же заскрипел засов, и дверь отворилась. Стоявшие за ней две рабыни низко поклонились мне. Каждая из них держала в руке тирс — прутик с привязанной к нему сосновой шишкой. Я часто видела его изображение на

фресках. Кто они — менады, спутницы Диониса?

Одна из них вышла вперед:

— Если будет угодно богине, мы пришли приготовить вас к церемонии.

— Какой еще богине? Какой церемонии? — спросила я, едва ворочая языком.

Порция, возникшая за рабынями, подала знак рукой.

— Сегодня ночью мы будем чествовать вас как Ариадну.

— Ничего не понимаю. — У меня подкосились ноги. Если бы не рабыни, я бы грохнулась на пол. Всю жизнь я гордилась сходством с Ариадной. И вдруг такая жестокая ирония судьбы. Я старалась говорить внятно. — Что вы имеете в виду?

— Вам не надо ничего понимать, — проворковала Порция. — Достаточно того, что вы — Ариадна и скоро будете вместе со своим небесным возлюбленным. Идемте, моя дорогая.

Звуки кифар наполнили галерею, по которой мы шли. У стен в нишах возвышались золотые светильники в виде разветвленного дерева. Мы оказались в ярко освещенном зале. Я буквально повисла на руках у рабынь, которые подвели меня к мраморной ванне и сняли с меня одежды. Когда я легла в нее, то увидела на потолке изоб-

ражение улыбающегося Диониса.

Женщины губчатыми перчатками принялись растирать мое тело. Я хотела поднять руку, чтобы жестом отослать их, но она не слушалась моей воли. Я не могла сопротивляться. К моему удивлению, мне доставляли удовольствие настойчивые движения мягкой морской губки и струйки воды между грудей. Я бы еще дольше лежала так в ванне, но женщины помогли мне встать и обтерли мягкими льняными полотенцами. Рабыни обсыпали меня золотой пудрой и намазали бедра и груди сандаловым маслом. Как во сне я почувствовала, что мне на голову накинули покрывало из тончайшей ткани. Открыв глаза, я увидела, что она сверкает мириадами крошечных бриллиантов.

— Похоже на звезды, — услышала я свой странный, безжизненный голос.

— Это и есть звезды, — промурлыкала Порция, как ласковая мать. — Сегодня вы — царица небес.

Я тряхнула головой, чтобы у меня прояснилось сознание.

— Возлюбленный Ариадны покинул ее. По преданиям, она потом умерла.

— Но она вернулась преображенной, — осто-

рожно напомнила мне Порция. — Действительно, смертный герой бросил ее, это часто случается, но Дионис пришел за ней, как он придет за вами. — Порция возложила свадебный венок из мирта мне на голову. — Вы тоже, как прекрасная дочь всемогущего Миноса, будете править богиней и узнаете все, что известно богине.

Она проводила меня через зал. Передо мной распахнулась дверь, и я замерла от того, что увидела. В комнате находились женщины, обернутые в шкуры пантер. Некоторые из них ударяли в цимбалы, били в барабаны, играли на флейте. Другие, украшенные гирляндами цветов, кружились в танце и пели. Я не могла разобрать слов или узнать исполнительниц обряда, потому что все они были в масках. На груди у них висели головы львов и леопардов.

Женщины окружили меня, образовав сначала один, потом второй и затем третий круг. Их голоса становились все громче по мере того, как они пили вино из мехов, которые передавали друг другу. Под воздействием звуков музыки и вина всеобщее возбуждение нарастало. Кто-то дал мне кубок:

— Пей вино Диониса!

Мои страхи улетучились, когда я выпила со-

держимое кубка, не похожее ни на что из того, что мне доводилось пробовать прежде. Я — сила природы, я — сок деревьев, кровь, струящаяся по венам, — жидкий огонь винограда. Разве не для того дана жизнь, чтобы пить сладкое красное вино и вдыхать острый мускусный запах женщин, теснящихся вокруг меня?

Танцующие кружились и извивались, набирали полный рот вина и прыскали им. Винные брызги обволакивали меня, смешиваясь с едким дымом, который поднимался от курильниц на треногах, расставленных по всему залу. У меня все плыло перед глазами, но я заметила еще две появившиеся фигуры и сосредоточилась, чтобы лучше рассмотреть их. Они несли огромную корзину из ивовых прутьев и направлялись ко мне.

Кто-то поставил передо мной небольшую курильницу и заставил вдохнуть едкий дым. Я стала задыхаться и при этом испытывать самые невероятные ощущения. Каждый звук усилился до невыносимой громкости, каждый видимый предмет увеличился до немыслимых размеров. Каждая клеточка моего тела жила своей жизнью. Я закричала, когда перед глазами стали появляться гротесковые формы неописуемых цветов. Мне казалось, что я разрываюсь на части и они летят

в разные стороны. Мой патрицианский статус, моя власть и привилегии, которыми при всей их призрачности я обладала благодаря своей женской грации и красоте, улетучились, и я осталась беззащитной, бесхитростной, лишенной даже намека на индивидуальность. Осталась лишь моя трепетная душа, одинокая и уязвимая. Святая Исида, не покидай меня! Если мне суждено принять эту смерть, пусть она будет во спасение моих любимых.

Передо мной стояла корзина с открытой крышкой. Я увидела кожаный стержень с ремешками на одном конце. У меня сердце вырывалось из груди. Женщина в маске завязала ремешки вокруг своей талии. Я закричала и попыталась вырваться из кольца, заметив, что ко мне приближается высокая крепкая фигура. Женщины теснее окружили меня, одни схватили за руки, а другие начали слегка похлестывать небольшими кожаными плетками. Постепенно удары участились и становились все сильнее и сильнее. Я отчаянно сопротивлялась, когда меня потащили на кушетку.

Женщина с привязанным стержнем забралась на меня. И женщина ли это? Казалось, что своим огненным копьем Дионис доставал меня всюду,

вонзался в меня, обвивал и подчинял меня. Пение и музыка, становившиеся все громче, заглушали мои крики, и в конце концов я сама перестала слышать свой голос. Снова и снова бог поглощал меня, пока я не стала одним целым с ним. Я слышала, как плещутся воды Стикса, видела, что седовласый Харон ждет меня. На другом берегу появились расплывчатые фигуры тех, кого я любила, но среди них я не разглядела ни Марцеллу, ни Голтана. Значит, они в этом мире.

— Нет! — закричала я, но мой крик был не громче шепота. — Я не хочу умирать. Я не...

Прошло много времени, прежде чем музыка стихла, превратившись в нежную колыбельную. Заботливые руки подняли меня, сняли измятую ночную рубашку, заменили грязное белье подо мной, смыли вино и кровь с моего тела, надели на меня атласную тунику, украшенную жемчугом и расшитую узором в виде золотых звезд. Лежа на шелковых подушках, я смотрела, как женщины одна за другой снимают маски. Облаченные в светящиеся платья, они опустились передо мной на колени.

— Пора, Великая Ариадна, скажи, что ты видишь.

Я повернулась на голос и увидела шедшую ко

мне Порцию, но совсем не похожую на ту, которая ввела меня в этот дом. Она смотрела на меня с почтением. Она принесла серебряный тазик и поставила на столик рядом со мной.

— Не поделится ли богиня с нами тем, что видит? — Она говорила осипшим голосом и почти шепотом.

Я заглянула в тазик. Он был наполнен чистой водой. Продолжая всматриваться в нее, я заметила, что она начала вращаться. Потом стали то появляться, то исчезать какие-то очертания. Какие точно, я не могла разобрать, и все же меня охватило нехорошее предчувствие. Я отодвинула тазик. Нет, я не буду заниматься этим. Сгорая от нетерпения, женщины теснее обступили меня.

Они принудили меня, значит — они должны нести ответственность за последствия.

— Вас может расстроить то, что я вижу, — предупредила я.

Женщины пренебрегли моим предостережением и, ссорясь между собой, стали протискиваться вперед. Порция оказалась впереди всех.

Я снова посмотрела в тазик. Очертания приобретали все более четко выраженные формы.

— Ваш муж занимает важный пост в Германии, — сказала я ей.

— Да-да, это все знают.

— Может быть. Но никто не знает о дочери вождя тамошнего племени. Она блондинка и очень красивая. Их близость имеет политический подтекст, но его влекут к ней другие причины. Ваш муж никогда не вернется в Рим.

— Это невозможно!

— Он никогда не вернется в Рим.

Обратившись к другой женщине, главной садовнице, которая протиснулась вперед, я сказала:

— Вы хотите знать про свою дочь, единственную дочь.

Женщина кивнула.

— Она забеременеет. У нее родится сын, красивый, здоровый мальчик, но сама она умрет.

Эту вторую женщину оттеснила еще одна:

— Что вы скажете про мой дом в Помпеях? Мне за него предложили хорошую цену. Стоит ли его продавать?

Я почувствовала, будто меня обдало жаром. Чуть дыша, я прошептала:

— Да-да. Здесь произойдет что-то ужасное. Забирайте семью и уезжайте отсюда.

Следующей подле меня оказалась Мириам. Она смотрела широко открытыми глазами. Я пыта-

лась понять появившееся видение. Странное, вселяющее страх. Что оно значило? Мои глаза уже начали уставать.

— Ты думаешь, что в Галилее тебе нечего делать, но ты ошибаешься. Возвращайся домой. Там ты найдешь свою самую большую любовь, человека, не похожего на других. Тебя ждет много радости. Я вижу венец... — Я замолчала. Кто он — царь? Но почему венец с шипами? Что это значит? Что сказать ей? — Мириам, не теряй времени! Тебе не долго быть с ним.

Мириам замерла.

— Клавдия, что ты имеешь в виду? Как я узнаю его?

Другим женщинам не терпелось услышать ответ на свой вопрос.

Каким бы ни был источник этого дара, ему скоро придет конец. Я заслуживаю того, чтобы использовать эту способность для себя. Отвернувшись от всех остальных, я заглянула в пустоту. Сначала, к своему огорчению, я ничего не видела. Потом появился нечеткий силуэт Голтана.

И Голтан ли это? Где та присущая ему сила и грация, столь любимые мной? Я едва узнала странным образом съежившееся тело, представшее перед моим взором. Почему такое страдаль-

ческое лицо? Почему такая грусть в глазах? Я не видела никаких ран, но догадывалась, что они ужасные. Губы Голтана дрогнули, я напряглась, стараясь услышать его.

— Я должен, должен был увидеть тебя, Клавдия, — проговорил он едва различимым шепотом.

Глава 29
Богиня Ливия

В обители тайн воцарилось спокойствие. Одна за другой женщины разошлись. Не в силах произнести ни слова от усталости, я сидела, прислонившись спиной к мраморной колонне и свесив ноги в бассейн с лилиями.

— Ты позволишь? Я пришла попрощаться с тобой.

Вздрогнув от неожиданности, я открыла глаза и тут же зажмурилась от утреннего солнечного света. Наверное, я задремала. Чуть поодаль стояла Мириам, стройная, в домотканой шерстяной сто ле. Она оделась по-дорожному.

— Ты, вероятно, возвращаешься в Рим?

Улыбнувшись, она покачала головой:

— Нет, я возвращаюсь в Иудею. Может быть, я встречу там сво его возлюбленного, о ком ты

вчера говорила. — Она подошла бли же ко мне. — Скажи, Клавдия, как узнать его?

Я попыталась вспомнить видение.

— У него удивительное лицо и глаза... Кажется, что его взгляд проникает тебе в душу.

Взгляд, который проникает тебе в душу. Где еще я могла видеть эти глаза? Это лицо. Нет, не может быть. Это — жизнь Мириам, не моя. Я снова стала вспоминать свое видение, такое путаное. Радость, а потом... О нет! Стоит ли говорить нечто большее?

— Тебя ждет большая любовь, но и печаль тоже.

Мириам грустно улыбнулась.

— Я не знала большой любви. Может быть, она стоит грусти. — Подобрав накидку, Мириам села рядом со мной. — А ты видела что-нибудь, касающееся тебя самой?

— Да. — У меня слезы навернулись на глаза. — Я ясно видела того, кого люблю. Он явился мне издалека. Но кажется, — я заговорила совсем тихо, — он умирал.

— Этот человек — не твой муж?

— Нет, не мой муж.

— Что ты собираешься сделать? — Мириам сочувственно смотрела на меня. — Что ты можешь

сделать?

— Я над этим ломаю голову. Если я никогда не увижу его снова... Я не допущу, чтобы произошел этот ужас.

— Разве можно что-либо изменить? Что предписано Фортуной.

— Я не хочу этому верить! — воскликнула я, шлепнув ногой по воде. — Я могу изменить то, что предписано ею. Я должна изменить.

— Тогда пусть Исида даст тебе силы.

— И тебе тоже.

Мы взялись за руки, глядя друг другу в глаза. В этот момент появился нубиец, облаченный в золотистые одежды, и поклонился мне,

— Императрица желает вас видеть.

— Держи с ней ухо востро, — предупредила меня Мириам

Я крепко сжала ее руку в знак признательности за поддержку

— Я была на берегах самого Стикса. Уж как-нибудь я совладаю с Ливией.231

Вслед за рабом я вошла в триклиний, где императрица завтракала в одиночестве.

— Доброе утро, Ариадна. — Она злобно сощурилась и указала рукой на стул из орехового дерева, инкрустированного слоновой костью. Он стоял

рядом с кушеткой, на которой она полулежала. — Так, значит, ты пережила свадебную церемонию. Тебе повезло. Не всем это удается.

«Действительно повезло», — подумала я, глядя, как Ливия слизывает сливки с фиг. Как мало она знает.

— Я думала, вы будете там.

— Да, я была там.

— Я не видела вас.

— Но зато я видела тебя. То еще зрелище.

Мой стул скрипнул по мраморному полу, когда я подалась вперед.

— Вы не представляете, какой вы сделали мне подарок. — Я холодно смотрела ей в глаза. — Я весьма признательна вам.

— О, во имя Юпитера! — воскликнула Ливия. Ее глаза сверкнули зеленым огнем. — Так что ты мне скажешь?

— Странно, что вы не спросили меня прошлой ночью вместе с другими.

— Глупая девчонка, я — императрица! Скажи мне, стану я богиней или нет? Что ты узнала про меня?

Я не видела ничего, что имело бы отношение к Ливии, но жизни Марцеллы и Голтана зависели от правильного ответа. Ливию на мякине не

проведешь, мне нужно исхитриться, чтобы она поверила. Исида, помоги мне!

Я сделала глубокий вздох, закрыла глаза и произнесла нараспев:

— Ваше имя будет жить в веках. — Еще один вздох. — Должна вам сказать... — Моей прозорливости как не бывало. Перед глазами сплошная чернота. — Дело в том... — Я снова запнулась. У меня не поворачивался язык отделаться ложью, которую я приготовила. Что сказать ей? Ничто не лезет в голову. И вдруг возникло невероятное видение. — Большая часть Палантина[14] лежит в руинах. Среди развалин ходят люди в странных одеждах и говорят на непонятном языке. Они смотрят на падающие стены и показывают пальцами на рухнувшие колонны, груды битых камней. Возможно, это форум, но я не уверена. Мало что сохранилось...

— А что стало со мной? — нетерпеливо спросила Ливия.

— Похоже, эти чужеземцы знают вас, — неторопливо продолжала я. Что я видела? Весь окружавший меня мир, все, что было мне знакомо и дорого, разрушено до основания. — Вот табличка

---

[14] Примечания: 14

Палантин — самый древний холм Рима, знаменит своими грандиозными императорскими дворцами.

С вашим именем и стрелка, указывающая на ваш дом. Он тоже пострадал, но не так, как остальные. Люди входят в него и в ужасе останавливаются, рассматривают мозаичный пол. Что и как, не разберешь, сплошной туман.

Пока я пыталась понять видение, оно медленно растаяло и исчезло совсем. Я открыла глаза и увидела, что Ливия радостно улыбается.

— Ясно! Конечно, я буду богиней. Что еще это может значить? — Она с довольным видом откинулась назад. — Ты справилась с задачей. Я разрешу тебе вернуться в Геркуланум к мужу. Ты можешь сказать ему, что два дня гостила у меня.

Она показала глазами, что я могу идти, и потянулась за миской со сливками.

— А что с моей дочерью Марцеллой? Как она?

Ливия пожала плечами:

— Насколько мне известно, она с твоим мужем.

Я с облегчением вздохнула.

— А Голтан?

— Жив-здоров. Я отпущу его, когда вернусь в Рим. — Ливия переключила внимание на фиги, залитые сливками. — Ах да! Вот еще что. — Она мельком бросила на меня взгляд. — Вчера вечером мне донесли, что сын Пилата и этой гулящей

девки Титании умер от лихорадки. Безусловно, твой муж будет искать в тебе утешение. Я никогда не считала, что он очень увлечен Титанией, но сын — другое дело. Я слышала, он был вылитый Пилат. — Она замолчала, намазывая мед на хлеб. — Я поговорю с Тиберием. Пусть он подыщет местечко для Пилата. Где-нибудь подальше от Рима. Мне надоело видеть тебя на приемах. Меня раздражают твои серые глаза.

Она слегка кивнула. Значит — я могу уходить.

По милости Исиды я смогла пережить жестокость Ливии. Но что ждет меня в Геркулануме?

Наша вилла, как и жилище Голтана, имела двойной портал — с окованными дверями, бронзовыми петлями, прочными засовами. Я терпеливо ждала, пока лакей, посланный Ливией со мной, колотил в дверь. Ее открыл слуга, мне незнакомый. Светлый, высокий — вероятно, фракиец. В недоумении он уставился на меня.

— Это твоя госпожа, дурачина, — сказал ему лакей Ливии.

Слуга отступил и низко поклонился мне. Появилось еще одно незнакомое лицо — высокий, напыщенного вида седовласый мужчина с короткой стрижкой.

— Гиероним, ваш новый домоправитель, —

представился он, поклонившись еще ниже, чем встревоженный слуга, которого он послал разыскать Пилата. Я поскорее отослала обратно лакея императрицы. Чем меньше она будет знать о моих делах, тем лучше.

Домоправитель проводил меня по мраморной галерее в освещенный солнцем атриум. Оттуда, чувствуя себя посторонней в своем собственном доме, я посмотрела в его внутреннюю часть. Впереди на сто с лишним футов открывалась перспектива игры света и тени. Я не ожидала, что вилла окажется такой просторной. «Наверное, — думала я, — Пилат хочет, чтобы я жила здесь с Марцеллой, а он время от времени будет навещать нас, когда ему позволят дела». Замечательная идея, вот только...

Я ждала Пилата в атриуме. Ясно, что дом старый, с пышной и редко встречающейся растительностью. Я смотрела на бьющие фонтаны из мрамора, массивные колонны, увитые цветущими виноградными лозами, и думала о Голтане. Если бы этот дом принадлежал нам... Что за фантазия? Я даже не знала, жив ли Голтан. Он истекал кровью, когда я видела его в последний раз. Разве можно верить Ливии хоть в чем-то?

Вдруг вошел Пилат и приблизился ко мне. Он

пристально недобрым взглядом посмотрел мне в глаза:

— Ты хорошо провела время?

У меня отчаянно билось сердце. Я через силу улыбнулась:

— Странный вопрос. Я была у Ливии.

— Что ей понадобилось от тебя?

— А Ливия тебе не сказала? — спросила я, чтобы потянуть время. Что ему известно? — Она обещала, что известит тебя.

— Она выполнила обещание. Три дня назад пожаловал один из ее рабов.

Три дня назад... Тогда я еще не добралась до дома Голтана. До чего точно она все рассчитала. А чему тут удивляться?

— И что же он сказал?

— Только то, что ты гостишь у Ливии.

— Гостишь — мягко сказано. Она принудила меня присутствовать на их таинствах.

— На каких таинствах? — В его глазах появилось удивление и недоумение. — Почему ты, когда была в Риме, не нашла время, чтобы сообщить мне, что задерживаешься?

— Тогда я еще не знала. Мы встретились с Ливией на дороге. Она буквально похитила меня, настояла, чтобы я навестила ее в Помпеях.

Пилат в изумлении поднял брови:

— Виданное ли это дело?

— Вот и я так подумала, но что поделаешь... Ведь это Ливия.

— И то верно. Что тебе оставалось делать?.. Я надеюсь, с тобой обращались подобающим образом?

— Да, все нормально, — заверила я его. — Я хочу увидеть Марцеллу. Где она?

— Она без тебя все время плакала. Сейчас она спит.

— Я должна увидеть ее. — Я увернулась, когда он попытался остановить меня. Открыв дверь в комнату Марцеллы, я на цыпочках прошла мимо Рахили, которая улыбнулась мне с чувством облегчения.

Комната освещалась лампами, стоявшими рядом с кушеткой. Искусный столяр сделал ее в виде детской ножки. Мне хотелось взять Марцеллу на руки, но я сдержалась и только смотрела на нее. Глазами я ласкала ее очаровательное личико и мягкие темные кудри.

— Она очень похожа на тебя, — шепотом сказал Пилат, стоявший рядом со мной.

— Нет, больше на мою сестру.

— Да» иногда она действительно напоминает

мне ту, другую Марцеллу, впрочем, как и ты.

О Исида! Что он хочет этим сказать? Я повернулась и так же на цыпочках вышла из комнаты. Пилат шел за мной.

— Марцелла мне так дорога, — сказал Пилат, словно повторил мои мысли. — Я бы не пережил, если бы с ней что-нибудь случилось. Аты?

— Как ты можешь спрашивать? Я бы лучше сама умерла. — У меня сердце вырывалось из груди. Он что, угрожает мне? Потом я вспомнила о недавней потере Пилата, о сыне Титании.

Я взглянула на мужа и впервые обратила внимание на бледность, покрывавшую его лицо, и покрасневшие глаза. Он был разбит горем. Моя настороженность уступила место сочувствию. Немыслимо потерять ребенка. Я слегка коснулась лица Пилата, мне хотелось утешить его. Как много нам нужно сказать друг другу, но не заставить себя о чем-либо говорить!

— Я устала, — извинилась я. — Все эти тайны...

— На тебе действительно лица нет. Она и вправду утомила тебя.

Прошла неделя. Пилат редко занимался делами и проводил время дома. Изредка я чувствовала на себе его задумчивый взгляд. Все же, размышляла я, хорошо, что даже мужья не знают, что

происходит в обители тайн. Как-то раз погожим летним утром я вышла на балкон, когда там стоял Пилат и смотрел на море. Синева, синева кругом. Лазоревое небо, бирюзовая вода. Наша новая вилла, фасадом обращенная к морю и тыльной стороной к горам, как нельзя лучше вписывалась в этот пейзаж.

Я случайно заметила в руках Пилата неплотно скрученный свиток, которым он непроизвольно постукивал по стене. Он был скреплен императорской печатью. У меня учащенно забилось сердце.

— Что это?

Пилат протянул мне свиток:

— Можешь посмотреть.

Я быстро пробежала глазами написанное.

— Неужели? Тебя назначают прокуратором Иудеи! — воскликнула я, глядя на него. — Это твое первое назначение на подобную должность! Я рада за тебя и горжусь тобой.

Пилат слегка пожал плечами и нахмурился.

— Иудея всегда была и остается неспокойной провинцией, бельмом на глазу у Тиберия.

— Тогда тебе представляется шанс показать ему, на что ты способен. Иудея — это форпост против парфян. Император верит в тебя, иначе

он не предложил бы такой пост.

— Я рад, что ты именно так судишь об этом. Многих влекут к себе горы и пустыни Иудеи. Надеюсь, и тебя тоже. Иерусалим, как я слышал, — ужасный город. Тамошний дворец не приводили в порядок в течение шестидесяти лет — с тех пор, как там останавливались Антоний и Клеопатра. Мы никогда не наведывались туда, разве что с инспекционными целями. Дворец в Кесарии тебе больше понравится. Он действительно великолепен. Конечно, ты перестроишь по своему усмотрению и тот и другой.

Я немного отступила назад.

— Я не намеревалась ехать с тобой. Я...

Пилат взял меня за подбородок и поднял его вверх так, что мы смотрели друг другу в глаза.

— Да, это мой первый подобный пост. Я хочу, чтобы ты была со мной. — Он сверлил меня своими холодными глазами. — Даже Тиберий считает, что тебе лучше отправиться со мной. Посмотри, — он показал на нижнюю часть свитка, — император пишет о твоих «уникальных способностях».

Ливии не потребовалось много времени, чтобы претворить свой замысел в действие. Одно слово Тиберию — и я оказываюсь изгнанной из Рима.

Неужели она всегда будет чинить произвол? Мыслями я опять вернулась к Голтану. Иудея на другом конце земли. Как я вынесу разлуку с ним? Потом я вспомнила свое видение, увидела страдальческое лицо Голтана, когда он шепотом произнес мое имя. Если разлука — единственное, что спасет его жизнь...

— Я должна подумать, — сказала я наконец. Если бы я только могла остаться в этом чудесном доме... Пусть я никогда не увижу его, но по крайней мере буду знать, что он поблизости.

— Подумай, но не долго.

На следующий день, когда я вернулась после прогулки по берегу, Ливия ждала меня в нимфее[15]. Случайно или намеренно, она полулежала на кушетке, стоявшей у постамента со статуей Приапа, бога плодовитости. От прикосновений рук прежних владельцев виллы головка его громадного мраморного фаллоса была натерта до блеска. Это что, приносило им удачу? Мне потребуется нечто большее, если Ливия пришла рассказать Пилату о Гол-тане.

Она приступила без церемоний.

---

[15] Примечания: 15

Нимфей — в античной архитектуре святилище, посвященное нимфам; архитектурно обработанная стена с нишами, украшенными скульптурами, фонтанами, растениями.

— Ты обманула меня, — заявила она. — Ты не собираешься отправиться с Пилатом в Иудею.

— Откуда вам это известно?

Она нетерпеливо пожала плечами.

— Мне все известно. Не отнимай у меня время. У твоего мужа появился редкий шанс, которого он все время ждал. Жаль, что нет в живых Ирода Великого. Это был замечательный человек, пользовался расположением Рима. Однажды сенат стоя аплодировал ему. — Она помолчала, будто обдумывая что-то. — Ирод поступал разумно, когда расправлялся с парфянами, с этими варварами нельзя иначе. С тех пор никто так хорошо не управлял провинцией. Правда, его семейная жизнь складывалась немного странно. Мой муж как-то раз сказал, что свиньи Ирода чувствуют себя в большей безопасности, чем его родственники.

— Я ничего не поняла.

— У иудеев есть глупый запрет: они не едят свинину.

К чему она клонит?

— И что же Ирод?

— Его преследовала мысль, что один из его сыновей хочет завладеть троном. Незадолго до своей смерти он покарал около сорока родствен-

ников, даже не пощадил некоторых из своих сыновей. — Стукнув по столу веером, Ливия впилась в меня глазами. — Хватит болтать. Твоя неблагодарность становится опасной.

Меня бросило в дрожь, хотя нещадно палило солнце, однако я старалась говорить ровным, спокойным голосом:

— Вы лучше всех знаете, насколько сложна ситуация.

— Что и говорить. Тогда я упрощу ее. — Ливия щелкнула пальцами, унизанными кольцами, проходившему рабу: — Позови немедленно своего господина, — приказала она, а потом с улыбкой обратилась ко мне: — Пилат, конечно, не догадывается, почему ты артачишься. Пора его просветить.

— Нет, не надо. В этом нет никакой надобности.

— Слишком поздно, дорогая моя. Жаль, что больше никогда не увидишь своей дочери, а что касается твоего бесценного Голтана, то я прикажу запороть его до смерти. Такой силач будет умирать мед ленно. У тебя будет возможность увидеть это.

Я стояла перед ней, держась за спинку скамейки, чтобы не упасть.

— Пожалуйста, — хриплым шепотом взмолилась я. В этот момент вошел Пилат.

Ливия добродушно улыбнулась ему:

— Мы с твоей милой женушкой говорили о твоем назначении. Мне кажется, она хочет тебе что-то сказать.

Часть IV. КЕСАРИЯ
Шестнадцатый год правления Тиберия (30 год н.э.)
Глава 30
В Храме Господнем

Когда «Персефона» выплывала из гавани, казалось, что она, словно бабочка крыльями, машет веслами — одновременно двадцатью с каждого борта. Роскошный корабль, подаренный нам Сеяном на прощание, покрасили в пурпурный цвет в мою честь. Под бой барабана, доносившийся с нижней палубы, весла то погружались в воду, то поднимались над поверхностью. Каждым веслом гребли два человека. Корабль скользил вперед — сначала медленно, а потом все ускоряя ход по мере того, как учащались удары в барабан. Вскоре Неаполитанский залив остался позади.

День за днем я сидела под колыхавшимся тентом и смотрела на голубизну моря и неба.

У меня было много времени для размышлений. Неужели Исида смеется надо мной? Неужели она всегда смеялась надо мной? Когда-то я искренне

молилась ей, чтобы завоевать любовь Пилата, усердно повторяя заклинания. Услышала ли богиня мои мольбы, и правда ли, что это она даровала объект моих желаний, или это всего лишь девичьи фантазии, оказавшиеся заблуждением? Пилат действительно хотел, чтобы я стала его женой, однако какое это имело значение? Наш союз казался такой глупой ошибкой сейчас, когда я узнала настоящую любовь. Разве понадобились какие-нибудь зелья или заклинания Голтану и мне? Я грустно улыбнулась, подумав об Исиде и Осирисе. Их любовь так похожа на нашу.

Как-то раз, когда я стояла у поручней, ко мне подошла Рахиль. Ее появление напомнило мне еще об одной печальной истории.

— Ты, наверное, рада, что наконец возвращаешься на родину?

Рахиль пожала плечами. Она грустно смотрела на море.

— Мы вчера говорили с Пилатом о тебе. Он... мы решили дать тебе вольную. Ты должна наконец вернуться в свою семью. Пилат вручит тебе вольную грамоту на церемонии. Это будет грандиозно: Ирод Антипа со своими придворными, некоторые первосвященники, Синедрион. Твоя семья, конечно, на почетном месте.

— У меня нет семьи, — сказала Рахиль, повернувшись ко мне. — Никого не осталось в живых.

Она собралась отойти от меня, но я остановила ее, взяв за руку.

— А разве твой отец не был советником у Ирода Великого?

— Да, он пользовался большим доверием, но он также был фарисеем и патриотом. Отцу не нравился богатый Храм Ирода. Он считал, что мир — это храм Божий и что люди должны быть сами себе священниками. Ирод и слушать не хотел такие речи. Этим Храмом он словно заявлял: «Смотрите, какой я хороший, как я велик».

Я нетерпеливо покачала головой:

— Это — только философия. Твой отец занимал положение при дворе. Без компромисса этого не добиться.

— Отец, конечно, согласился бы с вами, — сказала Рахиль. — Он слыл идеалистом, но ничто человеческое ему не было чуждо. Он разделял стремления Ирода подорвать позиции первосвященников и в то же время показать всему миру, что он значит больше, чем ставленник Рима.

Я кивнула:

— Своей цели, можно сказать, он добился. Иерусалимский храм — самый большой в мире.

Недаром в Риме говорят: «Кто не видел Храма Ирода, тот ничего не видел прекрасного».

— Спору нет. Храм красив, — согласилась Рахиль. — Если бы он только не вызывал антипатию.

— Я не понимаю...

— Мой отец придерживался ортодоксальных взглядов. Он верил в закон и жил по закону. Вторая заповедь гласит: не сотвори себе кумира. За многие годы иудеи привыкли видеть языческих идолов повсюду: в общественных банях, театрах, административных зданиях. Но когда Ирод поместил громадного орла с распростертыми крыльями над самим Храмом...

— Да, неудачное новшество, — согласилась я, но напомнила ей: — Ведь он — царь. Если это худшее из его деяний...

— Да-да, отец признавал это. Вот только, к сожалению, мой брат Аарон не последовал его примеру. Его наставником был самый близкий друг отца, преданный фарисей. Он часто приходил к нам, и допоздна они вели беседы. Аарону исполнилось всего четырнадцать лет, ему хотелось поскорее стать мужчиной, он внимал каждому слову учителя. Так вот, этот наставник пришел в ярость, когда на Храме появился орел,

и доказывал, что его нужно снести. Ужас охватил отца. Он предостерег подстрекателя от каких-либо действий, говоря ему, что Ирод лежит на смертном одре. «Не торопись», — сказал он ему и больше не возвращался к этой теме. Однажды этот ученый-фарисей читал проповеди о возмездии за грехи. Грех, говорил он, стал причиной болезни Ирода, грех, который жег и разъедал его внутренности. Настало время скинуть орла, невзирая на риск. Аарон по своей молодости, наивности и прямодушию поддался на эти призывы. Четыре десятка юношей, и он в их числе, побежали к Храму, вскарабкались по стенам и разнесли на куски языческого орла. — Рахиль говорила бесстрастным, ровным голосом, словно это случилось не с ее братом, а с кем-то чужим. — Конечно, их бросили в тюрьму. Мы молились, чтобы Ирод умер до того, как их будут судить, но Яхве не услышал нас. Может быть, мы для него просто ничего не значили, вроде как муравьи. Стража зарубила отца, когда он встал на колени у ложа Ирода и молил пощадить сына. Ворвавшиеся к нам в дом солдаты увели мать и сбросили ее с башни. По приказу Ирода меня продали в рабство. Вскоре он умер, но за несколько дней до его смерти Аарона и других юношей заживо

сожгли на костре.

— Рахиль, дорогая моя. — Я обняла ее за плечи и почувствовала, как напряглось ее тело. — Мне так жаль тебя. Я ничего не знала об этом. Ты никогда не рассказывала. Что я могу сделать для тебя сейчас? Ты боишься возвращаться домой? Боишься преемников Ирода? Не забывай, что Пилат теперь — главный в Иудее. Мы, так или иначе, можем освободить тебя от рабства, дать возможность уехать куда угодно.

— Ирод был плохим человеком. В живых остались только два его сына, Агриппа и Филипп. Они, должно быть, каждый день воздают хвалу Фортуне, что их не постигла судьба других. В Иудее мне бояться нечего, но я хочу остаться с вами.

На пятнадцатый день плавания на горизонте появилась Кесария.

Когда корабль приближался к порту, Пилат стоял рядом со мной и нетерпеливо барабанил пальцами по поручню. До нас стал доноситься городской шум, и в поле зрения появились корабли в гавани и строения на берегу. Мне рассказывали, что Кесария славилась как один из самых красивых городов мира. Я убедилась в этом, увидев храм божественного Цезаря, который стоял на возвышенности напротив входа в гавань. Дома,

преимущественно из белого камня, ступенями спускались к причалам. Люди махали нам из окон и с балконов. Приветственные возгласы раздались с берега, когда «Персефона» вошла в гавань. Повсюду яркие цветы.

Бой барабанов, звучат флейты. Вельможи в багровых торжественных нарядах выстроились встречать нас.

На борт перекинули сходни. Толчея и окрики на палубе. Багаж приготовлен к выгрузке. С детских лет я мечтала о чудесных странствиях, мысли о них захватывали дух. Сейчас, вдали от Рима, где остался Голтан, мной овладело отчаяние. Рахиль вынесла на палубу Марцеллу. Она пронзительно закричала и протянула ко мне руки, но ее взял Пилат.

— Это Кесария, крошка моя, — сказал он и приподнял Марцеллу, чтобы она видела происходящее вокруг. Глядя на меня поверх ее кудрявой головки, он добавил: — Мы все будем счастливы в Иудее.

Если материальные блага — мерило счастья, то мы имели их в избытке. Дворец поражал своим великолепием. Я занимала роскошные апартаменты. Окна выходили на море, балконы, похожие на висячие сады, в каждой комнате.

На самом большом из них я устроила святилище Исиды, поставив ее статую, постелив вокруг коврики и украсив все цветами. Каждый день я медитировала там, но недолго — мои обязанности оставляли для этого мало свободного времени. Просторный зал для приемов вмещал сотню кушеток, и Пилат рассчитывал, что я буду часто устраивать пиршества. К тому времени я легко справлялась с их организацией. Обеды на триста приглашенных не были редкостью. Я часто вспоминала маму. Она пришла бы в восторг от того, какую я вела жизнь. Меня же устраивало, что я постоянно при деле.

Кесария, построенная в честь Цезаря, соперничала с Римом, и во многих отношениях весьма успешно. Здесь находились театр с мраморными колоннами, вмещавший пять тысяч зрителей, и один из крупнейших амфитеатров в мире. Пилат восседал на почетном месте на государственных церемониях в храме Цезаря. Нас окружали статуи Августа, Юпитера и других богов, которые напоминали о родном доме. На улицах я чаще встречала римлян, греков и сирийцев, чем евреев.

Если бы вся Иудея была такой, как Кесария, то миссия Пилата не составляла бы большого труда.

К сожалению, непреложный факт состоял в том, что Пилата послали править евреями. От этого зависело все его будущее.

Пилат первым делом отправил в Иерусалим небольшой вооруженный отряд, которому он отдал приказ водрузить римские знамена с орлом перед крепостью Антония, где стоял римский гарнизон. Меня, как и Пилата, поразила реакция еврейской части населения на это малозначащее событие, хотя орлов не вносили в храм.

Евреи возмутились появлению «языческих изображений» в священном городе. Через два дня более сотни иудеев пешком через горы и долины пришли в Кесарию и собрались перед нашим дворцом. Они требовали, чтобы ненавистные им орлы были убраны. Несмотря на то что воины окружили их с обнаженными мечами, евреи не расходились ни днем, ни холодной ночью, раскачивались и громко стенали. Пилат наблюдал за происходившим из дворца и сохранял терпение.

— Видимо, придется вызвать подкрепление, — сказал он мне.

— Нельзя убивать безоружных людей. Но я уже не могу выносить их стенания. Почему не убрать знамена? Тиберий сказал тебе, пусть они живут счастливо и в мире. Если ты пойдешь им

на уступку, ты не подорвешь авторитет Рима. Евреи успокоятся, и нам будет спокойнее. Сделай это ради меня.

К моей радости, Пилат согласился, и я, стоя рядом с ним на балконе дворца, вздохнула с облегчением, когда он подал знак воинам. После шести дней мирного протеста евреи разошлись — они добились своего.

— Я не понимаю этих людей, — сказал Пилат, после того как толпа скрылась из виду. — Евреи просили римлян прийти сюда и уладить их разногласия.

— Я знаю, но это было давно. Отец говорил мне об этом, когда я была маленькой. Его дед служил при Помпее. Он умер, пытаясь уладить их споры. Но это дела давно минувших дней. Тех, кто призвал римлян, уже нет на этом свете.

— Их потомки должны быть признательны нам. Мы гарантируем им мир. Их раздорам положен конец, но они все равно готовы вцепиться друг другу в горло. У них свой суд, своя религия, они сами собирают налоги...

— Но мы тоже облагаем их налогами, — заметила я.

— Естественно. Это цена за стабильность. Разве мы можем отказаться от этого надежного буфера

против Парфии? Евреям придется жить с Римом. Впрочем, как и другим народам.

Весной Пилат попросил меня сопровождать его в Иерусалим, куда он направлялся с инспекцией. Я согласилась, поскольку хотела увидеть легендарный Священный город. В древнюю столицу вела хорошая, отмеченная римскими мильными камнями, или столбами, дорога, построенная легионерами. В Кесарии к нам относились дружелюбно, всюду толпа встречала нас приветственными возгласами. Чем дальше мы удалялись от побережья на юго-восток, тем больше ощущалась недоброжелательность местных жителей. Неприязненное отношение к нам проявлялось на каждом шагу, я постоянно чувствовала на себе недобрые взгляды. Когда мы подъезжали к городу, я слышала за спиной злобный ропот. Я много путешествовала с Германиком, но нигде не происходило ничего подобного. Что все это значило? Зная, что Иерусалим славится своей древней историей, я ожидала увидеть город-космополит, где живут люди со своеобразным мировоззрением. Я же оказалась в захудалом городишке, расположенном в пустынной местности, обнесенном крепостной стеной и населенном ограниченными, любящими поспорить людьми, почти не

скрывавшими своей враждебности.

Тем не менее у города была одна достопримечательность, известная на весь мир. Все, кому довелось посетить Иерусалим, с благоговением говорили о Храме. Когда мы приближались к цитадели, у меня захватило дыхание при виде громадного сооружения с массивными стенами и многочисленными портиками. Построенный из белого камня, Храм казался горой, покрытой снегом. Я хотела войти, но Пилат категорически возражал. Он считал, что все беспорядки начинаются с Иерусалима.

— Из дворца не выходи, — приказал он. Я с удивлением посмотрела на него. В таком тоне он никогда не разговаривал со мной, но потом его голос смягчился. — Для тебя там найдется много дел. Пусть город сам пожалует к тебе.

Разместившись во дворце, который Ирод приготовил для нас, я убедилась, что заниматься действительно есть чем. Беломраморный дворец с узорчатыми полами, выложенными агатом и ляпис-лазурью, с бьющими фонтанами, со сводчатыми потолками, покрашенными золотой и алой краской, с мебелью, инкрустированной серебром и драгоценными камнями. Много излишеств, решили мы с Пилатом, — что можно ожидать от

этих варваров? Это такой темпераментный народ. Хорошо, что нам не придется долго оставаться в Иерусалиме, но все же мне там понравилось. Из дворца, расположенного на возвышенности, с одной стороны открывался красивый вид на город, а с другой — на тенистые сады.

Однажды утром мы с Рахилью наблюдали, как городские дома, построенные из серого камня, возникали из сине-черных теней ночи. Казалось, что всю восточную сторону города охватило пламя, когда первые лучи восходящего солнца упали на полированную золотую плиту наверху колонн в святая святых Храма.

— Что и говорить, он великолепен, — сказала Рахиль, когда солнце позолотило купол Храма. — И еще я помню, что он перестраивался при Ироде Великом. Армии Помпея...

— Действительно великолепен, — перебила я ее, почувствовав некоторую вину за римлян, разрушивших Храм несколько десятилетий назад. — Пилат рассказывал, что для его восстановления использовался труд десяти тысяч рабочих, которыми руководила одна тысяча священников, обученных строительному мастерству.

Рахиль только пожала плечами:

— Храм вобрал в себя все, что есть в Иеруса-

лиме.

Решено! Я должна собственными глазами увидеть это чудо. В один из дней, ничего никому не сказав, я тайком вышла из дворца и наняла паланкин. Пришлось проделать немалый путь, то спускаясь с одного холма, то поднимаясь на другой. Носильщики всю дорогу недовольно ворчали. Когда мы приблизились к Храмовой горе, я почувствовала неприятный запах, напомнивший мне импровизированный госпиталь для раненых, устроенный Агриппиной в Германии. Здесь стоял еще больший смрад. Ничего подобного я никогда не испытывала. Наконец паланкин поставили на землю. Я отдернула занавеску и выглянула наружу. Храм производил грандиозное впечатление. Фасад украшали четыре колонны коринфского ордера. Стены, сложенные из громадных шит белого мрамора с богатой позолотой, сверкали на солнце. Но это зловоние! В здании находились огромные отверстия для стока крови и сброса внутренностей жертвенных животных; кровь стекала в трубу, выходившую на улицу, и дальше вниз по склону.

— Вы выходите или нет? — нетерпеливо спросил один из носильщиков. Мы остановились перед самым входом, люди сразу обратили на ме-

ня внимание. Я вышла, дала монету носильщику и через массивные ворота направилась в Храм.

За стеной находилась площадь, куда был открыт доступ всем, включая неевреев. Хотя я много слышала об этом сооружении, реальность превзошла ожидания. Повсюду крытые колоннады, не только придававшие изящество внутреннему убранству, но и создающие впечатление невероятной громадности Храма. Какой же там стоял шум и гам! Ничего подобного я никогда не слышала. Тысячи ног шаркали и топали по камням, которыми был вымощен двор. Сотни животных, крупных и мелких — ягнят, волов, коз, кур, голубей, — блеяли, мычали, кудахтали, ворковали. Говор на разных языках и диалектах. Кто-то громко считает монеты, нищие просят милостыню, менялы зазывают прохожих.

— Козы, козы. Покупайте наших коз.

— Яловые животные. Мои — что надо!

— Ягнята, ягнята. Таких больше нигде не найдете!

— Ваши деньги чистые? — спросил меня какой-то человек, схватив за руку. — С грязными деньгами нельзя входить в Храм. Меняйте их здесь.

— Он — жулик! — закричал другой, протиски-

ваясь ко мне.

Довольная, что я оделась сообразно обстоятельствам в черную столу Рахили, я запахнулась в нее и стала пробираться дальше. Впереди я увидела широкий лестничный пролет. Если бы я смогла возвыситься над этой неразберихой — толкотней, суетой паломников, протянутыми руками нищих, перед моими глазами открылась бы какая-нибудь перспектива. Меня пихали в разные стороны менялы, не дававшие шагу ступить, но вот наконец я добралась до основания лестницы.

Вздохнув с облегчением, я начала подниматься. Когда я остановилась между двумя пролетами, мой взгляд привлекло удивительное зрелище. На лестничной площадке надо мной находилась дверь, по обеим сторонам которой были укреплены таблички на греческом, латинском и арамейском языках, предупреждавшие, что не-евреям под страхом смерти запрещено входить внутрь. Меня это рассердило и огорчило, но что поделаешь. Я и так уже подвергла себя немалому риску. Нехотя я повернулась и собралась идти обратно, как вдруг по всему Храму разнесся звук труб. Посмотрев вниз, я увидела, что толпа расступилась перед процессией священников, пересекавших двор. Они выглядели впечатля-

ющe в своих парчовых одеждах, украшенных драгоценными камнями и расшитых золотом. Торжественно они проследовали в большой алтарь, где на привязи стоял теленок. От страха несчастное создание жалобно мычало. Верховный жрец невозмутимо занес над ним нож. Я видела, как брызнула кровь, и услышала вздох людей, пришедших посмотреть на эту церемонию. Опять заиграли трубы и зазвенели цимбалы. Все, кто находился в Храме, пали ниц на каменном полу. Я еще долго не могла выйти оттуда.

Никто вроде бы не заметил моего отсутствия. Я заглянула в комнату Марцеллы. Она строила крепость из глиняных кубиков, а бдительный раб ей одобрительно улыбался. Пилат в просторном таблинуме читал поданные ему петиции. День прошел спокойно. Когда солнце клонилось к закату, я отложила в сторону список блюд для званого обеда, который просматривала, и вышла по привычке на террасу дворца. Облокотившись на парапет, я наблюдала, как багровые тени опускались на город. Как всегда, я вспоминала о Голтане. Где он сейчас? Что делает? И думает ли он хоть иногда обо мне?

Глава 31
Каиафа

Темные глаза, полные тоски, умоляюще смотрят на меня. Что я сделала? Что я должна сделать? Колючка тернового венца врезается ему в бровь. Я бегу прочь от окровавленного лика и скрываюсь в саду. Нахожу убежище под сенью могучих деревьев. Нет! Нет! Деревья превращаются в кресты. Они окружают меня, из них течет кровь. Окровавленная земля уходит из-под ног. Я пытаюсь бежать.

Повсюду кресты, их так много. Что-то удерживает меня, я не могу двигаться.

Стараюсь вспомнить, что испугало меня. Лицо. Почти забытое, из далекого прошлого. Я лежу на громадной кушетке с ножками в виде львиных лап. Она застелена шелковыми простынями. Это моя кушетка. Я мечусь в полубреду, силюсь высвободиться и вдруг осознаю, что удерживает меня Рахиль. Неяркий солнечный свет заполняет комнату. Лицо исчезло. Кресты тоже.

— Успокойся, я чувствую себя нормально, — говорю я ей. — Это всего лишь страшный сон.

Всего лишь. Вздыхаю с облегчением. Я снова в реальном мире.

— Хорошо, что сон. Могло быть хуже. — Рахиль поправила помятые простыни. — Вчера вы сделали большую глупость.

— Я отправилась в Храм одна только потому, что не хотела, чтобы меня поучали: это можно делать, этого нельзя, — сказала я и села на кушетке.

— Госпожу нужно поучать. В городе много враждующих кланов: саддукеи, ессеи, фарисеи, зелоты. Единственное, что они ненавидят больше, чем друг друга, — это Рим. А если бы они узнали вас? А если бы...

— Вот именно. Давайте поговорим о «если бы». — В комнату вошел Пилат, бледный от гнева. — Я запретил тебе идти в Храм.

— Я не ребенок, чтобы мне что-то запрещали, — ответила я, разозлившись, как и он. Как я ненавидела этот город!

Рахиль встала между мной и Пилатом:

— Госпожа только что проснулась. Ей приснился страшный сон. Она немного не в себе.

— Вот именно, не в себе. Ты думала, я не узнал бы, что ты вышла из дворца без охраны и одна направилась не куда-нибудь, а в Храм?

— Неужели это такой большой грех? Все говорят о Храме. Я просто хотела увидеть его своими глазами.

— А что, если бы тебя узнали? Если бы тебя взяли заложницей? Слава Юпитеру, я здесь наместник. Не кому-нибудь, а мне пришлось бы решать и выбирать: то ли ставить под удар интересы Рима, удовлетворив их требования, то ли ждать, пока они отомстят, расправившись с тобой. — Гнев в глазах Пилата растаял, когда он взглянул на меня, сидевшую на кушетке в помятой рубашке. — Ты должна дать обещание, Клавдия. — Он положил мне руку на плечо, так что мне пришлось смотреть прямо ему в глаза. — Больше ничего такого не должно повториться.

— Я вовсе не желаю причинять тебе неприятности, — отчетливо произнесла я, убирая с лица взлохмаченные волосы. — Но и так ясно, что ты всегда сделаешь выбор в пользу Рима.

— Не заставляй меня делать выбор, — сказал он решительным голосом и, резко повернувшись, вышел из комнаты.

Прежде чем я успела ответить, с верхней галереи Храма раздался громкий звук труб, разнесшийся по всему городу. Ритуальный нож священника, должно быть, перерезал горло

первому в этот день жертвенному животному. Я содрогнулась, вспомнив крики обреченных животных, кислый запах теплой крови.

— Не беспокойся, Рахиль, я не пойду снова в Храм. Это — скотобойня. И крики — это тоже ужасно.

Рахиль удивилась, а потом засмеялась:

— А, вы имеете в виду менял. Все евреи должны хоть раз в жизни сделать пожертвование в Храме. Те, кто может себе это позволить, приходят часто. Менялы оказываются к их услугам.

— Да, я заметила. Там топчется целая армия менял, готовых прикарманить их деньги. Весь этот шум не дает сосредоточиться для молитв.

— Когда люди торгуются, они перестают сдерживаться, — пояснила Рахиль, одевая меня. — Каждый, кто хочет молиться в Храме, должен принести в жертву животное. Его покупают за храмовые шекели. Кто-то должен менять деньги.

Я сморщила нос:

— Но там стоит невыносимый запах. Им пропитан весь город.

— Что я могу сказать... Иногда, когда ветер дует в определенном направлении, — попыталась объяснить Рахиль. — Впрочем, римляне тоже приносят в жертву животных.

— Одного животного, и только в особых случаях, — возразила я. — И делается все не так. А тут хлещет кровь...

Некоторое время мы молча стояли на террасе и смотрели, как солнце восходит над Храмом. Наконец я задала мучивший меня вопрос:

— А что на верхних этажах? Там, куда неевреям запрещен вход...

— Этот запрет распространяется и на женщин.

— Неужели? Неудивительно, что ты поклоняешься Исиде.

— Исида покровительствует животным. Но здесь Синедрион — совет мудрецов-фарисеев — считает, что ритуалы объединяют евреев как народ.

— Все же в вере должно быть нечто большее, чем ежечасное умерщвление животных.

Рахиль нахмурила брови.

— Я не единственная из евреев, кто подвергает сомнению эту практику, — признала она. — Один пророк резко осудил ее. С детских летя помню его слова: «Он показал тебе, о человек, что хорошо и что Яхве требует от тебя — поступать по справедливости, творить добро и быть смиренным перед Богом».

Я подумала, как далеко Храм и как сотни его

служителей отошли от этого идеала. Нарушив молчание, Рахиль сказала: — Госпожа должна согласиться, Храм красивый.

— Он величественный, но... — Я остановилась, потому что не хотела оскорбить ее национальную гордость. Отсутствие скульптур казалось странным, но меня больше беспокоила антисанитария в городе. Расположенный в горной местности, вдалеке от озера или реки, весь город зависел от дождевой воды, которую собирали в резервуары, пришедшие в ветхость.

Этот вопрос я решила обсудить с Пилатом в тот вечер.

— Римляне могли бы легко решить проблему обеспечения города водой, — согласился со мной Пилат. Больше разговоры о посещении Храма не велись. Жаль, огорчила мужа. Я должна искупить свою вину.

— А что, если построить акведук? Это, наверное, выход из положения, — предложила я.

— Завтра здесь собираются представители Синедриона. В их сокровищницах хранятся несметные богатства. Кроме десятины и различных пожертвований, каждый местный житель платит пол-шекеля в год. Для них построить акведук ничего не стоит.

На следующий вечер, лежа возле меня на нашей обеденной кушетке, Пилат рассказывал события дня. К его удивлению, Синедрион не принял предложения. Их верховный жрец не согласился дать ни одного шекеля.

Пилат поступил решительно. Его солдаты явились в Храм и конфисковали необходимые средства. После этого с довольной улыбкой он мне сказал:

— Если я о себе не оставлю никакой другой памяти, то меня будут помнить за то, что я обеспечил этот злосчастный город питьевой водой.

Пилат успешно справлялся со всеми делами. Когда я разрешила ему разделить со мной ложе, он горел желанием и страстью. Я же ничего не испытывала. Я иногда думала, могло ли в такие безрадостные моменты произойти зачатие? Потом у меня появилась мысль: а что, если после рождения Марцеллы у меня вообще не будет детей? Ну и пусть. Что тут поделаешь? Марцелла — мое утешение. Ей должно было исполниться три года. Веселая и озорная, она с каждым днем все больше походила на мою сестру. «Я должна беречь свое дитя», — часто проносилось в сознании. Меня восхищала ее детская жизнерадостность.

Временами повседневная жизнь казалась по-

чти сносной, а то вдруг меня неотвратимо влекло к Голтану. Сердце мое разрывалось на части, когда я неожиданно получила письмо от Апикаты. Она видела его в театре в окружении восхищавшихся им женщин. По крайней мере Голтан жив, успокоила я себя, но даже это не развеяло мою тоску. Я с болью в сердце отчетливо вспоминала все, что так любила в Голтане: теплый тембр низкого голоса, необычный янтарный цвет глаз, гладкую, покрытую загаром кожу. Мне очень хотелось хотя бы на несколько коротких мгновений оказаться рядом с ним.

Что касается Пилата, то он менялся у меня на глазах. Муж, все чаще искавший моей близости, казался то в замешательстве, то разочарованным, то даже напуганным. Под его командованием в Иудее находились лишь незначительные силы: всего пять когорт солдат и одна кавалерийская турма[16]. В случае возникновения крупного восстания ему пришлось бы заручиться поддержкой со стороны легата Сирии. Пилат часто обращался ко мне за советом. Неизменно все сводилось к одному вопросу: как ему умиротворить евреев и в то же время соблюсти интересы Рима?

---

[16] Примечания: 16

Турма (*лат.* turma) — подразделение древнеримской конницы.

Поскольку я не имела ни малейшего представления об Иудее, я полагалась на интуицию и всегда уповала на Синедрион.

— Они тут важнее всех, — заметила я однажды ночью, когда Пилат лежал рядом со мной. — Они управляют Храмом, а Храм управляет всей страной...

— А что-нибудь, кроме этого, ты можешь сказать? — раздраженно перебил он меня.

— По приказу моя проницательность не действует, — ответила я ему в тон.

Приемы и пиршества заполняли мою жизнь. В тот день я с нетерпением ждала вечера, чтобы спокойно почитать свиток с произведением недавно появившегося египетского писателя. Как назло, Пилат удивил меня своим посещением. Обычно после этого он отправлялся к себе спать, а тут ему захотелось поговорить.

— Но иногда ты попадаешь в самую точку, — настаивал он. — Попробуй сейчас. Я прошу.

Вздохнув, я вся напряглась и сконцентрировала внимание на пламени лампы передо мной. Я глубоко дышала и смотрела на огонь. Какое я имела право что-то спрашивать у Исиды, после того как перестала быть такой набожной? Но это же не для себя. Это ради Пилата, нуждающегося

в наставлении. В этом непростом городе ему требовалась помощь, которую могла оказать богиня. Лампа мигала, но я ничего не видела. «Пожалуйста, Исида, скажи что-нибудь, что успокоит встревоженного человека и страну, которой он должен управлять». Я обратила мысленный взор внутрь себя и ждала, пока наконец не начали медленно возникать образы. Что они значили? «Помоги мне, Исида, покажи мне истину».

— Истина — это человек, — произнесла я. — Его зовут Иосиф...

— Клянусь Юпитером! — воскликнул Пилат. — Их всех зовут Иосифами. — Пристально глядя на меня, он продолжал настаивать: — Как он выглядит?

— Крупного телосложения, но с узким лицом... тонкие губы. Ненамного старше тебя. Но он гордый... высокомерный.

Пилат почти удивленно смотрел на меня.

— Ты описываешь Иосифа Каиафу. Это самый безжалостный человек, каких я только видел. Он стал первосвященником, женившись на дочери прежнего первосвященника. Сейчас в его руках власть, уступающая лишь моей. Что ты можешь сказать о нем?

Я продолжала смотреть на пламя. В глазах по-

плыли тени, какие-то изменяющиеся очертания. Как понимать их? Этот Каиафа, всемогущий первосвященник...

— Власть для него — всё. Она значит для него больше, чем его народ, даже больше, чем бог, которому он служит. — Я услышала свой собственный голос, словно доносившийся откуда-то издалека. Я предупреждала Пилата: — Опасайся его. Он попытается использовать тебя в своих целях. — За спиной Каиафы появились очертания еще одной фигуры. — О! — воскликнула я. В ней было что-то знакомое. Если бы только мне удалось лучше разглядеть ее. Я повернулась к мужу. — Каиафа — дурной человек, но есть еще кто-то.

— Еще один недруг? — Пилат наклонился и схватил меня за руку.

— Не могу разобрать, он вне моего поля зрения, но я чувствую, это не враг. Он проникнут добротой, больше чем добротой. Он — тот, кто мог бы... изменить мир. Каиафа ему в подметки не годится.

Сердце сжалось от дурного предчувствия. Сама того не подозревая, я осознала, что едва различимые очертания, виденные мной, представляли гораздо большую значимость, чем наши жизни. Пилату и мне отведено ничтожно малое место

в этих величайших событиях, и все же стало ясно, что с нами случится что-то ужасное. Когда очертания в какой-то момент обрели большую четкость, я увидела терновый венец.

— Пилат, держись в стороне от этого человека, — взмолилась я. — Любой ценой избегай его. Произойдет страшная беда. Твое имя будет чудовищным образом связано с ним. Не дай втянуть себя в отношения между Каиафой и этим незнакомцем.

В глазах Пилата появились тревога и страх.

— Кто тот человек, который может изменить мир? Не один ли из этих маньяков-зелотов?

— Я не знаю, кто он. — Я почти рыдала.

— Смотри, смотри внимательней!

Образы исчезали и появлялись вновь. Я старалась разобрать их. Несмотря на жаркий вечер, у меня по спине побежали мурашки. Человек, один молящийся в саду. Мечи. Кресты. Нет! Я достаточно видела смертей. Я отвернулась.

— Все, что я знаю, Пилат, — это то, что с этим добропорядочным человеком произойдет ужасная трагедия, и ты каким-то образом будешь причастен к ней.

— Но кто же он, в конце концов? — настаивал Пилат.

Медленно видение исчезло, осталось только неясное впечатление.

— Мне кажется, он галилеянин.

Я неимоверно устала, у меня просто не осталось сил.

— Нетрудно догадаться. От них только и жди неприятностей. Даже здесь, в Иерусалиме, где храмовая иерархия держит людей в покорности, галилеяне бунтуют, все время ищут мессию. Они всё подвергают сомнению, даже своего бога.

— А разве они не простые сельские жители? — поинтересовалась я.

Пилат покачал головой и нахмурился:

— Не совсем так. Назарет стоит на караванном пути из Александрии в Антиохию. Галилеяне узнают новости раньше, чем жители Иерусалима.

— Но я слышала, они в основном рыбаки.

— Не думай, что это горстка людей, которые на утлых лодках ловят рыбу только себе на пропитание. Большая часть сушеной рыбы для нашего стола поступает из Галилеи. Они снабжают ею чуть ли не весь мир.

Я рассеянно кивнула, немного успокоившись. Мои мысли были заняты отнюдь не рыбой. В прежнее время, когда Пилат интересовался мо-

им мнением, я ощущала себя самой счастливой женщиной на свете. Сейчас это вовсе не радовало меня. Мне хотелось внимания только одного человека — Голтана, а он далеко.

Глава 32
Дворец Ирода

Я поморщилась, когда Пилат объявил о празднестве в Тиверии.

— Город, названный по имени самого ненавистного мне человека.

— Это официальный визит. Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Ты останешься довольной, город тебе понравится. Обещаю.

К моему удивлению, он не ошибся. Набожные евреи испытывали страх перед этим городом, поскольку он стоял на месте древнего кладбища. Ирод Антипа, наследник Ирода Великого, основал здесь поселение, чтобы развеять предубеждения и показать всему миру, на что он способен.

Я с изумлением смотрела по сторонам, когда мы и сопровождавшие нас люди прибыли на место. Тиверия, построенная на берегу Галилейского озера, поражала красотой широких улиц, сверкающих фонтанов, мраморных статуй. Мостовые

сияли чистотой. Над нами простиралось яркой голубизны небо, которое еще не скрывали от глаз ни кроны деревьев, ни навесы из ткани.

— Я никогда не видела ничего подобного, — сказала я Пилату. — Бани, форум, театр и даже рынок — везде идеальный порядок.

— Ирод не поскупился, — заметил Пилат. — Он может это позволить. Он облагает народ непомерными налогами.

Пилат тоже не скупился. Трудно себе представить — он подарил мне великолепную виллу на берегу озера, очень напоминавшую — и он знал это — наш первый дом в Антиохии. В неописуемый восторг меня привели фрески на стенах, изображавшие веселящихся нимф, сатиров и купидонов. Муж пытался снова завоевать мое сердце.

— Тебе нравится? — спросил он. — Цвета...

— Обитель самого Юпитера не могла бы не только превзойти, но даже сравниться с великолепием этой виллы.—Я заставила себя улыбнуться, осматривая свои покои. Под высокими сводчатыми потолками розовые, пурпурные и бледно-оранжевые краски соперничали с буйством цветения снаружи. Все здесь создано для счастливой жизни. Я возненавидела эти апарта-

менты. — Изумительно, — буркнула я и вышла на широкую веранду. От нее извилистая дорожка, выложенная мраморными плитками, вела вниз по расположенным террасами лужайкам к воде. У берега покачивался на волнах богато украшенный баркас.

Пилат последовал за мной на веранду.

— Мы провели много счастливых часов на такой же лодке, — напомнил он.

— Это было давным-давно.

— Не так уж и давно. — Он взял меня за руку. — Баркас будет к нашим услугам, когда я вернусь.

— Ты уходишь? — Я старалась не выдать своей радости.

— Да, но ненадолго. Я должен встретиться с Иродом. В Иерихоне опять неспокойно. Нужно как-то решать вопрос об этих зелотах. Среди них есть некий Варавва, который подстрекает их к бунту. Варавва не успокоится, пока здесь не останется ни одного римлянина. Глупец. На сей раз он от нас не уйдет.

Я с облегчением вздохнула, когда колесница Пилата загромыхала по мостовой, и выбежала из дома, который начал мне казаться почти тюрьмой.

— Отвезите меня на озеро, — приказала я над-

смотрщику за рабами, ожидавшему у баркаса. — Скажи им, чтобы они гребли как можно быстрее.

— Куда плыть, госпожа? — спросил он и помог мне подняться на баркас.

Какое это имело значение?

— К ближайшему городу. К любому городу.

— Ближайший город — Магдала, госпожа.

«Магдала? Разве не оттуда родом Мириам? Что с ней сейчас? — рассеянно рассуждала я. — Встретилась ли она с человеком, явившимся мне в видении? Может быть, они сейчас вместе. Может быть, я найду их».

Баркас сразу же отплыл. Я откинулась на шелковые подушки и слушала, как плещут по воде весла. Перед глазами проплывала одна вилла роскошнее другой. Окруженное голубыми, как сапфиры, горами, озеро казалось удивительно красивым. Я думала о Голта-не, в то время как череда домов на берегу сменилась оливковыми садами, полями, где паслись стада овец, и виноградниками. Хотя прошло уже больше года с тех пор, как я видела его последний раз, воспоминания оставались, как всегда, яркими. В памяти всплывали картины из прошлого: то торжествующий юноша-гладиатор улыбается после боя, то

прославленный боец протягивает мне руку для гадания на банкете у Апикаты, то мы вдвоем плещемся в бассейне. Как я ни старалась, я не могла забыть его образ. Мной овладевала такая сильная тоска по Голтану, что мне иногда хотелось умереть. Как долго я могу жить с одним человеком, а любить другого?

Занятая своими мыслями, я не заметила, как изменился ландшафт. По берегу были разбросаны отдельные ветхие лачуги, а в воздухе стояла жуткая вонь. Она усилилась, когда мы проплывали мимо окраины города.

— Что это за город? — спросила я кормчего.

— Магдала, госпожа.

— Вот те раз! — воскликнула я, сморщив нос. — Почему такой ужасный запах?

— Рыба сушится. Сюда привозят улов со всего берега, здесь рыбу солят и сушат.

Рассеянно кивнув, я достала из сумочки флакон с духами. Экскурсия оказалась испорченной. Какой смысл плыть дальше? Какой смысл в чем бы то ни было?

— Поворачивайте. Мы возвращаемся в Тиверию, — приказала я, держа флакон у носа.

Пока рабы медленно разворачивали баркас, мой взгляд скользил по пирсам, где рыбаки разве-

сили сети. Многие рыбаки сняли свои промокшие туники, и их тела источали почти такой же запах, как сушившаяся на солнце потрошеная рыба.

Несколько поодаль я заметила стройную фигуру женщины, стоявшей в одиночестве у ряда массивных амфор и дожидавшейся транспорта. Заинтересованная, я снова посмотрела на длинные шелковистые волосы, блестевшие как медь на солнце. Невероятно!

— Стойте! — приказала я рабам. — Гребите к берегу!

Когда баркас выплыл на мелководье, один из рабов перенес на него мою подругу на руках. Я радостно обняла Мириам.

— Я надеялась встретить тебя здесь, но Магдала удивила меня.

Мириам пожала плечами:

— Это совсем неплохой городок, нужно только привыкнуть к нему.

— Привыкнуть? — Я обвела взглядом стеллажи, где сушилась рыба. — Если рыба на наш стол поступает отсюда, я больше никогда не буду употреблять ее в пищу.

— Но она действительно поставляется отсюда. — Мириам едва заметно кивнула. Она казалась несколько подавленной, не проявляла востор-

га, которого я могла бы ожидать сейчас, когда произошла наша неожиданная встреча. Она стояла рядом со мной у поручня, и я заметила, как женщина похудела с тех пор, когда я видела ее в последний раз. — Люди некогда богатели, занимаясь ловлей и переработкой рыбы. Вон там дом моих родителей. — Она показала на большое строение на холме, возвышавшемся над городом.

— Выглядит великолепно.

— Он был великолепным. Внутренний двор украшен красивой мозаикой, какой я нигде не видела, на сюжеты, которые тебя, может быть, не волнуют, — рыба, рыбаки, лодки. Своего рода храм профессии, давшей нам возможность разбогатеть.

— А почему ты говоришь «был»?

— Ирод Антипа забирает третью часть всего: винограда, ячменя, маслин, скота и, конечно, сушеной рыбы. И это сверх десятины, выплачиваемой Храму. Каждый день я слышу, что кто-то лишился своего хозяйства или разорился. Мытари отбирают собственность, если люди не в состоянии платить подати. Все, что родители оставили мне, — это дом. Сейчас он разваливается на глазах.

Поборы Ирода, поборы Храма, а еще поборы

Рима. Что я могла сказать? Чтобы изменить тему, я спросила:

— Ты, наверное, счастлива оказаться снова со своей семьей?

Мириам удивленно посмотрела на меня:

— Я думала, все знают о моем горе.

Я покачала головой и предложила ей сесть рядом со мной под пурпурным навесом.

— Расскажи, что ты считаешь нужным, о себе.

— Несколько лет назад мои родители решили выдать меня замуж по договоренности, — начала Мириам. — Они считали, что дело складывается очень удачно: у родителей моего суженого деньги водились и его семья занимала высокое положе-ние в обществе. Меня тоже устраивало такое супружество: жених красив и молод. Все шло своим чередом к счастливому завершению, но по дороге в Иерусалим, где меня ждал жених, на нас напали бандиты. Их главарь избил меня и взял силой. Братья попытались вмешаться, но их убили. — Мириам тяжело вздохнула и всхлипнула. — Разбойники заспорили, кому следующему я должна достаться, но тут появился отряд римских воинов. Они перебили почти всех бандитов, а тех, кто уцелел, связали и увели. Центурион Тео-досий Сабиний предложил доставить меня

в Иерусалим под охраной, но отец и слушать не хотел. О свадьбе не могло быть и речи. Родители отвернулись от меня, считая, что я опозорила их.

Я обняла Мириам:

— Какая чудовищная несправедливость. Что же ты сделала?

Мириам отвернулась и устремила взгляд куда-то вдаль.

— А что я могла сделать? Никто не стал заступаться за меня. Центурион подал знак одному из своих воинов, меня посадили в повозку и повезли. Я пришла в ужас. Я еще никогда не удалялась от дома больше чем на одну милю. После нескольких часов пути кто-то помог мне выйти из повозки. Вся в синяках и кровоподтеках, я стояла перед домом Теодосия в Кесарии. Куда ни глянь — всюду фрески: нимфы, сатиры. Этот римлянин привез меня сюда, чтобы развлекаться, как с нимфой? Я вздрогнула от испуга, когда он подошел ко мне и поднял руку. Но мои страхи оказались напрасными: он просто хотел посмотреть кровоточащую рану на моей голове. Теодосий приказал двум рабыням отвести меня в просторную комнату, выходившую окнами на море. Рабыни сказали, что она в моем распоряжении. Они вымыли меня, одели, накормили,

уложили спать и вышли.

Мы продолжали плыть, и пурпурный навес колыхался на ветру. Я как завороженная слушала рассказ Мириам.

— Каждую ночь я со страхом ожидала, что Теодосий позовет меня. Ото всех я слышала, что римляне жестокие. Я думала броситься в море, но мне не хватало смелости. И вот однажды вечером Теодосий пригласил меня в триклиний. Обстановка в нем радовала глаз. Его украшали яркие фрески с изображением морских нимф. С одной стороны к нему примыкала веранда, выходившая в сторону моря. Ниже ее, мелкими брызгами разбиваясь о камни, стекал водяной поток. Музыканты играли нежную мелодию. Теодосий сказал мне, что в течение последней недели он находился в отъезде и поэтому не мог уделить мне внимания. Он говорил учтиво, словно с гостьей, а не с пленницей, интересовался, нравится ли мне комната, хорошо ли кормят. Он не просил меня разделить с ним кушетку, вместо этого он жестом предложил перейти на соседнюю.

Пока мы ужинали, Теодосий спрашивал меня, как я жила в Магдале, очень ли я огорчена потерей жениха. Я призналась, что видела его лишь один раз.

— А, свадьба по договоренности, — грустно улыбнулся он. Потом он рассказал, что они с женой разрешили старшей дочери самой выбрать себе мужа. — Друзья нас отговаривали. Хотел бы я знать, оказались ли они правы.

Теодосий много говорил о своей жене и детях в Риме. К концу ужина я уже не боялась его. Деловые отношения между мужчиной и женщиной могут приносить радость. Теодосию казалось, что у меня это хорошо получается. Он считал, что ему повезло, но сейчас я осознала: повезло-то мне. Ублажить мужчину в постели несложно, но Теодосий нуждался в партнере. Он обучил меня греческому и латыни, познакомил с философией и литературой. Когда подошел к концу срок его назначения, он питал ко мне нежные чувства. Мы уехали в Рим вместе. С его женой возникли неизбежные проблемы, однако потом покровителей у меня нашлось немало.

— Сейчас-то ты не бедствуешь? — позволила я себе задать вопрос.

— Мне всегда так казалось.

— Теперь, когда ты помирилась с родителями, ты, наверное, счастлива? — спросила я, оглянувшись на холмы Магдалы.

Мириам покачала головой:

— Ты не знаешь наших обычаев. Поскольку разбойники обесчестили меня, родители три дня посыпали голову пеплом, будто я умерла.

— Но это было давно. Наверняка сейчас...

Она криво усмехнулась:

— Нет, сейчас не лучше. Мой последний покровитель Руфус умер два месяца назад от лихорадки. Семьи у него не было. Все свое состояние он завещал мне. Это соответствующим образом оформлено у весталок. — Мириам грустно улыбнулась. — Я, окрыленная, вернулась в Магдалу, думая, что смогу помочь родителям. Поднимаясь на холм, я надеялась, что мы опять, как и раньше, будем жить счастливой любящей семьей. — Ее большие глаза наполнились слезами. — Единственная оставшаяся у них рабыня, моя няня, даже не хотела впускать меня в атриум. Я барабанила в дверь, пока в верхнем окне не появилось лицо. Это была моя мать. Она... — Мириам разрыдалась. — Я слышала, как она приказала рабыне: «Если эта шлюха еще раз появится здесь, закидай ее камнями».

Я снова обняла Мириам за плечи и погладила по спине:

— Дорогая моя, успокойся.

Мириам вытерла слезы и посмотрела на меня:

— Клавдия, мне нравились многие мужчины, но я никого не любила. В обители тайн ты мне предсказала, что я встречу свою любовь здесь, в Галилее. Но, кроме отчаяния, я ничего не нашла. Мои родители предпочли бы, чтобы я умерла в пустыне, чем жила той жизнью, которую мне уготовила судьба. Люди в Магдале, кто восхищался мной в детстве, сейчас относятся ко мне с презрением. Уж лучше вернуться в Рим и вести прежний образ жизни. Каждый день я даю себе обещание, что предприму нужные шаги, но иногда я чувствую себя обессиленной настолько, что не могу подняться с постели. Будто демон оседлал меня!

Я кивнула, вспомнив, что со мной происходило то же самое.

— Не один демон, а семеро. Когда я потеряла своего первого ребенка, а затем была казнена моя сестра, я также целыми днями не вставала с кушетки. Жила словно во сне. Ко мне обращались люди, а до сознания не доходили их слова.

— То же самое сейчас происходит со мной, — сказала Мириам. — Сегодня я в первый раз решилась выйти из гостиницы. За меня все делала рабыня. Я даже не могла надеть сандалии. Чтобы дойти до берега, я останавливалась несколько

раз. Дорога казалась такой длинной.

— Все решено! — воскликнула я. — Ты поедешь в Тиверию со мной и будешь жить на нашей вилле. Я скажу, чтобы забрали твои вещи.

Мириам грустно улыбнулась:

— Радости от моей компании не будет никакой.

— Я приглашаю тебя не для компании, — сказала я и обняла ее. — От тебя не потребуется кого-то развлекать. Спи, читай, лежи на свежем воздухе в тени на террасе. Никто не будет тревожить тебя. Я буду приходить к тебе, если ты захочешь. Мы могли бы вместе совершать прогулки по городу. Он очень красивый!

— Звучит заманчиво. — Мириам подумала немного и покачала головой. — Может быть, позже. Сначала мне необходимо встретиться с одним человеком.

— Кто же он? — спросила я.

— Святой человек. Некоторые говорят — пророк.

— На тебя это не похоже.

— Этот человек не такой, как все. О нем много говорят. Некоторые считают его мессией. Я уверена, мистик, исцеляющий от душевных недугов одержимых, может развеять мрак, в котором

находится моя душа. Прежняя моя жизнь сейчас кажется бессмысленной. Что мне делать? — Мириам посмотрела на меня. Ее большие глаза покраснели.

— Отправляйся к своему святому человеку. — Я сама удивилась словам, сорвавшимся с моих уст. Как ни странно, я решила, что она поступает правильно. — Приезжай в Тиверию, когда вернешься. Кто знает, а вдруг он тебе поможет. Может быть, я тоже потом встречусь с ним. Я соглашусь на все, чтобы избавиться от кошмаров, мучающих меня и с каждым разом становящихся все ужаснее.

В последующие месяцы я часто думала о Мириам, беспокоилась о ней. Но неожиданно произошло событие, отвлекшее мои мысли. Мы получили приглашение на обед по случаю дня рождения Ирода Антилы. Я мельком встречалась с марионеточным правителем Галилеи в Кесарии, и сейчас мне хотелось увидеть его новый дворец, а еще больше его жену. Молва об Иродиаде долетела даже до Рима.

К моему изумлению, дворец Ирода превосходил по своим размерам дворец Тиберия. Каждая комната в нем обладала своим ярко выраженным неистовым, почти диким колоритом. Любой

человек чувствовал себя ничтожным созданием среди шкур диких животных, кроваво-красных портьер, плещущих фонтанов и под зеркальными потолками. По дворцу, словно домашние кошки, разгуливали гепарды, вызывая во мне беспокойство и страх, а Ирод и его царица восхищались грубой, буйной красотой, окружавшей их.

Ирод был рослый и широкоплечий. Его темное лицо с закрученными усами и густой, кучерявой черной бородой, которую он намазывал маслом, напоминало угодливую маску. Он не один раз, а трижды поцеловал мою руку. Он мне не понравился.

— Мы боялись, что вы никогда не выберетесь из Кесарии, — сказала царица. Она взяла мою руку и прижала к своей пышной груди. — Столица, конечно, великолепна, но нам не хватает вас здесь, в Галилее.

— Вы очень любезны, — проговорила я, улучив момент, чтобы разглядеть Иродиаду. Ее удивительные голубые глаза, полные чувственные губы могли вскружить голову любому мужчине. Я поняла, почему Ирод пошел на такой большой риск, приблизив ее к себе.

— Почему бы нам не расположиться на одной кушетке во время банкета? — предложила она.

— Пусть мужчины наговорятся о своих скучных делах на другой кушетке рядом с нами. Я хочу как можно больше узнать о вас.

Но говорила все время Иродиада. Говорила, не замолкая и не обращая внимания на толпу гостей, на танцовщиц, певцов, заклинателей змей и пламя глотателей, выступавших перед нами. Я с удовольствием прислушивалась к низкому, грудному голосу царицы. Она высказывала любопытное мнение обо всем: о римском дворе, модах, воспитании детей. С особым воодушевлением она говорила о своей старшей дочери Саломее.

— Трудно поверить, что у вас есть дочь, которая уже на выданье, — сказала я, когда Иродиада наконец умолкла, чтобы сделать глоток вина.

— Да-да, вы увидите ее сегодня, она будет исполнять танец для отчима.

— У вас с Иродом есть общие дети?

— Нет, — с недовольной гримасой ответила Иродиада. — Еврейские ревнители традиции говорят, что это наказание за наш грех. Они такие твердолобые, такие лицемерные. Им безразлично, что Ирод развелся со своей женой. Мужчина может разводиться сколько ему вздумается, но когда я развелась со своим мужем — единокровным братом Ирода, этим жалким человечишкой,

который в подметки не годится Ироду, они стали называть меня Изабель. Разве это справедливо?

— Конечно, нет, — согласилась я. — Но разве ваш муж вам не дядя?

Иродиада огорченно вздохнула:

— Может быть, это несколько необычно, но мы ведь правящая семья. Мы имеем право поступать как нам хочется.

— Большинство правителей именно так и делают.

— Я так рада, что вы меня понимаете. Кому какое дело до старого закона, написанного сотни лет назад? Мы живем в настоящем. И никто не стал бы поднимать шума, если бы не этот гнусный возмутитель спокойствия.

— Кого вы имеете в виду?

— Как же! Вы, наверное, слышали об Иоанне Крестителе?

— Нет, не слышала, — сказала я, покачав головой.

— Этот дикарь из пустыни с грязными взъерошенными волосами, но люди тянутся к нему. Они бросают свои лодки, виноградники, овец — все на свете. Как мой муж может управлять страной в такой обстановке? Я сколько раз говорила Ироду: арестуй его, но советники боятся бунта. «Иоанн

— хороший человек, — говорят они. — Он не представляет реальной угрозы». Вот он изо дня в день и устраивает купания для людей в реке, протекающей по пустынной местности, которую мой муж собирается освоить.

— Что и говорить, странная причуда. Впрочем, люди падки на всякие новые веяния. Купать людей — это действительно что-то новенькое. Но как знать, что за этим стоит и что у них на уме.

— Вот и Ирод говорит то же самое. Хотя он ко всем относится терпимо. Атут вдруг этот Иоанн начал разглагольствовать обо мне. — Иродиада сверкнула глазами и со стуком поставила на стол свой бокал. — Ирод проявил исключительное терпение, но я не допущу, чтобы порочили мое доброе имя. Вы, конечно, меня понимаете.

Я ощутила холодок, пробежавший по спине.

— И что же вы сделали?

— Сейчас Иоанн сидит в подвале дворца в ожидании суда. Ирод считает, что он заслуживает наказания плетьми, а потом изгнания, но это очень мягкий приговор. Я бы его утопила там, где он устраивает купания.

Снова холодок по спине. У меня немного дрожала рука, когда я взяла бокал, предложенный подошедшим семенящей походкой светлолицым

подростком с нарумяненными щеками. В этот момент жонглеры, развлекавшие нас, поклонились и убежали. Погасли факелы. Загремели барабаны, и заиграла музыка, которую я раньше не слышала.

— Моя дочь Саломея, — с гордостью произнесла Иродиада.

Вспыхнули огни, и появилась извивающаяся в танце стройная девушка. Ее сходство с Иродиадой было очевидным. Молодая танцовщица кружилась перед нами, и подол ее полупрозрачного платья разлетался, как лепестки экзотического цветка. В ритмичном чувственном танце Саломея приблизилась к нам. Ирод, возлежавший с Пилатом на одной кушетке, подался вперед и попытался схватить подол ее платья, но она грациозно ускользнула, как бы дразня его.

Темп музыки замедлился. Саломея слегка покачивала бедрами, ноги ее почти не двигались. Это был танец любви, лирическая поэма, переданная языком тела. Я почувствовала на себе взгляд Пилата, обернулась и сразу поняла, что выражали его глаза. «Он захочет меня сегодня», — подумала я и отвела глаза. Избежать этого общения, которое наводило на меня ужас, я не могла.

Вскоре ничто другое, кроме эротических дви-

жений, не занимало сознания. Перед зрителями разыгрывалась извечная история ухаживания, покорения и физической близости. Я испытала страстное желание слиться в трепетных объятиях с Голтаном. Щеки мои пылали, сердце билось в такт с музыкой, выражавшей страстную любовь женщины к мужчине.

Медленно, очень медленно Саломея сняла с себя одну из красных накидок. Все ахнули. Потом к ее ногам упала другая, затем еще одна. Стал убыстряться темп китары, наполнявшей зал пульсирующим мелодичным звуком. Внезапно ворвалось пронзительное дребезжание цимбал, которое перекрыли громовые ритмичные удары барабанов.

Я мельком взглянула на Пилата. К моему удивлению, он все еще продолжал смотреть на меня. Встретившись со мной глазами, он поднял свой бокал и улыбнулся. Заметил ли он во мне прилив страсти? Подумал ли он, что это имеет отношение к нему? Я отвернулась. Танец близился к кульминации, и захмелевшие гости принялись отбивать такт на поверхности столов, стоявших у кушеток. Саломея сбросила последнюю накидку и продолжала танцевать только в золотой набедренной повязке, удерживаемой тонкой цепочкой.

— Все, все снимай! — настойчиво кричали мужчины. На кефа-рах и флейтах исполнялась чувственная мелодия под ритмичный аккомпанемент барабанов.

— Проси все, что хочешь. Отдам хоть полцарства, — раздался голос Ирода.

Мы с Пилатом переглянулись. Без согласия Рима Ирод и шагу не мог ступить, тем более обещать полцарства.

Саломея приблизилась к кушетке, где возлежали Иродиада и я.

— Мама, что мне попросить?

Иродиада прошептала ей на ухо несколько слов, которые я не расслышала. Девушка вздрогнула и побледнела, глядя на мать. Та еще что-то шепнула, и полные губы Саломеи расплылись в улыбке. Затем ее руки скользнули вниз по бедрам, и она тут же подняла пальцами над головой последний предмет своего туалета. Она постояла так несколько мгновений и бросила золотую повязку Ироду.

Все затаили дыхание, когда танцовщица подошла к Ироду и грациозно опустилась перед ним на колени. Ее густые и блестящие волосы, черные как воронье крыло, каскадом рассыпались по белым плечам. Она медленно подняла голову и

посмотрела в глаза отчиму.

— Я хочу только одного, — сказала она мягким, низким голосом, как у матери. — Дай мне голову Иоанна, того, которого называют Крестителем. Пусть ее принесут сейчас. На серебряном блюде.

Глава 33
Служительница Асторет

Мысли о Мириам не оставляли меня. Нашла ли она своего святого? Исцелил ли он ее? Где она сейчас? Проходили недели, и моя тревога усиливалась. Я вернулась в Магдалу и ждала в лодке, а мои рабы ходили по домам и спрашивали о Мириам. Они вернулись ни с чем. Местные жители говорили, что даже не знают, кто такая Мириам.

Я решила не сдаваться и вышла на берег. Стараясь не наступать на валявшиеся повсюду отрезанные рыбьи головы и хвосты, я приблизилась к группе рыбаков, чинивших сети на пирсе. Хотя они не могли или не хотели ничего сказать о Мириам, я видела, как при упоминании ее имени на их лицах появлялось недоброе и презрительное выражение. Им ничего не стоило закидать меня камнями. А почему бы и нет? Разве я сама не была прелюбодейкой?

Я вернулась домой с тяжелым сердцем. Рахиль, встречавшая меня на берегу, с серьезным видом выслушала то, что я рассказала про Мириам.

— Обычаи в Галилее и Иудее жестокие, — согласилась со мной она. — Здесь живут по законам мужчин, которые повелевают женщинами.

— Жестокие, мстительные люди, — сказала я, когда мы входили в дом. — Если бы я только могла пойти в храм Исиды! Я так хочу поговорить со жрицей.

— В Тиверии нет храма Исиды, но есть другой храм, где служат жрицы. Они могли бы хорошо понять госпожу Мириам. Может быть, они могли бы даже помочь.

— Ты говоришь — жрицы? — не поверила я. — Здесь поклоняются богине? Все в этих землях такое патриархальное, такое немилосердное.

Рахиль жестом дала мне понять, чтобы я говорила тише.

— Анна, наша новая кухарка-сирийка, рассказала мне о храме очень древней богини. Многие поклоняются ей. Я отведу вас туда завтра. Лучше, чтобы господин ничего не знал. — Она показала на триклиний: — Он ждет вас там.

Когда я вошла в комнату, Пилат полулежал на кушетке и нахмурившись читал свиток.

— Опять неприятности? — спросила я и присела рядом с мужем.

Он взял бокал с вином, стоявший перед ним на столе, инкрустированном слоновой костью.

— Времена теперь неспокойные. Варавва и его сикарии скрываются в горах.

— Кинжальники! — вспомнила я о разбойниках, пользовавшихся короткими изогнутыми кинжалами, от названия которых эти убийцы получили свое прозвище. — Мне казалось, что ты схватил Варавву.

— Да, однажды он попался нам в руки, но потом убежал. Такого больше не произойдет. — Пилат погладил меня по плечу, словно пытаясь успокоить. — Он у меня еще повисит на кресте, уж я об этом позабочусь. А мы, пока все не утихнет, останемся здесь.

— А еще демонстрации проводились?

Пилат снова нахмурился:

— Люди возмущены тем, как Ирод обошелся с тем зелотом.

— Ничего удивительного. — Забуду ли я когда-нибудь отрубленную голову с застывшими в ужасе большими глазами, лежавшую в крови на серебряном блюде? — Говорят, что Иоанн Креститель был хорошим человеком.

Пилат согласился:

— Он разделял радикальные взгляды, но не представлял никакой угрозы. Один из мнимых мессий, которые появляются ниоткуда, баламутят евреев, действуют на нервы раввинам и доставляют мне лишние неприятности. Им несть числа, и за всеми не уследишь. — Пилат невесело засмеялся. — Он прославился как пламенный оратор и окунал людей в воду, обращая их в приверженцев своего направления иудаизма.

— Едва ли за это полагается смертная казнь.

— Ирод проявил слабость, пойдя на поводу у этих женщин. И у него плохие советчики. Меньше всего нам нужно здесь жертвенное лицедейство. Ему придется это уяснить. Ирод ведет себя как ребенок, а не представитель Рима.

— Кстати о детях... — Я кивнула на Марцеллу, стоявшую в дверях с широко открытыми глазами.

Мы прекратили разговоры об отрубленных головах.

На следующее утро мы с Рахилью отправились в город в паланкине. Когда мы добрались до центра, она отдернула полог и стала смотреть по сторонам. Я опять не могла не восхищаться красотой Тиверии с ее помпезными статуями и

великолепными нимфеями. Мы повернули за угол, и я увидела статую императора, возвышающуюся над нами. Я поморщилась вопреки своей воле. У, злыдень!

— Давайте выйдем здесь и оставим паланкин, — предложила Рахиль.

— Ты делаешь из этого такую тайну. — Я подала знак носильщикам остановиться.

— Анна сказала, что храм находится у подножия холма недалеко от того места, где стоит памятник Тиберию, — сказала Рахиль, когда один из носильщиков помог нам выйти из паланкина.

Мы пошли по извилистой улице, повернули за угол, и перед нами оказалось красное строение с позолоченными колоннами.

— Чей это храм? — поинтересовалась я, но Рахиль только загадочно улыбнулась и стала подниматься по мраморным ступеням.

Мы оказались в полутемном преддверии храма, освещенном только одной лампой, источавшей благовоние. Дальше мы прошли в помещение, от убранства которого захватило дух. Сотни свечей освещали фрески на стенах, мозаичные полы и десятки скульптур, изображавших странную богиню, которую я никогда не видела раньше.

— Кто это? — спросила я, удивленно посмотрев

на Рахиль.

— Астарта, или Ашторет. Это не Исида, но очень похожа на нее. Астарта — божественная женщина, дарующая плодородие и плодовитость.

Я обвела взглядом все вокруг.

— Астарта, — повторила я, наслаждаясь звучанием этого имени. Широкие бедра как признак плодовитости, большие груди, пухлые губы. Я вспомнила священников с тонкими губами, служивших Яхве, рыбаков на пирсе в Магдале, отказавшихся даже говорить о Мириам. — Трудно даже представить себе, что такая дородная богиня может находиться здесь.

— Раввины и пророки веками пытались извести Астарту, но им с ней не сладить. Даже Соломон построил для нее храм.

— Наверное, это произошло сотни лет назад, — заметила я,

Рахиль пожала плечами:

— Этот храм построен совсем недавно. В стране земледельцев и пастухов плодородие и плодовитость — это все.

— Я думаю, дело не только в этом. — В памяти ожили смутные воспоминания того, что сказала Мириам много лет назад: «Для них радость — доставлять удовольствие другим». — Разве

мужчины не поклонялись Ашторет, предаваясь любви? Разве они не платили за эту любовь?

Рахиль кивнула:

— Жрицы Ашторет — это священные проститутки.

— Они занимаются проституцией? — недоуменно спросила я.

— Именно так. Только это слово не совсем подходит к нам, — услышала я мягкий женский голос за спиной. — Мы, служительницы Ашторет, отдаем свои тела, но наш жизненный путь остается духовным.

Женщина в синем одеянии вошла тихо и сейчас стояла рядом со мной перед алтарем. Хотя ее длинные волнистые волосы убелила седина, под полупрозрачным платьем угадывалась стройная, крепко сложенная фигура.

— Меня зовут Ева. Я — верховная жрица храма Ашторет. Могу ли я вам чем-то помочь?

— Как я понимаю, здесь в основном помогают мужчинам.

Ева улыбнулась:

— Вы удивитесь, но женщины тоже приходят сюда молиться и делают пожертвования. — Она кивнула в сторону двух приделов с алтарями, уставленными круглыми лепешками. — Их

только сегодня принесли прихожанки, чтобы получить благословение Асторет. Одни хотят иметь или удержать возлюбленного, другие — забеременеть.

Я внимательно посмотрела на жрицу, пытаясь угадать ее возраст. Гладкая, ухоженная кожа, но при ярком освещении видны тонкие морщины вокруг век и губ. В умных глазах — затаившийся юмор. В какой-то момент я подумала о своей матери.

— Я служила богине двадцать пять лет, — сказала она, словно отвечая на немой вопрос.

— Можно сказать, вы хорошо пожили.

— Очень хорошо, — согласилась она, поправляя бархатцы на алтаре. — Служение богине может продолжаться год или всю жизнь. Это решать нам. Некоторые из нас обзаводятся детьми и растят их здесь, в храме. Многие жрицы — дочери жриц.

Ее слова глубоко поразили меня. Они шли вразрез со всем, что я видела в Иудее и Галилее. За исключением Иродиады — ее едва ли можно принимать в расчет — жизнь женщин казалась по большей части обусловленной традициями, давным-давно установленными мужчинами и все еще упорно ими навязываемыми.

— Но, — возразила я, — Яхве и его священники не приемлют...

— ...женщину, самостоятельно принимающую решения, вы хотите сказать? Совершенно верно. Такое не приветствуется не только священниками, но и вообще мужчинами.

— Госпожа! — отвлекла меня от разговора Рахиль и слегка потянула за руку. — Господину может не понравиться...

Ева и я переглянулись и засмеялись.

— Ты права, — согласилась я.

— Зачем вы пришли к нам? — спросила жрица.

— Просто так. Вообще-то я поклоняюсь Исиде.

— - Ах вот как, — с пониманием кивнула Ева. — Всемогущая богиня. Та самая. — Жрица пристально посмотрела на меня. — Ничто не происходит случайно. Во время своих длительных поисков Осириса Исиде пришлось заниматься проституцией. Она направила вас сюда не без причины. Вы чем-то встревожены?

— Да, — призналась я. — Речь идет о моей подруге. Она поклоняется Исиде и живет в суровом мире, а не в храме. Мириам была наказана, жестоко наказана только за то, что не по своей воле избрала неверный путь. Она пропала, и я боюсь

за нее. Вот моя рабыня и привела меня сюда. Она уверена, что вы поймете.

Жрица внимательно слушала и кивала. Потом она бросила несколько крупиц ладана на большой медник перед богиней. И, взяв нас с Рахилью за руки, сказала:

— Преклоните колени. Давайте помолимся вместе.

Когда мы возвращались домой в паланкине, я чувствовала, будто Мириам находилась рядом со мной. Она в безопасности и счастлива. Я знала это и не удивилась, увидев ее у нас дома в атриуме. Передо мной предстала та самая Мириам, которую я знала, с уверенной улыбкой на полных губах и изумрудным блеском в глазах.

— Ашторет, должно быть, могущественная богиня, — сказала я, сбросила накидку и села рядом с Мириам, взяв ее за руки. — Одна молитва — и ты тут как тут.

— Ну правильно. Ашторет всегда хорошо служила мне. Она — ипостась Исиды, которую я больше всего люблю.

Ее напускная серьезность рассмешила меня.

— Я догадывалась об этом, — призналась я.

Мириам, как раньше, озорно подмигнула. Мне понравилось это, но что-то в ней настораживало

меня. В Мириам произошла какая-то перемена. Но какая? Она сделала аккуратную прическу, в волосах переливался крупный жемчуг, но ее платье, идеально сшитое из тончайшего белого полотна, отличалось простотой.

— Ты похожа на весталку, — заметила я.

Мириам закинула голову назад и залилась задорным, знакомым мне смехом.

— Скажешь тоже, на весталку. Совсем наоборот. Как и прежде, ничто человеческое мне не чуждо, но со мной произошло кое-что удивительное. Мой мир изменился. Пройдет немного времени, и изменится весь мир. Вот что я пришла тебе сказать. Я встретила его, человека, которого ты мне предсказала.

— Некоторым женщинам нужен мужчина, чтобы все в их жизни разложилось по полочкам. Но про тебя я бы такого никогда не сказала. — Я внимательнее пригляделась к Мириам. Она буквально светилась. Она никогда не была такой красивой. — Признаться, ты стала совсем другой.

На губах у Мириам расцвела счастливая улыбка.

— Да, я совсем другая. Я встретила мессию, и он исцелил меня.

Мое сердце словно сковало льдом.

— Мириам, я тоже недавно видела мессию, вернее, его отрубленную голову на блюде.

Мириам побледнела.

— Ты имеешь в виду Иоанна Крестителя? Это тот самый святой, о котором я тебе говорила й которого искала. Я направлялась к нему на реку Иордан с надеждой, что он исцелит меня, но когда я добралась до места его отшельничества, там никого не оказалось. Люди Ирода увели его. Это ужасная трагедия. — Мириам печально покачала головой. — Некоторые по ошибке считали его мессией, хотя он был великим пророком, посланным, чтобы подготовить путь для настоящего Сына Яхве.

— Мне страшно за тебя, — сказала я, наклонившись к ней и понизив голос. Кто угодно мог нас слышать. В эти дни можно ожидать всего. — В этой стране все лелеют надежду на мессию, однако никто не хочет сталкиваться с реальностью. Священники в Иерусалиме богаты и всесильны. Они не потерпят ни малейшей угрозы своей власти.

— Мне доставляет удовольствие беседовать с тобой на разные темы. Мессия раскрыл передо мной Божественный замысел. Я несу его в своем сердце. — Мириам улыбнулась, облокотившись

на подушки. — Я все болтаю о себе, расскажи, как твои дела. Последний раз, когда мы виделись, меня настолько потрясло мое горе, что я не спросила о тебе. Нравится ли тебе в Галилее? Ты счастлива здесь?

— Счастлива? — переспросила я, вставая с кушетки и посмотрев на озеро. — Что такое счастье? Мне казалось, что я знаю, как ответить на этот вопрос. Я думала, если Пилат будет хранить верность мне, это и есть счастье. Какой все это кажется сейчас глупостью. Пилат изменился в последний год. Сомневаюсь, что он проводил время с другими женщинами. Странно, не правда ли? — Я вздохнула. — Это я прелюбодейка. Я лежу в его постели и вспоминаю, как меня целовал другой мужчина. Иногда ночью я представляю, что Пилат...

Мы встали и вышли на балкон.

— Мне стыдно так скучать по Голтану. Как мне кажется, ради нескольких часов с ним я готова пойти на любой риск, на любую жертву.

— Ты найдешь себя, я уверена, — сказала Мириам и взяла меня за руки. — А пока я приглашаю тебя на свою свадьбу.

Глава 34
Свадьба

Пилату все больше и больше нравилась Галилея. Его тянуло на север, в гористую, необжитую часть страны, где водились главным образом пантеры, леопарды и медведи. Там часто охотились придворные Ирода. Иногда туда отправлялся и мой муж с группой офицеров. Не иначе, думала я, судьба улыбнулась мне, когда Пилат сообщал, что он в очередной раз отправляется на охоту, поскольку тогда решалась самая острая проблема, волновавшая меня.

Я боялась за Мириам, от радости потерявшую осторожность. Хотя я была бессильна отвратить ее от избранного пути, по крайней мере я должна прийти на свадьбу подруги. Но как жена Пилата могла позволить себе присутствовать на бракосочетании бывшей проститутки и самозваного мессии? Мессии и конфликты, возникавшие из-за них в раздираемой противоречиями стране, отравляли жизнь Пилату, а прошлое Мириам служило препятствием для жены прокуратора в общении с ней. Но в отсутствие Пилата кре-

стьянка... две крестьянки, конечно, могли бы позволить себе...

Я придумала простой план. Рахиль и я верхом на лошадях с небольшой охраной добрались до Сепфоры, расположенной к западу от Тиверии. Перед великолепной гостиницей, подобострастные служащие которой приветствовали меня, будто я сама Ливия, я удивила свой почетный караул тем, что дала им день отдыха.

— Я хочу не спеша осмотреть Сепфору, — объяснила я. — А вы отправляйтесь в Тиверию и возвращайтесь за нами завтра.

Солдаты недоуменно уставились на меня, а их командир возразил:

— Господин никогда не позволил бы...

— Откуда вам известно, что придет на ум прокуратору? — оборвала я его, но потом примирительным тоном добавила: — Один из целителей Ирода обещал показать мне редкую траву от головной боли, которой страдает мой муж. Этот чародей весьма осторожен и подозрителен. Он откажется, если вообразит, что вы следите за ним. Отправляйтесь, — приказала я, — и не оборачивайтесь.

Рахиль покачала головой, когда охрана удалилась.

— Ну и выдумщица вы. Вам бы не поздорови-

лось от Яхве.

— Может быть, — согласилась я. — Если бы я в него верила.

— Но от господина вам так легко не отделаться, — напомнила она. — Вы так рискуете, да и само событие... Все это ни к чему. Он придет в ярость, когда узнает.

— Если он вообще когда-нибудь узнает. С благословения Исиды, будем надеяться, этого не произойдет. — Я судорожно вздохнула.

Уже несколько недель я изображала примерную жену: ходила только туда, куда хотел Пилат, встречалась только с людьми, с которыми он хотел, чтобы я встречалась. Мириам — моя подруга, я любила ее и намеревалась поддержать в принятом ею решении, независимо от того, одобряла ли я его или нет. Кроме того, что-то подсказывало мне, что я должна отправиться в Кану, и я настроилась ехать туда.

Так тому и быть!

— Даже если Пилат узнает, что он может сделать? Запретить мне думать об этом? Не теряй времени. Давай переоденемся.

Мы облачились в простое платье. На мне была серая хлопковая туника и белая накидка с синими полосками, а из украшений — только

давно подаренный мне жрицей из храма Исиды золотой систрум, да и то убранный под платье. Мы отказались от экипажа, предложенного владельцем гостиницы, и поехали на ослах.

— Никто не узнает нас, — уверила я Рахиль.

Выбранный осел ткнулся мордой мне в плечо. Милое животное, не то что норовистые скакуны, на которых я обычно ездила. Я потрепала его за уши.

Сепфора — возрождающийся город. После смерти Ирода Великого здесь собирались зелоты, задавшиеся целью изгнать римлян и скинуть Иродиадов. Возмездие не заставило себя ждать. Из Сирии в Галилею вторглись римские войска, расправились со смутьянами и сровняли Сепфору с землей. Несколькими годами позже Ирод Антипа поднял город из руин и сделал из него административный центр. Он стал процветать и очень напоминал римский город. В общественных нимфеях вода струилась из сосков Венеры. Над входом в общественные бани возвышалась статуя обнаженного Аполлона. По обеим сторонам лестницы, ведущей в театр, стояли скульптуры веселого Диониса.

— Евреям это, должно быть, жутко не нравится, — сказала я Рахили, когда наши ослы плелись за

повозками и каретами.

— У них и без этих изваяний хватает проблем, — ответила она. — Доносчики Ирода снуют повсюду. Вынюхивают, кто уклоняется от уплаты налогов.

По дороге в Кану, находившуюся в двух-трех часах езды на север, мы проехали несколько небольших деревень, нам попадались хлебопашцы и пастухи, кому жильем служили сложенные из камня и теснившиеся друг к другу, окруженные выгонами и полями хибары. Казалось, что они навечно вросли здесь в землю.

Как только мы въехали в пригород Каны, до нас донеслись бой барабанов и звуки флейт. Мы пробирались по узким улицам городка, ориентируясь на музыку и громкое веселье, и вскоре, оставив позади ухоженный виноградник, оказались на вершине невысокого холма. Там, посреди оливкового сада, расположилась очаровательная вилла, которая по своим размерам превосходила любое жилье, попадавшееся нам на пути из Сепфоры. Вместе с небольшой группой гостей мы с Рахилью въехали на широкий двор. По какой-то причине мессия, ставший избранником Мириам, представлялся мне бедным крестьянином. Оказалось, что это не так. Цветущие посадки, бьющие

фонтаны и мозаичные дорожки с замысловатым узором — все это говорило, что здесь живет состоятельная семья.

Несмотря на наше скромное одеяние, к нам подбежали слуги и помогли спешиться с ослов. Животных отвели на скотный двор, чтобы напоить и накормить, а я стала с любопытством озираться по сторонам. Женщины слетаются на свадьбы, как мотыльки на огонь, во всяком случае, мне так всегда казалось. Они смеются, болтают, суетятся, стреляют глазами. Здесь все было иначе. Гости втихомолку шушукались по углам, кое-кто позволял критические и даже недоброжелательные замечания.

— Ну и парочка: царь да шлюха, — громко засмеялась молодая женщина. — Каким надо быть дураком, чтобы польститься на такую! За него могла бы пойти любая.

Другие хихикнули, поправили розы в волосах и отошли в сторону. Недовольство и возмущение витали в воздухе.

Легкой, грациозной походкой к нам подошла женщина, одетая не по случаю в темные тона.

— Добро пожаловать в дом моего брата, — сказала она, как мне показалось, нерадостным голосом.

Я не успела произнести ни слова, как Рахиль вышла вперед и представилась:

— Рахиль. А это моя сестра Сара.

— Мария. Я — мать жениха, — ответила женщина и протянула нам руки.

— Мария? — переспросила я. За последний год я научилась немного говорить по-арамейски. Я хорошо понимала, что она говорит, но меня удивила ее сдержанная манера. Мария была высокая — передо мной возник образ ивы, трепещущей на ветру. Чувствовалось, что это добрая, воспитанная женщина, хозяйка хорошего дома.

— Вы знаете моего сына? — спросила она.

— Мы еще не удостоились этой чести, — объяснила я. — Мы — подруги Мириам.

— Неужели? — Мария удивленно посмотрела на нас. Может быть, ее озадачило, что могут делать здесь две крестьянки. Я тоже внимательно посмотрела на нее. Миловидная, с темными волосами, слегка тронутыми сединой, большие карие глаза, но, как я отметила, красные и опухшие. Для будущей невесты это не предвещало ничего хорошего.

— Я бы хотела увидеться с Мириам, — сказала я. — Где она?

Мария подозвала молодую женщину с кувши-

ном вина в руке:

— Поставь его на стол и проводи наших новых гостей к невесте.

Мы последовали за служанкой в дом и прошли мимо удобных кушеток, резных столиков и сундуков. Я обратила внимание на фрески на стене и изваяния, но не богов и людей, а животных. Ничего подобного я не ожидала увидеть. Что за мессия жил здесь?

Мириам лежала на кушетке в комнате на втором этаже и тихо плакала. Ее утешала невысокая блондинка. Она обернулась, когда мы вошли. Мириам вскочила и бросилась обнимать нас:

— Клавдия, ты все-таки приехала! Молодец. Представляю, как ты рисковала...

— Исида хранит нас, — улыбнулась я, надеясь, что это так, и прижала ее к себе. — Дорогая, скажи, что случилось? Почему ты плачешь?

— Не пришел никто из моих родных. Не пожелал явиться никто из друзей по Риму. Я надеялась, что это будет самый счастливый день в моей жизни, но все ненавидят меня. Ты видела когда-нибудь столько грустных лиц?

— Давай лучше позаботимся о твоем лице, — сказала я и усадила Мириам на инкрустированный слоновой костью стул перед зеркалом.

— Твоя будущая свекровь, кажется, не очень-то рада, — произнесла я, разглаживая ее спутанные волосы.

Мириам грустно улыбнулась:

— Каждый раввин обязан жениться. Мария молилась пятнадцать лет, чтобы ее сын нашел хорошую женщину. Сейчас, когда он выбрал меня, она считает, что Всевышний сыграл с ней злую шутку. Она говорит, это ужасная ошибка. Ее сын заслуживает лучшую жену. Она говорит, что до того как мой суженый был зачат, к ней в потоке света явился ангел. Он назвал ее благословенной из женщин и сказал, что она избрана родить сына от Яхве.

— Вот как! — Интересно, что подумал бы об этом ее муж? — А что говорит твой жених?

— Что никто ничего никогда не поймет и чтобы я об этом не беспокоилась.

— Когда Мария лучше узнает тебя... — сказала я, взяв тазик с водой. Мириам нужно умыться. Я подала знак Рахили.

— Вот и Иисус говорит то же самое.

— Иисус? — повторила я. — Значит, его зовут Иисус. Раньше я слышала, ты называла его господином. В юности я была без памяти влюблена в своего мужа. Я обожала его, но даже тогда я

никогда не обращалась к нему «господин».

Блондинка, которая помогала Мириам, повернулась ко мне и многозначительно заметила:

— Но прокуратор — не Иисус.

— Ты знаешь моего мужа? — удивилась я. — Кто ты? Мы разве встречались?

— Я — Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова. Мы встречались один раз. Вы и ваш муж присутствовали на пиру... на том ужасном пиру.

— Ну конечно. Я узнала тебя, — сказала я, хотя вовсе ее не помнила. Во время того ужасного пира, в день смерти Иоанна Крестителя, все смешалось в моем сознании. Я постаралась вычеркнуть из памяти, что могла. Невероятно, чтобы меня узнал кто-то, имеющий отношение к Ироду! Мне просто не везет. Изобразив на лице улыбку, я протянула руку Иоанне.

Рахиль встала между нами.

— Будет лучше, если личность госпожи останется в тайне. Она прибыла сюда без ведома своего мужа.

— Я понимаю, — кивнула в знак согласия Иоанна. — Мой муж тоже не знает, что я здесь. Он — человек Ирода до конца ногтей. Хуза ни за что на свете не позволил бы мне следовать за мессией.

— Кто этот Иисус? — громко спросила я.

— Царь иудейский, — с гордостью в голосе и с улыбкой на губах ответила Мириам.

— Царь? Ирод Антипа — вот кто царь.

— Он не царь, а узурпатор, — вмешалась Иоанна. — Его отец Ирод, называемый Великим, даже не еврей. Он был обращенным в иудейство эдомитом[17]. Римляне пренебрегли законными правителями Израиля и посадили своих марионеток.

— Это правда? — спросила я Мириам.

— Да, это известно всем, — заверила меня она. — Иисус и есть Христос, помазанник. Он — потомок царственного рода Давидова по отцовской линии, а по материнской — из священнического рода Аарона. Иудея, Галилея, Самария — все земли Израиля — его по праву, но ему это безразлично. Он учит, что дети Яхве равны, он не делает различия между мужчиной и женщиной, между господином и рабом. Истинное царство Иисуса на небесах.

— Пилат вздохнет с облегчением, если услышит это. — Я не знала, смеяться мне или плакать. — Ты понимаешь, как это серьезно? — Я взяла Мириам

---

[17] Примечания: 17

Эдомиты — племя, родственное израильтянам.

за руки. — К религиозному лидеру может быть проявлена терпимость, но никак не к политическому. Ты можешь представить себе на минуту, что Пилат допустит смещение назначенного Римом правителя?

— Клавдия, Клавдия, не волнуйся. — Мириам обняла меня за плечи, пытаясь успокоить. — Дела обстоят совсем не так, как ты думаешь. Иисус послан в этот мир, чтобы спасти человеческие души. Он пришел, чтобы исполнить пророчество без всякого желания управлять нами. Он только хочет, чтобы мы любили друг друга. Он сам преисполнен такой любви, что она рождает такое же чувство и во мне, и в каждом, кто знает его. Таких, как он, на свете нет. — От ее слез не осталось и следа. Мириам улыбнулась мне с прежней уверенностью во взгляде. — Я последую за Иисусом с беззаветной преданностью, а мои деньги пусть послужат на пользу его делу.

Я с изумлением посмотрела на Мириам.

— Чему ты удивляешься? — спросила она. В ее голосе отчетливо прозвучали нотки гордости. — У меня большое приданое, и нам оно пригодится. Число последователей растет с каждым днем. Они оставляют родителей, жен и даже мужей, как это сделала Иоанна. Они только хотят сидеть

у ног Иисуса, следовать за ним. Кто-то должен взять на себя заботу о том, чтобы накормить и одеть их.

— Но, — заметила я, окинув взглядом хорошо обставленную комнату, — по-моему, семья Иисуса не из бедных.

— Я ничего не имею против дяди Клеопы, но он не относится к числу последователей Иисуса. У него скорее римские вкусы. Вероятно, ты это заметила. Иисус посмеивается, когда в семье возникают разногласия. Он говорит: трудно быть пророком в своем отечестве.

— А своих денег у него нет?

— Отец Иисуса был плотником. Он со своими рабочими заново построил половину Сепфоры, но Иисус отдал свою долю матери и братьям. Иисус мог бы хорошо жить, но это ему не нужно. Он говорит: «Не думайте о завтрашнем дне». Но ведь кто-то должен думать. Пусть этим кем-то буду я.

Я обняла Мириам, чтобы она не видела навернувшиеся мне на глаза слезы, когда я представила, какие страдания ее ждут.

— Да благословит тебя Исида на избранном тобой пути, — шепотом произнесла я.

Оставив Рахиль и Иоанну с невестой, чтобы они подготовили ее к обряду принесения клятвы,

я спустилась вниз.

Во дворе я заметила Марию, с безразличным видом подходившую то к одному, то к другому гостю. Вся манера ее поведения больше подходила для похорон, чем для свадьбы. Некоторые женщины обнимали ее, демонстративно пытаясь утешить. Бедная Мириам!

На другой стороне двора сидела группа мужчин в простых белых туниках во главе с мужчиной, который, как я поняла, был женихом. Они шутили, ободряюще хлопали его по спине, как это водится в мужской компании в день свадьбы. Жених весело смеялся, показывая ослепительно белые зубы на загорелом лице. Очевидно, почувствовав мой взгляд, он встал, отделился от остальных и подошел ко мне. Высокого роста, с красивыми длинными руками. Он протянул их мне для приветствия и, улыбнувшись, сказал:

— Снова говорю вам, что под простой одеждой нельзя скрыть правды.

В полном недоумении я стала всматриваться в его лицо. Карие глаза, пристальный взгляд, который словно проникал тебе в душу.

— Не может быть! — воскликнула я. — Ведь мы встречались в Египте, в храме Исиды. Вы тогда назвали свое имя, но я не запомнила его. Вы —

Иисус! И сейчас — жених Мириам!

Он мне показался таким знакомым, будто я знала его всю жизнь. Почему я сразу не узнала его? Потом я поняла почему.

— Тогда у вас не было бороды.

— Юнец. Весь в исканиях.

— А сейчас?

Улыбка осветила лицо Иисуса.

— Я нашел своего авву на небесах. Он всегда находился там, но вдруг я усомнился в этом.

— А что значит — авва? — спросила я.

— Так дети обращаются к своему родителю. То есть — отец.

Я с удивлением посмотрела на Иисуса:

— Вы чувствуете себя настолько близким Яхве, что воспринимаете его как отца?

— Да, — кивнул он. — Как очень любящего отца. Мой народ не знает его. Мне предназначено наставить людей на путь истинный.

Наш разговор прервала Мария. Она подошла к Иисусу и тронула его за рукав.

— Больше не осталось вина, — сказала она.

Иисус пожал плечами:

— Какое отношение это имеет ко мне?

Он не хотел, чтобы нас перебивали. Вероятно, он намеревался еще что-то сказать мне, но Мария

не отступалась.

— Самое прямое, — сказала она. — Это твоя свадьба, твои гости.

Иисус улыбнулся, а Мария обратилась к слугам:

— Делайте, как скажет мой сын.

Они вопросительно посмотрели на Иисуса, который показал на шесть больших каменных кувшинов, стоящих у дальней стены:

— Наполните их до краев водой.

Я скептически смотрела, как озадаченные слуги выполняют его распоряжение. Иисус любезно улыбнулся им в знак признательности и попросил зачерпнуть воду из кувшинов, а потом отнести ее к дяде Клеопу. Мария от удивления открыла рот, что еще за странные шутки?

Повернувшись ко мне, Иисус взял меня за руку.

— Вы снова увидите меня, — сказал он и отошел к своим друзьям.

Иисус говорил в добродушной манере, но я заметила в нем нечто тревожащее. На меня нахлынули воспоминания о нашей первой встрече более десяти лет назад: умный молодой человек, кроткий, но уверенный в себе, ищущий свое место в мире или вне его. Но это еще не все. В моей

памяти запечатлелось что-то ужасное, вселявшее страх, чего я не могла до конца понять.

— Значит, вы знаете моего сына? — спросила Мария, все еще стоявшая в нескольких шагах от меня.

— Не совсем так. Скорее, это — всего лишь случайное знакомство многолетней давности.

Мария грустными глазами обвела собравшихся гостей.

— Случайное знакомство, — повторила она. — Все эти люди для меня — тоже случайные знакомые, за исключением немногих родственников, проявивших жалость ко мне за переживаемый мной стыд, — мой престарелый дядя, братья и сестры Иисуса. Все остальные, — она с грустью посмотрела на тех, кто сидел за столом с Иисусом, — как он их называет, ученики. Неудивительно, что у нас не осталось вина. Кто знает, откуда они? Некоторые — неграмотные рыбаки, буквально мальчишки, вдвое младше его. Один — мытарь. Представить только — мытарь в доме моего брата! Иисус настаивает, чтобы его принимали как любого другого гостя. Женщины тоже начали следовать за Иисусом. Раввины не обращаются к женщинам с проповедью. Мы сидим отдельно за занавеской. Иисус приглашает всех — и мужчин,

и женщин — слушать его. — Она подозрительно посмотрела на меня: — Вы, вероятно, из новеньких?

Я решительно покачала головой, снова вспомнив о трагической судьбе Крестителя.

— Поверьте мне, я вовсе не ученица. Я приехала, чтобы повидаться с Мириам. Я увезла бы ее отсюда, если бы могла.

— Тогда можно считать, что мы сошлись в одном. Вчера вечером он сказал мне, что эта Мириам будет когда-то сидеть по правую руку от него в доме Яхве. Какое неслыханное богохульство! И разве такая женщина может быть его царицей? Это уму непостижимо.

Слезы потекли по бледным щекам Марии. Инстинктивно я заслонила ее собой, чтобы другие гости не увидели, что она плачет. Взяв Марию за руку, я отвела ее в сторону и усадила на каменную скамейку.

— Матери часто печалятся, когда их сыновья женятся, — попыталась я успокоить Марию.

— Нет, нет, вы не понимаете. Вы не можете понять. Мне давно было видение, будто Иисус родился, чтобы исполнить пророчество. Ему уготована замечательная, но трагическая судьба. Никакая мать не должна переживать такое горе,

такую утрату.

Мария закрыла лицо руками.

Я обняла ее за плечи и старалась утешить. Наконец она перестала рыдать, достала платок и осушила слезы.

— У вас есть дети? — удивила она меня своим вопросом.

— Да, маленькая дочь.

— Очень хорошо. Обещайте, что вы будете радоваться каждому моменту с ней. Жизнь такая скоротечная. — Некоторое время она сидела молча, видимо, задумавшись о чем-то. Потом она повернулась ко мне и заговорила извиняющимся тоном: — Вы, наверное, думаете, что я плохая хозяйка и хочу излить душу вам, незнакомке.

— Иногда легче выговориться незнакомому человеку. Я не стану разбалтывать ваши тайны.

— Да, я знаю, — сказала Мария, глядя мне в глаза.

Мы немного помолчали, а потом она спросила:

— Вы верите, что видения могут не сбыться, что дурные предзнаменования не исполняются?

— Я часто надеялась на это.

Мария никак не прореагировала, и тогда я решилась сказать:

— Вы измените свое отношение к Мириам и по-

любите ее. Она замечательная женщина — умная и добрая, с чувством юмора.

Мария покачала головой, не соглашаясь со мной:

— Вы, конечно, слышали, ее выгнали из дома.

— Неурядицы случаются в каждой семье.

К моему удивлению, Мария побледнела:

— Что вы имеете в виду? Что вы слышали? У нас замечательная семья. Я не делала ничего плохого. Люди не понимают...

В этот момент заиграли флейты и забили барабаны. Мириам вышла из дома. На ней было платье из тончайшего полотна яркокремового цвета, простого элегантного покроя. Единственное украшение — венок из белых цветов, обрамленный оливковыми листьями. Гамма чувств отразилась на лицах гостей при появлении невесты: удивление, восхищение, неприязнь. Не обращая внимания на устремленные на нее взгляды, Мириам грациозной походкой направилась к навесу на заднем дворе. Иисус приблизился к невесте в сопровождении своих друзей. Некоторые из них казались ненамного веселее Марии. А может быть, подумала я, они чуточку ревнуют Иисуса к Мириам? Во мне пробудилось желание увидеться с Голтаном, я вспомнила, как благоговейно

Марцелла относилась к Квинтию, а моя мать — к отцу.

Стоявшая рядом со мной Мария едва сдерживала слезы. Я попросила одного из слуг принести воды. В этот момент подошел дородный, хорошо одетый улыбающийся мужчина и представился мне братом Марии.

— Клеоп, — сказал он и поставил на стол рядом с нами большой кувшин.

Красный от напряжения, он наполнил из него наши кубки. К моему удивлению, оказалось, что это совсем не вода, а добротное красное вино.

Я взяла предложенный мне кубок.

— Я слышала, у вас закончилось вино.

— Попробуйте, — ответил он, все так же улыбаясь. — Все, кого я знаю, сначала подают лучшее вино, а уже потом то, что похуже. Но наш Иисус приберег хорошее вино напоследок.

Мириам и Иисус стояли вместе под шелковым навесом и пили из преподнесенных им кубков. Под звуки вновь заигравших флейт Мириам в медленном танце семь раз обошла Иисуса.

— Невеста связывает их воедино, создавая семейный круг, — объяснила мне Мария. — Эту связь невозможно разорвать, — грустно добавила она.

Музыка стихла, и Мириам вышла вперед. Обращаясь к собравшимся, она заговорила негромким голосом, но так, что все могли слышать:

Я первая и последняя

Я почитаемая и презираемая

Я падшая и святая

Все оцепенели от изумления. Что это за клятва супружеской верности? Я сомневалась, что кто-нибудь слышал священные слова Исиды, как точно они соответствовали моменту. По моему телу пробежала дрожь. Земной союз Исиды и Яхве.

— Ты моя возлюбленная, ты моя невеста, — произнес в ответ Иисус, привлек к себе Мириам и поцеловал ее в губы.

Вперед вышел какой-то мужчина, чернобородый, с пейсами на висках, такими же темными, как его одежды. Он встал на колени перед сочетавшейся парой и поставил на землю глиняный сосуд. Иисус снова поцеловал Мириам, а потом каблуком вдавил сосуд в землю.

— Что это значит? — спросила я Рахиль, уже стоявшую рядом со мной.

Ответила Мария:

— Это напоминание о том, что жизнь хрупкая

и даже в радости есть скорбь.

Опять заиграла музыка: флейты, лютни, систрумы, барабаны. Люди стояли, в нерешительности глядя друг на друга.

— Свершилось. Он сделал свой выбор. Она его невеста, — чуть слышно сказала Мария. — И ничто теперь уже не изменит того, что должно последовать.

Сидя рядом с Марией, я заметила, что Иисус обменялся с ней долгим взглядом. Как они были близки друг другу — мать и сын, даже когда между ними возникли разногласия. Потом Мария, не произнося ни слова, кивнула. Она поднялась, неожиданно взяла меня за руку и повела к навесу, жестом позвав всех остальных. Особого приглашения никому не потребовалось. Гости и слуги взялись за руки и повели хоровод вокруг молодоженов, распевая веселую, задорную песню. Хотя я не понимала слов и не знала мелодии, я пыталась подтягивать голосом. Казалось, всеми, даже Марией — особенно Марией, владеет чувство любви и надежды, радостное осознание единства в этот незабываемый момент. Мы кружились и кружились, словно объятые туманом, чарующим и искрящимся, как прекрасное свадебное вино. Прелестная Мириам в платье, обвивавшем ее

стройную фигуру. Иисус в паре с молодой женой, сильный и статный. Рахиль и Иоанна со страстно горящими глазами. Весело распевающие ученики. Женщины, до этого ехидно хихикавшие, добродушно улыбались.

Я кружилась и кружилась, пока все вокруг не поплыло перед глазами. В центре происходившего осталось только улыбающееся, счастливое лицо Иисуса. Но вдруг его выражение изменилось, как и всё вокруг. Я закрыла глаза, пытаясь удержать образ молодого человека в венке из живых цветов, внезапно превратившемся в терновый венец.

Глава 35
Посыльный

Пилат вернулся с охоты в отличном настроении. Он убил крупного медведя. Его шкура скоро будет лежать у меня под ногами. Несчастное животное! На обратном пути муж останавливался во дворце Ирода, в подвале которого сидел в заточении Варавва. Его снова поймали. Пилат не скрывал своей радости. Самый ярый зелот, сикарий, он убивал не только римских солдат, но и евреев, которых считал приспешниками

римлян, людей, по его мнению, далеко отошедших от традиций. Одни в этом дикаре видели героя, другие — нарушителя спокойствия. У меня возникла ассоциация с медведем.

Тем вечером, когда я ложилась спать, ко мне сзади подошел муж и обхватил за талию.

— Ты скучала по мне? — спросил он.

— Конечно, — буркнула я, надеясь, что он не будет затем спрашивать, что я делала в его отсутствие.

К счастью, ему в голову пришло нечто другое.

— Когда я гостил у Ирода, до меня дошла невероятная история, — сказал он, сбрасывая сандалии.

— Не рассказывай мне про то, что еще кому-то отсекли голову.

— Нет, произошло нечто более странное. — Пилат потянул меня на кушетку рядом с собой. — От домоправителя Хузы ушла жена. Она последовала за одним из этих мессий. Ее зовут Иоанна. Ты помнишь ее? Симпатичная такая блондинка, немного полноватая. — Пилат помолчал, криво усмехнувшись. — Ничего, проведет несколько месяцев на острове — образумится.

Я представила, как Иоанна танцевала, когда я видела ее последний раз. Видимо, у меня был отсутствующий взгляд, потому что Пилат взял

меня за подбородок и посмотрел прямо в глаза.

— Что ты скажешь про женщину, которая уходит от мужа?

Я пожала плечами и отвела взгляд.

— Несчастная или, может быть, что-то ищущая в жизни.

Пилат нетерпеливо покачал головой.

— Она имела все, что только можно пожелать. Ирод благосклонно относился к ее мужу. Чего ей только не хватало?

— Это нужно спрашивать у нее.

Пилат взял графин со стола, стоявшего рядом с кушеткой, и налил вина в мой бокал. Он не разбавил вино, как обычно.

— А ты, Клавдия, ничего не ищешь? — Он не сводил с меня глаз. — Тебе тоже чего-то не хватает в жизни?

Я позавидовала мужеству Иоанны и, улыбнувшись, ответила Пилату:

— У меня прекрасная жизнь. Чего мне может не хватать?

* * *

К моему удивлению, Пилат настаивал на том, чтобы я отправилась вместе с ним в Сепфору. Из-за нескольких мелких восстаний откладывался

суд над Варавво́й, но наконец Пилат назначил день суда. Хотя мое присутствие на нем не требовалось, муж настаивал, чтобы я поехала с ним. Нам хотелось посмотреть две пьесы в знаменитом амфитеатре и совершить поездку на лошадях по окрестностям города. Опасаясь, что кто-нибудь узнает меня из-за моей предыдущей поездки, я придумывала всякие отговорки. К счастью, лишь один человек действительно узнал меня, но он едва ли станет говорить об этом Пилату.

Пока заседал суд Пилата, Рахиль и я в сопровождении охраны ходили по оживленным улицам в гуще местных жителей, сновавших среди лотков с апельсинами и финиками, амфорами с вином и оливковым маслом, ковров, смотанных в рулоны, полок с резными изделиями. Вдруг меня остановил крик торговца:

— Грязь, грязь из Мертвого моря! Лучшая в мире грязь!

Рядом с лавкой, в которой продавались пряности, примостилась будка с ярко-оранжевым пологом, шитым золотом по краям. Внутри все полки заставлены глиняными сосудами с густой черной грязью. Зачем ее покупают, удивлялась я, разглядывая искусно разрисованные горшки.

— Вам она пока не нужна, а вот Иродиада не

может обойтись без нее, — услышала я за собой женский голос. — Каждый день она делает грязевые маски и хвастает, что они омолаживают ее. Что за глупость!

К своему удивлению, я увидела рядом с собой Иоанну. Только теперь она выглядела немного стройней.

— Я подумала, — сказала Иоанна, взяв меня за руку, — что сейчас, когда ваш муж заседает в суде, я могу здесь увидеть вас.

Я засмеялась:

— Вот уж с кем я не ожидала встретиться, так это с вами. Я полагала, что вы далеко отсюда. А Мириам тоже здесь?

— Нет, она с Иисусом у друзей в Бетани. Он просил некоторых из нас какое-то время самостоятельно нести людям его слово и показать пример служения ему.

— Вы проделываете свой путь одна?

— Нет, мой спутник — Симон, один из его учеников. — Она кивнула на человека в черном, стоявшего поодаль и пристально смотревшего на меня. Казалось, что его узкое лицо с резкими чертами исказилось от гнева.

— Почему он такой суровый? Какой пример он может показать?

— Он немного не такой, как все остальные, — согласилась Иоанна. — Его называют Симоном Зелотом. Сегодня он грустит о своем друге Варавве.

— Вы не боитесь странствовать с сикарием?

— Он уже не сикарий. И не каждый зелот — сикарий, но, конечно, все они — ревностные служители Яхве. Это и делает их зелотами. Они хотят прежде всего свободы. Чтобы больше не было никаких римских богов, никаких римских налогов.

— Вероятно, в Царстве небесном, о котором вы говорите, это возможно, но в нашем мире — никогда. — Я с тревогой огляделась и с облегчением вздохнула, заметив, что внимание моих телохранителей переключилось на уличную драку. Пилат в одночасье мог бы бросить в тюрьму и Симона, и Иоанну. — Вы счастливы? — спросила я ее. — И скучаете ли вы по Хузе, по вашей прежней жизни?

— Совсем нет, — ответила она. — Каждый день я вижу чудеса. Учитель исцелил слепого и калеку. Однажды он накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами.

Хм. Вера в Исиду исцеляла людей, но что касается другого чуда... Чтобы поверить, я должна

увидеть это сама.

— А как Мириам? — поинтересовалась я, чтобы изменить тему разговора.

— Безмерно счастлива. Она надеется родить ребенка, но повитуха считает, что это маловероятно, учитывая ее прошлое.

Я вспомнила о молодой женщине, которую многие годы назад встретила в Асклепионе. У меня тогда складывалось впечатление, что она отдает себе отчет, чего хочет и чего не хочет.

— А как же Иисус? Он не возражает?

— Отнюдь. Он говорит ей: все дети — это их дети, а также те, что придут следом. Учитель благоволит к Мириам больше, чем ко всем другим. Он доверяет ей свои самые сокровенные мысли. — Иоанна задумалась. — Иногда ей становится грустно.

— Грустно? — удивилась я. Когда мне чего-то очень хотелось, меня одолевало нетерпение. — Она с любимым человеком. Чего же ей грустить?

Симон продолжал зло смотреть на меня. Казалось, он готов в любой момент выхватить кинжал, взять меня в заложницы, потом потребовать выкуп. На сей раз я обрадовалась, что мои охранники, которым я велела держаться в стороне, стали с подозрением присматриваться к

нему и подходить ближе к нам. Я второпях попрощалась с Иоанной, пожелала ей благословения Исиды и пошла дальше.

К тому времени, когда мы добрались до дворца, суд над Вараввой закончился. Как того и следовало ожидать, его признали виновным.

— Что его ждет? — спросила я Пилата.

— То, чего он заслужил, — пожал он плечами.

Для политического преступника существовало лишь одно наказание. Варавва будет распят.

* * *

Мы с Пилатом вернулись к спокойной жизни в Тиверии. Я почти все время занималась Марцеллой, мы катались с ней на лодке по озеру, строили песочные замки на берегу, много читали, и я радовалась ее улыбкам и смеху. Дочь взрослела на моих глазах.

Дни шли за днями, а за ними — недели и месяцы. Я часто вспоминала о Мириам и гадала, увижу ли я ее когда-нибудь снова. «Как ты будешь жить?» — спросила я ее во время нашей последней встречи. «Покинем эту землю с Иисусом», — ответила она. «Детский лепет», — подумала я и так ей сказала. Мириам в ответ просто засмеялась. «Мы будем счастливы тем, что у нас есть»,

— уверенно сказала она. Я почувствовала острую зависть. Быть с любимым человеком — не важно, сколь короткое время...

Однажды утром, оставив Марцеллу с Рахилью, я удалилась в комнату, служившую мне молельной. Солнце катилось к закату, тени становились длиннее. Бросив несколько крупинок ладана в курильницу, я встала на колени перед золотой статуей богини. Я вглядывалась в ее лицо, энергичное, но полное сострадания, и представляла, как она ищет по всему свезу части тела своего любимого Осириса. Я чувствовала испытываемые ею муки и восторг, когда она находила и собирала их воедино. В нем вновь затеплилась жизнь и любовь к ней.

Мать Исида, я больше не могу выносить этого, я должна видеть Голтана!

На следующее утро я сидела в своей ткацкой комнате и смотрела на воду в озере, искрившуюся в лучах солнца.

— Я смотрю, работа продвигается, — сказала Рахиль за моей спиной. Я не слышала, как она вошла. — Марцелле понравится ее новая туника.

Я бросила взгляд на мотки разноцветной шерстяной пряжи — красной, пурпурной, оранжевой, желтой и бледно-розовой — и выбрала из них

последнюю.

— Что ты хочешь? — спросила я Рахиль.

— Только услужить вам, госпожа.

Я подозрительно оглянулась. Рахиль принесла букет цветов и разбирала их на столе подле меня, чтобы поставить в вазу, пряча от меня лицо.

— Прекрати! — приказала я, схватила ее за руку и повернула к себе. — Ну, выкладывай!

Цветы попадали на пол. Рахиль вздохнула.

— Какой-то нищий подошел ко мне на рынке. Он просил передать...

Я уронила челнок.

— Что-то от Голтана? — воскликнула я. — Я так и знала! Это его посыльный. — Спасибо, мать Исида, большое спасибо!

Рахиль задумалась:

— Но, госпожа... Ваш муж любит вас. Марцелла...

— Говори!

— На Кипре должны состояться показательные бои...

— На Кипре! Это совсем недалеко. Когда?

— В начале апреля.

— Прекрасно. Скоро праздник. Еврейская Пасха. Верно? Отовсюду в Иерусалим съедутся тысячи паломников. Несколько сотен легионеров под

командованием Пилата будут обеспечивать порядок. И ему самому станет не до меня.

Рахиль упала передо мной на колени:

— Госпожа, где ваша прозорливость?

Я резко встала.

— При чем здесь моя прозорливость? Я ничего не хочу знать про будущее. Я только хочу быть с Голтаном. Что сказал посыльный?

— Голтан прибудет в Кесарию с Кипра. Он мечтает встретиться с вами там. Он даже просил, чтобы вы взяли с собой Марцеллу. У него есть какой-то план. О, госпожа, не делайте этого, — стала упрашивать Рахиль со слезами на глазах. — У вас чудесная жизнь. Не надо никуда ехать и тем более брать с собой Марцеллу.

Глава 36
Триумф

В тот год дожди в Иудее пошли поздно, и, начавшись, они лили почти не переставая. Чувствуя себя узницей на своей собственной вилле, я прислушивалась к реву ветра и шуму волн на озере. Но потом чудесным образом небо прояснилось. Сады и парки расцветились яркими красками. Скалистые склоны гор, обычно серые и без расти-

тельности, покрылись пестрым ковром цветов. По берегу озера распустились желтые маки, фиолетовые люпины и красные анемоны. Я думала только о том, что передал посыльный Голтана. Неужели он ждет в Кесарии?

— Марцеллу нужно отвезти к морю, — сказала я Пилату за завтраком.

Он посмотрел на меня и поднял бровь. Я узнала это выражение и взяла себя в руки.

— Ты забыла, что послезавтра мы возвращаемся в Иерусалим?

Я скорчила недовольную гримасу, но сказала спокойным тоном:

— Ты знаешь, я ненавижу этот город.

— А ты знаешь, что я должен быть там.

Холодная решимость Пилата привела меня в паническое состояние, которое я старалась не выказывать.

— Мне было бы приятнее и я чувствовала бы себя спокойней, если бы я немного отвлеклась от повседневных дел, — хитрила я. — Мы могли бы вместе доехать до Скитополя, а оттуда мы с Марцеллой можем добраться до моря, провести там несколько дней, а потом приехать к тебе в Иерусалим. Не могу же я всю весну проторчать в этом ужасном городе и не подышать морским

воздухом. Пожалуйста, дорогой! — Я даже попыталась изобразить на губах подобие улыбки.

— Нет, Клавдия, я категорически не согласен.

Мы отправлялись в Иерусалим ясным, безоблачным утром. Меня охватило волнение, когда Марцеллу осторожно сажали в паланкин возле Рахили. В солнечных лучах сверкали золотые фигурки орлов, венчавшие древки штандартов на его углах.

— Я тоже хочу ехать на лошадке рядом с тобой и папой, — упрашивала Марцелла.

— В паланкине тебе будет очень удобно, — сказал Пилат, улыбнувшись дочери. — В следующем году нашей маленькой принцессе исполнится пять лет. И тогда у тебя будет своя лошадка и ты сможешь ехать между нами.

Он отдал честь Марцелле и поскакал во главу колонны.

От его слов у меня по спине побежали мурашки. Где мы будем в следующем году? Чмокнув Марцеллу, я поскакала за ним. Почетный эскорт стоял по стойке «смирно». Верблюды фыркнули, ослы закричали, лошади нервно дернулись. Казалось, все прониклись желанием моего мужа тронуться в путь. Как только я поравнялась с Пилатом, он поднял руку и подал сигнал колонне людей. Она

пришла в движение.

Через несколько часов езды показалось селение Скитополь. Я почувствовала холодок в животе, когда мы подъехали к развилке; направо — Иерусалим, налево — к морю. Повернувшись к Пилату, я как бы между прочим сказала;

— Мне все-таки хочется в Кесарию.

— Хватит об этом. Ты едешь со мной. Ты же знаешь, будет целая морока перегруппировывать колонну и перераспределять вещи.

— Ничего этого не нужно. Все принадлежности Марцеллы находятся вместе с ней в паланкине. И кроме того, в Кесарии у нее целый дворец игрушек и одежды. — Зачем Пилат все усложняет? — Меня не будет всего несколько дней, — упорно стояла я на своем.

— Нет! Я хочу, чтобы вы с Марцеллой находились со мной. — Он неожиданно подал сигнал, и колонна остановилась. — Мы здесь сделаем привал и перекусим.

Пилат показал на зеленый холм в стороне от дороги. Слуги быстро расстелили наверху коврики. Вскоре в воздухе стал витать аппетитный запах жарившегося мяса. Я прилегла на подушки из яркой ткани между Пилатом и Марцеллой. На холмах вокруг нас цвели фиолетовые гиацинты

и ирисы, желтые нарциссы и белоснежные цветы в форме звездочек. Я сорвала темно-зеленый чертополох. Крохотный цветок в центре краснел как капля крови. Я отбросила его в сторону.

Марцелла приподнялась, закрыв рукой глаза от солнца.

— Кто эти люди, папа? — спросила она.

Я посмотрела, куда она показывала пальцем, и увидела небольшую группу паломников на дороге у подножия холма. Жители Скитополя — многие с пальмовыми ветками — выбежали встречать их. Некоторые кричали странникам: «Осанна!»[18]

Пилат снисходительно улыбнулся:

— Триумфальным шествием это не назовешь.

— В привычном для нас, римлян, смысле, но, вероятно, для них это триумф, — сказала я. — Во всяком случае, паломники едут верхом, они не в лохмотьях, и их ослы не тощие.

Марцелла наклонилась вперед:

— А что они говорят?

Я внимательно прислушалась.

— Вроде бы: «Благословен тот, кто идет во имя

---

[18] Примечания: 18

Осанна! — по-гречески «хосанна», транслитерация арамейского слова «хошар'на», которое означает радостное восклицание «Спаси сейчас!» или «Спаси, охрани!».

Господа».

Пилат нахмурился:

— Какого Господа? О ком они говорят?

Я пожала плечами. Мыслями я вернулась к Голтану. Что мне делать?

— Очевидно, о ком-то не очень значительном, — уклончиво ответила я. — О ком-то, кого мы не знаем. — Я рассеянно следила глазами за вереницей паломников. Вдруг я заметила знакомое лицо. Мириам! Мириам и Иисус! Куда они идут?

Пилат с любопытством посмотрел на меня:

— Тебе знаком кто-то из этих людей?

— Та красивая рыжеволосая женщина, которая едет рядом с мужчиной в белом.

— Да, действительно красивая женщина, — согласился Пилат. — Я тоже знаю ее. Она — одна из преуспевающих куртизанок в Риме.

— Уже нет, — уточнила я.

— Откуда тебе известно? — удивился он. — И вообще, откуда ты ее знаешь?

И тут до меня дошло, что я проговорилась.

— Ливия познакомила нас. А потом я ее встретила случайно на рынке. Похоже, что любовь преобразила ее.

В этот момент Мириам наклонилась к Иисусу и что-то прошептала ему на ухо. Он запрокинул

голову и разразился смехом. Так он смеялся на свадьбе, а потом это странное видение. Что оно значило? Какой страшный удар судьбы подстерегает их?

— Что случилось? — изумился Пилат. — Ты чем-то встревожена?

Конечно, это плод моей фантазии. Что, мне без этого не хватает проблем? И что я могла поделать? С наигранным безразличием я пожала плечами:

— Мириам считает его мессией.

Пилат нахмурился:

— Еще один.

— Он проповедует только мир и совершает чудеса, — поспешила я успокоить Пилата, вспомнив слова Иоанны и случай с вином на свадьбе. — Мириам говорит, это замечательный человек. Может быть, она и права.

Пилат не спускал с меня глаз.

— Неужели? Тогда скажи мне, Клавдия, что значит чудо в твоем представлении. Что я должен сделать такое, чтобы ты сказала то же самое и смотрела на меня, как Мириам смотрит на того человека?

— Это совсем несложно. — Мне удалось говорить спокойно и непринужденно. — Например, разрешить мне провести день-другой в Кесарии.

— Но до нее почти целый день пути.

— Ну и что? Днем больше, днем меньше — какая разница? Хоть раз сделать по-моему — разве это не чудо?

Пилат задумался, нахмурив темные брови.

— Так и быть, — нехотя произнес он. — Можешь провести несколько дней на море, но Марцелла останется со мной.

— Как это? — воскликнула я. — Она должна быть со мной.

— Она будет под присмотром Рахили и няни.

— Я не могу ехать без нее.

— Очень даже можешь. Ты сказала, на день-другой. Вот и поезжай. Я отправлю с тобой охрану. И мы снова скоро, очень скоро опять соберемся все вместе. Ты, я и Марцелла в Иерусалиме. Без нее ты там не задержишься.

До Кесарии пришлось добираться долго, и все же, когда я наконец прибыла в тот вечер во дворец, мысли о Голтане не давали мне заснуть. Мимо дворца наместника пройти невозможно. Голтан найдет его и быстро узнает, что я здесь. Вспомнив, к каким хитростям он прибегал, чтобы организовать наши тайные встречи, я была уверена, что он придумает, как проникнуть ко мне. Но он не появлялся. Прошло два дня, но

от него я не получила никаких вестей. Где он? Что стряслось? Разыскивать его рискованно, но сколько еще мне ждать? Я уже не могла выносить напряжения и неопределенности. Прежде всего нужно будет все разузнать на пристани. Наверняка, рассуждала я, хоть кто-то там слышал о гладиаторских боях на Кипре и, может быть, даже знает, где находится Голтан.

Паланкин Пилата находился в моем распоряжении и стоял у входа во дворец. С атласными пологами и позолоченный, он производил внушительное впечатление. Личный штандарт Пилата, который держал в руках дюжий солдат, развевался на ветру. Я расправила плечи и вошла внутрь.

Избавиться от своей охраны — шестерых солдат — я не могла никак. Пилат приказал им следовать за мной повсюду. И что бы я ни сказала, они будут выполнять отданный им приказ. Голтан уж точно сообразил бы, как их нейтрализовать. Между тем мое желание побывать на пристани не могло показаться чем-то неожиданным. Каждый день в порту швартовались корабли, на которых доставлялись послания и государственные документы для Пилата. Я часто приходила сюда с Марцеллой, чтобы показать ей, как разгружаются суда. Ино-

гда у кого-нибудь из многочисленных торговцев, заполонивших пирс, мы покупали зеленые фиги или розовые ломтики дыни. Мы со страхом смотрели, как сидевший со скрещенными ногами на коврике заклинатель змей играл на дудочке, а вокруг его плеч извивалась одна змея, а другая, раскачиваясь из стороны в сторону, поднималась из корзины. Я уже начала скучать по Марцелле. Голтан вернет ее мне, убеждала я себя, он все может.

Тела рабов лоснились от пота, когда паланкин наконец остановился перед большим торговым судном. Оно одиноко стояло у причала, защищенного со стороны моря молом, сложенным в форме полумесяца из массивных каменных глыб. К своему удивлению, я обнаружила, что причал безлюден. Куда подевался заклинатель змей? Исчезли даже попрошайки. Пассажиры, спешившие сойти на берег, сталкивались на сходнях с моряками, разгружавшими судно. Некоторые из них словно обезумели, а другие... Что там происходит?

Солдаты, сопровождавшие меня, взволнованно переговаривались между собой. Дав им знак оставаться на причале, я приподняла подол хитона и стала проталкиваться на сходни. На палубе

творилась полная неразбериха. В невообразимой толчее молодой офицер безуспешно пытался навести порядок. Я с трудом пробилась к офицеру.

— Сколько же народу, — сказала я ему, сочувственно улыбнувшись.

— Да, госпожа. На Кипре судно буквально брали приступом. Предлагали любые деньги. Боюсь, слишком дорого пришлось заплатить нашему капитану.

У меня сжалось сердце:

— Почему? Что случилось? Некоторые будто...

Я осеклась на полуслове, потому что в этот момент я увидела знакомое лицо — Юлиана, раба и телохранителя Голтана. Он и еще один человек несли большой дорожный сундук.

Я бросилась к Юлиану и выкрикнула:

— Где Голтан?

— Он внизу. Постойте, госпожа, не ходите туда! — попытался он остановить меня, когда я мимо него устремилась к трапу.

Офицер остановил меня, грубо схватив за руку:

— Уходите с этого проклятого корабля, пока не поздно.

Я толкнула его со всей силы. От неожиданности он отпустил мою руку, и я побежала к трапу.

Внизу узкий проход был забит людьми, кото-

рые тащили свой багаж, толкая друг друга, чтобы добраться до трапа. Какой смысл осторожничать в этой обстановке?

— Где гладиатор Голтан? — крикнула я.

Никто даже не обратил на меня внимания. Пассажиры и матросы метались, охваченные паникой. В трюме стоял отвратительный запах рвоты и чего-то еще.

Закрыв нос шарфом, я пробивалась вперед, продолжая звать Голтана.

Наконец я услышала его голос позади себя:

— Я здесь, Клавдия.

Я обернулась и увидела его в конце прохода. Распихивая всех подряд, он проталкивался в мою сторону. Я последовала его примеру и, работая локтями и плечами, стала двигаться ему навстречу. Наконец прямо в толпе я сжала его в объятиях.

— Зачем ты здесь, в этом аду? — крикнул он и оттолкнул меня.

Я с удивлением посмотрела на него. Неужели Голтану невдомек, через что я прошла, как рисковала? Но потом, пробежав глазами по его лицу, я заметила, какой он бледный и уставший. Мне захотелось обхватить его руками и поцелуями снять с него усталость.

— Я пришла, чтобы встретиться с тобой. Ты не рад, дорогой? Разве ты не хотел этого, разве мы не хотели этого? Ты просил меня — вот я и пришла, как только смогла. Я все это время с нетерпением ждала от тебя вестей.

— Тебе не надо было приходить сюда. Уходи, уходи немедленно, — сказал он и снова оттолкнул меня.

— Уйти? Твой посыльный сказал Рахили, что у тебя есть план. Что бы ты ни замыслил, я исполню, повсюду пойду за тобой, пока мы вместе.

— Да, у меня был план... У меня есть план. — Голтан говорил медленно, с расстановкой. — Но сейчас... Сейчас я хочу, чтобы ты забрала Марцеллу и уехала из Кесарии как можно скорее.

У меня задрожали губы и пересохло в горле.

— Мне пришлось оставить Марцеллу с Пилатом. Мы должны забрать ее. Ты придумаешь что-нибудь? — Я с надеждой посмотрела на него.

Голтан с облегчением вздохнул:

— Марцелла в Иерусалиме? Благодари свою богиню за это. Возвращайся к ней. — Он продолжал держать меня вытянутой рукой.

— Ни за что! — запротестовала я, пытаясь высвободиться. — Я никуда не поеду без тебя. Неужели ты думаешь, что я вот так оставлю тебя

сейчас, после того как всем рисковала?

Голтан оперся на дверную раму.

— Тогда жди меня во дворце. — Он отпустил меня и провел рукой по волосам. — Я пришлю за тобой немного позднее. А сейчас уходи. — Он снова подтолкнул меня, покачнувшись, словно пьяный.

Страх охватил меня, я старалась взять себя в руки. Я опять приблизилась к Голтану и дотронулась до его влажной щеки.

— На корабле чума, и ты заразился. Не так ли?

Он нетвердо стоял на ногах.

— Фортуна сыграла с нами злую шутку.

Я обхватила его руками.

— С каких это пор ты так легко стал сдаваться?

— На моих глазах люди умирали.

— Ты не умрешь! Я не допущу этого. — Я посмотрела на любимое лицо и увидела затаившуюся смерть. «Нет, ты не заберешь его! Я буду биться с тобой до последнего. Ты не отнимешь у меня Голтана!»

Глава 37

Просьба Голтана

Я сидела и смотрела на море. День становился все жарче. Некоторое облегчение приносил ветерок, дувший с моря. Ну где же врач? Почему он не идет? Я чуть не сломала мозги, пытаясь вспомнить, чему я научилась много лет назад в храме Исиды. Травы, которыми я в детстве лечила Марцеллу от лихорадки, оказались бесполезными. Организм Голтана не принимал страстоцвет и матрикарию. Успокаивающая валериана не давала результата. От горчичников у него поднималась температура. Ничто не действовало. «Мать Исида, спаси его! Не дай ему умереть! Не отнимай его у меня сейчас!»

Голтан беспокойно зашевелился на кушетке, рядом с которой я сидела.

— Где я? — спросил он, пробуждаясь ото сна. Он еле ворочал языком. Нахмурившись, когда его блуждающий взгляд остановился на мне, он закричал: — Я же сказал, чтобы ты уходила отсюда!

— Ты в надежном месте. Доверься мне, любимый. Я сделаю все, что нужно. Тебе будет лучше. Я обещаю.

— Клавдия, пожалуйста. Пока не поздно, спасай

свою жизнь. Уходи. Немедленно. Оставь меня.

Я ничего ему не ответила, и Голтан понизил голос и сказал четко и осмысленно:

— Завтра я умру. Если ты останешься, то тоже умрешь.

Он попытался сесть и чуть не свалился с кушетки. Я успела удержать его и уложила на подушки. Все-таки сейчас у меня сил было больше, чем у него.

— Где я? — снова спросил он. — Это твой дворец? Зачем ты велела принести меня сюда?

Я никогда раньше не замечала страха в глазах Голтана. Сейчас он боялся за меня.

— Нет, дорогой мой, — успокоила я его. — Мы в небольшой гостинице. Мои телохранители принесли тебя сюда. Это спокойное место на окраине города. У нас есть все необходимое. — Я положила влажное полотенце ему на лоб. — Тебе нужен покой. Ты скоро поправишься.

Голтан вздохнул:

— Клавдия, дорогая моя Клавдия. Если ты не заразишься чумой, то заразится Пилат. Что ты сказала его солдатам обо мне?

— Что ты был дружен с моим отцом, когда служил в армии. Можешь благодарить Исиду, что они помогли мне. Когда твои рабы вместе

со мной пытались вынести тебя с корабля, на сходнях нам преградила путь стража. Никому не разрешили сойти на берег. Если бы не моя вооруженная охрана, мы там так и остались бы. После того как солдаты принесли тебя сюда, я отослала их обратно во дворец.

— Они расскажут...

— А что мне оставалось делать? — Я пожала плечами. — Пилат, наверное, занят по горло обеспечением порядка в городе, и ему не до меня. Тысячи паломников стекаются в Иерусалим на праздник.

На губах Голтана появилась едва заметная улыбка,

— Я чувствую себя в два раза старше и вполне могу сойти за друга твоего отца. Как только у них не возникли подозрения? Я ничего не помню.

— Ты был без сознания, — утешала я его, словно это была Марцелла. — Я сказала им, что тебе пришлось много выпить. Хозяину гостиницы я дала золотую монету, чтобы он держал язык за зубами.

— А где Юлиан? — спросил Голтан почти шепотом.

Я видела, что он устал говорить.

— Юлиан внизу. Он занимается приготовле-

нием пищи и достает чистую питьевую воду. А другой — Аякс — стоит у входа и охраняет нас.

Голтан взял мою руку и сжал ее.

— Клавдия, ты... сделала все... правильно. Я люблю тебя. Если ты... любишь меня... уходи. Дай мне... Уходи, пока...

Его рука ослабла. Я не могла разобрать, что он пытается сказать, и не могла понять, в сознании ли он. Голтан неподвижно лежал с полуоткрытыми глазами, казалось, он не воспринимает действительности. Потом он вдруг резко приподнялся на кушетке, и его стошнило на пол. Его рвало так сильно, что, казалось, вывернет наизнанку. Меня охватил страх и отвращение. Что мне делать? Что я могла сделать?

Я услышала за собой звук открываемой двери и обернулась. На пороге стоял Юлиан с подносом в руках. Из кожаного кошелька на поясе я достала золотые монеты:

— Я тебе даю половину. Остальное ты получишь, когда найдешь врача и приведешь его сюда. И вот еще. — Я взяла рубиновый амулет, который Голтан носил на шее. — Ты знаешь цену ему. Он будет твой, если ты останешься с нами, пока господин не поправится.

Юлиан с решительным видом покачал головой.

Высокий, длинноногий, он несколькими шагами пересек комнату.

— Уберите это. Господин не раз спасал мне жизнь. Я никогда не оставлю его. Кипрский царь дал в награду ему этот рубин всего три дня назад. Голтан хотел подарить его вам.

— Да благословит тебя Исида, — пробормотала я, и слезы благодарности потекли у меня из глаз. Я взяла поднос из рук Юлиана и поставила его на стол. — Ступай и не задерживайся. Разыщи доктора и приведи его сюда.

Потом я намочила свой шарф в тазу с водой, стоявшем на столе, отжала его и протерла лицо Голтана.

Прошло несколько часов, солнце клонилось к горизонту. Я ухаживала за Голтаном — поддерживала его, подносила таз — и с ужасом, жалостью и отчаянием смотрела, как его рвало снова и снова. Его губы потрескались, щеки ввалились. Ни одна капля воды не задерживалась в его организме. Несмотря на стоявшую жару, его трясло от холода.

Уже смеркалось, когда на пороге появился высокий темнокожий эфиоп в голубой тунике, стройный как тростинка. Он, не торопясь, вошел в комнату, остановился поодаль от кровати и поднес платок к носу.

— Он был на судне, которое прибыло с Кипра?

— Да, — кивнула я. — Что с ним?

— Заморская чума, которая унесла уже сотни жизней. Люди умирают быстро. Скорее всего это — благо.

У меня внутри все похолодело.

— Я заплачу сколько хочешь. — Я потянулась к кошельку.

— Деньги здесь не помогут. Перед такой болезнью господа бессильны, как и мы, рабы.

У меня сердце оборвалось. Я так долго ждала этого человека, надеясь, что он сотворит чудо.

— Ты всего лишь раб?

— Да, мой господин берет с меня деньги.

— Но ты что-нибудь понимаешь в медицине?

Он гордо поднял подбородок.

— Я был врачом до того, как попал в рабство. Плата за консультацию — пятьдесят сестерциев.

Я вынула монеты из кошелька и дала ему.

— Вылечи его! Пока мы тебя ждали, он совсем ослаб. Он будет жить?

Лекарь-раб пожал плечами.

— Госпожа просит о невозможном. Немногие остаются в живых, большинство умирают. Все в руках богов.

— Но ты можешь что-то сделать?

— Чем вы его кормили?

— Я дала ему бульон, но его вытошнило. Его мучает жажда, но все тут же выходит обратно.

— Дайте ему капусты. Если он не сможет проглотить ее, пусть выпьет мочу того, кто ел капусту. — Он развел руками, когда я недоверчиво посмотрела на него. — Говорят, это очень помогает.

— А что еще?

— Попробуйте это. — Он достал небольшой пакет из сумки: — Это сушеная шандра. Насыпьте ее в вино, и пусть он его выпьет. Укройте его теплее. Это все, что я могу вам посоветовать, кроме того, что вы тоже должны беречь силы. Все, кто приплыл на том судне, заразились. Большинство уже умерли, и болезнь распространилась по городу.

— Что вызывает ее? — спросила я, провожая его до двери.

— Кто знает? - Лекарь-раб снова пожал плечами. — Мой господин-еврей говорит, это Яхве наказывает нас за грехи.

— Что же это за бог такой! Какие еще грехи? Голтан только и делал-то, что сражался, чтобы остаться в живых. Впрочем, как и мы все.

Я бросилась к Голтану, его снова начало тошнить. Когда я оглянулась, врач уже ушел.

— Задерни занавески, разожги огонь, — сказала

я Юлиану, вставшему на колени перед кушеткой. — Потом скажи на кухне, чтобы сварили капусту. Принеси вина. Врач сказал, что некоторые выживают. Голтан — боец, ему должно повезти.

Вскоре по лицу Голтана потек пот. Простыни под ним промокли. Я накрыла его толстым одеялом. Юлиан вернулся с капустным отваром и вином. Я отослала его назад, чтобы он принес мне какую-нибудь еду. Я собрала с шеи влажные волосы и заколола их на голове, потом налила в чашку отвара и стала капать его на потрескавшиеся губы Голтана.

Прошли часы. Я на секунду выглянула в окно и увидела черное небо. Когда я обернулась, Голтан лежал на спине с открытыми, но невидящими глазами. Я упала ему на грудь и вцепилась в его плечи, все еще широкие и мощные.

— Голтан, Голтан! Я не отпущу тебя.

Я рыдала, прижимаясь к нему, истерически выкрикивала проклятия и нежные слова.

— Клавдия! — Голтан запустил пальцы в мои волосы и потянул мою голову назад.

Страх и стыд охватили меня. Я вытерла слезы. Какие ужасные слова слетали с моих губ!

— Все кончено, — еле слышно произнес он. — Я должен был тебя увидеть, Клавдия. В следующий

раз... где-нибудь еще... мы будем вместе. — Он устало закрыл глаза.

Его дыхание стало неглубоким, я едва слышала его. Я прижалась ухом к его груди.

— Любимый мой, не покидай меня!

Рыдания душили меня. И вдруг с умопомрачительной ясностью ко мне вернулось давнее видение. Почему я пренебрегла им? Моя вина в том, что Голтан приплыл в Кесарию, моя вина в том, что он умирает.

— Пожалуйста, не уходи, — умоляла я, но его глаза оставались закрытыми. Потом я соскользнула на пол, голова оставалась на кушетке, а одной рукой я продолжала держать руку Голтана.

— Госпожа!

Я вздрогнула. Неужели я задремала? Не может быть! Я вскочила на ноги и наклонилась над кушеткой. Юлиан осторожно взял меня за локоть и сказал:

— Господин умер.

Нет! — закричала я. — Он не может умереть!

Я провела пальцами по рыжеватым волосам Голтана, по его лицу. Я поцеловала его в губы, пытаясь уловить его дыхание, вдохнуть в него жизнь. Осталось ли что-нибудь от Голтана? Какие холодные у него губы.

— Он умер, когда я спала, — зарыдала я. — В одиночестве. Как я могла допустить это? Как я могла заснуть, когда он так страдал когда больше всего нуждался во мне?

— Вы находились при нем, госпожа. Он знал это. Если бы вы были вместе с нами на корабле, вы бы видели, как умирали и слабые, и сильные. Вы не отходили от него. Никто уже ничего не мог поделать. А сейчас вы должны уйти, как он того хотел.

— Уйти? — как в бреду повторила я.

— Аякс проводит вас до дворца. Я позабочусь здесь обо всем. Вы должны идти. Чем скорее вы вернетесь в Иерусалим, тем лучше. Этого хотел господин.

— Да, наверное. — Я вложила рубин в свой кошелек и отдала его Юлиану. — Голтан также хотел бы, чтобы ты и Аякс получили свободу и начали новую жизнь. Это будет вам подспорьем.

— Вы забыли? — спросил Юлиан. Когда я молча посмотрела на него, он дал мне монету: — Для Харона.

Я кивнула в знак благодарности и положила монету Голтану под язык. Конечно, плата должна быть наготове. Иначе лодочник не перевезет его через Стикс. Если бы я могла отправиться с ним в

подземное царство... Я еще раз провела пальцами по липу моего возлюбленного. Потом повернулась и вышла в дверь, которую Юлиан открыл мне. С кухни доносились голоса и смех ребенка. После тяжелой атмосферы и удушливого запаха в комнате я вдохнула свежий утренний воздух, вдруг осознав, что ничто и никогда уже не будет таким, как раньше.

Носильщики быстро несли мой занавешенный паланкин, и стук их шагов по каменной мостовой зловещим эхом разносился в тишине обезлюдевших улиц. У меня по спине пробежал холодок. Я осторожно отодвинула занавеску и удивилась, как быстро чума изменила все в Кесарии. С улиц исчезли торговцы. Не стало даже нищих. Лавки закрыты. Там, где всегда толпился народ, теперь попадались одинокие, спешившие куда-то прохожие, которые избегали встречаться взглядами друг с другом.

По пустынным улицам мы быстро добрались до дворца. Его ворота были закрыты и заперты изнутри. Такого раньше я никогда не видела. Даже в отсутствие Пилата во дворе постоянно вертелись нетерпеливые, суматошные просители, стремившиеся попасть к любому мелкому чиновнику, готовому выслушать их жалобы и просьбы.

Аякс и носильщики кулаками барабанили в ворота, громко кричали, чтобы нас впустили, пока наконец не приоткрылась массивная дверь из кедрового дерева и не выглянул стражник.

— Это так вы встречаете свою госпожу? — возмутился Аякс.

Дверь медленно распахнулась, и появилась знакомая фигура: кожаный панцирь с металлическими пластинками на нем, шерстяной плащ кроваво-красного цвета. Я кивнула Гавию, капитану дворцовой охраны. Он приветствовал меня почтительным поклоном, по-военному четким, но его взгляд несколько дольше обычного задержался на моем лице.

Неужели я так плохо выгляжу? Неужели мое душевное состояние отразилось на лице?

— Заплати этим людям, — распорядилась я.

Гавий вышел из двери, небрежно бросил несколько монет носильщикам, которые стали подбирать их с земли, и вернулся назад.

— Спасибо, Аякс. — Я взяла мозолистую руку раба, глядя ему в глаза. — Ты можешь идти и не теряй зря времени.

— Вы тоже, госпожа. Уезжайте из этого проклятого города.

Я пожала Аяксу руку и ушла во дворец. Мои

ноги словно налились свинцом, когда я поднималась по лестнице в свои покои. Как много ступеней!

В дверях появилась молодая рабыня Леа:

— Госпоже нездоровится?

Я увидела страх в ее глазах.

— Нет. Я не больна, просто устала, — торопливо объяснила я. — На банкете пришлось выпить много вина. Помоги мне раздеться, я хочу отдохнуть.

Я стояла как изваяние, когда Леа снимала с меня одежду. С моря доносился шум прибоя, бьющегося о скалы. Я чуть ли не падала от усталости. Мне казалось, что я нахожусь в центре вихря, мозаичный пол уходил из-под ног, зелено-голубые фрески на стене поплыли перед глазами.

— Можешь идти, — сказала я рабыне. — Я тебя позову, если мне что-нибудь понадобится.

Как только она ушла, я упала на кушетку. Тело содрогалось от горьких рыданий. Как Фортуна могла проявить такую жестокость? Как можно было ввергать Голтана в схватку, в которой его сила, мужество и мастерство не имели никакого значения?

— Почему, Голтан, почему? — стонала я снова и снова, пока в конце концов не впала в глубо-

кий сон.

Когда я открыла глаза, Голтан стоял рядом со мной, не изнуренный болезнью, не беспомощный, каким я его видела последний раз, а полный жизненных сил и решительный, каким я его знала и любила.

— Драгоценный мой! Ты пришел за мной, — воскликнула я и радостно протянула к нему руки.

Голтан покачал головой, оставаясь вне моей досягаемости.

— Пожалуйста, не оставляй меня снова, — взмолилась я. Слезы текли ручьем по моим щекам. Я все пыталась дотянуться до него, но он постепенно исчез. — Возьми меня с собой!

Через мгновение рядом со мной оказалась Леа. Я с недоумением уставилась на нее:

— Где тот человек, что был здесь?

— Госпоже, наверное, что-то приснилось.

— Я видела его как наяву.

— Кошмарные сны часто кажутся реальностью, — сказала Леа и вытерла слезы с моего лица. — Госпожа желает, чтобы я осталась с ней?

— Нет, спасибо. В этом сне нечего было бояться. Пожалуйста, уходи. Я снова хочу заснуть.

Я закрыла глаза, желая умереть. Голтан ждал меня так близко, что я могла почти дотронуться до

него. Другие тоже тянули ко мне руки. Германии в сверкающих доспехах, высокий и красивый. Моя радостно смеющаяся сестра. На равных в любви, мы можем многим поделиться. Здесь же со мной моя мама, рассудительная и душевная, а рядом с ней отец с гордой улыбкой на устах. Сколько времени прошло с тех пор, как я чувствовала себя в безопасности, когда ты обнимал меня! Как я скучаю по тебе! По всем милым моему сердцу людям, которых я потеряла. Вы совсем близко. Голтан, любимый мой, я иду... Откуда-то издалека слышатся рыдания. Здесь так хорошо, мягкие сумерки, мои любимые, которые ждут, чтобы взять меня в дом. Зачем кому-то плакать? Рыдания, снова рыдания. Кто это может быть?

И потом мне стало все ясно.

Эхом по комнате разнесся голос, сильный и отчетливый: «Нет, Клавдия, ты сейчас не умрешь. Твои дни на этой земле еще далеко не сочтены. Возвращайся в Иерусалим. Не задерживайся».

Это голос Исиды. Я знаю. Я также знаю, что это она послала мне образ Марцеллы, плоть от плоти моей, еще такой маленькой, но такой дорогой, рыдающей, словно ее сердце разрывается на части.

Я открываю глаза. Вокруг меня темнота. Я уга-

дываю, что надо мной склонилась Леа.

— Похоже, вам гораздо лучше, госпожа. Вы, вероятно, очень устали на банкете.

Я удивилась, а потом вспомнила:

— Ну конечно. Столько пришлось выпить вина. Сейчас я чувствую себя лучше, намного лучше. Пожалуйста, принеси мне Фруктов и воды.

— Что-нибудь еще, госпожа?

— Скажи Гавию, чтобы он дал мне небольшую охрану, и пусть заложат лошадей. Завтра на рассвете мы отправляемся в Иерусалим.

Глава 38
Мое видение

Стояла глубокая ночь, когда мы подъехали к дворцу и перед нами раскрыли ворота. Уставшая до изнеможения, я про себя молилась Исиде: «Всемогущая богиня, дай мне силы до конца вынести удар судьбы». Сделав глубокий вздох, я въехала во двор, освещенный факелами. Подбежали рабы, чтобы помочь мне. В накидке поверх ночной туники меня вышла встречать Рахиль.

— Я смотрела с балкона, не едете ли вы, — взволнованно сказала она. — И молилась, чтобы с вами ничего не случилось.

Рабы поддержали меня, когда я буквально сползала с лошади. Встав на землю, я чуть ли не повисла на сильных руках Рахили.

— Голтан умер, — выдавила я из себя. Слезы душили меня. Я сдерживала их всю дальнюю дорогу.

— Госпожа! — Она прижала меня к себе и тихо спросила: — Господин что-нибудь знает?

Я покачала головой:

— Голтан умер от чумы.

— От чумы... Даже он. Вы сами не больны?

Я заметила страх в ее глазах и отстранилась.

— Я здорова. Только зачем мне это, когда Голтана больше нет? Я хочу видеть Марцеллу.

— Госпожа, это не опасно? Ведь чума...

Я чудовищно устала и поэтому с раздражением ответила:

— Ты думаешь, я бы вернулась, если бы у меня было хоть малейшее подозрение? — Но, увидев, с каким выражением на лице Рахиль смотрела на меня, я смягчилась. — Исида уберегла меня по только ей известной причине. Она послала меня домой к Марцелле.

Мы вошли во дворец, наполненный зловещей предрассветной тишиной.

— У меня сердце разрывалось на части оттого,

что Марцелла почти не переставая плакала без вас, — сказала Рахиль, когда мы подходили к детской. — Господин успокаивал ее, говорил, что вы скоро вернетесь. Я не очень в это верила.

«Ребенок здоров», — обрадовалась я, увидев розовые пухлые щеки дочери. Она шевельнулась и открыла глаза.

— Мама! — негромко проговорила она хрипловатым ото сна голосом. Мне хотелось броситься к ней, схватить на руки, но я остановила свой порыв. Завтра...

— Да, мама вернулась, — успокоила я ее. — Спи, моя любимая.

Ее протянутые ко мне руки медленно опустились, и она опять заснула.

Мы вышли из детской, и я спросила Рахиль о Пилате.

— Ирод Антипа прибыл в Иерусалим на Пасху. Господин отправился к нему во дворец.

Интересно, что можно так долго обсуждать? Друзьями их не назовешь. Под внешней учтивостью скрывалась взаимная подозрительность и неприязнь друг к другу. Пилат презирал Ирода, однако его настораживала благосклонность, с которой Рим относился к иудейскому тетрар-

ху[19]. Последний мечтал лишь о том, чтобы мой муж убрался из Иудеи и чтобы самому править в стране без римлян, как его отец.

— Думаю, что речь идет о чем-то достаточно серьезном, если они не расходятся всю ночь, — сказала я, когда мы вошли в мою комнату. — Что мне говорить Пилату, если он будет задавать вопросы? У меня никого не осталось, кроме Марцеллы. Вдруг он узнает про Голтана? Может, он прогонит меня? — Я устало опустилась на кушетку. — Я не готова видеться с Пилатом. У меня просто нет сил для этого. Дороги забиты паломниками. Их тысячи. Ты не представляешь, какая пылища, какой гвалт. Это просто кошмар! Сначала я должна отдохнуть.

Рахиль нахмурилась, расстегивая мне сандалии.

— Сейчас все взволнованны. Столько событий произошло.

— Пожалуйста, только не теперь. Слухи могут подождать. Я безумно хочу спать.

— Это не слухи. Вчера мы получили известие из Рима, что господина Сеяна казнили. Все об этом только и говорят. Гадают, что будет дальше. Кто

---

[19] Примечания: 19

Тетрарх *(греч.)* — правитель тетрархии — четвертой части области или страны.

будет следующим.

— Не может быть! — воскликнула я. Усталость как рукой сняло. — Второй человек в Риме, в мире! Тиберий души в нем не чает.

— Это все в прошлом, — начала объяснять Рахиль, понизив голос. — Завистливые придворные обвинили Сеяна в измене. Правда ли это или небылицы, не знаю, но только император поверил и приказал уничтожить всю его семью.

Меня словно громом ударило.

— Что? Их всех? Даже малолетнюю Присциллу? Эту девочку с веселой улыбкой и вьющимися волосами? По закону запрещено казнить девственниц, — заметила я Рахили.

— Она уже не была девственницей, когда стражники разделались с ней.

У меня подкосились ноги, и я так и села на кушетку. Сеян — милейший человек, по крайней мере ко мне он относился с искренней симпатией. Я вспомнила и его жену Апикату, добродушную насмешницу и болтушку. Сердечные друзья, которых я потеряла навеки.

— Никаких сил не хватит, чтобы все это пережить, — сокрушенно покачала я головой.

— Лучше побеспокойтесь о себе и своем муже, — посоветовала Рахиль. — Император наверняка

знает, что наш господин был человеком Сеяна.

Меня бросило в дрожь. Бедный Пилат, будто ему не о чем больше беспокоиться. О Исида! Что, если бы так поступили с нашей дорогой дочерью? Нет, не надо думать об этом.

Рахиль показала знаком, чтобы мне приготовили ванну.

— Тем, что произошло с господином Сеяном, не исчерпываются новости за время вашего отсутствия.

— Пожалуйста, избавь меня.

Я заметила тревогу на лице Рахили.

— Это касается госпожи Мириам.

Я затаила дыхание.

— Ладно, говори.

— Она вечером трижды приходила во дворец и спрашивала вас. Когда она появилась в последний раз, у нее слезы лились ручьем.

— Странно. — Мне не хотелось даже думать, что это могло значить. Но почему-то мне стало страшно. — Что Мириам хотела от меня? — выразила я вслух свое удивление. — Почти неделю назад я видела, как она ехала с Иисусом по иерусалимской дороге. По ее виду я бы сказала, что это самая счастливая женщина на свете.

— Тогда сейчас вы ее не узнали бы, — с грустью

сказала Рахиль; — Иисуса арестовали. Это все козни Каиафы, — продолжала рассказывать она, снимая с меня одежду. — Он и другие первосвященники решили избавиться от Иисуса.

Вздохнув, я опустилась в ванну. Теплая вода с ароматическими маслами, казалось, проникала во все поры.

— Какой в этом смысл? — удивилась я. — Зачем этим всесильным священникам придавать какое-то значение Иисусу? Он всего лишь странствующий раввин, у которого ничего нет и которому ничего не нужно.

— Я не знаю, — пожала плечами Рахиль. — Иисуса трудно понять. Люди сердятся на него, потому что он сбивает их с толку. Не успел он войти в Иерусалим, как фарисеи и иродиане стали допытываться у него: «Правильно ли платить налоги кесарю или нет?»

— О Исида! На этот вопрос нет верного ответа.

— Действительно, нет, — согласилась Рахиль. — Они хотели подловить Иисуса на слове.

— Все ясно. Если он скажет «да», то потеряет таких зелотов, как Симон и Иуда, которые верили, что он рожден для борьбы за их дело. А если он скажет «нет», то Пилат может арестовать его. Я думаю, именно поэтому он и оказался в тюрьме.

— Нет, Иисус поступил умнее. Он попросил монету, и ему дали динарий. Держа ее вверх стороной с изображением Тиберия, он сказал: «Отдайте кесарю кесарево». Потом, повернув ее другой стороной, он сказал им: «Отдайте Богу Богово».

Я приподнялась в ванне, почувствовав себя немного лучше.

— Замечательно! — воскликнула я. — Это так похоже на него. Заплатите налоги. Они ничего не значат. А его царство, царство любви и равенства, — не от мира сего.

— Замечательно, но не с точки зрения зелота,— поправила меня Рахиль. — Иисус сделал все, что они от него ожидали, исполнил каждое из древних пророчеств, даже вошел в Иерусалим как истинный мессия, каким они его считали. Но потом, когда предводители зелотов позвали его вести их на битву, он осудил их дело перед половиной города.

О Исида! Если зелоты отринут Иисуса как мессию, воспользуются ли они им как мучеником? Прежде чем я успела высказать свои опасения, Рахиль продолжила:

— Складывается впечатление, что Иисус хочет взбудоражить всех. Два дня назад он наделал

много шума в Храме. Об этом только и говорят в городе.

Я откинула назад голову, закрыла глаза, а Рахиль стала намыливать волосы.

— В Храме? Как странно! Ты была там?

— Да, я проходила мимо и услышала гомон во дворе. Сначала я подумала, что люди, как обычно, устроили там давку, покупая жертвенных животных и птиц. Голубей, цена которым несколько грошей, торговцы продавали в двадцать раз дороже. Вдруг откуда ни возьмись появился Иисус и начал выгонять торговцев, переворачивать их клетки. Во все стороны разбежались ягнята, разлетелись голуби, Потом он выгнал из Храма менял.

— Не может быть! — в изумлении воскликнула я. Менялы — это же кровь Храма, самого Иерусалима. Никто, в том числе Пилат, не посягал на них. Это при том, что даже нищий, чтобы получить место в Храме, обязан был какую-то толику отдавать Синедриону. Естественно, Каиафа не захотел мириться с тем, что какой-то выскочка устраивает разгон его менял.

Рахиль в недоумении покачала головой:

— Иисус потребовал, чтобы менялы убрались из дома его отца. Вы только представьте себе:

назвать Храм домом его отца.

Я вспомнила наш разговор с Иисусом на свадьбе и его упоминание об авве — отце.

— Он верит в это, — сказала я ей.

— Каиафа пришел в ярость.

— Могу себе представить. А что мой муж? Как Пилат относится ко всему этому?

— Начальник стражи сказал мне, что господина больше беспокоит другой преступник, тот, которого доставили сюда из Сепфо-ры, чтобы распять.

— Варавва?

— Да, он самый, — кивнула Рахиль.

— Вероятно, Мириам приходила попросить меня, чтобы я ходатайствовала об Иисусе.

Рахиль с испугом посмотрела на меня:

— Если господин узнает, что вы имеете отношение к Иисусу и Мириам...

Тревога и бессилие овладели мной.

— Я безумно устала и не смогу разговаривать сегодня с Пилатом. Держать себя как ни в чем не бывало, после того что произошло...

— Да, вам нужно немного отдохнуть, — сказала Рахиль, помогая мне выйти из ванны. Она начала вытирать мои волосы. — Господин захочет увидеть вас, но я скажу ему, что вы очень устали

после поездки и вам нужно отдохнуть.

Когда Рахиль закончила, я попросила ее:

— Пожалуйста, оставь меня. Мне нужно побыть одной.

Я решила в спокойной обстановке подумать обо всем, что мне рассказала Рахиль. Дальнейшая судьба Иисуса не вызывала у меня тревоги, если учесть последние события. Самый большой упрек, который Рим может предъявить евреям, — это их нежелание платить налоги. Сейчас появился признанный лидер — многие считают его законным наследником, — который фактически призвал народ платить налоги. Пилат, конечно, не примет сторону зелотов против него. Что касается Каиафы и Синедриона, то какой смысл прокуратору пытать и тем более приговаривать к казни идеалистически настроенного молодого человека, который, по сути дела, поддержал политику Рима. Ночь в тюрьме — это еще не конец всему. Иисуса отпустят утром. Пилату потребуются мои советы для принятия решения. К Мириам скоро вернется ее муж.

Ко мне же мой возлюбленный никогда не вернется.

Я легла на кушетке, но уснуть не могла. В конце концов я поднялась с постели и встала на колени

перед статуей Исиды. Я буду молиться и просить ее, чтобы мне снова явился во сне Голтан. Пожалуйста, приди, любимый! От нахлынувших воспоминаний из глаз потекли слезы. Голтан, непобедимый гладиатор Голтан на смертном одре. Я вернулась в постель, но сон не брал меня.

Когда я наконец заснула, мне приснился кошмарный сон. Только Исида послала не моего любимого человека, а того, в ком души не чаяла Мириам. И мое горе слилось с ее горем, и я сама стала Мириам. В состоянии беспомощности я смотрела, как римские солдаты пригвоздили моего возлюбленного к кресту. Мне хотелось броситься к нему, когда он попросил утолить мучившую его жажду. Солнце нещадно палило ему голову, не прикрытую ничем, кроме тернового венца.

Увлекаемая вихрем безостановочно кружившейся реальности, я увидела Иисуса, идущего впереди безвинных жертв, чей прискорбный конец предшествовал еще более крупным кровопролитным событиям. Обуреваемые злобой мужчины с изображением крестов на их доспехах устремлялись в одну битву за другой. Я видела женщин, привязанных к столбам и сжигаемых заживо, когда повсюду стелился смрад горящей

плоти, а их истошные вопли сливались с песнопениями... Я слышала, как без конца поминается имя моего мужа: «При Понтии Пилате принял мученическую смерть. При Понтии Пилате принял мученическую смерть». Мой пронзительный крик смешался с их отчаянными воплями. Что-то удерживало меня. Всеми силами стараясь вырваться из цепких объятий сна, я видела, как постепенно исчезло лицо Иисуса. Остался только крест, возвышающийся над бескрайними полями снедаемых огнем трупов. Я приподнялась на кушетке. Жуткое видение растаяло, и я узнала свою комнату. Но сознание еще сохраняло образ креста. Ну конечно, Пилат собирается распять Иисуса.

— Госпожа, что с вами? — Рахиль стояла рядом с моей кушеткой. В ее широко открытых глазах застыла тревога.

Я огляделась. Комнату заливал солнечный свет.

— Что это за шум? Откуда эти крики? Что происходит?

— Первосвященники привели Иисуса во дворец на суд. Они не пойдут в зал суда, потому что там статуи Августа и разных богов. Господин будет слушать дело Иисуса во дворе. Там собралось

много народу, в основном члены Синедриона. Там яблоку негде упасть.

— Пилат судит Иисуса? — В ушах зазвучали слова, услышанные во сне, и я вскочила с кушетки. — Скорее! — крикнула я, снимая с себя ночную тунику. — Помоги мне одеться. Я должна остановить его.

— Вас не пустят туда. — Рахиль взяла у меня из рук тунику. — Вы не сможете пройти.

— Я найду выход. Мне нужно найти. Я должна увидеть Пилата, — сказала я, одеваясь.

Шлепая сандалиями по мраморным ступеням, я стала спускаться. Рахиль следовала за мной по пятам. Я подошла к парапету и глянула на разгневанную толпу, собравшуюся во дворе. Возвышаясь над ней на троне, сидел Пилат в темно-красной тоге. Перед ним в толпе расчистили проход. Появились первосвященники в темных одеждах. Я побежала вниз по лестнице.

Спустившись в зал, я увидела, что сводчатый проход преграждают стражники — грубого вида здоровяки, стоявшие как истуканы с копьями острием вверх. Снаружи доносились громкие сердитые голоса и стук тяжелых посохов по каменным плитам.

В одном из стражников я узнала краснолицего

капитана охраны. Я высокомерно кивнула ему:

— Мне нужно немедленно увидеться с мужем.

— Это невозможно, — сказал он и своим телом загородил мне путь. — По еврейским законам женщинам запрещено появляться здесь.

— Мой муж —прокуратор. Это мой двор.

— Закон есть закон, госпожа. И я имею приказ вашего мужа: никаких нарушений установленного порядка.

— Но у меня к нему важное дело.

Стражник не сдвинулся с места.

— Прочь с дороги! — крикнула я и толкнула его со всей силы. С таким же успехом я могла бы биться о каменную стену.

— Будьте благоразумны, — остановил меня он, и его загорелое лицо еще больше налилось краской. — Толпа недовольна. Вы же не хотите подлить масла в огонь.

Заглянув за его широкие плечи, я увидела Иисуса. Он стоял с завязанными руками в окружении своих обвинителей. Кто-то набросил ему на плечи багровую накидку, а на голову надел венок из колючек.

Я так к ахнула — сон в руку!

Первосвященник Каиафа встал перед Пилатом.

— Этот человек обвиняется в том, что он сеял

смятение в умах людей. Он называет себя царем.

Мой муж оторвал глаза от свитка и вопрошающе посмотрел на Иисуса. Я знала это спокойное, невозмутимое выражение.

— Так, значит, ты — царь, царь иудейский?

Я напряженно слушала, что он ответит.

— Ты говоришь, — ответил Иисус так же, как и Пилат, спокойно и невозмутимо.

Мой муж наклонился вперед и с любопытством посмотрел на узника:

— Ты слышал, в чем они тебя обвиняют. Тебе нечего сказать?

— Ты сам хочешь знать это, или потому, что другие сказали это?

Я задержала дыхание. Как ни странно, Иисус держал себя спокойно, не пытался оправдываться, давал почти провоцирующие ответы.

Пилат пронзил его холодным взглядом:

— Ты считаешь меня иудеем? Твои соплеменники и твои первосвященники привели тебя ко мне. Что ты такое совершил?

Иисус продолжал невозмутимо смотреть на него.

— Они преследуют меня по своим соображениям.

Мой муж перевел взгляд на Каиафу и его те-

стя Анну, стоявшего с хмурым видом, скрестив на груди руки. Повернувшись к узнику, Пилат спросил:

— А зачем это им нужно?

— Потому что я говорю о Царстве небесном, а они только об этой земле. Я пришел в этот мир, чтобы свидетельствовать истину.

— Истину? — улыбнулся Пилат. — А что такое истина? — спросил он, иронично подняв бровь.

Иисус не ответил ему, и вдруг я прониклась сочувствием к мужу.

— Я не нахожу никакой вины за этим человеком, — сказал Пилат Каиафе. — Возьмите его и судите по своим законам.

— Но вы, римляне, не разрешаете предать человека смерти, — напомнил ему Каиафа.

— Смерти? — удивился Пилат. — Но этот безобидный мечтатель не заслуживает смерти.

Каиафа пытался говорить спокойным голосом:

— Этот «безобидный мечтатель» ходит по земле Иудеи и Галилеи и мутит народ своим богохульством.

— Уходите, госпожа, — шепнул стражник хриплым голосом, кивнув на группу священников, заметивших меня и переговаривавшихся между собой. Один из них показал на меня пальцем.

— Вы хотите, чтобы начался бунт?

— Я должна поговорить с мужем, — продолжала настаивать я, со страхом глядя на негодующую толпу. Ей противостоял лишь один здравомыслящий человек — Пилат. И тут меня осенило. — Достаньте мне табличку и стиль[20]. Я хочу написать ему.

Стражник возвышался надо мной. Подняв вверх подбородок, я смотрела на него. Он отвел глаза в сторону.

— Пожалуйста, удалитесь. Или я прикажу вывести вас отсюда.

Мне пришлось вернуться в зал, где Рахиль наблюдала за мной.

— Он прав. Здесь опасно находиться, — сказала она. В ее широко открытых глазах читался страх.

— Рахиль, ты не понимаешь. Ты не можешь понять. Ты не видела того, что видела я, не слышала слов, тех ужасных слов. — Казнить Иисуса — просто кощунство. Он — замечательный человек, желающий людям добра. Мой сон подсказывает мне, что его смерть положит начало бесконечным войнам и распрям. Великая тьма опустится над миром. Никто не вспомнит, что говорил на

---

[20] Примечания: 20

Стиль (*лат.* stylus) — у древних римлян заостренная стальная палочка для письма.

самом деле Иисус, а имя Понтия Пилата будет жить в веках, наполненное ужасным смыслом. Я должна не допустить этого.

Пришел слуга и принес табличку и стиль. Я выхватила их из его рук. Мое сердце бешено колотилось, когда я стала подыскивать нужные слова. Как мне описать то, что я видела во сне? Ничего не приходило в голову, а время шло.

Я наспех нацарапала: «Пилат, прошу тебя, не делай ничего плохого этому невинному человеку. Мне приснился про него ужасный сон».

Я отдала табличку капитану:

— Передай это в руки моему мужу. Немедленно.

Мы с Рахилью остались в зале, как нам предложил стражник. Со двора все громче доносился злобный гомон толпы. Я чувствовала, что напряжение нарастает. Не в силах больше находиться в состоянии неопределенности, я начала понемногу приближаться к выходу. Стражник, сжав губы, наблюдал за моими действиями. Я приложила палец к губам и прошептала:

— Пожалуйста, я буду стоять так, что меня никто не увидит.

Пилат плашмя ударил мечом по столу, чтобы призвать к порядку расшумевшуюся толпу. На

столе перед Пилатом я увидела свою табличку.

— Вы привели ко мне этого человека, Иисуса, но я не нашел за ним никакой вины. — Он помолчал, глядя на разгневанную толпу перед собой. — Может быть, он не в достаточной мере чтит власть Рима. За это я преподам ему урок, который он не забудет, но потом я его отпущу. Иисус не совершил ничего такого, за что заслуживает смерти.

— Нет! — злобно выкрикнул Каиафа. Его возглас подхватили около сотни человек, теснившихся к Пилату.

Сердце у меня рвалось из груди. Что ему делать? Римский закон, по сути своей, беспристрастен. Если бы Иисус был гражданином Рима, его дело могло бы быть передано на рассмотрение самому цезарю. Даже как простой иудейский подданный он имел право обратиться за правосудием к прокуратору. Обязанность Пилата не вызывала сомнений, и все же он сознавал, что выполнение ее могло подорвать власть Рима и дорого обошлось бы моему мужу.

— У вас есть такой обычай, чтобы я в праздник Пасхи освобождал одного преступника, — сказал он, обращаясь к суду. — Чтобы проявить добрую волю, я отпущу Иисуса, «царя иудейского».

Мое сердце возликовало от испытанного облег-

чения и гордости. То был мастерский ход. Пилат не только освобождал невинного человека, но и напомнил неистовствующей толпе о силе и могуществе Рима. Чего бояться правителю мира от простого священнослужителя? Как разумно! В этот момент я испытала за него такую же гордость, как в день нашей свадьбы.

Но когда эти мысли пронеслись в моем сознании, толпа повела себя еще более омерзительно.

— Отпусти Варавву! — кто-то выкрикнул из толпы. Ему стали вторить и другие. Вскоре все вместе стали кричать:

— Варавву! Варавву!

Будто он общепризнанный герой.

— Они требуют Варавву? Этого ничтожного убийцу! — негромко сказал капитан охраны, стоявший передо мной.

Я замерла, когда увидела, что у Пилата опустились плечи.

— Все кончено, — прошептала я. — Теперь ничто не спасет Иисуса.

— Так что же мне сделать с вашим царем? — услышала я голос Пилата.

— Распни его! — почти в один голос закричала толпа.

— Но какое преступление он совершил?

— Распни его! — снова закричали люди.

Пилат окинул взглядом народ, толпившийся во дворе. Никто и не думал заступиться за Иисуса.

Мой муж сидел в задумчивости. В этот момент вперед вышел Каиафа и со скрытой угрозой в голосе заявил:

— Если ты освободишь этого человека, ты больше не друг цезарю. Тот, кто называет себя царем, идет против Рима. Тиберий — наш правитель, и никто другой.

— Да будет так, — сказал наконец Пилат. — Его кровь не на моих, а на ваших руках. — Он подал знак слуге: — Принеси мне миску с водой.

Гомон во дворе затих. Я замерла в ожидании. Все не спускали глаз с Пилата, когда он опустил руки в воду.

— Я умываю руки, ибо я не повинен в крови этого человека.

Рахиль тронула меня за руку:

— Пойдемте, госпожа. Нам лучше уйти.

Слезы заволокли глаза, когда я позволила увести себя. Хотя я пыталась предотвратить судьбу, но оказалась всего лишь мошкой на ветру. Меня одолевали мысли о Мириам и Марии. О, Исида, как они могут вынести это! По двору прокатился возбужденный говор. Я повернулась и пошла

обратно к выходу. Какое имеет значение сейчас, если меня увидят? Люди молча стояли группами в ожидании чего-то. Приподнявшись на цыпочках, я увидела, что Пилат взял мою табличку. Он стер воск тупым концом стиля. Нетерпеливый гомон прокатился по толпе, когда он стал что-то писать на табличке. Дворцовая стража для острастки обнажила мечи. Закончив писать, Пилат поднял вверх стиль.

Толпа опять подняла гвалт, когда кто-то попытался протиснуться к возвышению, чтобы лучше видеть.

— Что он написал? — спросила я рослого стражника.

Он потянулся вперед.

— Клянусь Юпитером! — кивнул он в знак одобрения. — Прокуратор знает, как поставить их на место.

— Что он написал? — повторила я свой вопрос.

— Иисус Назаретянин.Царь Иудейский.

— Вырежьте это на его кресте, — приказал Пилат Каиафе. — На арамейском, греческом и латыни.

Лицо первосвященника стало мертвенно-бледным.

— Этого нельзя писать. Пусть лучше будет: «Он

называл себя царем иудейским».

Пилат холодно посмотрел на него:

— Что мной написано, то написано.

Глава 39
Мое решение

По лестнице гулко разносились мои шаги. Дворец словно вымер. Неужели все спустились во двор и смотрят этот ужасный спектакль? Я содрогнулась, вспомнив, что солдаты окружили Иисуса и избили его. Я видела, как он шел шатаясь. Я не должна думать об этом... Я заспешила по лестнице, будто в своей комнате я надеялась найти убежище.

Но напрасно.

— Отдохните, госпожа, — посоветовала Рахиль, когда мы вошли в мои апартаменты. — Вы почти не спали прошлой ночью.

Смогу ли я когда-нибудь снова отдохнуть?

Мне только хотелось побыть одной, но когда за мной наконец закрылась дверь, я поняла: одиночества не будет. Со всех сторон на меня нахлынули воспоминания. Как можно избавиться от них? Как можно забыть всех тех, кого я любила и потеряла? Мою семью, Голтана и теперь...

Какой смысл во всем этом? Как жить дальше? Я встала и отправилась в святилище, которое я устроила для Исиды. Преклонив колена перед ее изображением, я стала про себя молиться. Что ты уготовила для меня? Скажи и покажи, дай мне силы исполнить твою волю!

Не знаю, как долго я стояла на коленях, но очнулась, когда услышала стук в дверь и женский крик. На сей-то раз что? Я встала и нехотя пошла открывать. В проходе двое солдат оттаскивали от двери отчаянно сопротивлявшуюся Мириам, еще несколько солдат стояли поодаль с обнаженными мечами.

— Отпустите ее сейчас же! — приказала я.

Солдаты повиновались, но продолжали наставлять на Мириам оружие.

— Клавдия, помоги мне! — взмолилась она. — Я должна поговорить с тобой с глазу на глаз.

Я взяла ее за плечи, провела в комнату и захлопнула дверь, прежде чем солдаты успели что-либо сказать или сделать.

— Дорогая моя, — сказала я, усадив Мириам на кушетку и подложив ей под спину подушку. — Я пыталась, действительно пыталась, но что Пилат мог поделать? Ты, наверное, считаешь его всесильным, но это не так. В городе собрались сотни

тысяч паломников. На всю страну у моего мужа всего несколько сот солдат. Подкрепление подоспело бы из Сирии только через несколько дней.

— Иисуса можно еще спасти.

Мрачное предчувствие охватило меня.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Тебе известны тайные свойства трав и зелий... — Ее напряженное лицо покрылось мертвенной бледностью, глаза были широко открыты. — Ты можешь что-нибудь дать Иисусу.

Что дать ему? Какое безумие она говорит?

— Мириам, Мириам, неужели ты думаешь, что я не испробовала все средства, чтобы спасти Голтана? Но все оказалось напрасно,

— Пожалуйста, — умоляла она, протянув ко мне руки. — Я никого не знаю в Иерусалиме. Ты для него — последний шанс.

Я отвернулась, не в силах видеть ее полные отчаяния глаза.

— Мы сделаем вот что, — возбужденно начала она излагать свой план. — Когда наступит пятница, день приготовления, солдаты казнят Иисуса. Они сочтут его мертвым, но с твоей помощью он будет только казаться мертвым. Я попрошу отдать его тело и буду оберегать его, пока не придет целитель из ессейского монастыря. Своим

целительским искусством он спасет Иисуса, я уверена в этом. Потом ессеи спрячут его. Никто об этом не будет знать. У нас все получится, поверь мне, — убеждала меня Мириам, стоя на коленях. — Ты должна мне помочь.

Я подняла Мириам с колен и попыталась утешить ее. Все, что я видела во сне про смерть Иисуса, сбывалось. Мария тоже знала, какая судьба его ждет. Я вспомнила, в каком она была подавленном состоянии на свадьбе. Как матери жить с таким камнем на сердце?

А что, если мой сон не сбудется? Что, если я смогу изменить ход событий, увиденных во сне? Возможно ли это? В моих ли силах спасти Иисуса? Страстоцвет и арника успокоят его и облегчат боль. А живокость изменит его внешний вид, и он будет похож на мертвеца.

— Как ты передашь ему зелье? — спросила я.

— Я смогу. Пожалуйста, Клавдия, приготовь эти снадобья. Другого выхода нет. — Ее глаза засветились надеждой, и она взяла меня за руку.

Надежда маленькая, но если я не сделаю попытку...

Это случилось, когда я находилась одна в своих апартаментах. Я пыталась прогнать ужасные картины, вставшие перед моими глазами:

агонию Иисуса, прибивание его к кресту, гвозди, пронизывающие его плоть, Мириам, стоящую на коленях перед крестом, страдающую вместе с ним, молящую о чуде. Удалось ли ей передать снадобье? Подействовало ли оно? И может ли подействовать?

Я, должно быть, не обратила внимания, как потемнело все вокруг. Вдруг удар грома сотряс дворец. Выбежав на балкон, я увидела, что солнце исчезло. Поднялся сильный ветер, срывая навесы, ломая деревья. Небо почернело. На моих глазах Храм, вырванный из темноты вспышкой молнии, содрогнулся.

Я вбежала обратно в комнату в тот момент, когда упала и раскололась подставка лампы. Мраморный пол качнулся у меня под ногами.

— Марцелла! — крикнула я. Продвигаясь, как слепая, ощупью по темному проходу, я наконец дошла до двери. Моя дочь громко плакала, а ее няня пыталась зажечь лампу.

Схватив Марцеллу на руки, я погладила ее по голове и начала утешать ее. Землетрясение закончилось так же быстро, как и началось, однако еще царила тьма. Я качала на руках свою девочку, успокаивала ее, говорила ласковые слова. Как долго я убаюкивала Марцеллу, пела колыбельные

и бормотала глупости, я не знаю. Вдруг я услышала тяжелые приближающиеся шаги. Кто-то громко отдавал приказы. Свет залил комнату. В дверях появился Пилат в сопровождении двух рабов, державших факелы.

— Папа! — закричала Марцелла, потянувшись к нему.

Пилат пересек комнату и, подойдя к нам, крепко обнял.

— Что это за ужас такой? — истерически закричала няня. — Какое зло мы совершили, чтобы боги так наказывали нас?

Пилат сверкнул на нее глазами.

— Произошло землетрясение и солнечное затмение, не больше того. Образованные люди — только они достойны того, чтобы заботиться о детях, — знают это. — Потом он нежно погладил Марцеллу по голове. — Просто луна проходит между солнцем и землей. Это природное явление, которое происходит время от времени.

Пока Пилат говорил, Марцелла перестала плакать. Потом она вырвалась из наших рук и устроилась на полу.

— Давайте играть в затмение, — сказала она, собирая глиняные кубики. — Голубой будет луна.

Пилат и я встали рядом с дочерью на колени.

Он передвигал кубики, как она показывала.

— Я люблю тебя, папа, — вдруг сказала дочь. — Мы скучали по тебе. Мама, ты тоже любишь папу?

К моей великой радости, кто-то постучал в дверь. Пилат недовольно нахмурился, а я вскочила, чтобы открыть ее. За дверью стояла Рахиль, бледная как полотно, с широко открытыми от испуга глазами. Я вышла из комнаты, чтобы поговорить с ней.

— Происходят ужасные события, госпожа, — едва переводя дух, произнесла она. — Раскололись каменные гроб-ницы, и из них показались кости. Я находилась в зале, когда туда стали сбегаться люди и рассказывать невероятные истории. Завеса Храма разорвалась надвое сверху донизу.

— Пойди и успокой рабов, — наказала я ей. Я уже хотела вернуться обратно в комнату Марцеллы, но Рахиль остановила меня.

— Постойте, — нерешительно сказала она. — Мириам послала со мной одного человека, который должен поговорить с Пилатом. Он хочет попросить об одолжении.

Я посмотрела в конец прохода, который уже ярко освещался лампами.

— Где этот человек?

Я заметила, что Рахиль чего-то боится.

— Он ждет перед вашими апартаментами.

— Пилат не захочет, чтобы его беспокоили. Я могу встретиться с тем, кого ты привела.

Рахиль преградила мне дорогу.

— Повсюду шныряют соглядатаи Синедриона. Ирод тоже ищет повода дискредитировать нашего господина в глазах Тиберия. Вы ничего не сможете сделать, только навлечете на себя еще большую беду. — Рахиль помолчала. — Иисус мертв.

Мертв? Так быстро? Мириам дала ему снадобье? Оно оказало действие?

— Откуда ты знаешь? — Мое сердце бешено колотилось. — Кто тебе сказал?

— Говорят, что один из солдат пронзил копьем Иисуса в бок.

Бедная Мириам, ее безумный замысел не удался. Глотая слезы, я отстранила Рахиль. У входа в мои покои стоял стройный молодой человек, на вид не более двадцати лет. На нем белая одежда хорошего покроя, но помятая и вся в пятнах. Что это — кровь? Он повернулся и посмотрел на меня с мольбой в больших глазах.

— Кто ты? — спросила я. — И зачем пришел?

— Меня зовут Иосиф из Аримафеи. Я — ученик

Иисуса.

— Как ты посмел явиться сюда? — Это был голос Пилата. — Ученик, говоришь? — спросил он, надвигаясь на нас. — Где я мог тебя видеть? Не иначе как в Храме? — Он подозрительно смотрел на Иосифа.

— Да, господин. — Иосиф говорил почти шепотом. — Я пришел в Иерусалим, чтобы стать священником.

— А вместо этого стал последователем Иисуса? — спросила я, глядя в его темные глаза.

— Не вмешивайся, Клавдия! — одернул меня Пилат, повысив голос. — Иди в комнату и закрой дверь!

Я не двинулась с места.

На бледном лице Иосифа выступил румянец.

— Я был учеником Иисуса, но из страха перед иудеями ЗIQ держал это в секрете...

— А теперь? — перебил его Пилат, теряя терпение. — Зачем ты здесь? Чего ты хочешь?

— Ваши солдаты забрали тело Иисуса. Они бросали жребий, деля между собой его одежду. Его похоронят в какой-нибудь яме, как бедняка. А у меня есть новая гробница. Отдайте мне тело Иисуса, пожалуйста. — Иосиф переводил умоляющий взгляд с Пилата на меня.

Пилат покачал головой:

— То, что произошло, достойно сожаления и даже печально, но Иисус все же совершил преступление. И чем скорее с этим делом будет покончено, тем лучше. Есть правила, которым необходимо следовать.

Я обратилась к Пилату, глядя ему в глаза:

— Но разве они соблюдались? Суд выглядел пародией. Нельзя ли на этот раз нарушить правила?

Мы некоторое время не спускали глаз друг с друга. Выражение его лица медленно изменилось.

— Хорошо, — сказал он Иосифу. — Забирай тело. Делай с ним что хочешь. Скажи солдатам, что я дал тебе разрешение. И чтобы я об этом больше ничего не слышал.

Иосиф бросил в мою сторону благодарный взгляд, отвесил несколько поклонов и удалился по коридору.

Я быстро вернулась в свои покои, надеясь избежать вопросов о моей поездке в Кесарию. Но не успела я закрыть за собой дверь, как Пилат вошел следом. Он расположился на кушетке и потянулся за графином с вином. У Пилата тряслась рука, когда он наливал себе стакан.

— Я бы отпустил этого человека — Иисуса, но там находилось столько несогласных. Каиафа собрал целый двор старейших и законников. Им хотелось крови.

Пилат поднес к губам стакан, и его лицо залила краска.

— Я знаю. Я все видела.

— Ты была там? — Пилат посмотрел на меня с удивлением. — Клавдия, ты знаешь, какой опасности подвергала себя?

Я пожала плечами. «Что такое истина?» — спрашивал Пилат Иисуса. Действительно, какое значение сейчас имела истина?

— Сон, о котором я тебе сообщила, ничего не значил, — заверила я мужа. — Я едва помню его. И какое это будет иметь значение через неделю? — Изобразив на лице улыбку, я добавила: — Если придет день, когда Иисусу за исцеление будут молиться столько людей, сколько молятся Асклепию, у тебя, возможно, появится причина сожалеть о своем решении.

Пилат от души рассмеялся:

— Ты удивительная женщина, Клавдия! Ты всегда умеешь рассмешить меня.

Прошло два дня, прежде чем я снова увидела мужа.

Иерусалим бурлил. Вспыхивали многочисленные волнения. Пилат расправлялся с ними безжалостно. Насколько мне известно, он вообще не спал в это время. Для обеспечения порядка в беспокойном городе пришлось подтянуть войска из окрестных районов. Многие, кто слышал проповеди Иисуса, верили, что землетрясение и солнечное затмение связаны с его казнью. Разве он не восставал против Храма? По настоянию Каиафа Пилат выставил охрану у гробницы Иисуса. Вход в нее привалили камнем и опечатали римской печатью. Все это стало мне известно со слов Рахили, которая, несмотря на мои предостережения, вышла в город, чтобы узнать новости.

Где же Мириам? Я снова и снова задавалась этим вопросом. Но однажды поздно вечером в субботу она появилась в моих покоях, измученная до изнеможения, с покрасневшими и опухшими глазами.

— Я считала себя такой умной, — сказала она мне охрипшим голосом. — Мне удалось договориться с одним солдатом, что он даст Иисусу снадобье. Бедолага думал, это уксус, и дал выпить его Иисусу, когда тот попросил пить. Никто не догадывался, что он пьет. Я поверила в удачу. Приближалась суббота, когда Иисус впал в кому.

Он казался мертвым, но я знала, что это не так. Осталось немного, думала я, но тут появился другой солдат. Копьем он... Все было кончено.

Она пошатнулась и чуть не упала. Я успела поддержать ее и усадила на кушетку, а Рахиль смешала немного вина с водой.

— Посиди здесь, — сказала я, убрав спутавшиеся волосы с лица Мириам. — Тебе нужно отдохнуть.

— Нет-нет, я не могу, — ответила она, резко вскинув голову, — Я пришла только рассказать тебе, что произошло, и поблагодарить за твои старания. Я должна идти. Меня ждут Мария и Иоанна. Они находились вместе со мной у креста. Мы и Иосиф — единственные, кто... Завтра рано утром мы умастим тело благовониями и обернем полотном.

— Но гробница запечатана, и камень слишком велик. Вы его не сдвинете с места.

— Завтра я что-нибудь придумаю.

С ней бесполезно было спорить. Я накинула палу на плечи Мириам.

— Завтра будет завтра, а сейчас попробуй уснуть.

Хотя Мириам возражала, к моей радости, она погрузилась в тревожный сон. Я сидела рядом с ее кушеткой до поздней ночи, но в конце концов

тоже заснула. Когда я проснулась, она уже ушла. Яркое солнце струилось через балконную дверь. Воскресное утро. Что принесет этот день?

Я решила провести как можно больше времени с Марцеллой. Мы учились писать ее имя на новой табличке и играли с ее тремя котятами.

— Расскажи мне про Ариадну, — попросила она. Ей очень нравилась эта история, как и мне когда-то.

Мы сидели на залитом солнцем балконе, с которого открывался вид на весь город. Марцелла забралась на мои колени и смотрела на меня.

— Могла бы Ариадна сплести нить для меня, мама? Могла бы она показать мне путь?

— Наверное, если ты будешь верить в нее... и держаться за нить.

В этот момент я почувствовала, что мы не одни, и оглянулась.

Стоя в дверях, за нами наблюдал Пилат. Как долго он находился там? Хотя он явно негодовал от ярости, он обратился к Марцелле тихим голосом:

— Ты извинишь маму, дорогая?

Он кивком головы показал, чтобы я шла за ним, а когда мы оказались за дверью, он схватил меня за локоть и потащил по галерее в мои покои.

— Объясни, в чем дело? — запротестовала я.

— Не поднимай шума! Рабы услышат.

Так мы оказались перед массивной дверью, инкрустированной слоновой костью и ляпис-лазурью. Пилат распахнул ее и втолкнул меня в комнату. Захлопнув ее за собой, он обрушился на меня:

— Что здесь происходит, Клавдия?

У меня бешено колотилось сердце. Мне нужно было нечто большее, чем нить Ариадны.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала я, отступая назад.

— Тело Иисуса исчезло, его выкрали из гробницы. Охрана говорит, что его женщина дважды приходил а во дворец, что она почти всю ночь спала здесь, в этой самой комнате. Ты так упрашивала меня отдать его тело. Зачем? Какую роль ты играла во всем этом деле?

— Мириам — моя подруга. Я сказала тебе об этом в Галилее. Она приходила ко мне, надеясь, что я уговорю тебя простить ее мужа. Я знала, что это невозможно. И она тоже, но, доведенная до отчаяния, она не осознавала, что делает. Неужели ты не можешь понять простых человеческих чувств?

Пилат не ответил на мой вопрос. Будто размышляя вслух, он негромко произнес:

— Она одна из тех женщин, которые ходили к гробнице сегодня утром. Не могу представить, как они собирались отодвинуть камень. Как выяснилось, им вовсе не требовалось этого делать. Кто-то его уже отвалил. Внутри на земле лежали только полотняная ткань и погребальный покров, словно он только что их скинул. Я спрашиваю тебя, — Пилат подозрительно смотрел на меня, — как такое могло произойти?

— Откуда мне знать? Спроси лучше у охраны.

— Они говорят, что ничего не знают.

— Ты хочешь сказать, они уснули? Эти дисциплинированные воины? — скептически спросила я его.

— Мы это выясним, — мрачно ответил Пилат. — Сейчас их допрашивают.

Некоторое время мы молчали. Я пыталась представить, какое потрясение испытала Мириам, обнаружив пустую гробницу. Что все это значит? Что ждет мою несчастную подругу и меня тоже? Пилат не спускал с меня глаз. Я не знала, о чем еще говорить, и поблагодарила его за то, что он отдал тело Иисуса Иосифу.

— Ты поступил правильно.

Каким абсурдом это прозвучало в свете необъяснимых новых событий! Но Пилат воспринял

серьезно мое утверждение.

— Я счел, что это — твое желание. Поверь мне, я стараюсь угодить тебе.

Я улыбнулась, оценив иронию в его словах:

— Неужели? Во всяком случае, не всегда.

— В последнее время определенно. Ты не могла не заметить перемен... с тех пор, как мы приехали в Иудею.

Да, некоторые — заметила, — позволила я себе согласиться, не поднимая глаз.

— И все же ты поехала в Кесарию.

— Да, поехала. — Я замерла, готовая к любому обороту. Поскольку он молчал, я сказала, посмотрев на него: — Ты, наверное, знаешь...

— Знаю про чуму, — опередил он меня.

Я сделала глубокий вздох, пытаясь догадаться, к чему он клонит. Ему известно все, и он решил простить меня. Слишком поздно. Невысказанного прощения уже недостаточно, и страх уже не служил сдерживающим фактором. Я почувствовала уверенность в своих силах и сказала:

— Как я знаю все о тебе.

— Замечательно. — Пилат сверкнул глазами. — Давай поговорим о Голтане. Из-за него мне пришлось терпеть унижение. Благодаря Ливии твое поведение стало предметом разговоров в

Риме. Мне только и остается, что отправить тебя в изгнание. И никто меня за это не осудит. Если бы этот негодяй был жив, он отнял бы тебя у меня. Я также уверен, что вы вдвоем не успокоились бы, пока не нашли бы способ выкрасть Марцеллу.

— Я не отрицаю этого, как и ты не можешь отрицать, что во время нашей супружеской жизни у тебя было бессчетное множество женщин, Титания, например. Ты думал, я не знала о ней, не знала о другом твоем ребенке, родившемся в один день с Марцеллой? Да, я знала о твоем сыне, который потом умер.

Пилат опустил голову.

— Я причинил тебе боль, и я об этом глубоко сожалею.

— Я тоже причинила тебе боль, но я не сожалею об этом. — Я слышала себя словно издалека и поражалась тону, которым говорила, и словам, которые произносила. Это так не похоже на меня.

— Понятно. Но могу ли я рассчитывать на прощение?

— А тебе не все равно после того, что произошло?

Он ответил не сразу:

— Мы оба так много потеряли. Что же, мы долж-

ны потерять Друг друга?

Я усмехнулась, вспомнив свои шестнадцать лет и молодого центуриона с голубыми глазами и обворожительной улыбкой, пришедшего к моему отцу. Я вспомнила заклинание и почти почувствовала запах ароматических масел, поднимавшихся из ванны. Какой наивной и глупой девчонкой я была! Я вспомнила обжигающие душу приступы ревности, которые отравляли молодые годы.

Пилат слегка коснулся моей щеки.

— Ты когда-то любила меня, и, наверное, очень любила. Способна ли ты снова полюбить меня? — Он дотронулся до систрума, висевшего у меня на шее. — Что бы сказала по этому поводу твоя Исида?

— Что ты едва ли годишься на роль Осириса.

— А твой мистагог? Не сказал бы он, что каждое супружество — это союз Исиды и Осириса или я — Осирис, посланный тебе богиней?

Я засмеялась. Каков хитрец! А может быть, при всей нелепости его предположения, он прав? Или Исида хочет, чтобы я собрала и сберегла оставшиеся части этого союза? На меня нахлынули воспоминания — хорошие и плохие. Перед глазами возникла картина похорон моей сестры. Я

вспомнила охвативший меня ужас и унижение. Пилат, готовый пойти на все, пожертвовать всем ради достижения своих целей, остался преданным мне и ехал рядом со мной в похоронной процессии. Мы зачали Марцеллу в те тревожные времена.

— Марцелла любит тебя, — наконец сказала я.

— И кроме этого, у нас ничего не осталось? — Он старался заглянуть мне в глаза. — Мы так много пережили и стали мудрее. Ты цела и невредима, ты здесь. Скажи, что ты всегда будешь рядом.

Он все знал и тем не менее простил меня. Голтана больше нет, на мою же долю выпало жить. И я должна жить ради Марцеллы. Когда-то я любила Пилата. Пройдет время, и, может быть...

— Да, — сказала я, встретив его взгляд. — Я всегда буду рядом.

Эпилог

После суда все, казалось, шло вкось и вкривь. Император не одобрял никакие действия Пилата. В конце концов нас отозвали в Рим. Новых назначений больше не предвиделось. Мне не требовалась прозорливость, чтобы понять: настало время начать новую жизнь в каком-нибудь другом месте.

Когда в чудесном сне я перенеслась в дом, где провела детство, я восприняла это как знак от Исиды. Почему бы не вернуться в Монокос? Окончательно отчаявшийся, Пилат проявлял безразличие к тому, куда ехать.

Прибыв в этот город, мы поразились, насколько изменился некогда небольшой гарнизонный поселок, где я выросла. Здесь стало многолюдно, узкие улицы, поднимавшиеся в горы, запружены колесницами. Что можно было ожидать по прошествии стольких лет? Но все же Монокос не потерял своей прелести. Освежающее дуновение ветра с моря, запах водорослей, шум прибоя в ночной тишине. Сладкие воспоминания, пробуждающие души моего любимого отца, матери, красавицы сестры со смеющимися глазами, цар-

ственной Агриппины — их беспокойные тени где-то рядом.

Чего я никак не ожидала, это увидеть здесь Мириам. До меня дошли слухи, что ее до смерти закидали камнями в Иерусалиме. В течение многих лет я молилась Исиде за упокой её души, как и душ многих других людей, коих я потеряла. Какая радость узнать, что моя старая подруга жива и здорова!

Конечно, она изменилась — ее великолепные волосы посеребрила седина. Многие идут к ней и называют ее Магдалиной. Она встречается с ними в обветшалом храме какой-то забытой богини и рассказывает об Иисусе. Даже Пилат иногда ходит на эти встречи. Как ни странно, он находит там утешение. И, что еще более странно, прихожане его приняли и простили.

Встреча с Мириам в Галлии наполнила радостью последние годы жизни там. Несмотря на постигшее ее горе, Мириам не утратила обаяния. Она часто рассказывает разные истории, в основном о воскресении Иисуса. По ее словам, она во второй раз вернулась к открытой гробнице Иисуса, на сей раз одна. Странный человек ожидал ее там — то ли садовник, то ли ангел. Мириам не может точно сказать. Она предполагает, что это

был сам Иисус. Только он не бросился к ней и не обнял ее, а сказал, чтобы она не приближалась к нему. Мне трудно поверить в это, а еще труднее понять. Но все же: «Что есть истина?», как любил вопрошать Пилат. Мириам уверена, что Иисус жив, что он ждет ее в Царстве небесном. Где оно, я не знаю. И Мириам, хотя она уверена в существовании его, смутно представляет его местонахождение.

Странно представить себе, что Пилат, Мириам и я оказались связанными вместе и доживаем свои годы в изгнании в этом далеком уголке земли. Пилат сдал в последнее время, наше состояние иссякает. Мы никогда не вернемся в Рим. И зачем это нужно? Политические неурядицы еще больше усугубились, хотя Ливия и Тиберий умерли. Мой давнишний враг, Калигула, некоторое время правил как кесарь, то есть мое предвидение оправдалось. Впрочем, и Калигулы уже нет в живых. Сейчас его место занял Нерон, еще больший тиран, если таковым можно быть.

Нерон начал подвергать гонениям последователей Иисуса — христиан, как они себя называют. Я едва ли понимаю смысл этого культа. Отец, приносящий в жертву своего сына. Царь, умирающий смертью преступника. Последователи

Петра. Последователи Павла. Между ними возникают шумные стычки. Они спорят по поводу невразумительных догм. Единственно, в чем они согласны, — это в том, что скоро наступит конец света. И тогда вернется Иисус, чтобы вознаградить верующих и покарать неверующих вечным проклятием. Последнее утверждение никак не вяжется с образом Иисуса, какой я сохранила в своей памяти. Тем не менее в ожидании Царства небесного последователи Иисуса раздают все, что у них есть. Упорный труд, стремление к лучшей доле, свойственные римскому духу, не имеют для них существенного значения. Этот мир для них лишен ценностей. В нем нет места для Pax Romana.

Легко понять, как Нерону удалось сделать из них козлов отпущения. Но его жестокости... Христиан подвергают распятию, их живьем сжигают на кострах, их бросают на растерзание львам. Я боюсь за Рахиль, принявшую христианство и живущую в Риме в семье Марцеллы. Но меня удивляет, почему она и многие ей подобные, чтобы избежать ужасной смерти, не могут заверить Нерона в своей преданности и тайно предаваться своей вере. Все-таки у меня есть предчувствие, что мир не забудет упрямой смелости христиан.

В моем представлении они олицетворяют собой истинный союз Яхве и Исиды — мужества и убеждения, а также милосердия и любви к ближнему. И я молюсь, чтобы этот священный союз не был предан забвению в будущем.

Мне доставляет великую радость пребывание здесь, в Монокосе, моей старшей внучки, красивой молодой женщины, очень похожей на мою мать, чье имя она носит. Нас с Селеной связывают особые узы: мне кажется, у нее тоже есть дар предвидения. Наследие, которое я опасалась обнаружить в Марцелле, перешло к ее дочери. Я молюсь, чтобы оно сослужило ей лучшую службу, чем мне.

Селена проявляет ко мне особую доброту нынешним летом. Я часто чувствую на себе ее взгляд и вижу беспокойство в ее красивых глазах. Кто знает, возможно, она видит мою смерть. Чему быть — того не миновать. Я прожила долгую жизнь, многое повидала и многое сделала. В последние годы я была Пилату хорошей женой. Мне не о чем сожалеть, и, если мои дни сочтены, я приближаюсь к тому, кто ждал меня так долго.

Клавдия, жена Понтия Пилата.
МОНОКОС,

ПЯТЫЙ ГОД ПРАВЛЕНИЯ НЕРОНА (65 год н.э.)